ЕЛЕНА СЪЯНОВА

ГИТЛЕР
_ директория

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Название этой книги требует разъяснения. Нет, не имя Гитлера — оно, к сожалению, опять на слуху. А вот что такое директория, уже не всякий вспомнит. Это наследие DOS, дисковой операционной системы, так в ней именовали папку для хранения файлов. Вот тогда, на заре компьютерной эры, писатель Елена Съянова и начала заполнять материалами свою «Гитлер_директорию». В числе немногих исследователей-историков ее допустили к работе с документами трофейного архива немецкого генерального штаба. А поскольку она кроме немецкого владеет еще и английским, французским, испанским и итальянским, директория быстро наполнялась уникальными материалами. Потом из нее выросли четыре романа о зарождении и крушении германского фашизма, книга очерков «Десятка из колоды Гитлера» (Время, 2006). В новой документальной книге Елены Съяновой круг исторических лиц становится еще шире, а обстоятельства, в которых они действуют, — еще интересней и неожиданней.

- Елена Съянова
  - Томография Зла
  - Глава 1
  - Глава 2
    - Подковерная олимпиада
    - Золото партии
    - «Молодежь — в руках фюрера»
    - Другая Германия
    - Последний бой генерала Суслопарова
    - Браунинг и культура
    - Нюрнбергское «закулисье»
    - Их праздники
    - Сталин глазами Гитлера
    - Питомники для маньяков
    - «Будденброки» национал-социализма
    - Покушения на заговоренную жизнь
    - Атлантида Николая Жирова
    - Неснятый фильм Лени Рифеншталь
    - Фарс по имени «Альберт Шпеер»
    - «Вермахт против Гитлера»
  - Глава 3
  - Глава 4
    - Гесс

- Шпеер
- Штрейхер
- Венк
- Лей
- Геббельс
- Эйке
- Мильх
- Риббентроп
- Ширах

○ Глава 5
- * * *
- Ялта. 3 февраля 1945 года
- 4 февраля 1945 года. Ялта
- 5 февраля 1945 года
- 5 февраля 1945 года. Москва. Кабинет Берии
- Второе заседание в Ливадийском дворце
- 6 февраля 1945 года
- Ялта. 9 февраля 1945 года. Шестое заседание в Ливадийском дворце
- 10 февраля 1945 года
- Послесловие

○ Глава 6
- Хрустальная ночь
- Леонора
- Молитва арийской матери
- Самоубийство мечты
- Шанс
- За столом диктатора
- Не всё поняли, но всё запомним
- Две сестры
- Коллекция доктора Хирта
- Роль диктатора
- «Историческая литература»
- Неподсуден?
- Внучка Гитлера

○ Глава 7
- Муссолини
- Пилсудский
- Элеонора Рузвельт
- Ататюрк
- Шперрле
- Сталин
- Черчилль
- Маннергейм

        - Хирохито
        - Кейтель
        - Улманис
        - Де Голль
        - Йодль
        - Гудериан
        - Мосли
        - Де ла Рок и другие
        - Кодряну
        - Кальтенбруннер
        - Хартман
        - Прин
        - Иосип Броз Тито
        - Молотов
        - Франко
        - Рыбалко
    - Глава 8
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

Елена Съянова
Гитлер_директория

Томография Зла

Жить было бы легко и приятно, если бы Зло приходило в этот мир непосредственно из преисподней, да еще с четкими опознавательными знаками. Дьявол предъявлял бы свои рога и запах серы, нацисты носили бы коричневые рубашки и повязки со свастикой, а для убедительности держали бы в руках окровавленный топор. Но жизнь не такова, в ней легко обмануться. Особенно нам, в нашей стране, где Зло за последние сто лет принимало самые удивительные формы, росло и било нас изнутри и снаружи. Нам не хватит пяти органов чувств, чтобы вовремя оценить опасность. Нужны приборы потоньше и поточнее. Вот Елена Съянова и предлагает нам подробную томограмму Зла.

Попытаться понять, увидеть и прочувствовать, как, например, вполне неплохие парни, авиаторы и храбрецы, почти ремарковские три товарища, превращаются в строителей чудовищной машины убийства и подавления. Гесс, Геринг и Лей возводят кровавый театр Адольфа Гитлера и самозабвенно в нем играют.

Попытаться понять и увидеть, как высоколобые интеллектуалы и мистики, брезгливо морщась, шагают в ногу с тупыми мясниками, как тонкие эстеты с ранимыми душами изощрялись в пропаганде и водили за нос миллионы людей, в одночасье превращавшихся в бессмысленную ликующую толпу.

Когда я читаю книги Елены Съяновой, мне всегда тревожно. Можно ли без опасности для собственной жизни и собственного разума проникнуть внутрь разлагающегося сознания и взглянуть на мир из голов этих людей, через их глазницы?! Страшно ведь даже на время забыть все то, что мы знаем, все то, что пережили наши отцы, матери, дедушки и бабушки. Страшно. Для этого нужно немалое мужество. Но у Елены Съяновой есть и мужество, и талант, и замечательное, острое зрение. Я бы даже сказал «визионерство», если бы не опасался попасть в «не те» сферы. Дело в том, что в книгах Съяновой документ и реконструкция, поддерживая друг друга, образуют невероятно убедительную картину эпохи. Есть детали, которые нельзя найти в архиве, нельзя и придумать. Их можно только увидеть.

«Гитлер директория» примыкает к трем романам: «Плачь, Маргарита», «Гнездо орла» и «Каждому свое». Скорее даже не примыкает, а проникает, прорубая в них новые ходы, и освещает уже прорубленные. Здесь Елена Съянова время от времени показывается в своем собственном обличье — как писатель и

историк — и говорит с нами напрямую. Здесь она — хор трагедии, который и переживает, и отстраняется от происходящего, и напоминает нам «будущее прошедшего».

В новой книге Елена Съянова демонстрирует и еще одну редчайшую способность — она заставляет документ заговорить, да так, что порой дух захватывает.

И завершу той же мыслью, с которой начал. И нам, и нашим детям Зло будет являться в разных, зачастую никак не распознаваемых формах. Более того, и мы, и дети, и внуки рискуем стать орудием этого неопознанного Зла. Кто знает, к каким мифам обратятся новые гитлеры и Гиммлеры? Какие новые руны, иероглифы и пиктограммы будут они по-своему трактовать и использовать?!

Они ведь сумели сделать чудовищной древнюю мирную свастику, символ солнца, так кто же им помешает превратить в символ разрушения и смерти что угодно, даже дорожный знак? Они могут искать не Грааль и не Шамбалу, а хотя бы невидимый Китеж-град, не копье Лонгина, а Кащееву смерть… И кто знает, какой мелодией станет завлекать наших детей новый Крысолов? Страшно… Потому что неведомо.

Но, возможно, некоторую ясность сумеет-таки внести, а значит, и дать нам хоть какое-то оружие в руки эта мужественная книга Елены Съяновой. Ее томограмма Зла.

Сергей Бунтман, первый заместитель главного редактора радио «Эхо Москвы»

Глава 1
Добыча шарлатана

1

Обыкновенная мюнхенская улица, ничем не примечательный особняк, плотные занавеси на окнах. Внутри девять комнат, ковры с масонской символикой, гобелены со свастиками, поверх которых девизы, написанные черной краской; каждая буква обведена золотой каймой: «Помни, что ты немец! Держи свою кровь в чистоте!». Или — «Германия, проснись!».

Ничего необычного для Германии 1919 года.

Таких квартир в одном только Мюнхене десятка три: вместо свастик орлы, молнии или черепа; вместо «Германия, проснись!» — «Германия, воскресни!», красными буквами… Сходство в выражении лиц посетителей, в произносимых словах, в настроении…

Но перст судьбы никогда не тычет вслепую.

Хозяин этой квартиры еще до Первой мировой войны, зачитав до дыр Блаватскую, открыл для себя обетованную землю своих арийских предков — арийскую Атлантиду — Туле, которую упоминал еще греческий географ Пифей. С тех пор у парня началось раздвоение личности. Первую звали Рудольф Глауэр. Он был и оставался сыном простого работяги-машиниста из Дрездена, честолюбивым и трезвым. Вторая громко именовала себя графом Генрихом фон Зеботгендорфом, рыцарем Тевтонского ордена и слыла философом, театралом и патриотом.

«Тевтонский орден одряхлел и погряз в ритуалах; масонство на пути вырождения… Мы создадим свой орден, чтобы освободить немцев, уравнять избранных, и так мы станем братья», — говорил этот человек.

В конце 1918 года он впервые собрал у себя дома нескольких офицеров, журналистов, двух преподавателей университета и одного поэта и произнес перед ними речь. Через неделю он собрал их снова и устроил ритуал посвящения в новый «орден» под названием «Туле». С тех пор так и повелось: перед новичками, как правило в числе десяти человек, фон Зеботтендорф произносил речь, правда, уже не у себя дома; затем, после повторной проверки каждого, отобранные, в основном по статусному и расовому признаку, приглашались в тот самый особняк и проходили обряд посвящения. Над этим обрядом,

безусловно, поработали оба: и мистик-граф, и сын машиниста: здесь был и мало кому понятный «отказ от арфы», полстакана бычьей крови и три последовательных плевка на три слова: «свобода — равенство — братство». Плюнуть на третье слово посвящаемому, как правило, было уже нечем, но это так и задумывалось.

Через год, в 1919 году, мюнхенский филиал «ордена Туле» насчитывал около двух сотен человек, однако к концу года приток новичков стал довольно хилым. То ли веселый Мюнхен исчерпал себя, то ли подули новые ветры… В феврале магистр произносил речь всего перед четырьмя парнями:

— Из «верденской мясорубки», без рук и без ног, с выжженными глазницами и сердцами, налитыми злобой, вы вернулись на землю, урезанную и оскверненную. Где ютиться германскому духу? Где ему черпать силы? Я укажу вам эту землю. Но не ищите ее на картах, дайте ей место в сердцах своих, и мы возродимся…

Пока фон Зеботтендорф, скрестив руки в соответствии с руническим знаком лак, говорил, Глауэр нервничал и присматривался.

По поводу первого новичка грызни между двумя ипостасями не случилось: юноша по фамилии Флик, высокий, белокурый и сероглазый, — идеальный экземпляр, однако будь он хоть зеленым карликом, все равно был бы принят, поскольку являлся сыном самого Фридриха Флика, металлургического короля. Второго — черноволосого, угрюмого молчуна по прозвищу Русский за то, что учился в Москве, звали Альфред Розенберг. Глядя на него, фон Зеботтендорф морщился, но Глауэр напомнил своему alter ego, что парень неплохо пишет и что собирать немцев со всех краев света — великое дело. «Мы — разделенный народ, помни это!» — сам себе напоминал фон Зеботтендорф. Розенберга приняли.

Глауэр принял бы и третьего — графа Арко-Валли, но этот молодой офицер — белокурый и синеглазый — был с большой примесью еврейской крови, и тут фон Зеботтендорф сказал твердое «нет». По поводу четвертого ипостаси сошлись: летчик, два Железных креста, ранение под Верденом, зеленые глаза и квадратная челюсть — тип скорее ирландский, наследник крупной торговой фирмы. Зовут Рудольф Гесс.

Через неделю, проговорив слова клятвы, хлебнув бычьей крови, плюнув и прочее, трое сделались обладателями заветного символа «ордена Туле» — значка со свастикой, мечом и венком. А отторгнутый граф Антон Арко-Валли позвал друзей — лейтенанта Рудольфа Вагнера и студента Рудольфа Гесса в мюнхенский

ресторан «Байерише Хоф» и, хлебнув французского коньяка, долго говорил им о Блаватской, о Гербигере и его «Ледниковой космологии», о лунах, о полой земле, о свастиках на ступнях Будды и свастиках на развалинах синагоги в Тивериаде, об истинном братстве истинно избранных… Когда друзья, пораженные широтой его познаний в области, в которую сами только вступали, попытались его успокоить, он стукнул кулаком по столу и, поднявшись, поклялся — пройти посвящение единолично.

— И не на телячьей крови… сами ее глотайте — тешьте себя! — кричал пьяный граф, пока Вагнер и Гесс его выводили. — Я вам покажу пример! Не я, так мое дело с вами останется!

— Подумай, какая связь между бредом Блаватской, какими-то фантазиями какого-то Гербигера и нашей оплеванной, умирающей страной?! — старался урезонить его Гесс.

— Ты слишком трезв. Трезвым не изменить мира! Какая связь?.. Я вам покажу — какая, — был ответ.

2

Во время зимней сессии 1919 года бывший генерал рейхсвера, а теперь профессор Мюнхенского университета Карл Хаусхофер, принимая зачет у очередного студента, внезапно поднял брови и пристально вгляделся. Этот первокурсник был в форме Добровольческого корпуса, с двумя Железными крестами, а слева, почти под самым воротником у него был приколот значок: черная свастика с мечом и венком.

— Снимите, — быстро, почти не разжимая губ, потребовал Хаусхофер.

У него у самого под пиджаком имелся такой же — знак «ордена Туле», который не полагалось афишировать.

Этим же вечером профессор и студент снова сидели друг против друга в университетском кафе.

— Я, признаюсь, сначала подумал, что вы таким способом хотите получить зачет, — пошутил Хаусхофер.

Но студент не поддержал шутливого тона. Он еще крепче сжал тонкие губы; взгляд сделался острее и нетерпеливей.

— Хорошо, — кивнул Хаусхофер, — поговорим.

Они проговорили не один этот вечер; еще много вечеров и ночей учитель станет разъяснять своему понятливому ученику Рудольфу Гессу множество удивительных вещей. Но главное — поделится с ним своим разочарованием — в строго научном знании, в возможностях и перспективах современной науки. И

даже не столько в ней самой, сколько в ее методах. «Иррациональное — вот ключ к рациональному, который немцам стоит теперь попробовать, — скажет Хаусхофер, и Гесс примет это. Раз и навсегда.

Магистр «Туле» фон Зеботтендорф особенно ценил таких людей, как Хаусхофер, умевших всему придать наукообразную форму, и еще — таких, как мюнхенский поэт Дитрих Эккарт, пьяница и романтик, знаток германской истории и автор боевого клича «Германия, проснись!».

В начале февраля Эккарт, по просьбе магистра, повез нескольких посвященных, в том числе Гесса и сына Хаусхофера Альбрехта, в Баварские Альпы, к «свирепому пророку», автору доктрины «Вель» («Вечного льда») герру Гербигеру, ютившемуся тогда в скверном домишке, нависшем над пропастью.

Белобородый, экспансивный, изголодавшийся по общению «пророк» метался по душной комнатенке и выкрикивал свои «истины» о борьбе льда и пламени, о пятой луне, о «высших неизвестных», но стоило только кому-нибудь из гостей открыть рот даже не для возражения — для вопроса, как тут же слышалось резкое — «Мауль цу!» (Заткнись!).

«Среди этих его нет, — заявил Гербигер на прощание Эккарту. — Привози еще. Я не успокоюсь, пока не найду».

Все-таки пророк был тяжелым человеком! Магистр представил ему на смотрины десятки претендентов, среди которых оказалась и женщина-медиум по имени Мария Отте, но тот всех забраковал. Дело было в том, что Гербигер обещал, применяя свои особые методы, воспитать настоящего вождя для публичных выходов, своего рода представительское лицо — человека, который смог бы удерживать внимание толпы при помощи магических жестов и телодвижений. «Если предоставите материал», — так было сказано, вполне по-деловому. И с тех пор ни с места. Фон Зеботтендорф злился, а его alter ego — Глауэр вообще считал, что старый хрен валяет дурака и ничего от него не добьешься.

А время поторапливало. Существование в Баварии советской республики, активность коммунистов грозили свести на нет все усилия националистов-мистиков. Смущали и упаднические настроения в самом ордене. Его привносили молодые фронтовики, такие как Рудольф Гесс. Они, видевшие смерть, смотрели на исторические изыски и мистические ритуалы лишь как на оправу к сути, к делу. А где оно, дело?

Этот вопрос Гесс задал напрямую. Фон Зеботтендорф обещал дать ответ.

Он дал его, приняв в орден двух новых членов — Антона

Дрекслера и Карла Харрера, сопредседателей Немецкой рабочей партии. Ни того, ни другого Гербигеру не стоило бы даже показывать: лишенные ораторских способностей, оба, тем не менее, сумели сколотить по небольшой группе из крепких рабочих парней, а объединившись, вполне могли называться партией.

С их приходом по заповедной земле Туле точно пробежал свежий ветерок. Изыски из древней истории, ритуалы, медитация и прочие удовольствия были задвинуты на третий план. Харрер, едва приняв посвящение, поставил вопрос о терроре. Дрекслер обещал влить в орден свежую кровь — «белокурых бестий» с крепкими кулаками. Когда магистр спросил, нет у него на примете кого-нибудь, склонного к лицедейству и поболтливей, Дрекслер усмехнулся: «Есть один наглец. Нелепее фигуры трудно вообразить, а туда же! В орден его пускать нельзя. Зато ваш «пророк» — зуб даю — ухватится за него обеими руками».

3

Пивнушка была жуткая. Накурено так, что щиплет глаза; повсюду грязные кружки из-под пива, озлобленные лица, хриплые голоса; кто-то горланит похабную песню… Местечко из тех, какими пугают маленьких детей. Ораторы сменялись один за другим; они срывали голоса, но никто не слушал: здесь ораторами были все. А этот парень был непохож: он стоял молча. Как соляной столб. Даже серо-голубые глаза казались какими-то застывшими. Но все больше беспокойных взглядов стягивалось к этой невзрачной фигуре, и постепенно смолкали голоса. Тогда он заговорил. Сначала тихо. Точно просил о чем-то. Потом чуть громче, буквально выкрикивая отдельные слова. Через минуту он уже метался как в бреду, выбрасывая вперед руки. Внезапно его голос визгливо взвился к потолку и ринулся вниз таким жутким ревом, точно на головы присутствующим обрушилась стая диких зверей. Все невольно присели. Он еще два раза выкрикнул что-то и затих. А пивная взорвалась! Опять все вскочили, кричали, шумели гремели кружками, выплескивая пену. «Это он, он, Гитлер!» — едва успел крикнуть своей спутнице Рудольф Гесс. Одна из кружек, оставляя за собой хвост, как комета, полетела в этого Гитлера, но случился недолет: остатки пива выплеснулись ему на брюки. Вторая кружка угодила точно в лоб… Гессу, который, метнувшись наперерез, преградил ей путь. Пиво и кровь, перемешавшись, смыли сознание…

К дракам в пивных Мюнхена полиция привыкла. Однако в

конце 19-го года было дано указание взять пивную «Бюргербройкеллер» под особый контроль. Командирам подразделений, выезжавшим на инциденты, было приказано не арестовывать парней с членскими билетами Немецкой рабочей партии. Некоторые из командиров, состоявшие на хорошем счету у начальства, например, расторопный новичок Генрих Мюллер, получили разъяснение: этой партией заинтересовалось командование и сам бывший 1-й генерал-квартирмейстер Эрих фон Людендорф, недавно вернувшийся в фатерланд из вынужденной эмиграции.

В последней драке в пивной «Бюргербройкеллер» Мюллер арестовал пятнадцать человек. Пятеро были коммунисты; девять — с билетами Немецкой рабочей партии, а еще один, как утверждали его товарищи, забыл свой билет дома. У этого парня была сильно разбита голова.

Один из его товарищей вызвался принести его билет, что вскоре и сделал. Мюллер, правда, все понял, поскольку билет был явно только что сляпан, но… какая разница — Рудольфа Гесса, «члена Немецкой рабочей партии», по инструкции следовало отпустить вместе с остальными.

— Вот вы и прошли боевое крещение, — сказал Гитлер Гессу, когда тот очухался после удара по голове. — Теперь мы можем на вас рассчитывать?

— Вы… Вы можете, — отвечал Гесс.

У него все еще сильно кружилась голова. Его спутница и сокурсница Эльза проводила его до дома Хаусхофера. Профессор вызвал врача. Впервые во взгляде учителя Гесс заметил холодное презрение. Когда на следующее утро вместе завтракали, Хаусхофер прямо сказал, что не одобряет решения магистра «Туле» фон Зеботтендорфа иметь дело со всякой шпаной.

— Мы замыслили великое дело, Руди, — выстроить мост из сакральных знаний предков, который позволит нам, минуя настоящее, шагнуть в будущее. Мы должны создать такое государство, которое своей волей сумеет осуществить этот замысел. Для этого нужен мессия… Только не говори мне про этого Гитлера! — вдруг сердито выкрикнул обычно сдержанный Хаусхофер. — Нам нужен мес-си-я! Тот, кто посредством величия духа соединит земное с небесным! Или хотя бы сыграет такую роль! А этот — видел я его — недоучка, истерик, с оловянными глазами, бонапартишка из пивной! Где твои глаза, Руди?! Где твоя голова?! — он небрежно кивнул на забинтованный лоб Гесса: — Смотри, в этих пивных совсем тебе ее снесет!

— В самом деле, мои дорогие, ведь подобные игры опасны, — фрау Марта Хаусхофер, обращаясь к Рудольфу и сидящему тут же

своему сыну Альбрехту, раскрыла свежую газету. — Вот, взгляните. Такой милый мальчик, романтический, мечтал об экспедиции на Тибет. Я знаю его родителей. Что теперь с ним будет?!

В то февральское утро мюнхенские газеты сообщали об убийстве главы советского правительства Баварии, «красного диктатора» Курта Эйснера… молодым офицером, графом Антоном Арко-Валли, тем самым, что за примесь в крови не был принят в «Туле».

И тем же вечером, сидя в своей комнате, Рудольф Гесс писал будущей жене Эльзе:

«Прочти «Эннеады» бессмертного Плотина. Как он созвучен нордической науке! Мы забыли о магической связи со Вселенной, а она жаждет только привести нас в гармонию с собой! Все должно быть связано, все!.. Я понял теперь, что своим поступком сказал мне Арко-Валли: «Там, где связь пока не видна, следует просто окрасить ее — кровью»».

4

«Мифы — это витамины духа». Герр Гербигер, автор доктрины «Вечный лед», не церемонясь, срывал такие фразы у всевозможных авторов, чтобы варить из них собственное ученье. «Свирепый пророк» становился тихим и задумчивым, когда гулял со своим учеником по горному лесу. Произнося монологи, Гербигер постоянно что-то собирал: травы, почки, ягоды, а затем, у себя на кухне, готовил из них супы, отвары и жаркое из корней и заставлял Гитлера есть. Поэтому больше трех дней Гитлер в гостях у Гербигера не выдерживал: он как-то признался Гессу, что, оставшись на четвертый, начал испытывать зверское желание приготовить себе завтрак из самого пророка.

Но это были не единственные мучения. Ганс Гербигер отказывал своему ученику в серьезных теоретических беседах, пока тот не прекратит «махать руками». «Ты мелешь воздух, как мельница, перемалывая собственную энергию, дробя ее впустую. Руки должны быть замком. Глаза щупальцами. Голос — извержением, оплодотворяющим толпу…» — внушал Гербигер в очередной раз, ставя Гитлера перед низенькой обшарпанной стенкой террасы, опасно нависающей над пропастью. «Там, там, — тыкал он пальцем вниз, — там Германия! Туда говори». Гитлер говорил, изо всех сил стараясь унять руки, однако тут же начинало метаться остальное тело, и пару раз он едва не навернулся с двух сотен метров. Наконец Гербигер плюнул, и

тогда появился… ящик. Внешне он был похож на высокую, узкую трибуну. Встав в него, Гитлер начал говорить, думая, что стенки только ограничат разгул его рук, и внезапно взвыл от боли. Стоило ему только привычно податься назад, как в спину и пониже что-то впилось; он дернулся было в бок, и правое плечо точно прошило. Весь ящик изнутри оказался утыкан жуткими тонкими иглами, позволявшими, как позже выяснилось, двигать только руками и только по заданной траектории. А лучше было вообще держать их замком там, где мужчине и положено.

Нет, Гербигер не ошибся, предпочтя этого парня остальным. Весь белый и мокрый от напряжения и боли, Гитлер упорно, раз за разом устраивал себе эту «инквизицию» и достиг результата. Вскоре «ящик» был отменен и отправился в сарай, до следующего «ученика». А в тело Гитлера точно вставили штырь. Гербигер, правда, называл это по-другому. Он говорил: «Вот теперь, Адольф, ты пустил корни, и тебя пришлось бы выкорчевывать. Но еще поглядим, отыщется ли такой садовник теперь, когда я начну учить тебя по-настоящему».

Гитлер менялся, когда начинал говорить; это замечали все. Но в остальном оставался прежним. «Мелкий себялюбец, честолюбивое ничтожество» — других определений для него у сопредседателя Немецкой рабочей партии Антона Дрекслера не было. И вот этот «мелкий» — Дрекслеру он был по плечо — принялся активно его подсиживать. Каким-то чудом ему удалось сделать две вещи: во-первых, буквально влюбить в себя респектабельного Рудольфа Гесса, связанного с серьезными денежными людьми; во-вторых, держать на коротком поводке свирепого гомосексуалиста Эрнста Рема, штабиста 7-го военного округа.

Рем, краснолицый, шумный, улыбчивый сангвиник, всюду таскался со своим охвостьем: все, кто попадал в поле его внимания, в конце концов туда встраивались. Единственным исключением стал Гесс, по уши влюбленный в красивую девчонку по имени Эльза Прёль. Это только подхлестнуло нежные чувства Рема, и он стал смотреть на Гесса с таким вожделением, что Дрекслера тошнило. Сам же Гесс с непостижимым для сопредседателя партии восторгом взирал на Гитлера. И вот там, где любой другой наверняка проиграл бы, Гитлер умудрился выиграть, использовав Гесса, скрутил и намотал себе на руку волю Эрнста Рема.

На очередном заседании комитета партии, когда передача руководства от одного сопредседателя к другому должна была пройти как формальность, именно Рем вдруг потребовал выборов. Гесс его поддержал. Гитлер молчал, скромно потупившись.

Молчали и остальные члены комитета. Дрекслеру пришлось напомнить, что его Комитет независимых рабочих, объединившись с Политическим союзом рабочих Харера, и составил собственно партию — НРП, и если кто-то желает присвоить себе чужие заслуги… Тут Гитлер вскочил… Однако вместо обычной клоунады с воплями и дерганьем всех конечностей вдруг заговорил твердо и здраво: дело не в председателе… это потом. Дело в ясной концепции и способности ее популяризировать. Для начала собрать большой митинг и заявить о себе. Купить или основать газету. Нужен прорыв. Мы должны действовать как штурмовой отряд. А кто пойдет во главе — неважно. И еще. Правительство красных нам пока не по зубам. Пусть их свергают другие. Мы, НРП, должны выесть под коммунистами их основу — рабочих, увлеченных социализмом. (Он так и сказал — «выесть».) И закончил тоном учителя, утомившегося разъяснять истины тупым ученикам: «Не о председательстве я помышляю, друзья мои, а о программе».

«Или сей же час выкинуть этого актеришку из партии, пока я еще могу… Или он сам тут все «выест»», — сказал себе Дрекслер.

Но сила захватившей его ненависти и какого-то жутковатого предвиденья так не соответствовали реальным обстоятельствам, что он… промолчал.

5

Весна 20-го не принесла Германии облегчения. И хотя война была окончена, немцы никак не могли зажить в гармонии с природой: март стоял солнечный, лопались почки; бульвары дразнили унылых мюнхенцев яркими узорами из фиалок и крокусов… Но даже здесь, на мягком и приветливом юге, люди были мрачны: старики унылы, молодые озлоблены. У Германии, какой она вышла из войны и Версаля, не было будущего — это понимали все. Но, виновная перед всем миром, Германия еще сохраняла гордость. Она, как попавшийся в сети дикий зверь, совершала беспорядочные, на первый взгляд, телодвижения, не то выдираясь на свободу, не то сильнее запутываясь. Германия вступала в полосу путчей.

В течение недели страну судорогой сводили попытки Каппа, Эрхарда и Людендорфа, двинувших Добровольческий корпус и части рейхсвера на Берлин, свергнуть коалиционное правительство Веймарской республики. Вершиной этого путча, названного потом «Капповским», был захват Берлина, отъезд в Штутгарт президента Эберта и провозглашение журналиста

Вольфганга Каппа военным диктатором.

Прожженный бюрократ и трус Эберт намеревался просто прикрыть лохмотья на израненном теле Германии добротным сюртуком буржуа; милитаристы, вроде Людендорфа, — снова напялить ей на голову стальной рыцарский шлем. Против того и другого восстал здравый смысл немецкого пролетария, на которого плевать было всем. В Германии началась всеобщая забастовка; около пятнадцати миллионов человек сказали путчу нет; путчисты залили Рур кровью, но и сами канули в «лету национального позора». После этих событий Независимая социал-демократическая партия Германии начала стремительную трансформацию в Коммунистическую партию, и все попытки высоколобых экономистов доказать, что социализм как общественный строй нежизнеспособен, провалились. Социализм сделался национальной идеей немецких рабочих — той единственной силы, которая, осознав себя, могла бы решать судьбу страны.

«Я знал, что делал, еще 20 февраля потребовав переименования Немецкой рабочей партии в Национал-социалистическую рабочую партию, — радовался Гитлер, — Я знал что делал, втолковывая вам мои 25 пунктов, в которых собрано все, все, черт подери, что может привлечь массы. Вы еще не поняли, как это важно, чтобы в программе партии было собрано все?!»

Он теперь постоянно ходил, выгнув назад спину и с какой-нибудь книгой под мышкой, вроде «Заката Европы» Шпенглера, «Народа без пространства» Гримма или «Третьего рейха» Ван ден Брука, который так пророчески писал о немцах: «Мы были тевтонами, мы стали немцами, мы будем европейцами». Еще Брук писал, что «Первый рейх — это Священная Римская империя Карла Великого; Второй — Империя Бисмарка, а третий должен стать федеральным, христианским и европейским государством». Гитлер же переврал эти слова таким образом: «Первый рейх, — внушал он партийцам, — это Бисмарк, второй — Веймарская республика, а третий… третьим буду я». У большинства его слушателей в 20-м году на такую наглость несколько отвисала челюсть; в тех же, кто пытался возразить, камнем летело фирменное «Мауль цу!». Это был период, когда Гитлер присвоил манеру Гербигера и постоянно орал на соратников; исключение составляли очень немногие, например Гесс, который на заявления типа «Третий рейх — это я», реагировал так: «По сути верно, но по форме… преждевременно, Адольф».

Магистр «Туле» фон Зеботтендорф благословлял тот день, когда, вняв совету Гербигера, не предложил Гитлеру вступить в

орден, несмотря на нажим Гесса и Розенберга. Гитлер обладал одним свойством, которое составляло предмет борьбы самого фон Зеботтендорфа с собственным «вторым я», — он всюду привносил пошлость.

Весной 20-го, невзирая ни на какие политические смуты, фон Зеботтендорф думал о снаряжении двух «экспедиций»: одну в Шотландию, в замок Росслин, где, по преданию, в одной из колонн была замурована чаша Грааля. Другую — в Вену, с целью выкрасть у австрийцев «копье Оттона», или «копье Лонгина» — то самое, которым римлянин Кассий Лонгин ткнул под ребро распятого Христа. Ах, это копье, выкованное, по преданию, с соблюдением всех мистических ритуалов, — кто только им не потрясал! Иисус Навин сокрушил им стены Иерихона… Ирод Великий, Оттон Великий, Константин Великий и Карл Великий побеждали, держа его в руках. Только Наполеон сплоховал: по легенде, копье у него украли перед самым походом на Москву.

Теперь фрагмент этого копья в виде ржавого куска металла без толку пылился в венском музее Хофбург. Экспедиция туда, правда, готовилась скорее как грабеж со взломом. Но недаром фон Зеботтендорф столько лет боролся со своим плебейским alter ego. Магистр научился все окружать возвышенной тайной и подбирать таких исполнителей, которые, даже грабя музей, сумеют остаться на недосягаемой для простых смертных моральной высоте.

В Шотландию вызвался отправиться Гесс. Сделать это он собирался открыто, например, под предлогом установления какого-нибудь летного рекорда. Весной 1920 года офицер Добровольческого корпуса Рудольф Гесс не принимал участия ни в каких глупых путчах, а усиленно тренировал свои навыки летчика, заодно разбрасывая антисемитские листовки над рабочими митингами. Мифы мифами, но нужно было и дело делать.

6

«— Мы нация войны. Но материальная, механическая война — это только внешняя форма. Мы проиграли такую войну потому, что были слепы и глухи к той войне, что велась в ином мире, за кулисами внешних событий. Мы дрались, как дети, не услышав подсказки взрослых. Мы победили бы, если бы услышали их голоса — голоса наших богов, желавших сделать нас современниками будущего. Запомни — войны тел есть прикрытие войн за души. Но чтобы стать полководцем в такой войне, ты

должен войти в мир, где картезианский разум больше не сливается с реальностью.» — Гербигер продолжал говорить… Гитлер продолжал слушать… Но, как это постоянно теперь случалось, его понимание наглухо заклинило незнакомое слово. На этот раз слово было — «картезианский». С этого места все, что скажет Гербигер, придется просто запоминать, чтобы после разбираться самому.

Вернувшись в Мюнхен, Гитлер полез в словарь и нашел там толкование: картезианцы — монашеский орден, XI век, французские Альпы, долина Шартрез. Ну и… чего там эти монахи придумали, какой такой особый разум?

Хорошо, под рукой всегда был теперь всезнающий Гесс, который сказал: «Да нет, монахи тут ни при чем. Carthesius — так по латыни произносится имя Декарт».

Именно теперь, в начале 20-х, Адольф Гитлер проклинал свою безалаберную молодость, из которой вышел тридцатилетним недоучкой.

Вообще, стоило только сунуть в политику нос, как все стало трудно, труднее, чем он ожидал. Он всегда был одиночкой, индивидуалистом, «пастухом». Но прежде чем вернуться в эту единственно возможную для себя форму существования и уже не в воображении своем, а наяву погонять стадо, нужно было самому пожить в нем, усвоить его законы, выучить себя им подчиняться. А как иначе познать механизмы подчинения, если не пропустить их через собственную плоть?! Так учил Гербигер. И после утыканного иглами ящика, но уже не в ущерб теоретическим беседам, «пророк» предложил своему ученику пройти следующую ступень, как он это называл, «врастания в вожди». «Ты делаешь много глупостей, Адольф, — сказал он. — Как все дилетанты, ты самоуверен и тороплив. Ты смешон. И ты беспомощен. «Испанский сапог» — вот что нужно твоему самолюбию. И все восемь клиньев вбить».

Этой веселенькой перспективкой Гитлер поделился с Гессом. Тот возмутился, обругал Гербигера «самодуром» и «свихнувшимся инквизитором», но Гитлер велел другу прикусить язык. «Этот хрен прав, и я ему благодарен, — выдохнул он. — Помнишь, ты рассказывал, как тебя мальчишкой выдрали из семьи и поместили в интернат, в Годесберге. Как ты от одиночества выл там на луну. А по мне мать все детство только сопли размазывала».

Гесс прикусил язык еще и для того, чтобы не проговориться. От Хаусхофера он знал, что у «свирепого пророка» появился еще один ученик по имени Альберт Шлагетер. Гесс хорошо его знал по Добровольческому корпусу. Обаятельный парень, всеобщий любимец, оратор, каких поискать: Адольф при сравнении сильно

ему проигрывал. Ученики, к счастью, пока не пересекались, поскольку Шлагетер проводил идеи «Туле» в городах Рурской области, оккупированной французами.

А Гитлер ходил как триумфатор. Успех первого же большого митинга, на котором он выступил, 25 пунктов, объявленные программными, приток новых членов, выход из партии Харрера, порицавшего антисемитизм и прочее, он самодовольно приписал одному себе.

6 июня, ничего не подозревая, он пришел на «расширенное» заседание комитета партии. Его не насторожила ни неожиданность приглашения, ни выбранное место — зал «Охотничьего клуба» на триста человек. Когда он вошел в зал — точно в указанное время — все места оказались занятыми, и кресла президиума — тоже. Гитлеру пришлось встать возле дверей. Он оглядел зал, принюхался: говорили о дисциплине, об анархистах в партии, о каком-то «выскочке»… Председатель Дрекслер возмущался по поводу всяких «не имеющих веса болтунов», «ефрейторов, тщащихся украсть маршальский жезл»… Зал бурно реагировал, соглашаясь. Гитлер почувствовал на себе сочувственный взгляд из президиума — взгляд Готфрида Федера, экономиста, подлинного идеолога и самого влиятельного члена в НСДАП. И тут его точно окатило грязной волной — он понял: говорили о нем. Зал взвизгнул от восторга, когда Дрекслер помянул «мазилку, не умеющего провести ни одной верной линии…».

Гитлер выскочил из клуба как ошпаренный. И, вильнув за угол, в буквальном смысле налетел на компанию человек из восьми. Это были бывшие леваки-спартаковцы, члены только что образованной КПГ. Недавно парни Рема подстерегли троих членов их комитета; и теперь коммунисты пришли вернуть нацистам долг и тоже кого-нибудь отдубасить.

Гитлер дрался плохо. Получив в ухо, он предпочел сбегать за подмогой.

Таким образом, два первых клина «испанского сапога», надетого на самолюбие Адольфа, были вбиты 6 июня 1920 года. Но в партийной «летописи», которую еще с весны начал вести предусмотрительный Гесс, появилась такая запись: «6 июня 1920 года мы вступили в бой, осененный волею арийских богов, и звон их мечей над нашими головами отныне будет сопровождать нас до победы».

Справа, на полях, кто-то сделал рисунок: внизу куча дерущихся тел, а над ними скрестили мечи две фигуры. Под одной — подпись неразборчива; под другой — «дух Парсифаля». Есть предположение, что рисунок сделал Эмиль Морис по

прозвищу Француз, который с 6 июня станет телохранителем Гитлера, а в партийной летописи будет назван «первым солдатом СА».

7

Уже к 21-му году «орден Туле» начал приобретать характерные черты боевого авангарда Германенордена. Но пробивная активность требует отступлений от правил. Магистр «Туле» фон Зеботтендорф фактически оставил свои попытки ужесточить расовые требования к неофитам и больше не ссылался на страшную статистику деградации новых поколений немцев: скорость, с которой шел этот процесс, говорила о том, что через пятьдесят лет не менее сорока процентов немецких детей появится на свет с умственными или физическими недостатками. В самый разгар войны, летом 1916 года, великий магистр Германенордена Герман Поль прямо поставил вопрос: какова причина стремительного вырождения немцев? Ослабляющие мужской потенциал войны, монополии, убивающие благополучие среднего класса, коррупция, беззаконие, нищета? Безусловно, так, — был дан ответ. «Но кто сказал, что выход всегда один?! — писал в 1917 году другой отец-основатель Теодор Фрич. — И кто запретит нам открыть немцам их собственный путь?!»

Предположу, что именно Поль или Фрич первыми указали на главного врага Германии начала двадцатого века под условным названием «Заговор сионских мудрецов». И хотя сама идея еврейского заговора порхала по страницам газет еще с конца века девятнадцатого, но именно стараниями Германенордена она начала обретать твердость крупповской стали и сладковатый привкус крови.

До войны неофиты тайных обществ иногда проходили тест на пластомере, аппарате для измерений параметров черепа, изобретенном берлинским врачом Вилингеном. Но магистр «Туле» не решился бы подвергнуть подобной процедуре прошедших Верден ветеранов. Пластомер был отложен, до поры. Обоснование попытался дать Розенберг, у которого, кстати, имелись свои счеты с ревнителями расовой чистоты: в свое время его не только не приняли в Добровольческий корпус, но и довольно презрительно отозвались об отнюдь не арийской внешности. Розенберг только что закончил книгу под названием «Природа, основные принципы и цели НСДАП». Его утверждение о том, что это «глупо и легкомысленно с сантиметром в руках измерять индексы черепов» фон Зеботтендорф согласился

распространить как продуктивную идею, и не только на членов своего ордена. «Боевой авангард» старался сотрудничать со всеми оккультными обществами Германии; иногда даже устраивались «совместные мероприятия». В 21-м году, например, магистр позвал главу «Общества Эдды» Горслебена прочитать лекцию под названием «Арийский человек» о новейших исследованиях в германской мифологии. А затем уже «Эдда», в полном составе, была приглашена на лекцию Альфреда Розенберга, которую он назвал «Масоно-еврейский путч в России».

Розенберг утверждал, что в 18-м году, покидая Москву вместе с несколькими офицерами бывшей царской армии, он горячо спорил с ними о природе большевистской революции и на прощание получил прелюбопытное издание — якобы сделанный тайком протокол секретного заседания Всемирного сионистского конгресса в Базеле в 1897 году. Правда, позже, в Ревеле, Розенбергу объяснили, что «протокол» этот, по слухам, состряпал кто-то из чинов российской секретной полиции специально для боевиков, готовивших в 1905 году еврейские погромы. Потом «документ» вышел в виде приложения к книге Нилуса «Антихрист». Так что в России у «протокола» оказалась подмоченная репутация; там его знали. «Однако… все знают, как выглядит бомба, но не все видели, как она взрывается», — подумал тогда Розенберг.

Он вступил в «Туле» с этим «протоколом», как с входным билетом. «Да, национализм и антисемитизм — два вагона, которые давно нуждаются в сцепке. Вы нам ее дали», — сказал ему фон Зеботтендорф и поручил доработать «протокол» с учетом текущих реалий.

Свою первую лекцию о революции в России Розенберг читал в Байройте во время очередного Вагнеровского фестиваля. Дом предоставила Уинфрид Вагнер, невестка покойного композитора. Магистр кое-кому сделал исключение и позволил привести друзей и родственников, и теперь тут тихо сидела тринадцатилетняя сестра Гесса Маргарита, ее родители всегда привозили из Александрии на Вагнеровские фестивали. Гитлер, которого часть аудитории, по знаку Гесса, приветствовала вставанием, выглядел мрачным и обиженным на весь мир. Он демонстративно сел рядом с Маргаритой и глухо молчал. В перерыве Гесс, чтобы его развлечь, похвастал познаниями сестры в области германской мифологии, а также — в древнем скандинавском алфавите — футарке, состоящем из двадцати четырех рун. У Гитлера вдруг загорелись глаза. А когда Гесс добавил, что у его Греты уже есть своя руна — кена, или факел, выводящий из мрака невежества, — руна всех знаек и

художников, Гитлер ткнул пальцем в значок «Туле» на груди Гесса и сказал, что левостороннюю свастику следует заменить на правостороннюю. Потом он спросил Маргариту, не вспомнит ли она из Старшей Эдды или саксонских скальдов какие-нибудь красивые строчки о шестнадцатой руне зиг — солнечном символе победы и славы. Грета помнила:

Взошедшее солнце всегда означает надежду.
Но зиг берегись призывать.
Лишь темные силы в душе успокоив,
Ты силу души увеличишь в сто крат.

Тому, кто поступит иначе
С шестнадцатой руной не будет удачи.

8

В 21-м году немцы наконец узнали, какую сумму репараций наложили на них победители: 132 миллиарда золотых марок. Это в стране, где довоенная марка стоила около 10 тысяч бумажных. Если же репарации не будут выплачены в срок, Франция грозила ввести в Рур войска, то есть, отрезав от Германии 80 процентов всей угледобычи, таким образом добить ее экономику.

Гитлер торжествовал.

«Он гений, — писал Гесс родителям в Александрию. — Когда все мы плачем, он смеется, он счастлив».

С весны 21-го года Адольф Гитлер начал избегать многолюдных партийных собраний и малочисленных уличных митингов, заканчивающихся массовыми драками. Теперь он посещал модные интеллектуальные диспуты, на которых сходились рвущиеся в большую политику молодые лидеры уныло однообразных партий широкого диапазона — от нацистских до либерал-демагогических. На этих диспутах никто не орал, не топал и не бросался гнилой брюквой, а самым большим оскорблением было что-то вроде: «Я не стану вам на это отвечать!». И тем не менее, попотев на подобных мероприятиях, Гитлер, подобно пушкинскому Сальери, смог воскликнуть: «Наконец нашел я своего врага!».

Врага звали Рудольф Штайнер.

Знаменитый исследователь творчества Гёте, Шопенгауэра и Ницше, глава Антропософского общества жил в швейцарском Дорнахе, около Базеля, читал лекции, ставил философские

мистерии, принимал знаменитых гостей, желавших постигнуть его философию свободы, и не подозревал, какую печеночную злобу стремительно взрастил в себе некий субъект по имени Адольф Гитлер.

Вирус этой злобы, конечно, перешел от Гербигера.

«Пророк, поднявшийся на высший уровень познания, диктует оттуда истину, к которой не должен быть приложен инструмент мышления низших. Только чувствование может приподнять этих низших до созерцания Космоса и Пророка». Так внушал Гербигер. У Штайнера все наоборот. «Мышление, — говорит он, — есть элемент, посредством которого мы все поднимаемся до соучастии в общем свершении необъятного Космоса. Чувствование же возвращает нас в тесноту нашего собственного существа!»

Вот так. И — «мауль цу!», Штайнеру не крикнешь, потому что сидит он там в своей Швейцарии, как небожитель, в окружении учеников со всего света. А кто к Гербигеру ездит? Одни психи недоученные.

И эта желчь учителя, и вся тогдашняя неудачливая, неустроенная жизнь способствовали тому, что Гитлер, вступив в возраст Христа, начал страдать «синдромом Герострата».

Многих, наверное, интересует вопрос: а был ли сам Адольф банальным убийцей, то есть застрелил ли он кого-нибудь собственноручно, за рамками военного времени, конечно? Так вот, весной 21-го года Адольф Гитлер готовился стать убийцей. И даже этого не скрывал. «Мой друг опасно болен, — писал Гесс родителям в Александрию, — …поездка в Базель, к Штайнеру — вот кардинальное средство: оно или убьет его, или излечит». И попросил выслать энную сумму, что его отец, глава процветающей торговой фирмы, тотчас же и сделал. Гесс, правда, не уточнил, что убивать собрался сам Адольф и что отправился он к Штайнеру с револьвером в кармане. Однако в начале июля Гесс сообщает родителям, что «визит в Дорнах состоялся» и что «трибун (так он обычно именовал Гитлера) совершенно излечился от пережитой лихорадки».

На деньги Гессов Гитлер провел в Швейцарии около двух недель. Все, что в Дорнахе окружало Штайнера, — и красота Гетеанума (Дома Слова), и уроки знаменитой Вальдорфской школы, и репетиции мистерии «Пробуждение души», которые проводил сам Штайнер по правилам «искусства видимой речи» — эвритмии… поразили Гитлера. Особенно эвритмия, по сути — созданный Штайнером новый вид искусства, в котором процессы, проходящие в организме человека во время речи или пения, получили художественное воплощение в зримом движении человеческого тела.

Все это было прекрасно, все обращено к душе человека, не имеющей цвета, как кожа. Стремясь постигнуть гармонию Космоса, Штайнер желал перенести эту гармонию на общество, и он не только желал, писал и говорил — он строил, он действовал, но, увы, на той же самой мистической поляне, хозяевами которой уже объявили себя Германенорден и «апокалипсист» Гербигер.

Итак: весной 21-го года Гитлер не застрелил Штайнера. Немецкая мистическая традиция еще имела шанс вырулить на другой путь.

Сделаю отступление и дам историческую справку: именно лекции Рудольфа Штайнера слушал в Дорнахе Ленин.

Пока Гитлер отсутствовал, комитет партии во главе с Дрекслером составил против него обвинительный документ. Последовала довольно мутная история, в которой Гитлер предпочел действовать «по инстанциям» и подал в суд за клевету. Иск был подкреплен кулаками парней из ремовского окружения. Дрекслер судиться не стал, чтобы не позорить партию. 29 июля 1921 года Гитлер занял вожделенный пост председателя НСДАП. А парни Рема, добывшие ему победу, отныне стали называться Штурмовым отрядом, который, немного окрепнув, еще навестит Штайнера.

9

Удивительное дело — энергичные, озлобленные фронтовики, вроде Рудольфа Гесса, еще год назад постоянно теребившие мастеров «Туле», требовавшие активных действий, по мере того как Гитлер набирал в партии вес, как будто успокаивались.

«Суета с драками, битьем окон, всякими выходками, даже политические покушения и убийства — это удел маленьких партий, которым необходимо иногда пошуметь, чтобы о них вспомнили, — презрительно заявил на одном из собраний Гесс — Все они на выдохе, мы же только набираем воздуху. Мы, нацисты, надвинемся на Германию, как грозовая туча, прошитая молниями, или, порвав цепи, взлетим и, подобно священному орлу Вотана подняв своими крыльями ледяной ветер, замедлим вращение мира».

Фон Зеботтендорф, иногда посещавший собрания НСДАП, поражался: как быстро эта партия, едва высунувшись из «кармана» «Туле», заговорила на собственный, высокопарно-истерический лад, который, как оказалось, очень нравится туповатым, необразованным, полуголодным парням, валом валившим в ее ряды. И все же он посоветовал Гессу не

жонглировать дорогими сердцу символами перед теми, кто в них ничего не смыслит. «Я только повторил слова фюрера», — отвечал на это Гесс. «Кого?! — снова поразился фон Зеботтендорф. — Как ты его назвал, мой мальчик?!» Выражение лица магистра было при этом таким веселым, что Гесс только сердито поджал тонкие губы. А фон Зеботтендорф вспомнил, что недавно сказал ему о своем любимом ученике Хаусхофер: «У Рудольфа совсем нет личного честолюбия; все оно направлено на Германию. Этот Гитлер раньше нас с тобой это понял, потому и вцепился в него зубами и когтями».

«Этот» Гитлер вообще оказался довольно шустрым. Например, пока мастера «Туле» еще только неторопливо и тщательно разрабатывали для партии ее символику, перебирали варианты и вальяжно спорили, «этот» Гитлер уже все решил. На одном из заседаний руководства партии фон Зеботтендорф стал свидетелем занимательного спектакля.

В пивной «Хофбройкеллер» был небольшой зал, который хозяин предоставлял в распоряжение герра Гитлера и его друзей. Вот в нем они и собрались, формально — для отчета управляющего делами партии Макса Амана, чьим авторитетом Гитлер хотел продавить в соредакторы партийной газеты «Народный обозреватель» Альфреда Розенберга, которого ее редактор Эккарт ни в грош не ставил. Пока препирались по этому поводу, фон Зеботтендорф обратил внимание на сидящего рядом мальчика лет двадцати: на цыплячьей шейке крысиная мордочка с усишками, близоруко щурится, на ногте безымянного пальца левой руки, согласно нацистской моде, пивная руна науд. Его привел Гесс и, кажется, даже представил в качестве кандидатуры знаменосца Штурмового отряда, но магистр имени не запомнил. Этот юнец делал доклад о природе символизма, что-то бубнил по бумажке о смысле трех основных цветов — красного, белого и черного, пока присутствующие остывали после ругани о соредакторах. И внезапно, точно фокусник из ниоткуда, выдернул и развернул красное полотнище с огромным белым кругом посередине и черной свастикой внутри, обрамленной четырьмя венками из дубовых листьев. В углах знамени сидело по орлу в разных позах, и у каждого в когтях по белой свастике. Эрнст Рем, крестный отец штурмовиков, выдохнул шумно, как бык, и приосанился: знамя ему понравилось.

— Личный штандарт Адольфа Гитлера! — тоненько выкрикнул мальчишка и ловко расстелил его, как скатерть, на длинном столе, за которым они все сидели.

Рем вытаращил глаза и побагровел. Встал Гесс и заявил, что фюрер должен иметь лейбвахе, личную охрану, которой требуется

лейбштандарт, в котором должны содержаться все главные символы, а для штурмовиков с их более узкой задачей тоже есть вариант, и «наш товарищ Гиммлер сейчас его представит». Мальчик с усишками, пряча от Рема глаза, вытащил «вариант» — продолговатый черный треугольник с черепом и костями. Рем вскочил и, пыхтя от возмущения, схватил предполагаемого знаменосца за шиворот и вытолкал за дверь. Потом он ринулся к Гитлеру, но дорогу ему преградил Гесс. Такое уже случалось.

Если бы Гитлер и Рем хотя бы раз сошлись лоб в лоб, то снесли бы друг другу черепа, но между ними всегда вставал Гесс, и оба отступали, на шаг. И теперь, поорав, обменявшись обвинениями в стремлении «все подмять под себя», в конце концов на чем-то поладили и дружно выпили.

Уходя вместе с Гессом и Гитлером, магистр снова увидел того парня, которого едва не побил Рем. Гиммлер невозмутимо стоял возле двери и как будто чего-то дожидался. Мимо него прошел Гитлер, слегка хлопнув по плечу. Гесс остановился и что-то сказал. Гиммлер, опустив глаза, четко, по-военному, кивнул.

— Я велел ему пока отсидеться у Штрассера, в Ландсхуте, — объяснил Гесс магистру уже в машине. — Потом я его верну. — И обернувшись к Гитлеру, кутавшемуся в плащ на заднем сиденье, добавил: — Клянусь моей верностью, Адольф, у тебя будет преторианская гвардия!

10

«Я не признаю ни этого правительства, ни этого государства! У меня есть моя родина, которую несколько государственных изменников трусливо предали в Кампьенском лесу. Государство, построенное на измене и предательстве, — незаконно. Это государство, именуемое Веймарской республикой, невзирая на все провозглашенные им свободы, должно быть уничтожено, Версальское правительство свергнуто, а изменники, купившие личную власть за немецкие земли, приобретенные ценою пота и крови наших предков и гения ее прежних правителей… эти подлые изменники должны быть осуждены и наказаны, как и следует наказывать за государственный грабеж и унижение нации, — смертью».

В этих словах Гитлера четко выражено то, что в начале двадцатых думало 99 процентов всех немцев. Похожие слова произносили лидеры все большего числа политических партий, и всякий раз — аудитория, будь то элитный охотничий клуб или толпа на площади — взрывалась аплодисментами.

Речь Гитлера, которую Гесс в «партийной хронике» приводит целиком, помечена 24 августа 1921 года. А 26 августа был убит Маттиас Эрцбергер, один из лидеров-центристов, тот, что в 1918 году подписал в Кампьене перемирие, положившее, по мнению националистов, начало процедуры большой государственной измены. Убит он был боевиками из группы «Консул», входившей в Германенорден.

А еще через день, 28 августа того же 21-го года, Германенорден оповестил (в частности через журнал «Хаммер») все свои тайные общества и политические организации об общем сборе для продления «черного списка предателей», в который войдут Эберт, Шейдеман, Ратенау, писатели и журналисты-республиканцы. Место и время этого сбора остались неизвестны. Но, похоже, мастера спешили, если судить хотя бы по тому, с какой скоростью было организовано другое событие, а именно — посвящение лидера НСДАП Адольфа Гитлера, который, не будучи посвящен, не мог присутствовать на съезде. А его присутствия желали. И магистр «Туле» вынужден был согласиться.

Уже 4 сентября Гесс в очередной хронике записал: «Трибун посвящен. Он делится впечатлениями». После точки — три креста, которые у Гесса всегда, начиная с писем родителям с фронта и до последнего письма из Шпандау в 1987 году, означали смех. Ниже — четыре рисунка зеленым карандашом, под ними подпись Гитлера, такая же, как на его ученических акварелях.

Первый рисунок представляет собой темный фон вокруг расплывчатой белой фигуры в длинном облачении, с повязкой на глазах и вытянутыми вперед и несколько вниз руками. Общий контур фигуры соответствует четвертой руне ас. Однако он противоречит сути первого этапа посвящения неофита, потому что руна ас помимо духовного посвящения и магической интуиции служит усилителем произносимой речи, а неофит на этом этапе вообще-то должен помалкивать.

Второй рисунок — та же фигура. Из ее слегка разведенных в стороны рук словно вырастают две руны зиг и уходят вниз, как молнии. То есть фигура выглядит как бы прикованной к подразумеваемой почве. Или подразумевается, что из почвы через руны поступает энергия?

Третий рисунок — классика жанра — над фигурой в балахоне два скрещенных меча.

Четвертый сначала кажется пятном грязи размером с три первых. Его лучше рассматривать через увеличительное стекло. На нем светлая фигура в балахоне идет по темному тоннелю, визуально несколько вверх, к свету в конце; над ней тонкий

вогнутый свод; а выше — хаос: люди, пушки, орлы, пламя, стайки летящих копий, скрещенные мечи, дубы, на которых вместо птиц сидят танки, над дубами валькирии вперемешку с самолетами и еще какими-то летательными аппаратами, вроде летающих тарелок, и снова — пламя, люди, молнии, свастики, орлы и копья. Ключ к этому хаосу есть — это сама форма рисунка в виде неполной луны, упавшей а-ля Гербигер и вверх рогами: левый рог — это светлый конец тоннеля, по которому движется фигура, в правом, как жучок в щели, сидит руна дагаз, предпоследняя в футарке. Она похожа на латинскую букву икс, у которой связаны противоположные вертикальные концы. Руна дагаз толкуется, как высшая степень гармонии земного с небесным, а для посвященного — полное духовное перерождение и появление в новом облике.

Подытожу все это следующей записью из «хроники» Гесса в той же краткой временной цепочке, то есть от 13 сентября 1921 года: «Тайные силы, деньги и армия, тайные силы… Мы только с виду будем двигаться по кругу».

У меня есть некоторое сомнение в том, что четвертый рисунок сделан Гитлером — уж очень малы на нем фигурки, а Гитлер после войны страдал болезнью глаз. Снова Эмиль Морис? Едва ли, его к «хроникам» уже не допускали. Сам Гесс? Он рисовал, и неплохо, но к чему тогда эти его кресты, обозначающие смех? Не тот случай, чтобы иронизировать.

В общем, перефразируя поэта — все это было бы смешно, когда бы не было так страшно.

11

Когда этот человек шел по улице, сидящие у стен нищие-инвалиды, ветераны войны, даже самые опустившиеся, приподнимались на своих обрубках, выпрямляли спины в инвалидных тележках; женщины что-то шептали детям, и дети, замерев, провожали испуганными и благоговейными взглядами его плотную фигуру в генеральском мундире, с гордо поднятой головой. Иногда кто-нибудь из мужчин решался подойти, что-то сказать и, выслушав несколько слов в ответ, отходил с просветлевшим выражением лица.

В рабочей среде генералов не любили, презрительно называли «недовоевавшими забияками», но и там этот генерал был отдельным человеком, образцом храброго солдата, дорогим сердцу немца. Даже участие в Капповском путче, погубившее не

одну репутацию, не нанесло ему урона, ибо в годы всеобщего цинизма и шкурного предательства он упорно демонстрировал пусть ложные, но принципы.

И конечно, не одна партия стремилась заполучить его в свои ряды!

Неверно, однако, думать, что Эрих фон Людендорф, а речь о нем, сразу признал в НСДАП своих. После провала первого путча генерал, не переводя духа, принялся готовиться ко второму. Он стал искать партию, но такую, которая сумела бы опереться на рабочих — главных виновников недавнего провала. Летом и осенью 1922 года Людендорф встречался с лидерами не менее десятка партий, но никто не дал ему четкого ответа на вопрос: как из треклятого лозунга «Свобода, равенство, братство» вычленить и поднять как знамя одно братство — сакральное братство всех немцев против сатанинских либеральных свобод и ненавистного коммунистического равенства.

И вот в ноябре 22-го года Рудольф Гесс делится со своим наставником Карлом Хаусхофером вставшей перед ним задачей — организовать встречу с Людендорфом, который уже дал на нее согласие, однако выразил пожелание, чтобы присутствовали максимум трое: лидер и еще пара приличных людей.

— Значит, Адольф, я и, может быть… Рем? — вслух рассуждал Гесс.

Но Хаусхофер резко мотнул головой:

— Ни в коем случае! Распущенность Рема не покроет его фронтовых заслуг. Лучше пригласи Штрассера.

Теперь Гесс поморщился: «Ну уж нет! Грегор Штрассер замордует старика своим социализмом да еще прихватит с собой братца Отто, а тот вообще…»

— Выходит, приличных людей у вас раз да два?! — усмехнулся Хаусхофер. — Ладно, Руди, дам тебе совет. Все равно на этой встрече Адольф никому и рта не даст раскрыть, так что поищи кого-нибудь просто для солидности — боевого, с наградами. Помнишь, ты мне сказал, что к нам на первый курс пришел тот капитан, последний командир эскадрильи «Рихтгофен». Ты говорил, у него кроме Железного креста еще орден Льва с мечами, орден Карла Фридриха, «За заслуги»… Вот кто вам нужен! Старику будет приятно!

Гессу повезло: бывший командир 1-й эскадрильи капитан Геринг, несмотря на яростные попытки заработать, требовавшие постоянных отъездов, и бурный любовный роман с замужней шведкой, оказался в Мюнхене. Они встретились за кружкой пива, поговорили, но расстались как-то неопределенно. Может быть, оттого что Геринг пришел с приятелем, который все время скалил

зубы да острил, а Гесс не мог поставить его на место, поскольку этого парня звали Эрнст Удет и он был самым результативным немецким асом, пережившим войну: 62 победы — не шутка, при том, что у Геринга было 22, а у Гесса — вообще ни одной.

Но Рудольф сделал еще попытку и положился на ораторский дар Гитлера. Он пригласил Геринга прийти в воскресенье на Кёнигсплац, где фюрер собирался выступить.

Геринг пришел. Во время речи Гесс встал с ним рядом, собираясь комментировать некоторые пассажи, которые, возможно, будут тому непонятны. Но этого делать не пришлось. «Наши боги вмешались», — позже напишет Гесс. «Вмешательство» заключалось в том, что когда Гитлер влез на грузовик, с которого выступали ораторы, пасмурное ноябрьское небо внезапно прорезал шальной, солнечный луч и ударил в лицо оратору. От этого «божественного» удара Гитлер ослеп, взмок, осатанел и с третьей фразы впал в истерику, сам будучи в полной уверенности, что провалится. Он говорил как человек, которому нечего терять, и толпа это оценила. Уже через несколько минут вокруг Геринга все орало, металось и выло в одобрительном экстазе. Это его необычайно возбудило; его восхищенный оратором взгляд то и дело возвращался в толпу и бегал по орущим лицам — жадно и ревниво.

«Всё. Он наш», — сказал себе Гесс.

И не ошибся.

12

Осень 1922 года едва не свела Гитлера с ума. Во-первых, Дитрих Эккарт, только что вернувшийся из Италии, поделился впечатлениями о так называемом «походе на Рим» во главе с горластым парнем по имени Бенито Муссолини: толпа вонючих оборванцев так перепугала миниатюрного короля Виктора Эммануила, что тот предложил тридцатидевятилетнему журналисту сформировать кабинет министров.

— Хорошо этому дуче! Вот что значит монархия, — чуть не рыдал Гитлер. — От монархии до диктатуры один шаг! А из республиканского болота, куда ни шагни — одна топь! Да мы все передохнем, пока в этой стране что-нибудь изменится!

В перерыве между его воплями Эккарт вставил продуктивную идею — позаимствовать и пересадить на немецкую почву первое слово из названия созданного Муссолини союза — «Фашио ди компаттименто». Гесс сделал об этом краткую запись в своей «хронике», дав толкование этого латинского слова —

объединение, союз, связка или пучок прутьев, которые ликторы (во время военных походов почетная стража высших древнеримских чиновников) носили перед ними в знак их власти, вкладывая в такую связку топорик.

Но Гитлера сейчас терзало только одно слово — «Муссолини». Ведь этот горлопан, будучи не намного старше, уже достиг того, к чему Адольф еще и не приблизился! Гесс его подбадривал грядущей встречей с Людендорфом, но Гитлер и тут предвидел одни мучения. Он вбил себе в голову, что не понравится генералу.

— Я знаю, я чувствую, — твердил он.

Перед самой встречей, когда Гесс уже остановил машину возле отеля «Байрише Хоф», Гитлер закрыл глаза и сказал: «Я буду молчать. Делайте что хотите».

Геринг, приехавший с ними — чрезвычайно эффектный при всех орденах, однако догадывавшийся о своей декоративной роли, с удовольствием из нее выскочил: «Вы просто устали, — сказал он Гитлеру. — Пока вы сосредоточитесь, я займу внимание генерала».

Без четверти шесть они уже сидели за столиком. У Гитлера так потели ладони, что он без конца вытирал их салфетками и, скомкав, бросал на пол. Выглядело это довольно неопрятно, и Гесс позвал было официанта, чтобы тот все собрал, но пробило ровно шесть, и в дверях появился Людендорф. К счастью, его первый взгляд упал не на ожидавшую его компанию, а задержался на их охране — четверо крепких парней стояли навытяжку с внешней стороны кабинета: ветераны-штурмовики, «красавцы»: один без глаза, другой без уха, которое ему в рукопашной отгрыз румынский солдат; третий весь в шрамах…

— Это что за берсерки? — пошутил Людендорф, еще раз с явным удовольствием оглядывая охранников (Гесс в это время успел кое-как загнать ногой под стол набросанные Гитлером салфетки).

— Лучшие среди асов! У каждого своя история! — лихо соврал Геринг.

Генерал широко улыбнулся. А Гесс слегка покраснел: он отнюдь не был уверен, что их новый товарищ имеет в виду мифических асов из страны Асгардов, то есть что Геринг понимает язык избранных.

Так или иначе, но разговор начался с благожелательной ноты.

— Я прочел двадцать пять пунктов вашей программы; не всё мне по душе, но я предпочитаю людей, имеющих убеждения, людям, имеющим взгляды, как предпочитаю битых солдат

прыщавым студентам. Но… вот я слышал, вы не приемлете христианство, — вдруг повернулся Людендорф к Гитлеру, — я не религиозен, но есть вещи святые, неколебимые. Что скажете?

— Скажу, мой генерал, что вера не позволяет отделять грехи от ошибок. Для политика это неприемлемо, — отчеканил Гитлер.

У Людендорфа скакнули вверх брови. «Хм», — только и произнес он и налил себе коньяку.

— Христианство — упадническая, печальная, лунная религия; ее носители трусливы и слабы. Мы — арии, люди солнца… — начал было Гесс, но увидел, что их гость нахмурился.

— Если позволите, мой генерал, я сформулирую основную мысль стратегической политики НСДАП, — опять встрял Геринг, — Мы рабочая партия. С рабочими нужно оперировать простыми арифметическими действиями: сложить, вычесть, остаток… Возьмем, по примеру штабных учений, две армии — красную и синюю. Если из красных вычесть синих или наоборот — из синих вычесть красных, что останется?! Вот она, суть гражданской войны. Мы же предлагаем, соединив синих с красными, вычесть все нечистое: евреев, африканцев, цыган… Что в остатке? Единая нация, очищенная от скверны. Вот так примерно мы объясняем рабочим, — поспешно добавил Геринг, потому что Людендорф сморщился, не столько от ломтика лимона, сколько от его слов.

«Мы говорили час, — записал в «хронике» Гесс — Пожимая нам на прощание руки, Л. (Людендорф. — *Е.С.*) сказал, что он «предпочитает прозрачную воду, даже если в ней не водится форель». Полагаю, ответ прозрачен, и в нашу пользу. Рем, которому я передал разговор, считает так же. <…>

Рем поставил вопрос об униформе. Он сказал, что где-то на австрийских складах валяется партия «тропических» рубашек для бывшей кайзеровской армии. Как быстро прошли эти три романтических года! Я стал утилитаристом и, пожалуй, теперь слетал бы в Вену за рубашками».

13

К зиме 1922 года Германия могла похвастаться своеобразным рекордом — наличием около трех сотен политических партий. Три, пять, семь человек встречались в пивной или ночном клубе, ругали всех подряд, сходились на отрицании всего сущего и ненависти к чему-то конкретному, например, к Вальтеру Ратенау, французским банкирам или Комиссии по репарациям, затем решали проблему с названием. Все стремились жонглировать

одними и теми же словами: патриотизм, социализм, нация, демократ, свобода, рабочий, единство. Но поскольку число комбинаций тут конечно, то и возникали периодически такие, к примеру, названия, как «Баварские львы» или «Партия сексуальной нетерпимости». Любопытно, что в уставе у этой «Нетерпимости» первым пунктом стоял «бойкот французских товаров», а четвертым — террор в отношении чиновников, «ответственных за выполнение условий Комиссии по репарациям». Когда 26 декабря правительство официально объявило об отказе от выплат репараций, несколько десятков партий подобного рода благополучно рассыпалось.

Конечно, среди всего этого партийного мусора НСДАП стояла неколебимо. Вот только фигурировала она пока не как политическая единица, а в пакете общих патриотических сил. Это было обидно.

Через полвека, отбывая пожизненное заключение в тюрьме Шпандау, Гесс напишет о зиме 22-го года: «Мы уже имели свое лицо, и мы стремились показать его обществу. Но мы были молоды и мы торопились».

Так он напишет в 1972 году, а тогда главные «стратеги партии» — сам Гесс, Розенберг, Рем, Вальтер Дарре, Геринг — предложили Гитлеру «задачу дня», которая была сформулирована так: «Они должны о нас помнить». Формулировку дал вступивший только что, в ноябре, школьный учитель из Нюрнберга по имени Юлиус Штрейхер. До этого он уже побывал в нескольких партиях и в НСДАП пришел со скандалом, настроив против себя все руководство, за исключением Гитлера, который, сам будучи актером по призванию, очень ценил в соратниках выраженное амплуа. Например, Гесса он, в шутку конечно, называл «стеной плача», Розенберг был «теоретик», Рем — «храбрый солдат», Геринг — «представительское лицо», ну а Штрейхера с первого дня записали в «штатные антисемиты».

Вообще, все вступающие в НСДАП, как, впрочем, и в любую партию, делились на «вступающих молча» и «вступающих с предложением». «Предложение» Штрейхера было такое: каждый месяц силами в основном партийной молодежи проводить «трехдневки пощечин», «декады плевков» и «фестивали молотых челюстей».

Партийная хроника Рудольфа Гесса стыдливо умалчивает о том, как воплощались эти «задачи дня». Но есть и другие хроники, например, так же стыдливо замалчиваемая историками хроника университета города Мюнхена зимы 22-го года. 27 декабря студент-первокурсник Н. при выходе из аудитории дал пощечину преподавателю М. При разбирательстве этого эпизода

Н. заявил, что является членом Национал-социалистической рабочей партии и его поступок — это «акт». Уже на следующий день ошарашенное руководство университета снова вынуждено было разбираться с аналогичными «актами» студентов А, Б и В, на третий день — студентов Г, Д и Е, а на четвертый разбираться стало уже поздно, потому что университет охватила какая-то эпидемия: студенты первого и второго курсов вдруг начали энергично плеваться. Плевали молча, под ноги преподавателям-евреям или тем, кого считали евреями. Преподаватели же вели себя по-разному: например, профессор К. объяснил студенту Л., что он не еврей, и плюнувший Л. перед профессором публично извинился; а вот профессор Р., взглянув на плевок на своем ботинке, молча взял студента С. за шиворот, выволок на улицу и уложил лицом в грязный снег.

Последовало несколько исключений, но, в общем, университет, что называется, решил не выносить сор из избы. Мюнхен, «веселый Мюнхен» — культурная столица Германии, и вдруг… такое!

Повторяю, в партийных «хрониках» Гесса о плевках и пощечинах ничего впрямую не сказано. Но 30 декабря появляется такая запись: «Любое действие, попирающее общественную мораль, вываливающееся за рамки правил и норм, есть художественный акт». И дальше: «Политическая борьба есть художественное творчество, и мы докажем это».

Если дополнить эту запись несколькими письмами Гесса сестре в Александрию, в которых он рассуждает об объединении художников под названием «Дада» и их знаменитой выставке 19-го года, где «Мона Лиза» появилась с бородой и усами (а еще раньше выставлялись, например, колесо велосипеда на подставке и перевернутый писсуар), то все встает на свои места. И тогда плевок на ботинок профессора-еврея можно рассматривать как художественный акт.

Вот такими «актами» НСДАП и собиралась активно заниматься в новом, 1923 году (не забудем еще о «фестивалях молотых челюстей»). Однако наставники и мастера сочли партию пригодной уже для целого «перформанса», и в январе 1923 года в «хронике» Гесса впервые появляются слова «национальный баварский переворот», со штаб-квартирой в веселом Мюнхене.

14

В апреле 1923 года Адольф Гитлер написал первое в своей жизни завещание. Четыре месяца он болел ангиной, потом

воспалением связок, при этом был уверен, что у него начинается рак горла. Страх перед этой болезнью будет глодать его до конца дней. Это будет страх не только перед страданиями тела. Гитлер принадлежал к числу тех вождей-фанатиков, чье дело прирастает к их плоти, как отравленный хитон Деяниры, и содрать его можно только вместе с собственной кожей. Для таких лидеров их болезнь хуже смерти: она не только вдохновляет его врагов, но и в стане соратников вызывает брожение, разлагающее дело.

Нечто подобное и начало происходить в первой половине 1923 года.

В январе франко-бельгийские войска оккупировали Рур и Рейнскую область; нацисты тут же провели протестное мероприятие — свой первый «партийный день» — прошли по улицам с барабанами и знаменами, организовали два десятка митингов, на которых Гитлер произносил речи. Ему рукоплескали, о нем начали писать газеты. Теперь главное было держать темп, но для этого требовалась здоровая глотка! А в оккупированном Рейнланде, к которому было приковано внимание немцев, ораторствовал в это время настоящий герой, белокурая бестия, лучший ученик Гербигера — Альберт Шлагетер! Этот парень имел такой успех, что в два-три месяца затмил всех националистических ораторов, и Гитлера в том числе. Шлагетер сделался настолько популярен среди мюнхенских нацистов, что ему начали подражать и самое страшное — сравнивать с лидером. Гитлер от зависти и ревности совсем поплохел. Но рядом был верный Гесс, верящий Штрассер, преданный Гиммлер… Как историк я пока не располагаю фактами, позволяющими четко проследить их роли в последующих событиях, но и имеющиеся факты не стоит игнорировать, а потому — судите сами!

9 марта руководитель северного отделения НСДАП Грегор Штрассер сообщает Гессу о своей проблеме: присланный к нему в качестве секретаря Генрих Гиммлер — славный малый, исполнительный и расторопный, но его невозможно выпереть на трибуну. «Ты знаешь, — пишет Штрассер, — насколько я сам не оратор, поэтому мне нужен рядом кто-нибудь погорластей, и я уже нашел замену. Скажу без преувеличения: Цицерон возродился!»

Гиммлера, однако, пока не отозвали обратно в Мюнхен. Но рядом со Штрассером начинает маячить еще одна — низенькая, тщедушная, колченогая фигурка, глядя на которую можно испытывать что угодно, только не зависть.

В начале мая партия готовит большой митинг на Мариенплац, чрезвычайно важный в тактическом отношении. И

вот, неожиданно для всех (кроме Гесса), вместо Шлагетера Штрассер привозит в Мюнхен на митинг этого своего нового секретаря — человечка в кожаной куртке, воинственно перепоясанного ремнями и в огромной шляпе.

— Знакомьтесь, мой секретарь и… лучший оратор северных земель — товарищ Геббельс! — восклицает Штрассер и сверху могучей рукой хлопает товарища по плечу, едва не вбив по шляпу в землю.

Гитлера среди присутствующих не было: его Гесс привез в последний момент, когда Геббельс уже карабкался по высоченным ступеням на помост, с которого выступали ораторы.

Дальше — картина под названием «Гитлер, слушающий Геббельса» или готовая сцена для кино. Как сценарист я вижу ее в деталях, вплоть до цвета глаз Адольфа, которые при внутреннем переходе от паники к концентрации воли становились водянисто-прозрачными, и странной, отдельной от лица улыбки, как у Чеширского кота, которого чешут за ухом.

Но вернемся к фактам.

После митинга Гитлер приглашает Геббельса на виллу под Мюнхеном, принадлежавшую Эрнсту Ганфштенглю (тоже любопытный персонаж, но о нем позже), и они долго там беседуют, наедине. Когда Геббельс уехал, Гитлер сказал Ганфштенглю: «Этот крошка Цахес мне нужен, а герои пусть отправляются в Валгаллу». Ганфштенгль был, конечно, большой шутник, но эту же фразу приводит и сверхсерьезный Грегор Штрассер. Так что примем ее хоть и за бледный, но факт приказа. Дальше следуют два отчетливых факта выполнения: первый-личное поручение Гесса Гиммлеру «сопровождать и обеспечивать охрану Альберта Шлагетера»; второй — арест Шлагетера французскими оккупационными властями при обстоятельствах, больше напоминающих выдачу его своими. Третий, тоже отчетливый, — это хорошо известный профиль дальнейшей деятельности Генриха Гиммлера — «хирурга тайных операций» НСДАП.

«Героя» Шлагетера казнили 26 мая 1923 года, и он отправился в Валгаллу, откуда в тридцатые станет слетать в речи, стихи, песни и пьесы. А в берлинском кабинете рейхсфюрера СС Гиммлера, то есть с 36-го по 45-й год неизменно, на одном и том же месте будет висеть его фотография, перечеркнутая копьеобразной семнадцатой руной тюр.

По легенде, когда воины викинги сходились в ритуальном поединке, держа в руках по копью, бог Тор вкладывал силу лишь в руку правого. Большой романтик был Генрих Гиммлер!

15

В лунную ночь на 29 апреля 1923 года в тихом пригороде Мюнхена, всего в полусотне метров от шоссе на Дахау, в почти сомкнутом круге из двух молодых рощ происходило нечто. Проезжающий по шоссе мог бы заметить мечущийся за деревьями огонь и слышать невнятные звуки, а если бы он, заинтересовавшись, вылез и пробрался поближе, то увидел бы смутные очертания чего-то крупного, огнедышащего и как будто огрызающегося на сотни три нападавших. Выстрелов слышно не было. Воины в стальных шлемах кидались на врага по старинке, пуская в ход кулаки и зубы, а воздух над схваткой буквально вибрировал от рычания и хрипа.

Впечатлительный наблюдатель, наверное, вообразил бы себя телепортировавшимся в какое-нибудь языческое королевство, откуда короли-маги со своими рыцарями совершали героические вылазки на злонамеренных драконов. Человек же трезвомыслящий поспешил бы вернуться на шоссе, а заметив шесть пустых грузовиков у обочины с характерными треугольными флагами, на которых словно светились под луной черепа и кости, просто убрался бы побыстрей от этого места.

«О, славные времена, когда мы готовились к боям за нашу Германию! О, эти бои, достойные новой Эдды!..» — будет позже восклицать романтический Рудольф Гесс, вероятно имея в виду и эту странную ночную потасовку, которую он же, но в трезвом состоянии духа назовет «собачьей свалкой».

Подозреваю, что спланировал ее Геринг. Именно он послал в Ландсхут, Грегору Штрассеру экстренную просьбу как можно скорей прибыть с парнями в указанное место, в пригороде Мюнхена на выручку своим, которых захватили боевики-коммунисты. Импульсивный Штрассер тут же оседлал шесть грузовиков и помчался. По дороге он вскрыл лично ему адресованное письмо от Гитлера, в котором говорилось, что это будут «учения»: его штурмовикам предстоит драться со своими же — мюнхенскими штурмовиками Геринга и отрядом из студентов под командованием Гесса, но ни те ни другие не должны знать правду о противнике и драться обязаны всерьез.

Так они и дрались под предводительством своих командиров-мистификаторов: мюнхенцы оборонялись внутри здания (это был старый охотничий дом генерала Риттера фон Эппа, который он отдал на разорение), а штрассеровцы — нападая извне.

Догадайтесь, кто вышел победителем? Об этом мы узнаем по тем мерам, которые были приняты к побежденным.

Днем 30 апреля, на мюнхенском поле Обервайзенфельд, где

часто упражнялись военизированные формирования, Рем выстроил провинившийся «мюнхенский легион» и подверг его процедуре децимации. Он вызвал из строя каждого десятого и расставил цепью вдоль стены.

— Когда вы трусливо бежали из горящего здания, — резко произнес Рем поверх склоненных голов, — доблестный капитан Геринг бросил знамя отряда обратно. Вы должны были вернуться и отбить знамя. Но вы струсили.

Потом он повернулся к штурмовикам, стоящим напротив обреченной цепочки, и скомандовал: «Цельсь! Огонь!».

Выстрелы, как вы понимаете, были холостыми, но позор — настоящим.

В тот же день, 30-го, состоялся и разбор «учений» в руководстве. Несмотря на неудачу в первом же бою, Геринг, ничуть не смущаясь, продолжал отстаивать свою систему воспитания штурмовиков как «политической армии», для которой нет правил и все средства должны быть пущены в ход. Просто их нужно отрабатывать против стандартных методов ведения боя, которыми пользовались штрассеровцы! Геринг был очень убедителен, а выигравший ночное сражение Штрассер задумчиво помалкивал.

Гитлер слушал, кусал губы; потом резюмировал все это приказом о ночном побоище «не распространяться». Подразумевалось — не доводить до сведения Людендорфа. Гитлеру очень не нравилась и кривая усмешка на губах Рема, смысл которой он поймет на следующее утро — 1 мая, когда плотные ряды коммунистической демонстрации пройдут под носом у выстроившихся наготове нацистов, а Рем так и не отдаст приказа ринуться в бой.

«Мы еще не готовы», — скажет он Гитлеру.

Во время позорного выстаивания штурмовиков перед лицом триумфальной демонстрации красных, Гитлер совершил внешне твердый поступок: он сам встал в ряд подразделения капитана Хайса и стоял под насмешками публики, пока первомайские акции не завершились. Таким образом, был вбит очередной клин «испанского сапога», и самолюбие Адольфа продолжило свою разрушительную трансформацию в самолюбие политика.

Кстати сказать, брат Штрассера Отто утверждал, что ненависть Гитлера к Рему родилась именно 1 мая 1923 года. А у Геббельса я нашла такой вот стишок:

Ни сердцу, ни уму
Не ставлю я в укор,
Что подписал ему

Я смертный приговор.

Сегодня поутру
Решен его удел,
Хоть подпись наяву
Поставить я не смел.
Пока…

16

Это письмо было отправлено Рудольфом Гессом сестре Маргарите в город Александрию 24 августа 1923 года. Текст я привожу полностью.

Моя славная маленькая Гретхен!..

Мои поздравления и подарок на твое пятнадцатилетие придут непременно и в свой срок, и я надеюсь, они тебе понравятся. Надежды же, что это письмо, которое я передам с оказией, также тебя порадует, у меня нет никакой, и думаю, что, может быть, не стоит показывать его и нашей маме. Разве отношения, возникающие между братом и сестрой, не заслуживают некоторого обособленного существования, а тем более такие, как наши?! Ты столько раз просила меня быть искренним, делиться с тобой тем, что американцы называют «проблемами», и вот теперь я это сделаю в надежде, что ты, находясь постоянно с нашими родителями, поможешь мне несколько смягчить тот неприятный факт, что я не в состоянии выполнить ни просьбу мамы, ни настоятельного пожелания отца.

Ты знаешь, чего хочет наша мать, — чтобы я немедленно женился, а не доводил свои отношения с чудесной достойной девушкой до банального недостойного конца. Я люблю Эльзу. К этому нечего прибавить. Я люблю ее и считаю своей женой перед Богом. Но связывать свою жизнь с ее судьбою перед людьми пока не имею права. По той же самой причине я не могу удовлетворить и желание отца закончить, наконец, университет. По этому поводу отец даже писал Карлу Хаусхоферу, и Карл это поддерживает и настоятельно советует мне сдать еще две сессии, защититься и получить эту несчастную степень, которая

нужна мне, как седло дойной корове. Неудачное сравнение!.. Неважно… важно, что у каждого в этом мире свой путь, а я счастливо отличаюсь от коровы и от большинства двуногих тем, что предчувствую его, а значит, твердо знаю, на что не должен тратить отпущенное мне время.

Помнишь, я как-то сказал тебе, что есть люди «одного поступка»! Я сказал тебе это в нашем родном Вунзиделе, возле дома, где жил Занд. Его путь был короток, мой будет длиннее — я это тоже предчувствую, — и мой будет антизандовский.

Но главное, милая Грета, что я уже стою на этом пути обеими ногами и готовлюсь сделать первый необратимый шаг. Мы, партия, сделаем его уже очень скоро, может быть, этой осенью. Я думаю, ты поняла меня сразу, и поняла правильно: в нашей борьбе мы сделаем решительный шаг.

И тут кое-что мне важно сказать именно тебе: меня по-настоящему огорчает, заставляет глубоко страдать твое непонятно откуда и как зародившееся отношение к человеку, который дорог мне, как ты и Альфред. Ты должна знать — я боготворю Адольфа. Я верю в него. Я за него умру, как умру за тебя, за брата, за родителей и за Эльзу. Вот такой круг очертило мое сердце, и если я тебе дорог, прими его, детка, раз и навсегда!

Теперь от сантиментов — к некоторым конкретным обстоятельствам, которые ты должна понимать. Начало всякой революции — это как вскрытие бутылки с шампанским — ничего нельзя просчитать заранее. Но, как говорил Бонапарт: «Кто не рискует, тот не пьет шампанского». А в нашем случае «бутылка» еще и сильно разогрелась. Я знаю, что ты сейчас воскликнула: «Да ты авантюрист, мой братец Руди!». А я и не спорю.

Политический авантюризм, а любая революция в начале и есть авантюра… так вот этот авантюризм, подставляющий под смертельные удары множество людей, а иногда и весь народ, оправдан в том случае, когда эти люди, этот народ и без всяких ударов революции гибнет и вымирает, окутанный и спеленутый подлым либеральным враньем о свободах. Этого не понять тому, кто, как и ты, живет вдали от Германии. Но я пока не зову тебя в фатерланд, я не хочу, чтобы ты отравилась трупным воздухом общего разложения и распада. Ты нужна мне такая, как есть — строгая и

чистая, маленькая моя судия, безгрешная душа, право которой неоспоримо.

Я многого не сказал тебе, но знаю, что ты прочтешь между строк. Ты умница, ты мой ангел. Я не стану учить тебя, как говорить с родителями о моих обстоятельствах. Но я очень рассчитываю, что, говоря с ними, ты и сама сумеешь понять меня лучше.

Ты, помнится, просила прислать тебе мои новые стихи. С сочинительством покончено. Немец-поэт после Гёте все-таки — жалкое зрелище, а потому:

Я рвусь вперед, как во хмелю,…
Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В свой час крушенья роковой.

Целую тебя, моя Гретхен.
Твой

17

«Историки — это самые пакостные и ничтожные люди: будучи не способными ничего совершить сами, они всю жизнь заняты тем, что втискивают свои ничтожества в одеяния героев и мерят дюймами бесконечность. <…> Историки, как много вы сообщаете нам о себе и как мало об истории! Нет, прежде докажите свое право судить о гениях широтой и смелостью собственного ума, а распутывая цепочки событий, испытайте себя хотя бы в одном из роковых звеньев, восчувствуйте рок… или помалкивайте», — так написал однажды Дитрих Эккарт, поэт-нацист, один из первых спонсоров Гитлера, которого Адольф называл «Утренней звездой». Люцифер-Эккарт уже «испытал себя» в Капповском путче и, как он выражался, «перестрадал поражение», после чего оперативно выпустил книгу под названием «Большевизм от Моисея до Гитлера». Свое сочинение он построил на диалоге автора с вождем, а всю суть мирового зла свел к некой тайной силе, нарушившей мировой исторический порядок. Эту силу он назвал «евреями», Моисея — «вождем большевизма», а в качестве метода борьбы с главным злом предложил «агрессивный арийский оптимизм».

Гитлер действительно много времени проводил в доме Эккарта, но, как сам признавался, «не мог просидеть в одной комнате с «Люцифером» и четверти часа». Это оттого, что Эккарт

не только пил, но еще и курил опий, и Гитлер уходил от него в библиотеку, которая в этом доме была великолепна. Пока обкуренный Люцифер таким образом сочинял свои «диалоги», Гитлер изучал историю революций.

15 октября в «хрониках» Гесса читаем: «Трибун (то есть Гитлер) — в поисках «модели»».

В письме брату сам Гесс на эту тему рассуждает так: «Опыт Великой французской не для Германии. В нем слишком много народной стихии, этих толп, вламывающихся во дворцы, этих площадей, где все ораторы, этих улиц, где каждый — убийца. Революция французов движется вперед, когда все кипит и бушует и никто никому не подчиняется. Революция топчется на месте, когда площади пустеют. …Я часто воображал себя молодым Бонапартом, — продолжает Гесс, — который ходит, присматривается, нюхает ветер и не находит образцов».

Думаю, что Гитлер разделял мнение Гесса и французские «модели» забраковал. И в том же октябре 1923 года он несколько раз называет штурмовиков «мои iron sides», что в переводе означает — «железнобокие». Эти ребята из другой революции — английской. «Железнобокими» называли солдат Оливера Кромвеля, тех самых, что, провозгласив себя «защитниками своих и народных прав и свобод», заняли Лондон, вошли в парламент и стояли за спиной полковника Прайда, пока он учинял свою чистку, названную историками «Прайдовой».

В октябре 23-го года Гитлер и Гесс склонялись к тому, чтобы опробовать именно кромвелевскую модель 1648 года, когда новый властелин вводит свою новую армию туда, где сидит старая власть, две трети этой власти оттуда вышибает; оставшимся диктует свои условия.

«Пивной путч», как его потом обозвали пакостные историки, — сами-то нации называли это «великой революцией», — был первоначально назначен на 11 ноября. 7 ноября Гитлер провел репетицию в своей любимой мюнхенской пивной. Она была тихой и малочисленной. Тридцать штурмовиков изображали новую армию, Гесс, Геринг и Юлиус Штрейхер — правительство Баварии, которое предстояло свергнуть; Рем играл роль Людендорфа, а Гитлер — самого себя. Он победоносно вошел в зал во главе «армии», произнес речь, объявил министров арестованными, а себя и Людендорфа — вождями новой Баварии. В общем, все прошло гладко, за исключением деталей: во-первых, «правительство» — Гесс, Геринг и Штрейхер — во время речи Гитлера незаметно смылись через заднюю дверь, которую штурмовики забыли блокировать. Во-вторых, Гитлер, когда залез на стул и начал говорить, то едва

этот стул не опрокинул; а в третьих, Рем-Людендорф вел себя так, точно был в курсе дела. Две первых ошибки исправили легко: у всех дверей договорились выставить посты, а Эмилю Морису поручили крепко держать под Адольфом стул. Рему же только указали на плохую игру, но самого Людендорфа по-прежнему решено было заранее ни во что не посвящать.

У заговорщиков оставалось еще три дня, чтобы поработать с мюнхенской полицией, в которой у них был свой человек — Вилли Фрик: будучи начальником отделения, он обычно выдавал НСДАП разрешения на проведение митингов. Но утром 8-го Рему доложили, что сегодня в пивной «Бюргербройкеллер» соберутся почти все баварские лидеры, а монархист и сепаратист Густав фон Кар объявит о независимости Баварии. И это станет сигналом для прочих сепаратистов, собиравшихся усесться курфюрстами в распавшихся германских землях.

Рем доложил Гитлеру. Гитлер собрал руководство и объявил решение — начать сегодня, 8 ноября.

Историк, «восчувствовавший рок» развала собственной страны, не бросит в него камень.

18

Вечером 8 ноября мюнхенская пивная «Бюргербройкеллер», в которой собралось баварское правительство, была набита людьми так, что втиснуться в зал еще кому-либо не представлялось ни малейшей возможности. Фон Кар уже начал свою речь, но Гитлер, Геринг, Гесс, Штрейхер и остальные все еще топтались в вестибюле, а шесть сотен штурмовиков — вокруг пивной. И никто не знал, как втащить «революцию» туда, где просто физически нет для нее места. Гесс, самый высокий из всех, встав у дверей на цыпочки, пытался слушать, что говорит оратор; Геринг все время выходил, чтобы подбадривать своих парней, ждущих на улице; Гитлер, в отвратительно сшитом фраке, стоял, держа руку под мышкой, где у него был спрятан револьвер, а время между тем не шло, а летело, причем все мимо.

«Революцию» подтолкнул дождь. Геринг вернулся с улицы и сказал Гитлеру, что парни мокнут и мерзнут и что если им сейчас скомандовать, то они расчистят любое помещение, лишь бы согреться. Это была шутка, от которой Гитлер только досадливо закрыл глаза: он отнюдь не собирался на штыках врываться в зал; он и фрак-то этот мерзкий надел, чтобы олицетворять гражданское единение, а ребята в стальных касках, до зубов вооруженные, должны были служить всего лишь фоном. Но

Геринг рассудил иначе: приняв движение век Адольфа за согласие, он распахнул двери и рявкнул приказ — занять пивную и расчистить проход для председателя партии.

Штурмовики ворвались, и распухший от трех тысяч человек зал оказался способным проглотить и еще пару сотен. От дверей до подиума в конце зала штурмовики оставили проход, и Гитлер пронесся по нему, как спринтер; за ним прогрохотала его команда. От этого вторжения пивная загудела, фон Кар поперхнулся словом и, как потом описывал Гесс, стоял и хлопал глазами, «как ребенок, ни за что ни про что получивший трепку». Спихивать его с подиума Гитлер, конечно, не стал, а вскочил на стул, выпалил из револьвера в потолок и что-то каркнул, чего никто не разобрал. Голос у него сел, пришлось откашляться и повторить для тех, кто не понял. Слова были такие:

— Всем соблюдать спокойствие! В Мюнхене только что произошла национальная революция! Город оккупирован моими войсками. Зал окружен! Господа, — повернулся он к остолбеневшим министрам, — во избежание эксцессов прошу вас пройти, куда вам укажут. Остальным — соблюдать спокойствие! Ждать! Во имя Германии!

И дальше в том же духе. Пока он ораторствовал, Гесс настойчиво сопровождал трех баварских лидеров по проходу и через вестибюль в служебное помещение для «беседы». В это время автомобиль Геринга уже мчался на квартиру Людендорфа, которого нужно было ввести в действие, после того как Гитлер договорится с министрами. Поразительно, но именно это и не составило особого труда. Гитлер говорил с ними не более получаса, после чего все четверо вернулись в зал, и фон Кар, фон Лоссов и фон Зайссер — каждый в двух-трех фразах — выразили ему свою поддержку. Сам Гитлер позже рассказывал, что, как только вошел в помещение, сразу вытащил свой пистолет и объявил, что их здесь трое, а у него четыре пули, что ему терять нечего и что в случае их отказа присоединиться пуль хватит на всех четверых. Потом произошел небольшой торг по поводу регентства, долгов императорской семье и прочих мелочей, после чего все поладили. Сколько тут правды, сколько гитлеровских фантазий, сказать трудно; но аргумент с четырьмя пулями, очевидно, сыграл свою роль.

Затем четверка вернулась в зал, где царила довольно мирная атмосфера, штурмовиков даже начали угощать пивом, и Гитлер произнес еще одну речь, в которой себя назвал «политическим лидером национального правительства», фон Кара — регентом Баварии, фон Зайссера — министром полиции, а генерала Людендорфа — командующим армией. Главную задачу этого

этапа революции он обозначил как «наступление на Берлин».

И тут прибыл Людендорф. Вид у него был обиженный; он пытался что-то говорить об «авантюризме», о том, что его «не предупредили»… Но в отношении этого человека расчет был правильным: если бы старого вояку предупредили, он бы отказался окончательно и бесповоротно, а так — словно опять попав в атмосферу боя, риска, опасности, чувствуя поддержку зала, который встретил его появление ревом и рукоплесканиями, генерал Людендорф не смог отступить, покинуть уже казалось бы завоеванные позиции и развернулся грудью к обрушившейся на него стихии. Он заявил, что принимает предложение Гитлера. Снова — буря оваций. Гитлер сияет; министры прослезились; пивная в экстазе.

А знаете, чем занимался в это время интеллигентный юноша Рудольф Гесс? Пока все ликовали, он сидел в сторонке и аккуратно переписывал прочих имевшихся тут в наличии министров и чиновников, которых к нему вежливо подводили обвешанные оружием штурмовики. И никто не заметил, куда эта братия потом вся подевалась: видели только, что Гесс вывел их из пивной, рассадил по машинам и увез.

Так закончился первый день. Была уже ночь. Мюнхен мирно спал, пока ничего не ведая. Пивная устала. Хитрый фон Кар предложил всем разойтись и отдохнуть до утра. Гитлер взял с него слово чести офицера и отпустил.

В начале пути даже гитлеры бывают наивны!

19

Революция — это уравнение со многими неизвестными, и, чтобы пытаться его решать, нужно знать формулы. У путчей тоже свои законы. Вот один из них: всё решают первые десять-двенадцать часов.

За это время, начиная с вечера 8 ноября, Адольф Гитлер не издал ни одного приказа, не занял ни одного правительственного здания… В ночь на 9 ноября вождь занимался отработкой пасов или поз для завтрашних речей, и входившие к нему соратники заставали своего лидера то в мучительной позе руны уруз, когда согнутая спина должна быть горизонтальна полу, а кончики пальцев почти его касаться, то в динамике руны альг, напоминающей хлопанье крыльев, то сосредоточенным в молельной позе руны дагаз. Хотя это лишь то, что видели, и, возможно, в таком важном деле Гитлер выстраивал верные формулы. В эту ночь один Рем попытался действовать: он силами

небольшого отряда окружил военное министерство колючей проволокой, выставил пулеметы, а у входа приказал дежурить знаменосцу — Генриху Гиммлеру с черным штандартом СА. Однако на рассвете к министерству начали стягиваться полицейские подразделения, и штурмовики сами оказались в кольце.

А в это время машины с арестованными Гессом министрами петляли по лесной дороге, забираясь все выше в горы. Гесса мучили дурные предчувствия, его раздражали равнодушные физиономии задремавших чиновников, которые, видимо, решили, что все это хоть и плохая, но все-таки игра. До лыжной базы в Бад-Тельце, где Гесс решил спрятать своих заложников, оставалось еще несколько миль. Гесс приказал остановить машины и вывести министров. Он минут пять ходил среди деревьев, своим видом показывая, что подыскивает подходящие ветки, способные выдержать вес человеческого тела. Потом велел всем вернуться в машины и ехать дальше. Министры больше не дремали, на их лицах появилось напряженное выражение. Гесс снова приказал остановиться. И снова начал искать подходящие деревья. В свете фар министры видели, как он и еще двое парней его отряда пробуют ветки, перекидывая через них веревку. Это повторялось несколько раз. Гесс и его ребята так увлеклись своей зловещей игрой, что сбились с дороги, а тут еще одному министру стало плохо с сердцем. Гесс приказал остановить машины, и сам отправился вперед, на разведку. Он проплутал по лесу несколько часов, нашел какой-то домик, долго разговаривал с перепуганными хозяевами, а когда все же вернулся, машин на месте не оказалось. Ребята удрали обратно в Мюнхен — не то испугавшись ответственности, не то по каким-то иным причинам. Гесс остался в лесу один. Когда рассвело, оказалось, что место ему хорошо знакомо по университетским туристическим походам: отсюда было рукой подать до виллы одного из членов «Туле». И Гессу ничего не оставалось, как направиться к нему. Было утро. Розовую дымку между деревьями прошили солнечные лучи, и мох у подножий сосен сверкал, словно кто-то рассыпал по нему бриллианты. Красиво, величественно, спокойно… И одиноко.

А в Берлине уже всё знали. Фон Кар, отпущенный Гитлером под «слово чести офицера», заверил центральную власть в лице фон Секта, что они в Мюнхене справятся с путчистами собственными силами, и фон Зайссер отдал приказ полиции. В «Бюргербройкеллер» поняли, что все уже идет не так, что их предали, что хотя несколько сотен мюнхенцев и собрались на Мариенплац, но серьезной поддержки нет и ждать ее неоткуда. Гитлер рвался на площадь выступать с речами, но Людендорф,

хладнокровно и обреченно ждавший развития событий, на которые не мог повлиять, сказал, что болтать больше не о чем, нужно собрать все силы и пройти маршем по городу, чтобы хотя бы продемонстрировать реальную силу СА.

Гитлер и Геринг уныло согласились. Около полудня штурмовики выстроились в колонну и двинулись к Мариенплац. Впереди шли Гитлер, Людендорф, Геринг и Штрейхер. На Одеонплац трехтысячную колонну встретил полицейский отряд из ста человек. Гитлер попытался их агитировать; он стал в балетную позу руны ас, но не успел и рта раскрыть, как раздались выстрелы. Шестнадцать штурмовиков упало замертво; телохранитель Гитлера Ульрих Граф, следуя инструкциям Гесса, навалился на вождя всей своей двухметровой тушей и вжал в мостовую. Рядом лежал белый, как бумага, с выпученными глазами Геринг: кровь текла у него между ног. Трудно сказать, вели ли полицейские прицельный огонь или просто дали залп, но ни одна пуля не задела Людендорфа, и он продолжал идти, насмешливо кривя губы, сквозь ряды полицейских, которые опускали оружие и расступались перед этой крупной прямой фигурой в стальном шлеме — одинокой и трагикомической. Так он шел бы и шел неведомо куда, если бы кто-то из полицейских чинов не предложил ему сесть в машину, чтобы отвести домой.

Гитлера тоже куда-то увезли. Большинство штурмовиков, не услышав приказов, не сделав ни одного выстрела, растерянно озирались: что это?! неужели всё?! «Какое поражение! Какой позор!» — читалось в глазах у всех. Это было 9 ноября.

А уже с 10-го начался перевертыш: кровь, смывшая позор, окрасила поражение в цвет победы. Первой, настоящей, потому что теперь они были мученики; теперь о них узнали.

20

В 1920 году путчисты во главе с Каппом, Эрхардом и Людендорфом сумели занять Берлин, выгнать оттуда действующего президента, образовать свое правительство и продержаться неделю. В 1923 году нацисты во главе с Гитлером смогли только пошуметь в течение суток и быстро были распиханы по тюрьмам, госпиталям и моргам. И все же первый путч провалился потому, что против него на едином вздохе поднялся народ — рабочие, увидевшие в капповцах смертельных врагов. А вот в нацистах немецкие рабочие врагов не разглядели — бросив лозунг «социализм без гражданской войны», Гитлер многих сумел обмануть. Поразительно точное объяснение этому

дал Эрнст Тельман, который еще в январе 1924 года писал: «У Германии появился смертельный враг; его имя национал-социализм. Он одет в рабочую робу и говорит корявым языком улиц. Он прост, сердечен, в меру сентиментален, в меру суров. Он романтичен и прагматичен. Он истинный немец. …Только что, перед всем миром, — продолжает Тельман, — была разыграна трагедия русской гражданской войны, но господин Гитлер обещает бескровный социализм, — немецкий бескровный социализм, — а такой штуки у нас еще не пробовали. Скажу вам так, товарищи: если такой социализм возможен, то лишь в будущем. А пока я скажу вам — что произойдет: социализм господина Гитлера не будет бескровным и немецкая кровь прольется на фронтах новой мировой бойни».

Суд над путчистами начался в феврале 24-го года. Судьи настолько симпатизировали обвиняемым, с таким вниманием выслушивали длиннющие монологи Гитлера, так откровенно хихикали над его ироническими замечаниями по ходу разбирательства и вынесли такие мягонькие приговоры, что подытожу весь этот фарс словами журналиста из «Таймс»: «Этот суд, во всяком случае, доказал, что заговор против германского государства не считается в Баварии серьезным преступлением».

1 апреля был вынесен приговор: Людендорфа оправдать, Рему — 15 месяцев и отпустить под залог; Гитлеру и еще троим — по пять лет, но сразу намекнули — меньше чем через год выпустят. Гесс, который вернулся из Австрии и сдался властям, получил полтора года. Суд выполнил его просьбу — отправить в крепость Ландсберг, где уже отбывал срок Гитлер. Удивительное дело — ни один из тех министров, над которыми он от души поиздевался, угрожая повешением на деревьях, не дал против него показаний.

Крепость Ландсберг представляла собой несколько больших старинных зданий, окруженных садом. Как Гитлер с компанией в ней устроились? Послушаем Гесса.

«Итак, я здесь устроился вполне счастливо, — пишет он матери 16 мая, — Отдельные комнаты с хорошей мебелью, отдельные ванные комнаты с современным оборудованием, отношение персонала «почтительное», гулять, купаться в озере сколько душе угодно, любые книги, любые посетители, прекрасное вино… плюс к этому — «время для учебы и милый вид из окна…»». Но счастье Гесса было, конечно, не в этом, а в том, что, как он пишет дальше: «…я могу каждый день проводить с этим замечательным парнем, Адольфом Гитлером». Кстати, эти строчки почему-то постоянно вводят некоторых исследователей в искушение приписать Гитлеру и Гессу гомосексуальные

отношения. Иных историков с этой версии просто не своротить! Может быть, они всё никак не доберутся до тюремных архивов, где в одной из книг записи посетителей сказано о нескольких визитах к Гессу его «невесты», студентки Мюнхенского университета Эльзы Прёль, один из которых длился… двое суток! Почему так долго? А по медицинским показаниям, то есть в связи в «психической угнетенностью» заключенного Рудольфа Гесса. Чтобы уж совсем прояснить дело, скажу, что результатом этих визитов стала беременность Эльзы. От ребенка она избавилась, и оба были за это наказаны и смогли родить сына только в 1937 году.

Гесса часто навещал и Карл Хаусхофер. Гесс буквально изводил своего учителя разговорами об Адольфе. Но Хаусхофер никак не расставался со своим скепсисом по поводу «бонапарта из пивной», и однажды сказал Гессу и Грегору Штрассеру следующее: «Ваш друг никогда не произведет впечатления на мало-мальски образованных людей, пока не возьмется за перо».

Идея усадить Адольфа за письменный стол особенно понравилась Штрассеру, которого Гитлер донимал бесконечными речами. Штрассер предложил ему написать «мемуары» и даже придумал для них название — «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости».

Из комнаты Гитлера вынесли два кресла и поставили вместо них письменный стол. Гитлер усадил за него Эмиля Мориса, а сам продолжал произносить монологи, которые теперь Морис записывал. Некоторые записи Гесс с трепетом показал Хаусхоферу, а тот неожиданно отнесся доброжелательно, даже сам переписал несколько абзацев, чтобы продемонстрировать образец нужного стиля. Гесс взялся редактировать. В общем, дело пошло.

21

«В истории каждой страны бывают такие времена, когда порядочные люди не могут процветать, потому что порядочность оскорбляется на каждом шагу самим устройством социальной жизни. . Порядочность требует защиты. Но что такое защита рядовым человеком своей порядочности от оскорбляющего ее режима? С точки зрения режима такая защита всегда есть нападение, и Пресвятая Дева, как это забавно выглядит: порядочность тихим голосом говорит режиму «нет», и режим стотысячным хором клевретов поднимает жуткий визг, точно свинарник перед большим забоем».

Это Гесс пишет родителям из Ландсберга в 1924 году, под «порядочностью с тихим голосом» подразумевая, видимо, себя, а вот по поводу «жуткого визга» — это я не знаю о чем: немецкие газеты, например, высказывались о заключенных Ландсберга с сочувственным интересом, именуя их «узниками чести». Да и сам Гесс в следующих письмах дает такие идиллические картинки их с Адольфом «заточения», что становится понятной одна фраза, которую, по словам Гесса, как-то раз произнес Гитлер: «Свои самые по-человечески счастливые дни я провел в тюрьме». Что это за род счастья, и в чем оно состояло? Думаю, в том, что впервые в жизни после смерти матери об Адольфе Гитлере кто-то настырно заботился. Здесь проявился парадокс его характера: диктатор и насильник по природе сам желал насилия над собой в частной жизни. Орал, ругался, называл себя «негром умственного труда», а Гесса-плантатором, однако продолжал работу над книгой. Под давлением Гесса бросил курить, кое-как научился плавать, хотя патологически боялся воды. Позволял втискивать свою богемную разбросанность в жесткий каркас распорядка дня. И уж Гессом-то, во всяком случае, был вознагражден. Это случилось в феврале 24-го. Гитлера посетила небольшая делегация рейнских нацистов, и Гесс впервые, желая придать значимость Адольфу в глазах, как он пишет, «малознакомых товарищей», обратился к лидеру партии не с банальным «герр Гитлер», а отстраненно-торжественно — «мой фюрер».

Все это «счастье», однако, близилось к завершенью: весной 24-го на выборах нацисты набрали аж 2 миллиона голосов и получили 32 места в Рейхстаге. В феврале 25-го запрет с НСДАП был снят, а это значило, что нужно вытряхиваться на волю и начинать разгребать авгиевы конюшни штрассеровского социализма, загадившего партию, восстанавливать газету, печатать книгу, драть глотку, кланяться власть имущим, флиртовать с рейхсверовцами, в общем, самоутверждаться.

Никакой радости при выходе из Ландсберга у Гитлера никем замечено не было. За порогом тюрьмы дожидалась его тягомотная история, «кротовая работа» — с 25-го по 32-й год — следующие семь лет, подготовившие взрыв всего того, что в первой трети XX века еще именовало себя «устоями».

Глава 2
Говорящий архив

Подковерная олимпиада

«Мы банкроты, и планы наши людоедские. Ты, как никто, знаешь это, — писал 3 июля 1936 года Альбрехт Хаусхофер заместителю фюрера Рудольфу Гессу. — Накладные бицепсы и маска человеколюбия для олимпиады? Хорошо, я приеду… чтобы увидеть мою Германию в этой маске… может быть, в последний раз».

Альбрехт Хаусхофер, сын знаменитого геополитика и близкий друг Гесса, был прекрасно осведомлен и о тяжелом экономическом положении Германии к лету 36-го года, и о подлинных планах Гитлера по «выкачиванию из Европы еврейской крови» и завоеванию мирового господства. Знать-то знал, однако в конце июля приехал-таки в Германию, чтобы, по его словам, включиться в «олимпийские игры». Именно так — в кавычках и с маленькой буквы, поскольку речь шла не об открытых состязаниях спортсменов, а о подковерной возне сильных мира сего.

К началу августа, вслед за официальными делегациями, состоящими из улыбчивых атлетов и прыгуний, а иногда и опережая их, в Берлин начали во множестве прибывать озабоченные и малозаметные личности с дипломатическими паспортами из Британии, Франции, Восточной Европы… Французы и чехи, всего год как подписавшие договоры о взаимопомощи с СССР, все круче разворачивались в сторону Германии; Польша, заключив с Германией договор о дружбе, уже желала прямых гарантий против СССР; у Румынии были свои планы на будущее, у Югославии — свои. Здесь, в Мюнхене, по-настоящему работали не дипломаты, а их «агенты влияния»: под видом коммерсантов, деятелей искусства, туристов — присматривались, принюхивались, строили друг другу глазки.

У Германии к Европе был свой главный интерес — финансы. Не столько торговые договоры и разные выгодные коммерческие сделки, сколько кредиты и займы.

«Занимайте, занимайте — где только и сколько можно!» — прямо требовал Гитлер. «Занимайте! — вторил ему Геринг, только что назначенный ответственным за выполнение «Четырехлетнего плана». — Нам не нужен мировой рынок, а на европейском мы скоро сами будем решать, кому и какие проценты выплачивать». Прозрачно сказано!

Иными словами, в дни Берлинской олимпиады подковерная возня ожидалась большая, и пота в ней было пролито не меньше,

чем на олимпийском стадионе.

Особенно настойчиво европейские «засланцы» домогались заместителя фюрера Рудольфа Гесса, как человека, имевшего влияние на вождя. Гесс же сосредоточился на главном: Британия!

«После подписания англо-германского морского соглашения путь к дружбе открыт, — прямо выражал он свою идею фикс, — Англия и Германия должны поделить сферы влияния и править миром вместе».

1 августа на церемонии открытия, стоя справа от фюрера, Рудольф Гесс посматривал на трибуну почетных британских гостей, среди которых находился молодой член Британского парламента маркиз Клайдсдейл, входивший тогда в круг молодых друзей Черчилля, будущий герцог Гамильтон. Этого блестящего авиатора называли «летающим маркизом», а еще-«боксирующим маркизом», поскольку он был чемпионом Шотландии в среднем весе. Английские историки хором утверждают, что ни на одном светском рауте в дни Берлинской олимпиады Гесс и маркиз Клайдсдейл ни разу не встречались. И на этом основании делают вывод, что они не встречались вообще. Как будто можно встречаться только на раутах! Однако в 41-м, когда после перелета Гесс уже находился в английском плену, и немцы, и англичане, пытаясь объясниться, официально поведали миру, что знакомство состоялось именно во время Берлинской олимпиады. Об этом свидетельствовал и Карл Хаусхофер. Он же и дал показания перед Нюрнбергским трибуналом, что сводником в этом деле выступил его сын Альбрехт — тот самый, что приехал в Германию, чтобы в последний раз увидеть ее в «маске человеколюбия».

«…Свернув с Унтер-ден-Линден, в честь олимпиады очищенной от лип и антисемитской пачкотни, мы направились к Бабельсбергу. Мой друг (Гесс. — *Е.С.*) выглядел озабоченным; казалось, рассказ нашего гостя (маркиза Клайдсдейла. — *Е.С.)* о гималайской экспедиции мало его интересовал…»

Гесса, конечно, интересовали Гималаи, однако в тот день, 3 августа, он был озабочен тем, как бы отделаться от «охраны», или «гиммлеровского хвоста», который с 33-го года намертво прирос ко всем вождям и отцепить который было не в их власти. Можно было только попытаться обмануть, перехитрить эту «охрану», что Гесс и проделал, поскольку уже имел навыки в подобном деле. Альбрех Хаусхофер с юмором описывает, как в результате «маневра» они втроем оказались в какой-то «забегаловке» на окраине Бабельсберга, где «можно было затеряться среди накачанных пивом работяг». Шпиономания уже распространилась по Германии, и, услышав английскую речь, «накачанные пивом»

проявили бдительность и, приняв компанию за английских шпионов, едва им не накостыляли. Маркизу пригодились его боксерские навыки; неузнанный заместитель фюрера тоже дрался за двоих, поскольку, как пишет дальше Хаусхофер: «я был парализован припадком нервического смеха».

Но несмотря на приключение, дело было сделано: Гесс и Клайдсдейл договорились о «сотрудничестве в деле сближения великих держав», которое будет развиваться еще пять лет и выльется в тот самый знаменитый полет Гесса в Англию.

Хаусхофер познакомил Клайдсдейла и с Герингом. Под шум олимпиады британскому гостю были устроены экскурсии на аэродромы Люфтваффе — Добериц и Штаакен; Геринг откровенно делился своими планами с англичанином, показывал секретные разработки Технического отдела.

Думаю, оба они — и Гесс, и Геринг — в 36-м году еще страдали комплексом неполноценности людей, недавно пришедших к власти и пытающихся «надувать щеки» перед знатным британцем, иначе они бы придержали языки, особенно Геринг.

У герцога Гамильтона со временем сформировались собственные представления об интересах Британии, вошедшие в непримиримое противоречие с планами Геринга и Гесса. И если у Геринга хватило чувства самосохранения не высовывать носа за пределы рейха, то Гесс, в 41-м году, совершая ответный визит вежливости к герцогу Гамильтону, вместо дружеских объятий попал прямиком в руки британских спецслужб.

К сведению читателя: Альбрехт Хаусхофер был расстрелян СС в апреле 1945 года в тюрьме Моабит.

Золото партии

Золотой запас нацистской партии не обнаружен до сих пор.

Действующие лица:

Адольф Гитлер — в 1933–1945 гг. фюрер и канцлер Третьего рейха;

Рудольф Гесс — его заместитель по партии. Нюрнбергским трибуналом приговорен к пожизненному заключению в берлинской тюрьме Шпандау, где и умер в 1987 году;

Мартин Борман — погиб в победном мае 1945-го при попытке вырваться из Берлина;

Роберт Лей — глава организационного отдела НСДАП и одновременно — Германского Трудового фронта (что-то вроде объединенного профсоюза, но с несоизмеримо большими полномочиями); покончил с собой в октябре 1945-го в Нюрнберге, в преддверии суда;

Рудольф Шмеер — заместитель главы Трудового фронта.

Секретнее военных тайн

«Нам приписывают много ошибок, но мы совершили только две: неверно обошлись с евреями и с нашим золотом», — заметил в 1971 году в Шпандау Рудольф Гесс. Как «обошлись» нацисты с евреями — история никогда не забудет. Но что за «ошибка» с золотом?

Третий рейх тратил гигантские средства на вооружение, огромные — на социальные программы; большие — на пропаганду; приличные — на прикладные науки; кое-какие — на фундаментальные… Поди разберись, в чем Гесс усмотрел ошибку. Однако для историка в его словах — подсказка: и Гитлер, и его заместитель «нашим» называли только золото своей партии.

Двойная бухгалтерия

Золото НСДАП — один из самых больших секретов гитлеровской Германии. Речь, разумеется, не о средствах, использованных на текущие расходы, а о «святая святых» — «особом», «отдельном» золоте, резерве партии для стратегических целей. О нем даже в руководстве рейха знали единицы.

История этого золота достаточно ясно прослеживается до 1936 года.

Казначеем НСДАП был Ксавье Шварц (партийный билет № 6), известный в аппарате НСДАП своей скаредностью. Гитлер не раз громогласно жаловался, что у Шварца не получишь ни пфеннига, что Шварц «прирос задницей к сундукам», что ему, фюреру, «на паперти подадут больше». Но, повторяю, жаловался очень уж по-актерски. С чего вообще шуметь о каких-то «сундуках», если нацисты тщательно создавали себе имидж бедной рабочей партии, главное достояние которой — идейная целеустремленность?

После краха Третьего рейха было уничтожено 90 процентов всех финансовых документов НСДАП как объекта финансирования. Однако примерно столько же процентов документации субъектов этого финансирования сохранилось. Часть бумаг доступна историкам. И вот из этой, подчеркиваю, части документов известно об огромном количестве всевозможных касс, закрытых фондов, личных счетов крупных предпринимателей и прочее. Именно из них с 1924 года (после выхода Гитлера из тюрьмы Ландсберга) золотые струйки потекли прямиком в «сундуки» Шварца. Но одновременно существовали официальная партийная касса, открытые фонды вроде «Фонда пособий» (за который отвечал Борман), заявленные по всем правилам источники. Отсюда шли отчисления на «партийное строительство», пропаганду, избирательные кампании… Вот этих денег хронически не хватало — потому Гитлер жаловался на партийную бедность, воздевая руки на манер античного трагика, призывал гауляйтеров самим «изыскивать средства»… Но не хватало именно потому, что часть поступлений откладывалась на «стратегические цели». Что имелось в виду?

«Золотые мечты», «золотые ноги» и «золотой член»

Гесс вспоминал про «золотые мечты фюрера» — «фундаментальную науку», которую, по выражению Гитлера, «мы со временем всю купим в Америке»: передовую медицину, космос… На этом, правда, перечисление обрывалось.

«К 33-му году мы были, я думаю, самой надежно обеспеченной из противодействующих партией, ибо уже тогда стояли на золотых ногах». Сказано опять-таки Гессом, человеком на слова не менее скупым, чем Ксавье Шварц — на партийные пфенниги.

Сколько всего этих пфеннигов, отлитых в «золотые ноги НСДАП», насчитывалось к 1933 году — неизвестно. Но есть одно любопытное свидетельство. В 1936 году, перед началом операции

по ремилитаризации Рейнской области, Гитлер в «ближнем кругу» обсуждал «масштаб предполагаемых мероприятий». Стенограммы подобных секретных заседаний не велись, однако сохранились пометки в блокноте Бормана. Среди сугубо деловых записей — двусмысленная фраза: «Умеренность и постепенность! Лей предложил отлить за четырехлетку золотой член».

Юмор Лея нужно разъяснить. Незадолго до того один из пронацистских скульпторов изваял статую образцового арийца, очень понравившуюся Гитлеру. Обнаженный суровый атлет должен был символизировать мощь партии. Автор работал в реалистической манере, все части тела лепились анатомически. В том числе и интимные — что было предметом постоянных шуточек «между своими».

С середины тридцатых годов военная машина Германии начала стремительно превращаться в гигантского монстра; заявленный социализм («Жилье, медицина, культура — для рабочих бесплатно!» — лозунг Трудового фронта) сжирал колоссальные средства… Смысл «шуточки» Лея таков: раньше в партийную кассу удавалось откладывать столько, что хватило на «золотые ноги» для нашего арийца; сейчас хватит только на «золотой член, но это тоже… немало».

Кстати сказать, Лей был одним из немногих сторонников постоянных денежных вливаний в науку. Проекты, которые сейчас, по незнанию, называют «мистическими», были вполне реальны, например, разработки принципиально новых летательных аппаратов. Именно Лей из казны Трудового фронта субсидировал первые «дисколеты» инженера Белонце. На те же деньги планировалось запустить и проект «Ш» (Шамбала), поскольку Гитлер и Гесс напрямую увязывали «перспективы с прошлым» (выражение Гесса), то есть передовые исследования с древними познаниями человечества. Однако большинство таких исследований Гиммлер сосредоточил в секретных лабораториях Вевельсбурга, а это уже отдельный разговор.

Шахт против шахт

Но неужели при таких тратах они умудрялись еще что-то откладывать? Умудрялись. С 1937 года немецкие дипломаты рыщут по миру в поисках займов. Президент Рейхсбанка Ялмар Шахт резко возражает и — слетает с поста.

«Деньги имеют свойство протухать, — писал он в 1938 году, — и золото теряет срок годности на определенные цели». (Спор чем-то напоминал наши нынешние разговоры вокруг

Стабилизационного фонда.) Есть деньги — как поступить? Пустить на насущные нужды или отложить про запас? Шахт был прежде всего экономистом и знал, что деньги должны работать, а не дремать в сундуках Шварца. Впрочем, уже не в сундуках. С 1937-го все обстоит гораздо серьезнее.

«Наше золото вернулось в горные породы», — заметил в Шпандау в шестидесятые бывший министр экономики рейха Функ. Еще одна запись из блокнотов Бормана: «…пункт 4. О закладке АК 6–13. Срочно. На доклад 14.03.38».

Что такое «АК» — можно понять из протоколов допросов Кальтенбруннера, отвечавшего за работы в так называемой Альпийской крепости в 1945 году — месте, куда Гитлер мог бы скрыться после захвата Берлина. «АК» — альпийские шахты, в которые НСДАП закладывало на хранение свой стратегический запас. Тот самый, начинавшийся с пфеннигов Ксавье Шварца.

Поиски полковника Гаррисона

Вопрос об альпийских хранилищах НСДАП почти не известен историкам, но хорошо известен американским спецслужбам. Именно они установили, что с лета 1938 года, то есть после аншлюса Австрии (и захвата австрийского национального банка), в Альпах начались работы по закладке новых хранилищ. К первым пяти «АК» добавлялось еще восемь. О чем и собирался доложить фюреру Мартин Борман 14 марта 1938 года в Вене — Гитлер там праздновал присоединение Австрии.

Шварц знал, откуда приходит золото, вел учет — но не знал, где оно хранится. Кто-то закладывал шахты — но не знал для чего. Еще кто-то продумывал охрану, маскировку — но не знал назначения объекта. Так строилась система — каждый знает свой элемент, но кто знает картину в целом? Только Гитлер, Борман… Знал Гесс, однако в 1941-м он улетел в Англию и вышел из игры (а система тем временем расширялась, менялась). Агенты Алена Даллеса под руководством полковника Гаррисона после краха нацистской Германии пытались восстановить картину. Они установили, что последнюю инспекцию шахт Борман провел 18–19 марта 1945 года. Но уже через месяц с небольшим (события в те дни развивались стремительно) расклад изменился.

…Ушлый Борман давно был уверен, что держит партийное золото в своих ухватистых мужичьих лапах. В апреле 1945-го он непростительно расслабился. «22.4.45. Хуммелю, Бергхоф. С предложенным перемещением за океан, на юг, согласен. Борман», — такую шифровку перехватил шпионивший за всеми в

рейхсканцелярии генерал СС Бергер и передал фюреру. Это означало: Борман намерен бежать.

И Гитлер решил Бормана от себя не отпускать. А все карты, шифры и коды, позволявшие добраться до золота, передал Лею, который улетел из Берлина (после войны Лей стал объектом особой охоты агентов Даллеса). Лей сумел побывать в Альпах, в районах шахт АК-9, АК-3 и АК-8 вместе со своим замом Рудольфом Шмеером. После чего Шмеер на много лет исчез. Лишь в 1963 году он прислал вдове Лея два письма.

«…Мы с шефом чудом сели на узкой полосе между гор. <…> Шеф оставил мне карты и улетел в Бергхоф, чтобы запустить операцию: в № 8 (одна из секретных шахт. — *Е.С.)* за десять часов предстояло перевести всех работавших под землей заключенных для ликвидации. Дальше, в 18 часов, я должен быть возле № 8, но вместо сигнала о ликвидации сообщить охранной команде, что после первого же их выстрела в шахту будет пущен газ. «Охранники набраны из бывших уголовников? — предположил я. — Тогда, скорее всего, они струсят и полезут наверх». — «На это я и рассчитываю, — кивнул шеф. — Как только они вылезут, то автоматически станут нарушителями приказа, и им ничего не останется, как только дезертировать. <…> Если что-то пойдет не так, например, [заключенные] обнаружат, что газ — это блеф, не рискуй. <…> Если мы проиграли, значит, Бог передумал и отнял у нас шанс. Теперь он дает его нашим врагам»».

Собственно, это и произошло. Кто-то из рабочих-заключенных сумел выбраться, выйти к американцам. И передать информацию, с помощью которой тем удалось позднее без лишнего шума отыскать три из тринадцати альпийских хранилищ. Лет тридцать назад в США об этом писали, но — лишь раз и довольно невнятно. С тех пор молчат. Судя по всему, остальные шахты обнаружить не удалось.

Роберт Лей — единственный человек, владевший всей полнотой информации о золотом запасе нацистов — повесился в Нюрнберге еще до начала суда, которого он боялся, видимо, не меньше, чем суда Господня.

P. S. Естественный вопрос: о какой сумме идет речь? По подсчетам американских журналистов, общая стоимость изъятого из тех трех вскрытых шахт, в полтора раза превышала сумму, в свое время слитую Гиммлером в банки нейтральных стран, — около пяти миллиардов долларов. То есть получается, что только в трех шахтах хранилось золотых и платиновых слитков, а также ювелирных изделий примерно на восемь миллиардов. Впрочем, еще не факт, что во всех остальных шахтах вообще что-то

хранилось — возможно, часть из них просто закладывалась на перспективу. В любом случае, и американцы, и австрийцы всю информацию об «альпийских шахтах Гитлера» хранят в секрете до сих пор.

«Молодежь — в руках фюрера»

15 марта каждого года «тысячелетнего рейха» был особым днем в жизни каждого немецкого мальчика.

«У кого в руках молодежь, у того в руках будущее», — любил повторять Гитлер.

Это точное высказывание было им украдено у министра иностранных дел Веймарской республики Густава Штреземана, нобелевского лауреата, одного из самых продуктивных немецких политиков двадцатых годов, боровшегося за реальное облегчение положения Германии после «Версаля» и сближение ее с бывшими противниками. Штреземан умер в 1929 году, когда Гитлер еще только подбирался к политической власти, опираясь на противоположную тактику: изоляция Германии, ухудшение жизни внутри страны, разъединение и раскол всех и вся. Однако в этом хаосе и брожении одну часть немецкого общества, по замыслу нацистов, нужно было охватить и крепко сжать в единый кулак — молодежь.

Молодежные отделы и структуры входили в состав многих политических партий, однако к мысли Штреземана по-настоящему прислушались и приняли ее к исполнению одни национал-социалисты; остальным партиям оказалось не до того. Нацисты сделали ставку даже на детей. Правда, поначалу — лишь как на средство.

…1926 год. Действует запрет на публичные выступления Гитлера. Фюрер приезжает в Кёльн, где местный гауляйтер устраивает ему «камерные» выступления для рейнских буржуа, выкладывающих за входной билет по 300–500 марок (когда партийный казначей Шварц говорил: «Мой фюрер, не пора ли вам съездить в Кёльн?», это значило, что казна партии истощилась). В апреле 1926-го после «кёльнских гастролей» казну, как всегда, пополнили, но Гитлер рвется говорить с массой, и озадаченный гауляйтер обещает ему это устроить. Но как собрать митинг, не нарушая закона, по которому даже листовки и объявления клеить запрещается?!

Сообразительный гауляйтер поступает так. В кёльнских школах детям сообщают, что сегодня для них будет устроен спортивный праздник. В этой информации нет ничего необычного: штурмовики иногда проводили свои «учения», называя их «спортивными праздниками», на которые собирались в качестве зрителей (а в иных видах и участников) дети и подростки. Непривычно только название мероприятия —

«Праздник Живого огня», и время — семь часов вечера. Дальше происходит следующее. В сумерках дети собираются на самом большом в городе спортивном поле. Им дают в руки зажженные смоляные факелы и учат строиться в геометрические фигуры. В десятом часу к полю начинают приходить родители: кто-то из любопытства; кто-то в возмущении. Негодующих вежливо задерживают на трибунах и ставят так, чтобы они могли созерцать своих чад сверху и со стороны. Раздражение постепенно гаснет — родители очарованы зрелищем и находят его красивым.

«С пылающими щеками, возбужденные от вида живого огня в детских руках, взрослые были готовым материалом. Фюрер остался доволен», — хвастался позже предприимчивый гауляйтер.

Детей тогда собралось около десяти тысяч (правда, это по партийным данным, которые всегда следует делить на два), но число взрослых можно смело на два умножать. Гитлер, естественно, перед ними выступил и «остался доволен».

Опыт кёльнского гауляйтера тут же переняли другие, например, гауляйтер Нюрнберга Юлиус Штрейхер. И тоже удачно.

Любопытный факт: когда прообраз Гитлерюгенда «Юнгштурм Адольфа Гитлера», созданный еще в 1922 году для 14–18-летних, в 1931 году образовал в своем составе Союз мальчиков (для 10–14 лет) и Союз девочек для того же возраста, численность членов НСДАП резко возросла. «Менее податливый материал двинулся за более податливым, — писал Геббельс, — тут тонкая психология».

(Психологи действительно знают такое явление, как постепенное дистанцирование родителей от своих подрастающих детей, начинающееся примерно с четырнадцатилетнего возраста. Десяти-двенадцатилетние же еще находятся в активном поле зрения взрослых.)

После прихода к власти нацистские лидеры направили свою энергию не столько на «тонкую психологию», сколько на размах и основательность.

«Мы начинаем с трехлетних детей. Как только ребенок научится думать, мы даем ему в руки флажок, потом — школа, Гитлерюгенд, штурмовой отряд, служба в армии. Человек попадает к нам в обработку, сам того не понимая, и когда он проходит через все эти стадии, его берет Фронт Труда и не отпускает до самой могилы, хочет он этого или нет», — писал вождь Трудового фронта Лей.

Трехлетние дети в военной или трудфронтовской форме, с флажками, тянущие ручонки в нацистском приветствии, были привычным зрелищем в тридцатые годы в Германии и вызывали умиление у иностранных кинооператоров, старавшихся

запечатлеть их для истории.

Пятилетние дети в форме уже ходили строем, с такими, к примеру, речевками:

Тот, кто хочет стать солдатом,
Тот оружие должен иметь,
Заряжать его порохом должен
И гладкою твердой пулей!

Настоящий пик государственного внимания наступал, когда ребенку исполнялось десять лет. Все годы «тысячелетнего рейха» день 15 марта был совершенно особым днем в жизни немецких семей.

Ежегодно все мальчики, достигшие десяти лет к 15 марта, обязаны были являться в штаб-квартиру Имперского молодежного союза для регистрации.

Процедура обставлялась торжественно. Дети получали в подарок книги и значки; они выходили взволнованные, с сознанием исполненного гражданского долга. Ни они, ни их родители не представляли себе, какому тщательному изучению будут подвергнуты все сведения о мальчике и его семье, в особенности — о расовой чистоте. В течение следующих тридцати пяти дней (с 15 марта до 20 апреля, дня рождения фюрера) функционеры штабов Имперской молодежи решали все будущее мальчика, сортируя карточки с данными по определенным категориям.

«Расово чистые» зачислялись в «Юнгфольк», младшую группу — от 10 до 14 лет. Необычайно пафосная процедура приема происходила 20 апреля — в день рождения фюрера.

…Мой дорогой Генрих!

Сегодня, 15 марта 1942 года, мне поручено послать тебе торжественное поздравление по поводу твоего предстоящего вступления в ряды Молодежи Адольфа Гитлера. Как каждый «пимпф» (член «Юнгфольк»: от 10 до 14 лет, — *Е.С.*), ты, конечно, твердо знаешь «швертворте» (нацистская клятва верности. — *Е.С.)* и «Хорст Вессель» (нацистский гимн. — *Е.С.)* и легко пробежишь 60 метров за 12 секунд (норматив. — *Е.С.*). У тебя еще есть четыре года, чтобы научиться остальному. Поздравляю и крепко обнимаю тебя.

Твой друг Кронци

15 марта 1942 года, Берлин

Это письмо написано старшим сыном Мартина Бормана, двенадцатилетним Адольфом Мартином Борманом, которого в семье звали Кронци (от кронпринца. — *Е.С.*), — десятилетнему Генриху Лею, младшему сыну лидера Трудового фронта.

Генрих Лей с 1939 года вместе с матерью и сестрой жил за границами рейха (Франция, США, Швейцария). В этой семье царили совсем другие настроения и принципы воспитания, и письмо Кронци было, конечно, написано под диктовку его отца с изрядной долей издевки над соратником, вынужденным мириться с такой формой протеста своей жены.

Вполне вероятно, что Борман (с той же издевательской подоплекой) посоветовал Гитлеру именно Лею поручить разработку устава для «Орденсбурген» — «Рыцарских замков» — закрытых учебных заведений для формирования нацистской элиты — учебных заведений высшей категории, после «школ Адольфа Гитлера» и «Наполас» (национал-социалистических школ).

Лей разработал, причем сразу для всех трех категорий. И предложил… Борману отправить в первое же открывшееся такое заведение своего старшего сына, для примера. Одиннадцатилетний, пухлый, приземистый и черноволосый Кронци стал воспитанником школы Адольфа Гитлера, где идеалом считался высокий голубоглазый блондин, гибкий и ловкий; спорту уделялось пять с половиной дней в неделю, преподавание немецкого языка велось по нацистским газетам, а литературы — по антисемитскому еженедельнику «Дер Штюрмер»[1].

Если бы «тысячелетний рейх» дожил до восемнадцатилетия Кронци, то есть до 1948 года, то сын Бормана безусловно попал бы в один из «Рыцарских замков» в Гроссинзее, Зонтхофене или Мариенбурге, где на тысячу воспитанников приходилось пятьсот преподавателей и инструкторов. Правда, после шестилетнего обучения в «школе Адольфа Гитлера» Кронци обязан был бы еще два с половиной года отработать в «Службе труда рейха», либо четыре года пробыть на партийной работе, но сына Бормана, конечно, от этих повинностей освободили бы.

Молодая элита буквально рвалась поскорей попасть в эти «рыцарские замки», окруженные мистическим ореолом тевтонского рыцарства.

Чему их там учили, можно судить хотя бы такому стандарту, утвержденному Леем:

«…По шесть часов в день должно быть уделено верховой езде, поскольку это укрепляет и поддерживает ощущение полного господства над живым существом».

Именно эта цель — достижение господства над живыми существами — и была сутью всего воспитания и образования молодежи Третьего рейха.

«Любое знание есть диверсия против самообладания, — считал Гитлер. — Национал-социалистическое государство должно стоять на двух образовательных идеях. Первое — разжигание огня в сердце моей молодежи и внедрение в ее разум понятия расы. Второе — готовность победить или умереть. <…> Конечная цель образования моей молодежи — создание нового человека, фанатически преданного национал-социалистической идее»

А ведь в течение четырех предшествующих «Третьему рейху» столетий образовательная система Германии считалась лучшей в мире. В Германию всегда ехали *учиться*. Как нацистам удалось развалить эту систему всего за два года?!

«Инновации — вот ваш инструмент, — поучал все тот же вредоносный Лей министра образования Руста. — Под маркой экспериментов и заимствований иностранного опыта смело наносите удары ломом».

«С университетами проще, — продолжает он же. — Дать трибуну Хайдеггеру, вычистить остатки самоуправления, менять преподавательский состав, поменьше часов в аудиториях, побольше на воздухе… В университетах хороший дух. Когда я сам учился, еще до Первой мировой, у нас и тогда уже хорошо пахло патриотизмом».

(Для сравнения: автор этих строк для обучения собственных детей, живших в Париже, пригласил трех итонских профессоров.)

Руста поучал и Геббельс. «Преподавание религии, — писал он, — должно вестись во всех школах, но в самом темном углу, куда никому не хочется заглядывать. Через несколько лет мы выпустим оттуда учителей-священников прямо под наши знамена».

Во время допросов перед началом заседаний Нюрнбергского трибунала бывшие вожди говорили, что не понимают, как и почему у некоторой части немецкой молодежи вдруг проступила такая звериная, садистская жестокость. Кальтенбруннер, например, заявил следователю, что когда молодые, даже юные солдаты СС соревнуются в меткости стрельбы из огнеметов по играющим на футбольном поле польским детям, то они, безусловно, «находятся под воздействием каких-то наркотических препаратов». А Юлиус Штрейхер, доказывая цивилизованность национальной политики Германии, показывал один из пунктов инструкции для руководителей Гитлерюгенда, подписанного его

главой фон Ширахом, по которой командирам отрядов вменялось в обязанность «предотвращать или не допускать драки членов нацистского молодежного союза с еврейскими детьми». Следователь в ответ зачитал абзац из учебника биологии под редакцией Гауха, 1938 года издания:

«Животный мир следует классифицировать на представителей нордической расы и низших животных». Дальше следователь задал вопрос: «Зачем детям приказывать не трогать «детенышей низших животных», если взрослым будет приказано их убивать?» — «Ваш вопрос показывает, что вы ничего не смыслите в воспитании, — ответил Штрейхер. — Наш ребенок растет в системе запретов. Система поднимается вместе с ним. Наш юноша никогда из нее не выйдет. Вот почему наш солдат всегда выполнит приказ».

Любопытно, что, находясь в Нюрнберге, Герман Геринг признал-таки одну «ошибку», совершенную национал-социалистами в воспитании своей молодежи.

««Отвага безграмотности», превозносимая фюрером, — писал Геринг, — действенна в победоносном наступлении. Но в трудных, позиционных сражениях необходимо было иметь в резерве полки интеллектуалов».

Другая Германия

В апреле 1943 года старший криминальный советник (штурмбанфюрер СС) Отто Штамм представил своему начальству обычный доклад о работе своего подразделения, одним из пунктов которого значилась «ликвидация тридцати подпольных квартир в Берлине», с перечислением адресов, имен арестованных подпольщиков, а также нескольких берлинских заводов, на которых ими велась «подрывная» работа. Доклад, повторяю, вполне рядовой, но именно этот пункт кто-то, видимо начальник Штамма, обвел красными чернилами и, судя по всему, переправил документ выше, потому что поверх подписи старшего криминального советника стоит регистрационная печать Отдела «охранных арестов», которым руководил Генрих Мюллер. Доклады чиновники аппарата СС обычно «футболили» наверх в случаях «политической неясности», то есть — редчайших. Что же в этом пункте доклада показалось неясным начальнику Штамма? И вот, в том же апреле сорок третьего, шеф Мюллера Кальтенбруннер все разъяснил:

«Рейхсфюрер (Гиммлер. — *Е.С.*) требует прекратить пагубную практику завышения цифр… Тридцать подпольных квартир в Берлине — пропаганда двух-трех изменников, вроде Шоллей в Мюнхене!.. Эти тридцать «белых роз» не более чем постсталинградский синдром страха наших сотрудников».

«Шолли в Мюнхене» — Ганс и София — создали студенческую антифашистскую организацию под названием «Белая роза», занимавшуюся составлением и распространением листовок, открытыми протестами против внедрения «оглупляющей культуры» в форме диспутов с профессорами университета, и нескольких из них они привлекли на свою сторону. Брат и сестра Шолль в тридцатых годах маршировали под знаменами Гитлерюгенда, а потом, разобравшись в происходящем, начали активную борьбу с обманувшим их ожидания режимом. Ребята действовали открыто, часто вызывающе, их быстро разоблачили и, пропустив через скорый Народный трибунал, повесили.

На суде в Нюрнберге Кальтенбруннер довольно пренебрежительно говорил о «немецком движении Сопротивления» (термин историка Г. Риттера. — *Е.С.*), как о «взводе струсивших генералов» и «кучке зарывшихся в ил коммунистов с социал-демократами» и еще всяких «чертовых цветочных обществах». Заместитель Гиммлера демонстративно и по понятной логике занижал масштабы сопротивления режиму,

которому он служил. После войны находились историки, фактически разделявшие мнение обергруппенфюрера СС о том, что никакого внутреннего протеста в немецком обществе тогда не было, а если кто-то и хотел перемен, то одна так называемая генеральская, или военная оппозиция. Ну, еще всякие там «цветочные общества»! У этой клеветы на немецкий народ есть простое, статистическое и… трагическое опровержение, которое мы находим в тех же отчетах карательного аппарата СС: только за январь-апрель 1943 года гестапо казнило 310 тысяч борцов немецкого Сопротивления. Это и была та самая *другая* Германия, о которой замечательно рассказал Михаил Ромм в фильме «Обыкновенный фашизм».

Эта *другая* Германия была разной. И главная беда ее состояла в том, что она не была единой. Даже внутри «генеральской» оппозиции шел раздор. Например, один из руководителей «июльского заговора» Карл Герделер так и не смог договориться с фон Штауффенбергом, Беком и Мольтке о кандидатуре будущего канцлера (после устранения Гитлера). Этот и другие вопросы оказались столь принципиальными, что Герделер и Бек, придерживавшиеся относительно демократических взглядов на будущее страны, в начале 44-го года установили контакт с действующим коммунистическим подпольем — антифашистским комитетом «Свободная Германия», и ровно за месяц до покушения на Гитлера — 20 июня — состоялась встреча одного из руководителей «Свободной Германии» Антона Зефкова с представителем Штауффенберга, бывшим депутатом рейхстага Рейхвейном. Но могли ли они договориться, если в проекте Бека и Штауффенберга об осадном положении, которое предполагалось ввести после устранения Гитлера, было четко прописано следующее:

«Концлагеря следует обеспечить новой охраной. Освобождение осуществлять только в тех случаях, когда арест был недвусмысленно совершен с нарушением норм права. <…> Необходимо позаботиться о том, чтобы все военнопленные и иностранные рабочие оставались на своих местах и продолжали работать. <…> Охрану советских военнопленных следует значительно усилить и такое соотношение поддерживать впредь».

У высших офицеров и элиты, допущенной к «телу» (Гитлера), а значит, имевшей реальную возможность физического устранения фюрера, были собственные взгляды на войну с Россией, в корне отличавшиеся от взглядов коммунистического антифашистского подполья, давно и упорно расшатывающего нацистский режим изнутри методами пропаганды и диверсий на

предприятиях против так называемых «фюреров производства», антифашистской агитации среди солдат вермахта и СС. Вот выдержки из листовки, составленной Антоном Зефковым:

«Солдат СС, по-прежнему ли «твоя честь называется верность»? (девиз эсэсовца. — *Е.С.)* … Освободи свое сознание от этих фраз, при помощи которых фюрер держит на привязи тебя и твоих товарищей! Ты должен знать: твоя честь и твоя верность принадлежат твоему народу.

…Долг немецкого солдата — отдать свою жизнь за окончание войны и свержение Гитлера».

Понятно, что Штауффенберг из этого текста взял бы только последние два слова. Таким образом, обе антигитлеровские силы продолжали действовать порознь, что и дало повод Кальтенбруннеру говорить о «взводе» и «кучке». У руководителей карательного аппарата была уверенность, что с оппозицией, разделенной политическим фронтом, можно в конце концов справиться. По крайней мере, ясно было, как с такой оппозицией «работать»: «ловить, давить, а гнезда дезинфицировать» — простенькая формулировка Генриха Мюллера от ноября 1941 года.

Однако остается вопрос: почему от двух реальных оппозиционных сил эсэсовские функционеры все-таки отделили ничего на их взгляд собой не представляющие «цветочные общества», да еще и с явным раздражением обругали их «чертовыми»?

«Что за глупость у вас вышла с этим уставом? — сердито спрашивал в письме своего семнадцатилетнего сына группенфюрер СС Ганс Рикке, статс-секретарь Имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства. — То, что я узнал, превосходит границу здравого смысла… Мне прислали копию… Это примитивно зашифрованная листовка пропагандистской антигосударственной партии Тельмана. Кто ее писал? Кто распространил среди таких идиотов, как ты? …Один совет я тебе все же дам — немедленно назови имена всех авторов, если они тебе известны. А они тебе известны, потому что с твоим честолюбием ты, конечно, не мог стоять в стороне! Сделай это, мой мальчик. Таков мой приказ — приказ отца, — он снимает с тебя ответственность перед твоими товарищами. …Но как… как такое могло с тобой произойти?! («с тобой» подчеркнуто. — *Е.С.*) Я не понимаю!.. Я отказываюсь понимать, но вынужден верить».

Речь идет о новом уставе элитного мюнхенского аэроклуба, который молодые пилоты, готовившиеся к службе в Люфтваффе, с разрешения начальства захотели переписать по-своему. И

переписали.

Я нарочно сохранила всю пунктуацию подлинника, потому что это «Я не понимаю!..», по-моему, сродни раздражению Кальтенбруннера, выразившееся у того в слове «чертовы». Они не понимали. Почему… откуда… как мог вызреть протест даже в их детях — подрастающей нацистской элите, которой они готовили в будущем столько удовольствий, в частности — власть над миром?!

Это тоже была другая Германия — думающая, глядящая широко открытыми глазами молодости на стремительно накатывающий, обрастающий преступлениями ком человеконенавистнических идей. Молодость хочет любить и строить свою жизнь, а ее заставляли ненавидеть и разрушать чужие. Этого-то и не смогли понять ни Кальтенбруннер, ни его заместитель Мюллер, ни его шеф Гиммлер. Непонятное раздражает, держит в напряжении, пугает, наконец.

Только к концу 44-го года в аппарате СС по личному распоряжению Гиммлера начал разрабатываться особый план по работе со «стихийными проявлениями всякого рода протестных настроений, не попадающих под имеющиеся образцы». (Документ был позже представлен среди прочих перед Нюрнбергским трибуналом.) Этот «план», еще до того как был полностью составлен, уже оброс статистикой. Причем почему-то начиная с 1938 года. Возможно, это было нечто вроде «сброса» всего, в свое время не попавшего «под имеющиеся образцы».

Вот несколько примеров, представленных чиновниками следственного аппарата СС.

1938 год. Кёльн. Арестована молодежная студенческая группа, играющая запрещенный в Германии джаз. «Джаз-музыканты» «нагло заявили», что такова их «форма протеста» против молодежной и культурной политики правительства. «Сопляков» (перевод автора) пришлось выпустить, поскольку «глава джаз-банда» оказался сыном одного из рейхсляйтеров.

1939 год. Йенский университет. Группа студентов в течение полугода занималась распространением запрещенной литературы. Их сокурсники, а также часть преподавателей об этом знали, однако «донес только один, и то через пять с половиной месяцев после начала преступной деятельности».

1940 год. Гамбург. Группу школьников из семи человек переловили за следующим занятием: дети писали краской на стенах домов в своем районе: «Гитлер — это ложь, война, смерть!». Приписка: «В связи с этим и подобными случаями снова встает вопрос о создании особых корректировочных лагерей для детей арийской национальности (до 14 лет)».

1941 год. Берлин. Завод «Лоренц». Порча дорогостоящего оборудования группой из трех человек. Все арийцы, члены Трудового фронта. Завод «Аскания-верке». Взрыв толовой шашки в здании администрации. Ариец, 21 год, племянник начальника цеха. Объяснения давать отказался.

1942 год. Берлин. Группа из десяти человек подготовила и осуществила побег трех русских военнопленных, работавших на заводе «Хассе унд Вреде». Все арийцы. Не связаны ни с какой подпольной организацией. Свои действия объясняют «пролетарской солидарностью».

И так далее…

Информация об этом малоизвестном сопротивлении, «стихийно» рождавшемся среди немцев, все еще скрыта в отчетах и докладах гиммлеровских чиновников, но, возможно, и она в конце концов выйдет на свет, а вместе с ней — и несколько сотен имен тех, кто сумел сказать Гитлеру «нет».

Последний бой генерала Суслопарова

Почти забыто имя человека, подписавшего от имени СССР акт о капитуляции Германии в Реймсе.

Если задать вопрос нашим соотечественникам, почему все на Западе считают, что Вторая мировая война в Европе закончилась 7 мая 1945 года, а в СССР, и ныне в России, — 9-го, абсолютное большинство, уверена, лишь недоуменно пожмут плечами. И это неудивительно.

Предусмотрительное примечание

Да, в некоторых изданных у нас в стране трудах говорится о том, что в ставку Верховного главнокомандующего объединенными экспедиционными силами союзников генерала Дуайта Эйзенхауэра, находившуюся в Реймсе (северо-западная Франция), тогдашнее правительство Германии, возглавляемое адмиралом Деницем, направило 6 мая генерал-полковника Йодля с задачей заключить перемирие с западными державами. После переговоров немецкой стороне пришлось согласиться с капитуляцией Третьего рейха. Подписание соответствующего акта состоялось в ночь на 7 мая. Но многим ли известны данные факты?

Правда, в мае 2006 года по одному из центральных телеканалов прошла передача «Великая Отечественная». В ней прозвучал краткий рассказ о событиях в Реймсе и был упомянут представитель СССР, которому Эйзенхауэр предложил поставить свою подпись под документом о капитуляции, — Суслопаров. Называлось и его воинское звание — генерал-майор, и должность — начальник советской военной миссии при штабе западных союзников.

Тут надо отметить, что факты из его биографии мне пришлось отыскивать в очень многих источниках…

В некоторых из них справедливо отмечается, что, не имея указаний из Москвы (ответ на телеграмму с запросом «как быть» ко времени начала церемонии подписания акта о капитуляции в 2 часа 30 минут 7 мая еще не пришел), Суслопаров оказался в трудном положении. В самом деле: если не подписывать, то получалось, что СССР остается единственным продолжающим войну с Германией государством из антигитлеровского союза. Генерал проявил вполне разумную инициативу. Он поставил свою подпись под документом. Но — с примечанием, что он «не

исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное государство».

Остается только удивляться, насколько точно Суслопаров предугадал вариант дальнейшего развития событий. Ведь после того как Кремль настоял, чтобы капитуляция Германии была принята в Берлине верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции, документ, ознаменовавший полный военный разгром гитлеровской империи, подписали в ее столице в ночь на 9 мая 1945 года представители СССР (Маршал Советского Союза Жуков), США (генерал Спаатс), Великобритании (маршал авиации Таддер) и Франции (генерал де Латр де Тассиньи).

Артиллерист и дипломат

Что же смог автор этих строк узнать о жизни почти забытого ныне генерала? К сожалению, не очень многое. В частности, в справке, полученной из Центрального архива Министерства обороны РФ, указано, что Иван Алексеевич Суслопаров родился 19 октября 1897 года в деревне Крутихинцы Куменского района Кировской области (именно такая запись имеется в личном деле № 0783357). Родители — крестьяне. Участник Первой мировой войны и Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 году.

Суслопаров сражался в рядах Красной Армии на Восточном и Южном фронтах Гражданской войны в составе прославленной 30-й Иркутской стрелковой имени ВЦИК дивизии и затем продолжил службу в РКАА. Окончил Киевскую объединенную военную школу (1925), инженерно-командный факультет Артиллерийской академии имени Дзержинского (1938). В 1939 году он назначается советским военным атташе в Париже и одновременно резидентом военной разведки. Как отмечается в источниках, «руководит советской разведывательной сетью в Западной Европе, включая знаменитую «Красную капеллу»».

Генералом стал еще в 1940-м. В газете «Красная Звезда» (№ 135 от 12 июля 1940 г.) было опубликовано сообщение такого содержания: «Утвердить представление Правительственной комиссии о присвоении лицам высшего начальствующего состава Красной Армии воинских званий, установленных Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 7 мая 1940 г. … Присвоить звание генерал-майора артиллерии: …84. Суслопарову Ивану Алексеевичу» (на с. 3 газеты помещена и его фотография).

С началом Великой Отечественной войны Суслопаров вернулся на родину. Служил в штабе артиллерии Красной Армии, а с 1942-го до середины 1944 года успешно командовал артиллерией 10-й армии Западного фронта.

Уже в первые месяцы войны в газете «Известия» от 14 сентября 1941 года (№ 218) появилась статья «Артиллеристы Красной Армии», за подписью Ивана Суслопарова: «Н-ский артиллерийский полк… отражал превосходящие силы врага и поддерживал отход наших пехотных соединений на новый оборонительный рубеж… В этом единоборстве противник потерял много танков, машин и пехоты». Суслопаров утверждал, что «одним из доказательств силы советской артиллерии и храбрости артиллеристов является тот факт, что немцы в сбрасываемых ими листовках грозят не давать нашим артиллеристам пощады в случае их пленения. Презирая такое запугивание, наша артиллерия продолжает разить танки, авиацию, артиллерию, пулеметы, минометы и живую силу врага».

Летом 1944 года военачальника-артиллериста снова послали на дипломатическую работу во Францию. Вероятно, тогда ему и было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта (приказа об этом назначении найти мне не удалось). На него возлагалась большая ответственность за осуществление связи с союзниками, открывшими наконец Второй фронт в Европе. Трудность заключалась в том, что Суслопаров находился в Париже, а штаб союзных войск в Реймсе, в 125 километрах от столицы Франции.

Однако следить за ситуацией в штабе нужно было в оба глаза, так как именно там чаще всего германские эмиссары пытались найти пути для сепаратных соглашений. Кремль предвидел возможность подобных шагов.

Наказанная инициатива

Этим правом Суслопарову пришлось воспользоваться 7 мая 1945 года. Вот как излагает ситуацию Семен Штеменко, в ту пору заместитель Антонова: «О всех переговорах и их результатах мы получали регулярные сообщения от наших миссий за границей; особенно подробные — от генерала И. А. Суслопарова… Вечером 6 мая к начальнику советской военной миссии генералу Суслопарову прилетел адъютант Д. Эйзенхауэра. Он передал приглашение главнокомандующего срочно прибыть в его штаб. Д. Эйзенхауэр принял И. А. Суслопарова. Улыбаясь, он сказал, что прибыл гитлеровский генерал Йодль с предложением

капитулировать перед англо-американскими войсками и воевать против СССР…».

Но чуть позже Суслопарова снова пригласили к Эйзенхауэру, который сообщил представителю СССР, что после требования союзников о полной капитуляции немцы согласились подписать соответствующий акт. Эйзенхауэр просил Суслопарова сообщить в Москву текст капитуляции, получить там одобрение и подписать от имени Советского Союза. Подписание, по его словам, уже было назначено на 2 часа 30 минут 7 мая 1945 года в помещении оперативного отдела в штабе главнокомандующего.

В полученном Суслопаровым проекте документа говорилось о безоговорочной капитуляции всех сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, находящихся к данному моменту под германским контролем. Германское командование обязывалось отдать приказ о прекращении военных действий в 00 часов 01 минуту (по московскому времени) 9 мая. Все германские войска должны были оставаться на занимаемых ими позициях. Запрещалось выводить из строя вооружение и другие средства борьбы. Гарантировалось исполнение всех приказов главнокомандующего союзными экспедиционными силами и советского Верховного главнокомандования.

Начальнику военной миссии СССР оставалось весьма немного времени, чтобы получить инструкции своего правительства. Не мешкая, он передал телеграмму в Москву о предстоящем акте подписания капитуляции и его текст; просил указаний. Пока телеграмма Суслопарова была доложена по назначению, прошло несколько часов. В Реймсе перевалило за полночь, и наступило время подписывать капитуляцию. Инструкции же из Москвы не приходили. Создавалась ситуация, когда акт о капитуляции Германии мог быть подписан только между Германией, Англией и США что дало бы немцам возможность продолжать боевые действия на Восточном фронте.

Положение начальника советской военной миссии было весьма сложным. Все теперь упиралось в него. Ставить свою подпись от имени СССР или отказаться?

Иван Суслопаров отлично понимал, что маневр немцев с капитуляцией только перед союзниками мог обернуться в случае какого-либо недосмотра с его стороны величайшим несчастьем. Он читал и перечитывал текст капитуляции и не находил в нем какого-либо скрытого злого умысла. Перед глазами генерала вставали картины войны, где каждая минута уносила множество человеческих жизней. Начальник советской военной миссии принял решение подписать документ о капитуляции.

В 2 часа 41 минуту протокол о капитуляции был подписан.

Впрочем, как уже отмечалось, Суслопаров настоял на включении в документ специального примечания, согласно которому церемония подписания акта о капитуляции должна быть повторена еще раз, если потребует одно из государств-союзников.

Дуайт Эйзенхауэр и представители других держав при его штабе с примечанием Суслопарова согласились. В 2 часа 41 минуту 7 мая в зале, где работали операторы главнокомандующего англо-американскими войсками, был подписан протокол о капитуляции Германии…

Суслопаров немедленно направил свой доклад о состоявшемся событии в Москву, а оттуда уже летела встречная депеша: никаких документов не подписывать! На сообщение о капитуляции 7 мая был наложен запрет. Фамилия генерала из военно-исторической литературы надолго исчезла.

Иван Алексеевич был отозван в СССР. Работал в Военно-дипломатической академии начальником курса. Умер 16 декабря 1974 года в Москве, похоронен на Введенском кладбище.

Браунинг и культура

«…Когда я слышу, слово «культура», моя рука тянется к курку моего браунинга!»

«…У нас больше нет литературы… То, что сейчас пишут, читать нельзя. Это шагистика. И скульптуры нет — одни торсы. Если музыка еще жива, так это оттого, что в нее труднее вторгнуться с «гляйхшалтунг» (координацией. — *Е.С.*)».

Если бы написавший девять романов и четыре тетради стихов Геббельс или почитатель Тициана Геринг знали, что первую цитату из скучной пьесы Йоста «Шлагетер» станут попеременно вкладывать им в уста, они бы возмутились и не поверили. Если я назову автора второго высказывания, не поверит читатель — это Гитлер.

Сочинители романов, ценители живописи, ироничные критики — они играли свои роли в узком кругу посвященных, где Геббельс мог, смущаясь, декламировать свои сонеты, а Гитлер, смущаясь не менее Геббельса, позволить исполнить увертюру к опере «Лоэнгрин» собственного сочинения… В этот «круг» допускались и те, кто занимался искусством профессионально, и, как ни парадоксально это звучит, именно этот четко очерченный круг был для многих из них единственным относительно свободным пространством посреди «мутных волн «гляйхшалтунг», затопивших немецкое искусство».

Последние слова принадлежат Альбрехту Хаусхоферу (сыну знаменитого геополитика), драматургу и поэту. В 1938 году он прочитал отрывки из своей новой пьесы «Сулла» Гитлеру и Гессу. Название предложил Гесс, сказав, что имя самого страшного диктатора в истории человечества говорит само за себя, на что Гитлер весело возразил, что «самым страшным», уж конечно, теперь сделается он, Адольф. Все трое смеялись.

Эту сцену Хаусхофер описал в дневнике, который вел в тюрьме Моабит (листки удавалось тайно передавать отцу) после своего ареста в 1945 году. Здесь в тюрьме он написал и свои знаменитые «Моабитские сонеты», и вместе с последними стихами попала на волю и последняя записка для родителей. В ней были такие слова:

«Если сейчас я со слезами в строчках поклянусь миру, что никогда не служил при столе диктатора, это будет правдой. Я не прислуживал и не кормился от этого стола, но я садился за него, если меня звали. …Моя беда в тех редких минутах, когда я чувствовал себя за ним счастливым. Моя вина в том, что я позволял себе забываться».

Альбрехта расстреляли в апреле 1945 года.

Эмиль Яннингс, Лени Рифеншталь, Эрнст Юнгер, Герхард Гауптман, Георг Гросс и другие выжили.

О Лени Рифеншталь будут говорить еще долго. И удивляться — фашистская марионетка, танцевала голой на столе перед Гитлером, брала для съемок цыган из концлагеря… и этакий талантище! Как же так — *ведь гений и злодейство две вещи не совместные, не правда ль?* Что же правда: «талантище», оставшийся на пленке, или история о том, как она заставляла плясать перед камерой обреченных на смерть цыганят?

В 1934 году Рифеншталь сняла «Триумф воли», фильм о партийном съезде в Нюрнберге. В 1938 году такой же, очередной съезд, самый грандиозный из всех, снимать отказалась, сказав Геббельсу: «Для меня это пройденный этап». У того (если верить запискам Бормана) от подобной наглости «челюсть отвисла». Геббельс пожаловался Гитлеру и получил ответ: «Оставьте Хелену в покое. Почему я должен это повторять!».

В том же 38-м году, осенью, Рифеншталь пригласила на просмотр пленок, снятых в Баварских Альпах, тот самый узкий круг — близкое окружение фюрера. В 70-е годы, отбывая пожизненное заключение в тюрьме Шпандау, Рудольф Гесс так описывал этот эпизод:

«Просмотр начали, как только приехал фюрер. Помимо панорамных съемок Рифеншталь смонтировала несколько сюжетов о жизни крестьян из горных деревушек, широко разбросанных по альпийским склонам. Эта жизнь, муравьиная, заведенная от веку… почти лишенная эмоционального движения, неожиданно приковала внимание. …Резка хлеба к завтраку, утренняя дойка коровы, копошение домашней живности во дворе, игра ребенка с козленком и щенком, развешивание трав для сушки под навесом, неторопливое раскуривание трубки и — внезапно, крупным планом — усталые глаза крестьянина, обращенные на закат…

— Просто, цельно, самодостаточно, — прокомментировал Геббельс. — Но!

Крестьянская свадьба: от одевания невесты до завтрака после первой брачной ночи.

— Примитивно и универсально, — снова заметил Геббельс. — Но!

Крестьянский праздник с пивом, сосисками, грубоватым топотанием тяжелой обуви в таких же грубых чувственных танцах.

— Аппетитно, даже на сытый желудок. Но…

— Что но-то? — не выдержал Ганс Ламмерс.

— А то, что во всем этом нет ни капли, ни крошки, ни грана, ни йоты, ни тени, ни искры… национал-социализма.

Все посмотрели на фюрера. Он только поморщился.

— А я о нем просто забыла, — улыбнулась Рифеншталь.

Фюрер тоже улыбнулся и предложил смотреть дальше. Таким образом, месть Геббельса за отказ снимать съезд не состоялась».

«Моя вина в том, что я позволял себе забываться», — признавался в предсмертной записке Альбрехт Хаусхофер. «А я о нем просто забыла», — смело оправдалась Лени Рифеншталь. Ситуации разные, а слова практически одинаковые.

Эмиль Яннингс, гордость немецкого кинематографа, лауреат «Оскара», в тридцатые был членом Имперского сената культуры (вместе с Геббельсом, Гиммлером и другими). В 1941 году он начал сниматься в фильме о Бисмарке, высокочтимом в Третьем рейхе политике. Яннингс называл эту работу «мостиком к мечте». А мечтой его было сыграть роль диктатора — собирательный образ. В период съемок Гиммлер, который иногда устраивал для высокопоставленных нацистов «воспитательные» поездки по концентрационным лагерям, пригласил на такую «экскурсию» Яннингса и других актеров: Вернера Крауса, Густава Грюндгенса (прототипа Мефисто из романа Клауса Манна), Полу Негри. Экскурсия, по-видимому, состоялась, потому что как-то на съемках Яннингс пожаловался Грюндгенсу, что никак не может по-настоящему включиться в работу — для этого ему «нужно забыть то, что увидел в лагере». «Но забыть я не могу», — добавил он.

«Забыть». Опять это слово. Что в нем? Самооправдание? Защита? Условие для работы на родине?

«Я не уеду. Не потому, что стар, а потому, что немец», — говорил в 1935 году семидесятисемилетний Герхард Гауптман, патриарх германской литературы. — Я другим воздухом дышать не смогу».

В драмах «Сумерки» 1937 года и «Дочь Собора» 1938-го Гауптман пытался полемизировать с режимом, однако, кажется, и сам соглашался, что эти его вещи слабее тех, где он целиком уходил в иной мир, забывался.

Кстати, Гитлер, тоже причислявший себя к людям творческим, подобные «забвения» ненавидел люто, понимая их по-своему, поскольку иного ему было просто не дано. Особенно это испытали на себе немецкие художники, пустившиеся в вольное плавание по различным иррациональным течениям. Все они оставили Германию или подвергались грубой обработке со стороны власти, как, например, Кольвиц.

В конце 1938 года Геббельс решил сделать фюреру приятный сюрприз: во время посещения Гитлером Лейпцига показать ему выставку современного изобразительного искусства. Поскольку отношение Гитлера к экспрессионизму было хорошо известно — фюрер не отрицал и не критиковал, а при первом же взгляде на эту «пачкотню» и «творческие поиски» приходил в бешенство, грозил и ругался, — «сюрприз» Геббельса выглядел сомнительно. Но тот напускал таинственность, обещая всем «удовольствие».

…Макс Бекман, Отто Дикс, Карл Хофер, Макс Эрнст, Карл Шмидт, Оскар Кокошка, Эмиль Нольде, Леа Грундиг, Альфред Франк… Часть картин была доставлена с международной выставки в Париже, в пику которой Геббельс и задумал собственную выставку, долго держа и название, и интригу в тайне. Накануне открытия те участники, что решились приехать, были приглашены пройтись по экспозиционным залам и остались довольны. Они не знали, что после их ухода здесь всю ночь будет кипеть работа. Дальнейшее сейчас можно восстановить по воспоминаниям современников.

…Первое, что глядело с торца стены на вошедшего внутрь посетителя, было огромное-метр на полтора — фото идиота, должно быть, пациента какой-нибудь психиатрической клиники — отвратительное, лишенное мысли лицо с тупой злобой во взгляде и отвислым слюнявым ртом. Над ним надпись — «Дегенеративное искусство XX века». Вторым впечатлением была нежно-феерическая «Леонора в утреннем свете» — признание в любви художника Максимилиана Эрнста. Напротив два тонких строгих пейзажа Карла Хофера. А между ними нечто грязно-размытое в розовой рамке. Дальше — «Белые стволы» Эмиля Нольде; рядом — что-то темное, беспомощное. Вся выставка была как гнилью поражена: рядом с картинами висели фотографии клинических уродов, сумасшедших и их мазня. Возможно, взятые отдельно, эти картины душевнобольных произвели бы другое впечатление, вызвали бы жалость, боль за этих людей, напоминание о них обществу и укор ему. Но у Геббельса был свой замысел.

Гитлер ходил недолго; лицо точно замерзло изнутри, губы были брезгливо сжаты. Вечером, в своем кругу, он разразился монологом, из которого (если верить Борману) следовало, что эта «злая неэстетичная выдумка Геббельса полезна как горькая пилюля», которая лично у него «в горле застряла». Затем, выплеснув одно раздражение, впал в другое, вспомнив, как не поступил в Венскую академию художеств, так как не предоставил требуемое количество работ, а именно — портретов. Двадцать лет Гитлеру не давал покоя тот факт, что его пейзажи, хотя и прошли

творческий конкурс, но были помечены отзывом: «склонен к подражательству». По косвенной речи Гитлера, записанной за ним Борманом, можно воспроизвести последовавший монолог: «Вы подумайте — «склонен к подражательству»! Но ведь я пришел учиться! И не подражая?! Кретины!.. Кто тогда такие — ученики «школы Рубенса» или «школы Рембрандта», как не подражатели?! Которые только со временем, освоив технику, становились мастерами! Как можно учиться не подражая!? Как нынешние? Взял в руки кисть, плюнул в охру, мазнул — самовыразился! Зачем учиться!? Если можно поваляться на диване, поковыряться в себе, изобразить нечто левой ногой и назвать это «забвением в экстазе», «творческими поисками», «самовыражением»?! Ненавижу эти слова! — После паузы: — В спокойные времена черт бы с ними! А теперь… нечего в себе копаться. Там ничего нет. Кроме гнилых органов, в конце концов все перерабатывающих в дерьмо».

Из дневника Бормана:

«После «лейпцигского сюрприза» фюрер вторую неделю раздражен. Рейхсляйтер Лей сказал мне, что хочет пригласить фюрера на съезд победителей имперских рабочих соревнований. Я предложил Рифеншталь перемонтировать «Триумф воли» в сокращенный вариант: самые сильные сцены, на сорок минут».

Дальше — из записок Ганса Ламмерса (начальника Имперской канцелярии) становится ясно, как сработала идея Бормана «снять раздражение фюрера».

«…После просмотра Лей неожиданно обратился к молодому трудфронтовцу с вопросом: «Хочешь ли ты встать в колонну и отдать свою волю вождю?» Ответом был рев пяти сотен глоток: «Да-а!..» Я подшутил над Геббельсом — какую йоту или пинту национал-социализма видит он теперь? Геббельс остался непоколебим и назвал съемки Рифеншталь «творческим экстазом национал социализма». Гесс его переспросил в своей невозмутимой манере: «По-твоему, национал-социализм сам себя снимал, а Хелена снова о нем забыла?» Фюрер, услышав, рассмеялся. Он впервые за последние дни выглядел очень довольным».

На что же рассмеялся Гитлер, и чем он остался доволен?

Снова обратимся к дневнику Бормана. Запись того же 1938 года, от 10 сентября — период подготовительных встреч Гитлера и Чемберлена накануне подписания Мюнхенских соглашений. Бергхоф.

«Затронули вопрос о литературе. Сэр Невилл (Чемберлен. — *Е.С.*) обратился к фройляйн Гесс с вопросом, как она считает, отчего слабая власть так охотно пускает писателей на трибуны, и

дальше развил свою мысль: писатель — легко увлекающееся, внушаемое существо; его можно подвигнуть на полезные власти речи… Однако стоит ему сесть за свои сочинения, как «внушать» ему начинает талант, а талант всегда оппозиционен власти. Какая мысль… Фюрер с ней согласился».

Если «фюрер с ней согласился», то можно предположить, чем он будет доволен через пару месяцев, после просмотра фильма Рифеншталь и «рева пяти сотен глоток».

Не тем ли, как национал-социализм победил «оппозицию таланта» Лени Рифеншталь и как со временем победит оппозицию прочих талантов? Тогда все его битвы будут выиграны?..

Адольф Гитлер успел узнать, что национал-социализм проиграл свои битвы. Однако… До сих пор одно из его поражений может быть поставлено под сомнение.

Покажите двадцатилетним «Триумф воли» и задайте вопрос: «Хочешь ли ты встать в колонну и отдать свою волю вождю?».

До тех пор, пока кто-то будет отвечать «да», вождь останется доволен.

Нюрнбергское «закулисье»

«Закулисье» Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками нацистской Германии оставило после себя целый «шлейф» из домыслов и сплетен, но также и множество документальных свидетельств, которые только начинают выходить на поверхность и попадать в руки исследователей.

Нюрнбергский процесс — это не только заседания трибунала, это и предшествующие 20 ноября (началу судебных слушаний) полгода плена и тюремного заключения бывших нацистских вождей, проведенные ими в поле напряженного интереса со стороны самых разных политических сил.

Предлагаемый материал — максимально задокументированная реконструкция попытки осуществить один из тех планов, что в буквальном смысле роились тогда в головах международной политической челяди, стремившейся использовать в своих целях нереализованный, как ей казалось, потенциал бывших правителей Третьего рейха.

Об истинных целях этого плана предлагаю судить читателю.

Отсчет будем вести с 14 октября — даты первого документального свидетельства. Напомним, до открытия судебных слушаний 20 ноября оставалось чуть больше месяца; до предъявления обвинительного заключения 20 октября шесть дней. Из чего сам напрашивается первый вывод: даже если план был заранее детально разработан и исполнители знали свои роли, то поиск кандидата на главную роль велся, что называется, до последнего и закончился лишь тогда, когда откладывать дальше было уже некуда.

Итак: 14 октября 1945 года. Последняя общая прогулка девятнадцати заключенных во внутреннем дворе тюрьмы. Сцену реконструируем по записи из дневника Джона Гилберта, тюремного психолога, фиксировавшего собственные наблюдения с учетом устных докладов тюремной охраны и персонала о поведении заключенных.

Прогулка длится около тридцати минут. Геринг, прохаживаясь среди бывших коллег, вполголоса повторяет стратегию поведения на суде, суть которой заключается в «создании мифа» об исторической правоте национал-социалистического государства и идеализации личности Гитлера. Соратники в большинстве своем мрачно кивают. Вслух реагирует один Шпеер. Рейхсмаршалу, на его взгляд, следовало проявлять

свою «завидную энергию, когда это еще имело смысл и могло удержать фюрера от многих пагубных решений». Теперь же полезней было бы «не сочинять сказки для детей», а «взять на себя коллективную ответственность». Геринг, выслушав, плюет Шпееру под ноги. Через несколько минут охранники замечают, что заключенные предаются странной забаве — кидают по камешку в общую кучку у стены. «Голосуют, сволочи», — догадывается один из охранников.

В тот же день начальник тюрьмы полковник Эндрюс принимает решение «запретить впредь выгуливать все стадо, а — только каждого скота по отдельности».

Из дневника психолога Гилберта

> 14 октября 1945 года
>
> Сегодня во время прогулки маршал Геринг предложил остальным подвергнуть остракизму министра Шпеера за отказ следовать общей тактике полного оправдания национал-социализма. Геринг остается наиболее активным из девятнадцати оставленных в тюрьме. Он бодр и инициативен. Гесс в голосовании не участвовал. Он по-прежнему индифферентен. Лей швырнул обломком кирпича в стену так, что в общую кучу попало сразу несколько кусков.

Заметим, названы четыре фамилии. (Именно эти четверо плюс исчезнувший Борман предположительно могли знать секрет Альпийских шахт, где партия спрятала свое золото. — *Е.С.*) Однако на следующий день…

Из дневника Гилберта

> 15 октября 1945 года
>
> Сегодня работа с Гессом. Геринг и Лей под плотным наблюдением.

Имя Шпеера больше не упоминается. Впредь Гилберта будут интересовать трое: № 1 — Геринг, № 2 — Гесс и № 4 — Лей (номера по списку обвинения).

15 октября главный следователь со стороны США полковник Джон Амен в своем кабинете, в присутствии психиатра Дугласа Келли и психолога Джона Гилберта устроил свидание Рудольфа Гесса с его старым другом и учителем Карлом Хаусхофером (основателем германской геополитики). Хаусхофер, не видевший Гесса все четыре года пребывания того в английском плену, был

потрясен тем, как переменился Гесс. (На этом все присутствующие сразу зафиксировали внимание.) Тем не менее Хаусхофер сразу обратился к нему на ты, пожал ему руку и заговорил как со старым знакомым: о семье Гесса, находившейся в Нюрнберге, о том, как вырос его семилетний сын, о сестре Маргарите, о письмах Гесса из Англии, которые его жена Эльза давала им читать… Протокол об этом свидании сохранился; он находится среди других материалов процесса. Вот отрывок подлинного текста.

> ХАУСХОФЕР. …Я знаю, о чем ты думал в плену, какие размышления тебя посещали… Нам знакомы твои переживания, твоя духовная жизнь…
>
> ГЕСС. Чтобы успокоить старого друга, могу только сказать, врачи обещают, что память ко мне вернется. Но теперь я не помню вас. Мне очень жаль.
>
> ХАУСХОФЕР. Я всегда все читал в твоих глазах, Руди. Их ответа мне и теперь достаточно. Ты помнишь Альбрехта? Его уже нет с нами. (Альбрехт Хаусхофер был расстрелян в апреле 1945 года по личному указанию Кальтенбруннера, находящегося здесь же, в Нюрнбергской тюрьме. — *Е.С.*). Руди, неужели ты забыл и его?!
>
> ГЕСС. Со временем я все вспомню. Пока же… мне очень жаль, но ваши слова ничего для меня не значат.

Хаусхофер говорил еще долго, на его глазах выступили слезы. Гесс остался «индифферентен».

После Хаусхофера на свидание с Гессом привели фон Папена. Он тоже пытался напоминать о каких-то событиях и людях. Приводили еще Риббентропа, Функа, Боле и наконец — Лея, который сел напротив Гесса и стал молча смотреть в окно. На предложение задавать вопросы он ответил: «Зачем? Мне и так все ясно».

— Вы убеждены, что перед вами подлинный Рудольф Гесс? — спросил его полковник Амен.

— Да. Убежден. А вы можете это проверить. У подлинного Рудольфа Гесса на левом легком имеется дугообразный шрам от ранения, полученного в 1917 году.

— Как это мы, интересно, проверим? Разрежем его, что ли?! — заметил Амен.

На этом свидание закончилось. Однако, уже выйдя из кабинета, Лей почти сразу же попросил конвой отвести его

обратно.

Из дневника Гилберта

> …очевидно, что ходящая тут гипотеза о том, что «подлинного Гесса» казнили в Англии в 1941 году, а в Нюрнберг привезли двойника, подготовленного для процесса, что объясняет и его поведение, и внешний вид, показалась доктору Лею опасной для Гесса, и он предложил доказательство, которое готов был предоставить в присутствии русских и французских представителей, а также при наличии рояля. Условия были выполнены, и мы собрались в тюремной церкви, куда внесли пианино. Лей попросил Гесса написать на листке три своих любимых музыкальных произведения, что тот и выполнил с готовностью. Листок был передан нам. Лей в это время сел за инструмент и сыграл «Маленькую ночную серенаду» Моцарта, «К Элизе» Бетховена и «Зиму» Петра Чайковского. Эти вещи указал и Гесс, и даже в той же последовательности. На том, чтобы произведения были именно сыграны, а не названы, настоял я и вместе с Келли сумел убедить рассерженного Эндрюса. Эмоциональная память Рудольфа Гесса, безусловно, идентифицирована. Однако безусловно и то, что Гесс выносится за скобки.

Снова из дневника Гилберта

> 17 октября. Сегодня работа с Герингом.
> 17 октября, вечер. Геринга за скобки.

«Работа» с кем-либо из заключенных на принятом здесь языке означала допрос или тестирование, которое иногда проводили психологи, раздражая начальника тюрьмы полковника Эндрюса, считавшего подобные вещи нарушением режима. Однако ни допросов, ни тестирования в тот день не было. Геринг весь день провел у себя в камере. Его не переводили даже в тюремный госпиталь, где американцам проще было бы воспользоваться «прослушкой». «Прослушки», впрочем, имелись и в некоторых камерах, в частности в камере Геринга, на первом этаже. Что же там происходило?

Мы об этом узнали благодаря скандалу между англичанами и американцами. Secret Service в октябре 1945 года, пытаясь установить микрофон в камере Геринга, обнаружила там американский. Спецслужбы ссорились, конечно, вполголоса,

быстро конфликт замяли и с тех пор работали параллельно. Несколько английских «прослушек» позже были предоставлены в распоряжение Международного трибунала «для характеристики личности подсудимых». Среди них и запись от 17 октября.

Геринг практически весь тот день, с редкими передышками, разговаривал со своей первой, умершей еще в 1931 году женой Карин. Он рассказывал ей обо всем, что произошло в его жизни со дня ее смерти и до этого дня, когда он, как ему показалось, понял, что «суд должен состояться», но судьей ему, Герингу, может быть только она, его Карин.

«…Ты помнишь, как мы гуляли с тобой по берегу Изара, всегда в одном и том же месте, возле часовни… и я говорил тебе все одно и то же, повторял столько раз, не замечая, что повторяюсь. А ты слушала… всегда по-новому, всегда точно впервые. И один раз мне ответила: «Если все будет, как ты говоришь, то… мне страшно. Это не продлится долго: мы задохнемся на такой высоте. Но я не верю. Ты фантазер. Ничего не будет. Мы проживем с тобой спокойную и радостную жизнь. А эти твои фантазии… как воспоминания о будущем, которого не было». Но это было, было, детка! Было без тебя. А теперь… ничего нет, и ты вернулась».

Геринг говорил монотонно, постоянно расхаживая по маленькой камере: четыре шага туда, четыре обратно, глядя в потолок. Иногда он натыкался на привинченный к полу стул и тогда на несколько минут как будто приходил в себя. Потом снова принимался вышагивать. Специалисты определяют такое состояние как психологический перелом, после которого заключенный на какое-то время делается неадекватен.

Очевидно, поэтому Герман Геринг и выпал «за скобки», как пишет в своем дневнике Гилберт, то есть выбыл из короткого списка кандидатов для осуществления того плана, о котором, похоже, знал не только тюремный психолог Гилберт, но знали и два американских врача, которые 23 октября перевели Роберта Лея (последнего в списке) в тюремный госпиталь. Там у него и побывал необычный посетитель.

Необычен он казался во всем. Ростом не выше полутора метров, с головой, сидящей ниже плеч, вывернутыми ноздрями и огромной расплывающейся улыбкой. Цвет лица и весь его облик выдавал предков — выходцев из почти неведомых цивилизации миров, давно съеденных джунглями и алчностью европейцев. Его вид, впрочем, ни у кого не вызывал здесь подозрений: все знали, что начальник генерального штаба сухопутных войск США генерал Маршалл — большой любитель экзотической кухни, и повара у него соответствующие.

Войдя в палату, посетитель так сразу и представился — «повар генерала Маршалла». С этих слов и начинается диалог, записанный американцами. Запись, если верить Гилберту, была ему передана в тот же день для «анализа», застенографирована им и почти через двадцать лет расшифрована и обработана для сестры Гесса Маргариты (которая в 1939 году тайно обвенчалась с Робертом Леем).

Итак.

— Повар генерала Маршалла, — представился посетитель на чистейшем немецком языке.

— Что вам? — спросил Лей.

— У меня к вам деловое предложение.

— Хотите приготовить мне на ужин фаршированных червей?

— Я не только повар, герр Лей, я еще и король. Королевство у меня маленькое, но в нем многое есть. А будет все, что вы сочтете нужным: полигоны, технологии, персонал.

— Садитесь.

— Благодарю.

— Ваше имя?

— Оно займет более минуты. Для друзей я просто Ди.

— Вы предлагаете мне создать банановую армию?

— Армия может быть и чисто немецкой. На ваш вкус.

— Вы представляете себе, сколько это может стоить?

— Вы об этом не должны беспокоиться.

— Каковы ваши цели?

— Противовесы, герр Лей, противовесы.

— Кто ваши враги?

— У нас один враг — мусульманский Восток.

— Не славяне, не евреи… не коммунисты, а ислам?

— Именно.

(Пауза.)

— Я не считаю мусульман первостепенным врагом Германии. Нам с ними не за что воевать. Сфера наших интересов распространяется на другие территории.

— Я говорил не о войне, герр Лей, а о противовесе. С Востоком не нужно воевать, достаточно лишь держать кулак у его носа. Это будет немецкий кулак. А где крепкий кулак, там и сильный мужчина.

— Слишком ловко, чтобы быть правдой, — Лей произносит это по-французски.

— Отнюдь! — Ди отвечает на безукоризненном французском, на котором и продолжается разговор. — Германия десять лет держала в страхе весь мир. У вас это великолепно получается! Вы станете вооружаться, мы — торговать. И в том и в другом обе

стороны не знают равных.

— Торговать? Кокаин, марихуана? Я химик, сударь, и знаю о перспективах подобного «товара». Ваши покупатели уже сейчас не доживают до сорока лет. Потомства у них нет, или оно неполноценно…

— Чем же вас не устраивает перспектива? Не нужно ни расстрелов, ни виселиц. Неполноценные сами заплатят за свою смерть. За те пять-семь лет, которые вам потребуются для создания сверхсовременной армии, я гарантирую вам поставку рабочей силы, которая станет вас обслуживать… Каждая из особей рассчитана на небольшой срок, но мы запустим конвейер.

— Концлагеря для наркоманов? Понятно. Кто вам мешает делать ваш бизнес уже сейчас?

— Американское государство. Мой бизнес должен ему заплатить. Умный бизнес всегда хорошо платит государству.

— Так заплатите. Что, в джунглях больше золота не осталось?

— Мы продолжаем поиски. Пока же… золота достаточно и в Альпийских горах.

Пауза. Лей, снова на немецком:

— За наше золото ваш бизнес оставят в покое… Он даст деньги нам… Мы создадим армию, нейтрализуем ваших конкурентов… Но нам нужен четвертый рейх. А зачем он Америке?

— Мы и есть Америка, герр Лей. Но мы не американское государство.

Пауза. Ди продолжает, вкрадчиво:

— Схема ведь очень проста. Вы концентрируете силу, мы деньги. Сила и деньги — еще один противовес. Если деньги получают под дых, сила остается без денег. Но у арийцев ведь крепкие нервы, не правда ли?! А в перспективе — противовесы сольются, и тогда всё — будет мы. Не правда ли? Вам только нужно дать согласие и довериться опытному врачу. Вы всего лишь закроете глаза и откроете их посреди океана…

— Д-достаточно. Я п-понял в-вас. Я… п-подумаю.

На этом диалог прервался. Лей начал сильно заикаться, настолько сильно, что не смог больше говорить. Такие приступы случались у него со времени ранения во время Первой мировой войны и всегда выдавали какое-то душевное потрясение.

Напомним, запись сделана 23 октября. А в ночь с 24-го на 25 октября Лея обнаружили в умывальной комнате, с петлей на шее. Следствие установило очевидное самоубийство.

По этому поводу были разные версии. Например — что так подействовало на него предъявленное 20 октября всем

заключенным обвинительное заключение.

Реагировали на это заключение действительно по-разному. Кто-то равнодушно (как Шахт), кто-то иронически (как Геринг), кто-то одобрительно (Шпеер), а кто-то (например, Штрейхер) — буйно и агрессивно. Лей реагировал спокойно. Зашедшему к нему в камеру Гилберту он сказал, что победителям трудно будет разыграть спектакль правосудия, не прибегнув к «спецэффектам», и лучше было бы «расставить их всех вдоль стенки и расстрелять». Говорил он нормально, без заикания, о чем свидетельствует и запись с «прослушки» в его камере. Тяжелейший же приступ начался у него на последней фразе диалога с Ди, после чего он весь день, 24 октября, по свидетельству того же психолога Гилберта, а также начальника тюрьмы Эндрюса, охранников и врачей не смог выговорить практически ни слова. А ночью, разорвав пополам казенное полотенце, сделал петлю.

Такова одна из историй нюрнбергского «закулисья». Выводы, повторяю, делайте сами.

Их праздники

Разработкой концепции национальных праздников еще в 32-м году занимался организационный отдел НСДАП. Его глава Роберт Лей считал, что партия должна прийти к власти со своими праздниками. «Наивно думать, — писал он, — что праздники сами по себе способны объединять нацию — это уровень мышления политических дилетантов, однако красиво оформить и грозно продемонстрировать это объединение — достойная задача национальных торжеств».

Через год, в одном из писем жене, Лей жалуется по поводу праздников следующим образом: «Только такой замороченный идиот, как я, мог полностью довериться Геббельсу и его вывихнутому министерству! Дай им волю — они заставили бы нас праздновать каждый день! Вся жизнь — сплошной праздник, когда руководишь болтунами! Йозеф сам смеялся, когда я ткнул ему пальцем в день 7 мая, например, предложенный каким-то недоучкой из отдела истории. 7 мая — День культа Верховного Существа, введенный Робеспьером во второй год Республики. И это в целях борьбы с традиционными религиозными культами! Безумие!.. Думаю, мы вернемся к скупому первоначальному списку: по одному торжеству в месяц».

Этот «скупой первоначальный список» был, по-видимому, близок к тому, что и стало праздноваться:

30 января — День прихода к власти;

24 февраля — День основания НСДАП. Правда, партия получила свое название 1 апреля 1920 года, но решено было праздновать 24 февраля, когда Гитлер огласил 25 пунктов партийной программы;

16 марта — День траура, или День памяти героев. В этот день все ухаживали за военными кладбищами. Заодно отмечалась и ремилитаризация Рейна;

20 апреля — День рождения фюрера. В этот день немцы с раннего утра соревновались в количестве фотографий и портретов Гитлера, выставляемых или вывешиваемых той или иной семьей или учреждением; проводились факельные шествия, выступали фольклорные коллективы. Сам Гитлер свои дни рождения ненавидел и называл «датами умирания»;

1 мая — День труда. Праздник немецкого рабочего класса. Хитроумный Лей, вождь Трудового фронта, пристегнул к нему также и День рейхсвера;

Второе воскресенье мая — день немецкой матери. Многодетных награждали Крестом славы.

Летом и зимой праздновались дни соответственно летнего и зимнего солнцестояния, для конкуренции с традиционными христианскими торжествами. Были еще: годовщина Нюрнбергского партийного съезда, День благодарения, или День немецкого крестьянина, и годовщина «Пивного путча» — 9 ноября. В этот день праздновали, точнее скорбели о шестнадцати первых убитых во время путча нацистах, которым Гитлер посвятил «Майн кампф». Скорбели прямо-таки с каким-то остервенением, хотя никто уже и не помнил их лиц, кроме родственников. Дети же должны были знать их имена наизусть и обращаться к ним, как к святым. Сын Мартина Бормана, в качестве примера величайшего лицемерия взрослых, вспоминал такой эпизод: как-то он попросил отца помочь ему перевестись в школу, где учится «племянник Хехенбергера». «Это еще кто?» — спросил Борман. Юный Адольф Мартин был потрясен, как был бы потрясен добрый прихожанин, услышав от своего пастыря: «Иисус? А это кто?».

Впрочем, в некоторых ведомствах, например у Гиммлера, этих мучеников тоже ни в грош не ставили. В СС был свой культ и свои «святые», например Теодор Эйке.

Кстати, будущие оккупированные территории, в частности — России, нацисты тоже не собирались оставить без праздников. В календаре для них было предусмотрено шесть красных дней, в которые, как там сказано — «туземцам следует мало работать и предаваться радости».

Любопытнейший, между прочим, документ.

Сталин глазами Гитлера

Вечером 21 августа 1939 года Берлинский театр драмы был полон обычной публики. Неожиданно началось какое-то движение: вдоль лестниц растянулись черные цепочки СС. Зрители напряглись. Но вскоре стало ясно — приехал фюрер.

Давали Шиллера. Гитлер занял место в директорской ложе; рядом с ним села молодая женщина, сзади — Гесс и Лей, загородив спинами выход. У видевших в тот вечер фюрера сложилось впечатление, что он очень нервничает и только присутствие дамы и «церберов» сзади удерживает его на месте. Мало кто тогда знал, какие события разворачивались в эти часы.

Весной 1939 года Адольф Гитлер впервые испытал тот страх, который затем будет его преследовать: он смертельно боялся союза Запада с Россией.

«После Мюнхена фюрер окрестил всех действующих западных политиков «червями, выползшими после дождя», а Сталина — танком, который, если сдвинется и пойдет… картина столь физиологична, что… обойдусь без деталей» (из письма Рудольфа Гесса А. Хаусхоферу от 14 марта 1939 г.). Примерно к тому же времени относится и запись в одном из блокнотов Бормана (четыре таких обгоревших блокнота были найдены в районе рейхсканцелярии в мае 1945 года), сделанная им во время просмотра кинофильма: «На просмотре фюрер заметил, что советский диктатор напоминает ему «сильного зверя азиатской породы». Фюрер выразил сожаление, что эта порода «плохо им изучена»».

В конце апреля 1945 года Гитлер готовил программную речь в рейхстаге с обвинениями в отношении Польши и ответом Рузвельту на его послание от 14 апреля. Президент США предлагал себя в качестве «доброго посредника» между Германией и Европой и прилагал список из тридцати стран, на которые Германия не должна нападать ближайшие десять или двадцать пять лет. Читая послание, Гитлер смеялся, а Гесс, что с ним редко случалось, вдруг рассвирепел:

— Что здесь забавного?! Этот «колонизатор» желал бы немцев, как краснокожих, загнать в резервацию, а его «соединенная помойка» (читай Соединенные Штаты. — *Е.С.*) диктует нам, великой нации! Эти свинорылые демократы (любимое выражение Гесса) забудут Версаль, только когда ты обнимешься со Сталиным.

А Борман записал так: «Был разговор о возможном контакте с Кремлем. <…> Фюрер выразил нежелание идти на личную встречу со Сталиным. Фюрер согласился, однако, что предстоящая речь в рейхстаге не будет содержать критики Кремля и советского строя». Это стало первым своего рода «личным шагом» Гитлера по сближению. Обычно до 90 процентов его речи содержали нападки на СССР.

Вторым шагом, как в 70-е годы в тюрьме Шпандау вспоминал Гесс, было согласие «пропихнуть Риббентропа в Москву». Борман, Геббельс, Розенберг, Ламмерс, одна из секретарш вспоминали, что Гитлер (иногда в шутливой форме, но постоянно, с зимы 1939 года) уговаривал самого Гесса, как своего заместителя, «слетать на переговоры в Кремль». При этом «нервно смеялся», доказывая, что Гесс (детство проведший в Александрии, где у его отца была торговая фирма) лучше сумеет «проникнуть в примитивно-пафосную логику азиата».

Нервничать у фюрера были причины.

Летом 1939 года Гитлер шел на откровенную авантюру — план «Фаль Вайс»: 33 немецкие дивизии против 90 французских и британских. А в Москве в это время ежедневно шли переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции под председательством Ворошилова, адмирала Дракса и генерала Думенка. Последнее заседание состоялось 21 августа и окончилось в 17 часов 25 минут. Заключительными словами Дракса были: «Я согласен с предложением маршала Ворошилова отложить наши заседания… до решения политического вопроса. …Я счел бы удивительным, если бы ответ на политический вопрос задержался» (из записи заседания военных миссий СССР, Англии и Франции от 21 августа 1939 года).

Политический вопрос, или политическая воля — это согласие правительств Англии и Франции на заключение договора с СССР — того самого, которого панически боялся Гитлер. К некоторому его облегчению Сталин еще 19 августа дал согласие на визит в Москву Риббентропа. Однако в гости германского министра ждали не раньше 27-го: то ли Москва еще надеялась на договор с европейцами, то ли требовалось время хотя бы как-то подготовить общественное мнение внутри страны. Встает вопрос, как относился к идее личной встречи сам Сталин? Прямых свидетельств автором не обнаружено. Но вопрос, что называется, висел в воздухе. В германском же «стане» активность продолжал проявлять Гесс: будучи яростным противником серьезных отношений с Москвой, он настаивал на «блефе» в отношении русских, видимо, вдохновившись примером Мюнхена, где Гитлер, по его мнению, «гениально переиграл всех глаза в глаза». Гитлер

соглашался, что встреча нужна, но продолжал проталкивать других. Например, 21 августа в рейхсканцелярии прочли шифровку от посла в СССР Шуленбурга: «В 11 часов получил согласие Молотова на неофициальный визит доктора Лея. Министр дал понять, что Сталин примет его для дружеской беседы в день приезда». (Копия расшифровки была обнаружена в архиве Министерства иностранных дел нацистской Германии.) Гитлер начал буквально выталкивать лидера Трудового фронта в Москву. Все аргументы Гесса, Лея, Геринга против сводились к одному: суета. Русские уже согласны, поскольку их переговоры с Западом зашли в тупик.

Дальше, суммируя записки Бормана, секретарши Хильды Фат и других, можно реконструировать сцену, произошедшую 21 августа в два часа дня.

— Попроси Сталина принять Риббентропа 23-го. Он не откажет, — советовал Гесс.

— Почему ты так уверен? — кричал Гитлер. — На что вы все меня толкаете?! На унижение?! На позор?!

— На риск, — отвечал Лей, — большой, но оправданный.

— А если русские в последний момент согласятся на условия французов и англичан? — вскинулся Гитлер.

— Тогда англичане изобретут новые условия, а французы их поддержат, — убеждал Лей. — Сейчас главное — время. Вы могли бы уже позвонить.

— Почему вы не хотите лететь в Москву? Говорите! Отвечайте!

— Потому, что это отнимет время.

— Адольф, звони, — настаивал Гесс. — Или пошли телеграмму. У русских процедура. Сталин еще должен будет созвать Политбюро. А это все время, время!

Гитлер метался по кабинету; лицо было в красных пятнах. Все отводили глаза: фюрер откровенно трусил; смотреть на это было неприятно. Гесс сел к столу и начал что-то писать.

— Что… что ты пишешь? — метнулся к нему Гитлер, по свидетельству Хильды Фат, опрокинув стул и задев рукавом чернильницу.

— Текст телеграммы, — отвечал Гесс.

Гитлер «употребил множество крепких выражений», но дальше ругани дело не шло.

> Напряжение между Германией и Польшей сделалось нестерпимым. Кризис может разразиться со дня на день. Считаю, что при наличии намерения обоих государств

вступить в новые отношения друг с другом представляется целесообразным не терять времени… Я был бы рад получить от Вас скорый ответ.

Адольф Гитлер

Днем 21-го телеграмма все-таки была послана. Началось ожидание ответа.

Гитлер выглядел совершенно невменяемым, и соратники повезли его в театр на «Разбойников» Шиллера, которого он терпеть не мог. Видимо, по логике — клин клином.

Ответ от Сталина пришел 22-го, во второй половине дня. Сталин согласился принять Риббентропа 23 августа для личной встречи и последующего заключения пакта о ненападении между СССР и Германией.

«Два клина, перед тем как вышибить друг друга, собирались с духом, — напишет об этих днях Рудольф Гесс в 70-е годы, оправдывая трусливое поведение Гитлера. — Однако, как стало ясно после поражения, фюрер единственный в полной мере ощущал тогда демоническую силу восточного деспота, которую мы все недооценили, и в конце концов оказался прав».

Питомники для маньяков

Как решать демографическую проблему, если в мире кризис, а живешь в Третьем рейхе?

Самые тяжкие последствия любого экономического кризиса — демографические. Промышленность все-таки заработает, деньги появятся — но детей, не родившихся вовремя, страна теряет навсегда. А они уже не родят внуков, внуки — правнуков…

Евгеника, доведенная до абсурда

Решение демографических проблем в гитлеровской Германии базировалось на нацистском «расовом учении», а оно, в свою очередь, ссылалось на евгенику — науку об улучшении наследственных свойств человека. В результате евгеника оказалась надолго скомпрометирована.

В социально-философском аспекте евгеника исходила из того, что для предотвращения упадка цивилизации надо установить жесткий контроль над рождением тех особей, которых то или иное общество считает «неполноценными». Евгенический подход к решению общественных проблем в XIX веке исповедовали и крупные ученые-биологи (Ф. Гальтон, Г. де Фриз и другие). А в 1895 году германско-швейцарский психиатр А. Плетц ответвил от евгеники «расовую гигиену» и повесил на ученых моральную ответственность за отбор и «упразднение» нежелательных «особей». К 1930 году — за три года до прихода Гитлера к власти — в Германии действовало десять филиалов «Общества расовой гигиены», в Австрии — четыре. Имелись подобные общества и в других странах Европы. Так что почва для выведения новой человеческой популяции собачьими методами была подготовлена до Гитлера.

Заметим: то, что хорошо в животноводстве, не работает в человеческом мире. Спартанцы уничтожали хилых младенцев (из них не получатся хорошие воины). Но ведь недоношенным и слабым родился, например, Суворов!

Программа «Лебенсборн»

«Лебенсборн» («Источник жизни») — наиболее знаменитая нацистская программа превращения немцев в «расу господ» путем селекционного отбора. Курировалась Г. Гиммлером. «Расово

чистым» представительницам «Союза немецких девушек» предлагалось беременеть от образцовых членов СС. После этого их направляли в двенадцать специальных роддомов, где рождались и выхаживались элитные младенцы. Позднее в «Лебенсборн» были вовлечены и девушки из других стран (Норвегии, Украины и прочих).

Демография «Тысячелетнего рейха»

В начале 1930-х Германия вместе со всей Европой переживала «системный кризис». Одним из его следствий было падение рождаемости. С приходом к власти Гитлера многие немцы подумали: все, трудные времена позади. Нацисты обещали за пять лет возродить мощь Германии, поднять уровень жизни.

Теперь обещания надо было выполнять. Наглядным доказательством успехов нового режима должно стать появление нового, здорового и сильного, поколения немцев.

Вся предвоенная экономическая политика Третьего рейха — это история о том, как простые и бесстыдные меры (огромные займы, милитаризация, откровенный грабеж своих и чужих) прикрывались «созидательными» социальными программами. Одной из них стала программа… нет, не повышения рождаемости. Гораздо более широкая — по увеличению «арийского народонаселения»! Ведь параллельно осуществлявшаяся расовая доктрина предполагала избавление страны от «неполноценных» (евреев, цыган, душевнобольных и прочих). Политика нацистов обернулась бегством из Германии множества несогласных. Следовательно, оставшимся «хорошим немцам» для восполнения демографических убытков предстояло потрудиться вдвойне.

Отмечу: ряд мер, которые предполагались (и частично были осуществлены) в тогдашней Германии, сами по себе были вполне здравы — привлечение соотечественников из-за рубежа, пропаганда против абортов, поощрение рождаемости, предоставление семьям банковских кредитов, налоговых льгот, пособий на детей… Не говоря уже о том, что жизнь есть жизнь — люди влюбляются, женятся, рожают детей и без оглядки на политику. В нашем случае проблема в другом. «Цивилизованные» меры рассчитаны на десятилетия. Но Гитлер думал не столько о народе, сколько о грядущей войне — и готовил страну к ней. Ему во всем требовалась немедленная отдача. Нужен металл, топливо, танки, субмарины, самолеты? Значит, организуйте экономику так, чтобы все это появилось быстро и побольше. То же самое —

людской ресурс. Побольше и побыстрее!

Рядом с серьезной наукой всегда ходит паранаука. Когда есть идеологический заказ — она тоже стремится заявить о себе, что порой принимает карикатурные формы. А специфика такой страны, как нацистская Германия, в том, что карикатура получалась зловещей. Некоторые примеры стоит вспомнить.

Разведение близнецов

Женщина может быть тысячу раз арийской — но ребенка она вынашивает девять месяцев.

Так?

Не так! В 1934 г. в канцелярию заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса пришло письмо с медицинского факультета Страсбургского университета. «Группа ученых-энтузиастов» предлагала ускорить решение демографической проблемы таким образом: арийская женщина будет вынашивать ребенка не за девять, а за шесть месяцев! И рожать при этом не одного, а нескольких ребятишек — двойню, тройню, даже шестерню. В сопроводительной записке говорилось, что исследования в этой области ведутся уже много лет, и не только в Германии. Была также просьба о финансировании. Любопытно, что вскоре Гессу пришла кляуза на антинаучность «проекта», аргументированная тем, что «близнецы — семя дьявола». «Группа ученых» отреагировала оперативно, объяснив, что речь идет не о близнецах, а о двойняшках.

Ускорить вынашивание плода энтузиастам не удалось. А вот интерес к «разведению близнецов» в нацистской Германии действительно возник нешуточный. Страсбургский университет впоследствии стал базой эсэсовского института «Аненербе» («Наследие предков»). Финансирование исследований шло из партийной казны. Для будущих жертв нацизма все это обернулось, в частности, мучительной смертью: в Освенциме печально известный доктор Менгеле отбирал из числа узников близнецов и «в научных целях» подвергал их страшным экспериментам.

«Дети фюрера»

Время от времени в прессе мелькают сенсационные сообщения: бывшие врачи-эсэсовцы якобы признаются, что в рамках программы «Лебенсборн» существовал некий тайный

детский дом, где выращивались «дети Гитлера». У фюрера, как поясняют, путем особой операции было получено семя, которым оплодотворили группу специально отобранных ариек. После войны «дети Гитлера» растворились в людской массе. Вполне возможно, они и ныне живут под чужими именами.

Подтверждения этой информации мне не встречалось. Но «откуда ноги растут», проследить можно. В 1942 году в канцелярию Бормана поступила такая «народная идея»: при каждом вожде (рейхсляйтере) создать своего рода «питомник» для зачатия, рождения и воспитания элитных детей. Предполагалось забирать у вождей «необходимый материал», осеменять им избранниц и запустить что-то вроде конвейера по рождению генетически подготовленных к будущей руководящей работе лидеров. Это, конечно, не означало превращения двенадцати рейхсляйтеров в двенадцать падишахов: будущим папам никакого удовольствия не полагалось. Разве что — ощущение выполненного перед государством долга. Продолжения история не имела: Германия воевала, нацистской верхушке было не до того.

Чего добру пропадать?

В конце войны Германия была уже обескровлена. Именно с этим связан еще один проект, вынырнувший в январе 1945-го из недр того же «Аненербе». Некий доктор Риттер предлагал создать «питомники» — но уже не для рейхсляйтеров, а для тех, кто был осужден как «сексуальный маньяк». По мнению Риттера, это были наиболее «продуктивные» мужчины. Просто после встречи с ними женщинам следовало немедленно покинуть территорию «питомника» — а то еще задушит!

Великий замысел

В известном фильме «Мертвый сезон» нацистский преступник доктор Хасс рассуждает, как с помощью созданного им газа можно будет штамповать лишенных ненужного воображения, но запрограммированных на определенную работу людей-функций: человек-шофер, человек-пекарь… Возможно, авторы использовали отголоски разговоров о гитлеровской программе создания «универсального солдата». Сведений о ней немного, и понять что-то можно по косвенным источникам — но тоже характерным.

Как известно, по причинам, требующим отдельного

разговора, Гитлер отказался от создания атомной бомбы и велел сосредоточиться на казавшейся ему более перспективной ракетной программе. Но ядерные исследования шли, и физики продолжали просить на них дополнительные средства.

Одним из козырей были эксперименты, связанные с влиянием радиации на рост растений. Но не только растений! Доказывалось, что точно так же можно увеличивать рост людей — и получать могучих гигантов, способных стать элитными воинами. Требовались доказательства — и таковым стал отобранный в лагере военнопленных некий украинец Петр. В нем было 2 метра 10 сантиметров, что выдавалось за результат облучения. События развивались в конце войны, расчет был, видимо, на то, что до подробных проверок руки ни у кого не дойдут, а какие-то деньги на реальные исследования под эту «обманку» вырвать удастся. После войны Петр долго проходил проверки в СМЕРШе, но, насколько я знаю, никаких претензий ему не предъявили, и его дальнейшая судьба сложилась благополучно.

«Будденброки» национал-социализма

13 мая 1944 года в лексиконе нацистских вождей впервые появились слова «коллапс» и «катастрофа».

Накануне, 12-го, 935 американских бомбардировщиков практически сровняли с землей все производство синтетического горючего Германии, а это означало, по выражению министра вооружений Шпеера, что через месяц «армия встанет».

Быстрое восстановление и хотя бы частичный пуск производственных мощностей, по мнению того же Шпеера, был возможен только в одном случае — если всю оборонную промышленность, без промедления, отдать германскому социалистическому государству, то есть запустить «мобилизационный социализм» как «последний и единственный шанс избежать национального коллапса».

Гитлер с этим согласился. Уже в начале лета он собирает совещание главных промышленников Третьего рейха, чтобы обратиться к ним с речью…

Любопытно, что для этого совещания фюрер выбрал необычное место — отель «Кайзерхоф», в котором в былые «славные годы борьбы» он встречался с воротилами бизнеса в надежде на очередное денежное вливание.

Но теперь этого было мало. Теперь магнаты должны были отдать всё. На время. После победы Гитлер обещал конечно же всё вернуть!

На совещании фюрер говорит проникновенно, напоминает о возможном крахе вековой мечты — расширении жизненного пространства, о высоте и силе германского духа — эту силу и предлагается магнатам проявить. Наконец, он ставит простую альтернативу — или договорный «мобилизационный социализм» и победа, или конфискация собственности союзниками и Сибирь.

Гитлер умел говорить проникновенно. Магнаты хмурились, сопели… Глава «Стального треста» Фридрих Флик уже заерзал на стуле, готовясь отвечать…

Но Флика опередили: высокий ровный голос, обращаясь к фюреру, произнес слова, от которых у Шпеера (по его признанию) заледенело сердце:

«Система, созданная за одиннадцать лет вашего руководства, оказалась лишь иллюзией порядка. Я ошибся, поставив на нее. За ошибки нужно платить. Я готов заплатить своей жизнью. Но не капиталом. Капитал Круппа нужен, чтобы создать другую систему, которая возродит Германию из пепла войны. И потому, мой фюрер, я говорю «нет»».

Крупп фон Болен унд Гальбах Густав…

Одиннадцать лет назад, когда в том же «Кайзерхофе» Гитлер, тогда новорожденный рейхсканцлер, подобострастно и вкрадчиво излагал свою позицию главным промышленникам едва обозначившегося рейха, этот человек таким же ровным голосом тоже отвечал за всех:

«От имени руководителей германской промышленности я выражаю вам благодарность, господин канцлер, за ясное изложение вашей позиции относительно будущего нашей страны. Мы полностью ее разделяем. От себя добавлю: мы, Круппы, никогда особенно не интересовались политикой. Но мы всегда нуждались и нуждаемся в хорошей политике для хорошей работы нашего капитала. Я говорю «да»».

Хорошая политика для хорошей работы?..

На заводах фирмы «Крупп» был повсеместно — в цехах, раздевалках и даже столовых развешен особо любимый хозяином лозунг: «SLAVEN SIND SKLAVEN», что в переводе означает «СЛАВЯНЕ — ЭТО РАБЫ».

Лукавил старик Крупп относительно того, что Круппы не интересуются политикой! Его сын, Крупп фон Болен унд Гольбах Альфрид Феликс Альвин, сидевший рядом с отцом на том совещании 1944 года, до крови искусал губы, слушая отказ отца. А ведь решать-то должен был именно он! Он, тридцатисемилетний Альфрид, а не его престарелый отец, был с 1943 года руководителем и единоличным владельцем концерна «Фридрих Крупп». Губы искусал… а против отца пойти не осмелился.

Потом он станет писать письма Гитлеру и Шпееру, обвинять отца в «роковой ошибке», объясняться в преданности режиму и лично фюреру, вносить всевозможные предложения по перестройке и модернизации своих заводов. Примет самое активное участие в осуществлении плана Шпеера по постепенному переводу военной промышленности под землю — чудовищное, варварское дело! На этих подземных «фабриках смерти» работали заключенные концлагерей, работали на полный износ, как одноразовые запчасти.

Чудом сохранилась фотография, приобщенная к материалам Нюрнбергского процесса: молодой Крупп вместе со Шпеером идут вдоль работающего конвейера; справа видна часть стены подземного цеха, вдоль которой штабеля… но не готовой продукции, а — трупов. Это те рабочие, что умерли за последнюю смену, длившуюся 18 часов.

Фотографию, между прочим, изъяли из архива канцелярии

фюрера, переправленного в Бергхоф, а значит, она наверняка побывала в руках у Гитлера. Зачем? Кому это могло быть нужно? Думаю, самому молодому Альфриду Круппу! Так, по-видимому, он — грязью, кровью на своих руках — заглаживал «ошибку» отца, отказавшегося спасать Германию ценой «мобилизационного социализма».

И коллапс наступил…

Сто шестьдесят лет крупповской империи, обслуживающей германские войны, должны были закончиться вместе с двенадцатью годами Третьего рейха.

Прагматизм старого Круппа не спас его от привлечения к суду Нюрнбергского трибунала. Но главный организатор перевооружения гитлеровской армии, пожертвовавший на поддержку НСДАП миллионы марок, Густав Крупп фон Болен так и не появился в зале судебных заседаний «по состоянию здоровья».

Официальная формулировка гласит:

«Дело в отношении Густава Круппа фон Болен унд Гольбах, признанного медицинской комиссией тяжелобольным, в связи с чем он не мог быть доставлен в суд, было производством приостановлено с оставлением материала в общем деле».

Писали, что старик не то впал в маразм, не то парализован, и, в сущности, почти все судьи сошлись на том, чтобы вообще оставить его в покое. Но советская сторона сделала простую вещь: всего лишь напомнила список наград и регалий этого «безобидного маразматика»:

— золотой значок нацистской партии,

— нагрудная эмблема — имперский орел с надписью «Фюреру германской экономики»,

— два креста «За военные заслуги»,

— почетное звание «Пионер труда»… и т. д. и т. п.

И «дело» старого Круппа из общего «дела» главных нацистских преступников все-таки не изъяли.

До сих пор не могу понять, почему вместо старого Круппа, между Шахтом и Деницем, не сел молодой Альфрид.

Офицер СС с 1933 года, сменивший семь постов в имперской и партийной иерархии, имеющий награды от фюрера, которые впечатляют не менее отцовских… нацист до мозга костей!

Альфрид всегда честно признавался, что его мало интересует прибыль его концерна, которая между прочим, только за 1933–1934 годы составила около семи миллионов, а за 1939–1940 — уже почти 23 миллиона. Нет, Альфрид а волновала идея величия Германии и принципиально — «любой ценой»!.. Получив

машиностроительный завод в Краматорске, он, выражая в письме свою благодарность фюреру и партии, четко высказался, что видит это предприятие не столько прибыльным, сколько «воспитательно-образцовым» для рабов-славян.

В Нюрнберге, однако, Альфрид струхнул. На допросе американскому следователю он, объясняя свою службу режиму, заявил буквально следующее: «Экономика Германии нуждалась в спокойном и поступательном развитии. В условиях беспорядка и борьбы между различными немецкими партиями у нас не было возможности заниматься нашим развитием… Мы, крупповцы, никогда не занимались много политикой. Нам нужна была система, которая бы хорошо функционировала и не мешала нам работать».

То есть почти в точности повторил слова своего отца, сказанные им Гитлеру на судьбоносном совещании летом 1944 года.

С одной стороны — вроде и конфликт поколений; а с другой — далеко яблочко от яблоньки не откатилось.

Альфрида все-таки судили. 17 августа 1947 года «под давлением общественности» начался процесс над ним и еще несколькими руководителями концерна. Процесс длился год. Молодого Круппа приговорили к 12 годам тюремного заключения с конфискацией имущества.

Но уже в феврале 1951 освободили. Еще через год аннулировали и ту часть приговора, которая касалась конфискации имущества концерна, и Альфрид получил обратно свое личное состояние в сумме 10 миллионов долларов США.

После суда американская пресса приводила высказывание Альфрида Круппа о том, что его миллионы «больше не могут служить Германии», а значит, и ему самому они «больше не нужны».

В одном из писем своему сыну Альфрид Крупп развил эту мысль, пояснив, что «капиталы Круппа, если бы они даже и вернулись, не смогли бы сейчас служить великой (существенное уточнение!) Германии».

Германия же, строящаяся по плану Маршалла, Круппов не вдохновляла. Чему доказательство — судьба последнего из этих «будденброков» — внука «пионера»

национал-социалистического труда Густава Круппа фон Болен.

Покушения на заговоренную жизнь

Точного числа покушений на жизнь Адольф Гитлера установить пока не удалось.

Но счет вполне можно вести с некой мелодрамы: в 1927 году молоденькая девица по имени Мици (Мария) Рейтер попыталась покончить с собой, после того как Гитлер отказался на ней жениться. Бедняжку в буквальном смысле вынул из петли ее шурин Готтфрид Хель; после чего, вооружившись револьвером, отправился к Гитлеру на квартиру, чтобы «пристрелить бесчестного соблазнителя». Но там между разъяренным Хелем и перепуганным Адольфом героически встал соратник по партии Макс Амман, врезал Хелю, отобрал у него оружие и пригрозил обратиться в полицию с заявлением о покушении на жизнь Адольфа Гитлера. Дело закончилось полной капитуляцией покушавшегося: шурин Мици даже отвел ее к нотариусу, где та, под присмотром Аммана и пары дюжих штурмовиков, написала отказ от всяких «претензий» к бывшему жениху.

Перефразируя известное высказывание… можно сказать, что история покушений на жизнь Гитлера, начавшись с фарса, потом повторялась во все более и более трагических вариантах.

Но во всех случаях прослеживается одна и та же закономерность: всякий раз находившемуся на волосок от смерти Адольфу Гитлеру удавалось от нее ускользнуть. Воистину — «заговоренная» жизнь!

Впрочем, так ли это? Или причина неудачи всех, кто видел корень совершающегося зла лишь в личности Адольфа Гитлера, в чем-то другом?!

Есть версия, в общей сложности, о тридцати семи покушениях. Я бы добавила и ту неуклюжую попытку Хеля, тем более что многие из последующих покушений были еще более неуклюжими. А большинства… просто не было. То есть аккуратно задокументированные с немецкой пунктуальностью, эти «заговоры» в действительности просто не существовали.

Дело в том, что в Германии, как и в России, применялась тогда грязная практика — за неимением доказательств конкретной вины «вешать» на неугодного власти человека совершенно «убойное» обвинение — в «покушении на жизнь вождя». Вот и пылились в папках гестапо совершенно «чистые от доказательств», но «расстрельные» дела Гансов и Куртов — коммунистов и социал-демократов — с одним пунктом: этим самым пресловутым «замыслом покушения на жизнь лидера НСДАП». Как раз штук тридцать подобных «дел» и наберется.

Что же касается оставшихся, реальных заговоров с целью устранения Адольфа, то от них следует «отщипнуть» парочку заговоров-провокаций. Самая известная такая «провокация-покушение» была инсценирована Гиммлером в 1939 году во время празднования очередной годовщины пивного путча. Гиммлер подставил под взрыв ни в чем не повинную девушку-официантку и несколько «старых бойцов», в то время как Гитлер преспокойно покинул зал пивной за полчаса до взрыва. Таким способом Гиммлер решил, по его выражению, «организационные вопросы по усилению охраны» фюрера: с этого дня, чтобы подобраться к Гитлеру, пришлось бы пробиваться сквозь тройное оцепление СС. Доступ к «телу» сделался практически невозможным. Кстати, это касалось и женщин, за исключением узкого круга доверенных дам.

Таким образом, во всем рейхе осталась только одна группа, которая обладала реальной возможностью физического устранения Гитлера — это офицерский корпус немецкой армии.

Офицеры не только высшего, но и среднего звена могли входить к фюреру, присутствовать на совещаниях, лично передавать документы. Впрочем, от этих, последних, Гитлер беды не ждал, другое дело — высшие! Они-то «ефрейтора» всегда презирали; он же платил им недоверием и скрытой ненавистью.

Идея «заговора Штауффенберга» зародилась еще в 1937-м, когда Гитлер впервые откровенно поделился с генералами своими планами по захвату Западной Европы и России. Все как один, во главе с Вернером фон Фричем, высказали мнение, что такая война будет авантюрой, поскольку Германия к ней не готова.

Гитлер тогда сказал Гессу: «Генералы — вот мое слабое место. Они все в заговоре против меня. Мне придется сражаться с ними, как с врагом: или я их, или они меня».

В 1938-м, когда Гитлер объявил о предстоящем захвате Чехословакии, генерал Бек, начальник генерального штаба сухопутных войск, в докладной записке фон Браухичу предрек: «Нападение на Чехословакию приведет к конфликту с Англией и Францией, исходом станет не только военное поражение, но и общая катастрофа».

Гитлер, прочитав это, демонстративно хохотал.

Бек подал в отставку. С этого момента и начинается история организованного генеральского противостояния Адольфу Гитлеру, который принято называть «заговором Бека».

Из своего берлинского особняка Людвиг Бек решительно приступил к организации сопротивления, в которое вошли и

сменивший его на посту Гальдер, и глава Абвера Канарис, и президент берлинской полиции Хельдорф, и бывший президент Рейхсбанка Шахт, и еще многие, большинство которых составляли офицеры среднего командного звена. Правда, вопрос о физическом устранении Гитлера оставался спорным. Готовился путч в Берлине лишь с отстранением Гитлера от власти.

Но Мюнхенский сговор сорвал эти планы: Чехословакия пала без боя.

В 1940-м ошеломляющие успехи Гитлера настолько взвинтили его популярность в армии, что заговорщики затаились. Вице-президент берлинской полиции Шуленбург подготовил план убийства Гитлера во время парада в Париже, но парад был отменен. Для заговорщиков это было время безнадежности и отчаяния, которое все более подводило их к мысли, что без убийства фюрера им ничего в судьбе Германии не удастся изменить.

После Сталинграда в сопротивление, наконец, хлынула «свежая кровь». В числе новичков оказались такие весомые фигуры, как фельдмаршал фон Клюге и генерал Ольбрихт. Штаб-квартира группы армий «Центр» под командованием Клюге сделалась, по сути, штабом заговорщиков. За несколько дней до приезда Гитлера в Смоленск, Канарис ввел в город личный состав Абвера с целью координировать убийство Гитлера с переворотом в Берлине и передал генералу фон Трескову большой запас пластиковых пакетов с взрывчаткой, каждый размером с записную книжку и округлой продолговатой формы, за что их называли «моллюсками». Одного такого «моллюска» было достаточно, чтобы повредить рельсы или вывести из строя грузовик. Взрыв должен был состояться в самолете, которым летел Гитлер. И снова неудача-тридцатиминутный кислотный взрыватель по какой-то причине не сработал. Самолет Гитлера благополучно приземлился.

Попытку повторили через неделю: 21 марта, в «День памяти героев», генерал-майор Герсдорф должен был привести в действие бомбу с десятиминутным запалом во время прохода Гитлера по выставке оружия в здании Арсенала в Берлине. И снова — неудача. Гитлер буквально пронесся по выставке, и Герсдорф ничего не успел.

Не нужно думать, что Гиммлер совершенно «прохлопал» заговор Бека. За особняками и квартирами заговорщиков велось круглосуточное наблюдение; в 1943-м начались первые аресты, однако уследить за всеми участниками заговора — полковниками и подполковниками — даже Гиммлеру оказалось не по силам.

Тем более что многие из них не вызывали абсолютно никаких подозрений. Подполковник фон Штауффенберг, например.

Немецкий аристократ, ариец, получивший великолепное всестороннее образование, храбрый солдат, никогда ничем не запятнавший своей репутации. Идеал немецкого воина, образец для подражания!

Но ко всем этим достоинствам нужно прибавить и совершенно недопустимый, с точки зрения Гитлера, недостаток — этот «идеальный солдат» не утратил способности думать, анализировать. Безусловно, сказалось на психике Клауса фон Штауффенберга и тяжелейшее ранение, полученное им в Африке и лишившее его глаза, правой руки и двух пальцев на левой. Вернувшись из госпиталя, он решительно присоединился к заговору Бека, и с того времени этот заговор вполне можно переименовать в «заговор полковника Штауффенберга».

Штауффенберг с самого начала ни минуты не сомневался, что без физического устранения Гитлера ничего в Германии изменить не удастся. Не имея прямого доступа к фюреру, Штауффенберг трижды «снаряжал» на покушение своих друзей-офицеров.

Первым был капитан Аксель фон Буше: во время демонстрации нового военного обмундирования Буше с его идеальной нордической внешностью выступал в роли «манекена». Этот манекен, по плану Штауффенберга, должен был схватить Гитлера в объятья и взорвать вместе с собой. Сорвалось: Гитлер изменил дату смотра. Второй — молодой фон Клейст, также решившись на самопожертвование, все никак не мог подобраться к Гитлеру… Не удалось это и обвешанному взрывчаткой капитану фон Брайтенбуху.

А между тем над заговорщиками не на шутку начали сгущаться тучи. Отстранили и посадили под домашний арест Канариса. Арестовали Юлиуса Лебера — человека, который по плану участников заговора «Валькирия» должен был после переворота возглавить Министерство внутренних дел…

Но в эти июньские дни 1944 года Штауффенберг наконец получил новое назначение, которое давало ему право прямого контакта с Гитлером. Теперь он мог действовать сам. И снова… точно какая-то злая сила хранила жизнь Гитлера — снова неудача за неудачей: 7 июня, 11 июня, 15 июня — то Гитлер отсутствовал на запланированном совещании, то проявлял нерешительность кто-то из соратников, то возникали технические проблемы… Штауффенберг таскал портфель со взрывчаткой и, видимо, уже так с ним сроднился, что весь его облик выражал полное спокойствие.

22 июня Штауффенбергу было приказано прибыть на совещание вставку «Вольфсшанце» («Волчье логово»).

К 12.30, когда в бункере должен был появиться Гитлер, Штауффенбергу и его помощнику Гефтену нужно было все подготовить. Оба отправились в душевую под предлогом освежиться после дороги; там Гефтен достал один пакет со взрывчаткой; Штауффенберг плоскогубцами вскрыл капсулу с кислотой. После этого, до взрыва оставалось ровно десять минут. Но со вторым пакетом вышла осечка. Кейтель послал своего адъютанта поторопить Штауффенберга; адъютант вошел в душевую комнату и, сказав: «Поторопитесь, пожалуйста», остался в дверях, ожидая… и Штауффенберг едва успел сунуть взведенную бомбу в свой портфель. Второй пакет с взрывчаткой остался у Гефтена.

Дальнейшее известно: сила взрыва оказалась недостаточной, чтобы убить всех, кто находился в помещении, тем более что день был жарким и совещание перенесли наверх, где распахнутые настежь окна ослабили силу взрыва.

Результат: четверо убитых, двадцать раненых; Гитлер хоть и пострадал тяжело, но остался жив.

Судьба явно вела Адольфа Гитлера совсем к другому, гораздо более жуткому концу. И это справедливо.

Любопытная деталь: во время расправы с заговорщиками как-то особенно лютовал Геббельс. Видимо, в его цепкой памяти всплыла одна унизительная для него деталь далекого прошлого. Тогда его, молодого амбициозного писателя, не приняли в кружок почитателей знаменитого поэта Стефана Георге, не приняли как бездарность и ничтожество.

Вместо него приняли другого, совсем молоденького студента, сочтя талантливым и значительным по имени… Клаус фон Штауффенберг.

Вожди злопамятны.

Атлантида Николая Жирова

Биографическая справка

Жиров Николай Феодосьевич родился в Киеве, в дворянской семье. С десяти лет увлекался химией. Еще молодым человеком, благодаря опубликованным трудам, стал широко известен в СССР и за рубежом. Во время Великой Отечественной войны — организатор производства светящихся составов (люминофоров) для противовоздушной обороны; занимался также твердотопливными ракетными снарядами (типа «Катюша»). В июле 1945 года Жиров, как специалист по взрывчатым веществам, был командирован со специальным заданием в Берлин. Работа по раскрытию химических тайн Третьего рейха подорвала его здоровье, сделав инвалидом первой группы. Будучи прикован к постели, Жиров занялся историей; он одним из первых заговорил об атлантологии как о науке. В 1964 году вышла быстро ставшая знаменитой книга «Атлантида. Основные проблемы атлантологии». Она считается одной из самых фундаментальных и авторитетных в мире.

Николай Феодосьевич Жиров стал основателем нового направления в советской и российской науке, созданного на стыке многих научных дисциплин. И теперь, полвека спустя, многочисленные сенсационные открытия только подтверждают правоту гениальных прозрений ученого.

Партия сказала «надо»…

6 июля 1945 года кандидат химических наук, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, старший лейтенант Николай Жиров был срочно вызван на Лубянку «для получения спецзадания»

Жиров, в конце войны опубликовавший несколько статей по проблемам древнейших цивилизаций, был уверен, что знает, зачем его вызвали. Начальство химического института, в котором он работал, уже поставило его в известность, что из Нижней Силезии доставлен в Москву большой архив какого-то «научного» института, организованного СС Генриха Гиммлера. Институт этот назывался «Наследие предков»; чтобы работать с его документами, и требовались специалисты по «древним

цивилизациям», знающие языки, имеющие представление о расшифровке криптограмм и прочее.

Однако задание Лубянки оказалось иного рода.

«Срочно отправляйтесь в Германию, — сказали Жирову. — Одна сволочь, из главных нацистских бонз, находясь в плену у американцев, согласилась им что-то показать: не то ракеты с биоголовками, не то какой-то газ. В общем, спецхимия, как раз по вашей части. Получите удостоверение уполномоченного Особого комитета ГКО, с самыми широкими полномочиями, и — вперед. Вы коммунист, товарищ Жиров. Разберетесь на месте».

Необходимое уточнение: Бользен там не работал!

Помните «Семнадцать мгновений весны»? Увы, Штирлиц, под именем «господина Бользена», весной 1945 года, проживая в Бабельсберге, под Берлином, никак не мог работать на химическом предприятии имени Роберта Лея!

Во-первых, это секретное предприятие, входившее в концерн нобелевского лауреата Боша, еще зимой 1944 года было переведено в Южную Баварию и получило наименование «Объект 3Z».

Во-вторых, как стало известно из материалов Нюрнбегского трибунала, на «объекте» производились работы по созданию секретных химических технологий военного назначения. «Объект» имел два уровня: в «нижних цехах» трудились рабочие и инженеры — военнопленные, в основном советские, французские и бельгийские. На втором, верхнем уровне работали немцы; иногда они спускались вниз, естественно, в спецснаряжении. Однако после каждого такого спуска немецкие инженеры проходили «шестимесячную реабилитацию» в закрытом санатории. Большинство из них, тем не менее, получало диагноз, связанный с заболеванием центральной нервной системы.

Так что, если бы инженер Бользен там поработал, то не стало бы Штирлица!

…Коммунист Жиров ответил: «Есть!»

В начале лета 1945 года бывший вождь бывшего Трудового фронта, но вполне действующий доктор химических наук Роберт Лей (та самая «сволочь», о которой Жирову говорили на Лубянке) предложил американским оккупационным властям посетить подземный «Объект 3Z».

Лей сказал, что «объект» представляет собой смертельную угрозу для всего юга Германии, поскольку там была совершена военнопленными диверсия и часть контейнеров, возможно, разгерметизирована.

Выполняя союзнические обязательства в связи с войной против Японии, американцы пригласили на «объект» советского специалиста по «спецхимии». Им и оказался Жиров.

Прибыли на место… Сразу стало ясно: не укажи Лей «нужный квадрат» поисков, «объект» еще долго не нашли бы. И прятать, и маскировать спрятанное немцы умели!

Прибывшее с химиками спецподразделение расчистило вход. Подъемники оказались исправными… В общем, нужно было лезть.

Сначала предполагалось, что Лей спустится первым. Он не возражал, однако, пока победители совещались, стоял с ухмылкой, давая понять, что если сделает это, то до суда, скорее всего, не доживет.

Такой риск исключался: бывший вождь Трудового фронта и бывший начальник орготдела НСДАП в списке главных нацистских преступников стоял под номером 4.

Американские химики тоже как-то мялись, медлили… Среди них «камикадзе» не было.

Ну а старший лейтенант Жиров, экспериментатор противовоздушной обороны, принявший на свою голову не один бомбовый груз, военный человек и партиец, просто выполнил задание. Партия сказала «надо», коммунист Жиров ответил: «Есть!».

Необходимое уточнение

Все отчеты о командировке Жирова в Германию летом 1945 года до сих пор засекречены. Однако…

В следственных материалах по делу военного преступника, гаупштурмфюрера СС, доктора Хирта имеются сведения о том, что «Объект 3Z» с 1944 года являлся одним из главных поставщиков «биологического материала» для Страсбургского анатомического института, который Хирт создал под эгидой СС.

Август Хирт представлял собой жутковатую личность — смесь садиста и ученого-фанатика, готового экспериментировать при любых обстоятельствах и даже на самом себе. Что он и проделал однажды, экспериментируя с ипритом.

Если у Августа Хирта, готовившего химическое поражение всей территории Европы, был в этом мире антипод, то это Николай Жиров — человек, подвергший себя смертельной опасности, чтобы, помимо научных целей, спасти от возможного

заражения поверженную Германию.

Сопоставлению подлежат лишь диагнозы этих двоих: экспериментируя с ипритом, Хирт получил кровоизлияние в легкие. После посещения «Объекта 3Z», Жиров также лечился от кровоизлияния в легкие. Это был его первый, самый простой диагноз…

Дополнительное уточнение

Родственники Николая Жирова после его смерти вспоминали, как Николай Феодосьевич рассказывал о том, что во время своей командировки в Германию он входил в состав группы, занимавшейся изучением немецких ракет «Фау».

Возможно, они сделали это под влиянием огромного интереса к личности Жирова, а также — новейших публикаций.

Дело в том, что немецкие проекты «Фау-1» и «Фау-2» до сих пор остается чрезвычайно притягательным для современных исследователей всевозможных оккультно-эзотерических течений. Конечно, не из-за технических подробностей. А из-за чего же?

Думаю, пора внести ясность.

Сакральный остров Узедом

В 1936 году в рамках Технического управления Люфтваффе была запущена так называемая «ракетная программа». Молодому инженеру Вернеру Брауну было поручено выбрать место, где в будущем можно расположить аэродромы (полигоны) для испытаний. Браун нашел несколько вполне подходящих площадок…

Но неожиданно место для ракетного полигона было указано из… ведомства Гиммлера.

Указующий перст рейхсфюрера ткнул сначала в остров Рюген, где находилось святилище бога Святогора-Атланта и где эсэсовские «ученые» с 1935 года яростно бурили гигантские скважины для проверки теории полой Земли. Однако после бурных протестов энергичного Брауна и его сотрудников Гиммлер согласился на остров Узедом (в Балтийском море), на севере которого находилась уютная рыбацкая деревенька Пенемюнде. В общем, весь этот район Балтики считался священным, поскольку, как утверждали «специалисты» Гиммлера, где-то здесь был некогда центр арийско-христианской проторелигии и проживали жрецы-арманисты, утвердившие культ Луны. Здесь же следовало искать энергетические карты, Книгу катастрофы Атлантиды и т. д. и т. п.

В апреле 1945 года, когда Третий рейх неумолимо катился к своему краху, ракетчики Брауна выехали на юг, в район лыжного курорта Гармиш-Партенкирхен, где и сдались американцам.

Если верить документам, группа наших ракетчиков получила в свое распоряжение лишь часть баллистической ракеты «Фау-2» и начала с ней работать далеко и от Южной Баварии, и от Пенемюнде, и только в конце октября, когда командировка Жирова уже вынужденно завершилась.

«Выслушай же, Сократ, сказание хоть и очень странное, но совершенно достоверное…»

Небо над Москвой полыхало салютами, женщины снова носили яркие платья, и общий дух был — поскорей все отмыть, восстановить, украсить…

А он умирал. Тело сводили судороги, в голове точно шел бесконечный «термояд»… Диагноз — «вирусное заболевание центральной нервной системы».

Однажды в клинике (потом — имени Бурденко), где пытались лечить Жирова, склонившийся над ним врач неожиданно уловил из уст больного странную фразу: «Выслушай же, Сократ, сказание хоть и очень странное, но совершенно достоверное, как заявил некогда мудрейший из семи мудрых Солон…».

Врач оказался разносторонне образованным человеком; он вспомнил, что этими словами великий греческий философ Платон начинает свой знаменитый диалог «Критий», в котором впервые впрямую упоминает о погубленной богами загадочной стране Атлантиде.

И странное дело — но с этого дня Жиров начал не то чтобы поправляться — изменения в его организме носили необратимый характер, — а словно бы выбираться на какой-то свет. Его речь сделалась связной, размышления логичными, в глазах появились интерес к происходящему и — желание жить. У наблюдавших его специалистов создавалось ощущение, что в этом человеке открылся новый источник духовных сил, который сможет долгие годы питать и поддерживать парализованное тело.

Врач и пациент потом много беседовали и спорили о «проблеме Атлантиды».

Суть этих споров Николай Феодосьевич Жиров позже выразит и в собственных исследованиях, и редактируя работы других авторов.

Например, в предисловии к книге известного польского атлантолога Людвига Зандлера он пишет:

«В течение двух тысячелетий продолжается спор вокруг легендарной Атлантиды. Одни считают проблему Атлантиды не заслуживающим внимания вымыслом; другие — решением

загадки, раскрывающей истоки культуры человечества. Особенно возрос интерес к ней в последние десятилетия, когда развитие науки потребовало пересмотреть и переосмыслить положения, казавшиеся до недавнего времени установленными и незыблемыми. Пожалуй, именно поэтому рано сдавать проблему Атлантиды в архив человеческих заблуждений».

Врач же, лечивший Жирова, придерживался традиционной гипотезы о том, что Платон попросту выдумал Атлантиду для обоснования своего «идеального законодательства». Вот текст платоновского «диалога», на который обычно ссылаются для подтверждения этой точки зрения:

«…Ведь некогда, Солон, до великой катастрофы потопа, у нынешних афинян был город, сильнейший в делах военных, но особенно сильный отличным по всем частям законодательством. Ему приписывают прекраснейшие дела и прекраснейшее гражданское устройство из всех, какие, по дошедшим до нас слухам, существовали под солнцем».

Дальше следует подробное изложение этого «прекраснейшего гражданского устройства» с его сословиями, классами, общественным укладом, законодательством и прочим. В общем, читайте Платона!

«Об Атлантиде я хотел бы говорить с троими…»

Отбывая пожизненное заключение в тюрьме Шпандау, бывший заместитель Гитлера и один из самых последовательных мистиков своего времени Рудольф Гесс в конце шестидесятых — начале семидесятых годов сумел использовать ослабление тюремного режима. Гесс получал газеты, книги, иногда самые свежие публикации по проблемам, которые его интересовали.

Реальное существование Атлантиды было для Гесса аксиомой. Всех, кто подвергал это сомнению, он считал своими личными врагами. И прежде всего — Аристотеля.

Напомню, что Аристотель, называвший себя учеником Платона, произнес знаменитую фразу: «Платон мне друг, но истина дороже» — именно по поводу Атлантиды. «Истина» по Аристотелю заключалась в том, что Платон сочинил Атлантиду в качестве предлога для изложения своих политических взглядов на проблему идеального государственного устройства. А потом он же, Платон, и отправил Атлантиду на дно — так утверждал Аристотель.

В одном из писем отцу в Шпандау (от 16 апреля 1977 г.) сын Гесса Вольф Рюдигер неосторожно привел довод о том, что,

будучи учеником Платона, Аристотель должен был хорошо знать и понимать своего учителя, а потому Аристотелю можно верить…

Как же в ответном письме Гесс-отец набросился на сына!

«Твой Аристотель был сопливым мальчишкой, когда Платон уже достиг преклонных лет <…> и мало ли кто чьим учеником себя объявит, чтобы потом позорить своего учителя!.. Платон был афинянином, а Аристотель — да будет тебе известно — родился в Македонии и, прожив в Афинах много лет, так и не получил афинского гражданства <…> него душила банальная зависть провинциала!»

Но у Гесса имелись не одни только кровные враги-антиатлантологи, посягавшие на святое. Продолжая полемику с сыном, он пишет:

«.. Об Атлантиде я хотел бы говорить с троими. Первый, безусловно, авторитетнейший — Геродот. Второй — Диодор Сицилийский, третий — русский историк Николай Жиров, книгу которого я тебе настоятельно рекомендую».

Историческая справка

Историк Геродот около 460 года писал: «К этому соленому озеру прилегает гора, которая называется Атлас. Она узка и со всех сторон закруглена и так высока, что ее вершину не видно, так как она всегда окутана туманом, и летом и зимой. <…> От нее получили название и местные жители, которых называют атлантами. Говорят, что они не едят ничего живого и никогда не видят снов».

Историк Диодор Сицилийский, I век до н. э., автор труда «Историческая библиотека», также пишет об атлантах, живущих возле горы Атлас, в Северной Африке. Замечательно описывает и набеги на атлантов воинственного племени амазонок.

Дополнительное уточнение

Можно предположить, что пристрастие Гесса к первым двум историкам объясняется тем, что сам он родился в Северной Африке, в Александрии.

Чем объяснить интерес к статьям и книгам Жирова?

Если учесть, что в одном из писем Гесс довольно резко и неожиданно высмеял «Тайную доктрину» Блаватской, «Теорию полой Земли» и, как он пишет — «прочие фантазии», то напрашивается предположение, что хотя бы в старости ум Гесса начал тяготеть к здоровому прагматизму и серьезному анализу реальных фактов, которыми и оперирует в своих исследованиях Жиров.

Николай Феодосьевич Жиров, сменив предмет своих исследований, все равно был и оставался ученым.

Неснятый фильм Лени Рифеншталь

Великая Отечественная война началась в 3 часа 15 минут часовой артиллерийской подготовкой наступления немецких танковых дивизий группы армий «Центр»; в 4 часа 15 минут первые танки 18-й дивизии форсировали реку Буг. Наступление развивалось стремительно. «Двигаясь по следам 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через реку Лесна[я], но там, кроме русского поста, я никого не встретил, — писал в своих «Воспоминаниях солдата» командовавший наступлением генерал Гудериан. — При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

Были убиты, добавлю я, снайперскими выстрелами в лоб, что сразу навело меня на мысль — недоговаривает чего-то «быстроходный Гейнц»!

К счастью для историка, мемуары оставляют не только генералы и фельдмаршалы, но и их адъютанты. Подлинную картину произошедшего на рассвете 22 июня 1941 года на мосту через тихую речку Лесна[я] можно реконструировать с помощью именно такого мемуариста — личного адъютанта Гудериана барона фон Лестена.

Был и еще свидетель — приглашенная в расположение 18-й дивизии вместе со своей съемочной группой с целью запечатлеть «историческое начало похода против большевизма» Лени Рифеншталь. И как красиво, «по-киношному» там все начиналось…

Первый луч, пробившийся из-за речного тумана, сам помог Лени выбрать ракурс. Ее камера остановилась на лице молодого солдата, лежащего в засаде. Помните это лицо — совсем не волевое, не очень арийское, с окурком в углу рта, в наброшенной на каску маскировочной сетке, — кадр, обошедший весь мир?

Пока шла артподготовка, съемочная группа занимала позиции, устанавливала аппаратуру, ловила скудный свет — готовилась. Приказом самого Гудериана танкистам надлежало всячески содействовать работе группы Рифеншталь; а если попросит, то и позировать. Переправа началась…

Лени направила объектив на лицо стоящего на пригорке Гудериана, но генерал вдруг с досадой отвернулся:

— Мои плавающие танки еще недавно готовились форсировать Ла-Манш, — сказал он Рифеншталь. — Они могли

бы идти на приличной скорости на глубине четырех метров, но Буг местами мелкая речонка. Здесь вам не снять должного эффекта. И вообще… знаете, война… подлинная война похожа на усталую женщину, неприбранную, немытую… Валькирий лучше снимать в павильонах Бабельсберга.

— И это говорите вы, генерал?! — воскликнула Рифеншталь, — Вы — живая легенда, воплощение германских побед?! Где же ваш белый танк, на котором вы, говорят, въезжали в Париж?!

Гудериан усмехнулся:

— Белый танк? Взгляните туда!

В клубящемся над рекой тумане медленно шли, рассекая воду, танковые башни. Рифеншталь увидела, как на противоположный крутой берег уже карабкался первый переправившийся танк — грязный, весь в тине.

— Это будет совсем другая война, — едва слышно произнес Гудериан. — И лучше вам ее не видеть.

Но Рифеншталь проявила настойчивость. Вместе с оперативной группой штаба 47-го корпуса, стараясь не прерывать съемок, она переправилась на другой берег и оказалась на чужой (нашей!) земле.

«Досадное недоразумение»

Уже совсем рассвело, когда группа Рифеншталь вместе с танковой колонной подъехала к мосту через реку Лесна[я]. Она видела, как русские солдаты, находившиеся на посту, бросились врассыпную. Лени велела поскорей установить камеры и снимать, снимать… Ни она, ни ее операторы даже не пригнули голов, когда неожиданно раздались пулеметные очереди, взрывы гранат. Лени продолжала увлеченно работать: возможно, она подумала, что выстрелы холостые, а взрывы — просто хлопки, как в Бабельсберге, на учебном полигоне, и ей все еще позируют. Но тут ей обожгло щеку: пуля прошла у самого глаза.

Русские пограничники и не думали бежать; они залегли в кустах и открыли прицельный огонь по легкомысленным штабистам, ехавшим в открытой машине. Два офицера получили по пуле в лоб, а командир корпуса не пострадал только потому, что шофер закрыл его от пуль своим телом.

Все это время камеры Рифеншталь продолжали снимать.

Эсэсовский полковник, оперативно прибывший на место событий, озаботился прежде всего именно этим. Он тут же заявил

Лени, что война только начинается и «не стоит тратить пленку на досадные недоразумения». Эсэсовец вежливо попросил камеру у одного из операторов, сам выдернул пленку и бросил в мокрую траву, как бы подавая пример, как следует поступить остальным.

«Снимайте же… снимайте, фрау Рифеншталь!..»

Убитых офицеров положили в машину киногруппы. Так они и лежали там, возле аппаратуры, на всем пути до села Колодно, где расположился немецкий командный пункт. Когда танковая колонна миновала указатель с названием села, эсэсовец приказал остановиться. Он велел выкопать две могилы и похоронить офицеров.

Пока копали могилы, к лежащим на плащ-палатках телам подложили еще два — убитых на мосту русских пограничников. Танкисты Гудериана принялись копать еще две могилы.

Но штандартенфюрер, увидев, рявкнул на них:

— Какого дьявола вы их притащили?! Убрать! Где же ваша камера, фрау Рифеншталь? — вдруг с подчеркнутой любезностью обратился он к Лени: — Снимайте, снимайте же!

Танкисты молча продолжали копать. Штандартенфюрер, выругавшись, позвал своих. Двое эсэсовцев оттащили русских в ложбинку, метров на пятьдесят.

Штандартенфюрер взял гранаты, прицелился и, позируя перед объективом Лени, бросил туда.

Взрывом разметало землю, траву, тела. Два увесистых багровых куска шмякнулись в объектив камеры оцепеневшей Рифеншталь.

— Пригнать русских баб из села, — приказал эсэсовец. — Пусть соберут и закопают, что осталось. А вы снимайте, снимайте, фрау! Работайте!

«И не забудьте засветить пленку!»

Поздним вечером измученная Рифеншталь со своей запыленной, оборванной, пропахшей порохом группой добралась до штаба дивизии, чтобы пожаловаться Гудериану на действия СС. Генерал холодно отвечал, что это не в его компетенции.

— Меня пригласили снимать ваших танкистов… триумф и мощь вторжения, а не … не мясников! — чуть не плача возмущалась Лени.

— Триумфа не будет, — отрезал Гудериан. — Я уже сказал

вам — здесь идет другая война. Но Германии об этом знать пока не следует. Так что завтра поутру выезжайте обратно в Берлин и забудьте все, что вы тут увидели. Фон Лестен вас проводит. И не забудьте засветить пленку.

Но «завтра поутру» начался такой «интенсивный артиллерийский и пулеметный огонь» в тылу наступающих танковых корпусов, что, если верить тому же фон Лестену, съемочная группа Рифеншталь еще два дня не могла выбраться из расположения 12-го корпуса.

Дальше фон Лестен пишет:

«24 июня я пытался объездными дорогами вывезти съемочную группу из-под непрерывного огня русских, бивших в тыл корпусам. С нами отправили раненого под Слонимом подполковника Дальмер-Цербе, который был уже при смерти. Рифеншталь велела оставить часть аппаратуры в лесу, чтобы освободить место в машине. Она больше не снимала…».

Фарс по имени «Альберт Шпеер» (После «Валькирии»)

Художественный фильм «Операция «Валькирия»», широко прошедший по мировым экранам, напомнил современному зрителю об одном из тех немногих в истории Третьего рейха событий, которыми современные немцы имеют моральное право если не гордиться, то, во всяком случае, не стыдиться их, а именно — о «заговоре Штауффенберга». Заговоре, ставившем своей целью физическое устранение Гитлера и верхушки режима. Заговоре, сформировавшемся, в отличие от коммунистического сопротивления, отнюдь не в годы рассвета и триумфа, а тогда, когда главная, внешне еще крепкая опора этого режима — армия — уже подтачивалась изнутри необратимо переменившимся настроением низшего и среднего звена:

«Сегодня выдали вино… шоколад, конфеты, сигареты, кекс. Все это имеет горький вкус, как успокоительные пилюли. <…> И снова на фронт? Но куда? За новым ранением? Или в плен? Или — в вечное забвение?» (Из дневника ефрейтора 52-й пехотной дивизии Германа Райха, 24 июня 1944 г.)

А Гитлер ничего не хотел слышать. Он всегда опасался и ненавидел своих генералов, но был уверен в своих храбрых «райхах», в их решимости, в их оптимизме. Генералы же настроение в армии знали лучше. И они хотели сохранить эту опору, укрепить ее дух — и отнюдь не шоколадом, а прежде всего, перспективой скорого окончания войны. И все понимали — пока Гитлер жив, никаких перспектив вернуться домой в обозримом будущем у немецких солдат нет.

Повторю, в 1944 году это в Германии понимали все. Во многом заговор и не удался именно потому, что в буквальном смысле разваливался на группы, представлявшие собой все слои общества. Например, «группа Герделера» отражала настроения крупного бизнеса; «группа Бека» — авторитетных, хотя и отставных военных, и так далее. Вокруг Штауффенберга же группировались молодые, наиболее активные офицеры генерального штаба, имевшие собственное представление о будущем Германии и ее армии: Штауффенберг, к примеру, не раз серьезно конфликтовал с тем же Герделером по политическим вопросам. Однако всех участников заговора 1944 года связывала одна, и если не главная, то первая цель — убийство Гитлера.

Финал «Операции «Валькирия»» хорошо известен: первая цель

достигнута не была — после страшного взрыва в ставке «Вольфсшанце» Гитлер остался жив. Начались аресты, пытки, недолгое заключение в тюрьме Моабит, скорый суд, виселица. Кто-то сумел скрыться, как, например, Герделер или Лейшнер. Кто-то успел покончить с собой, как фельдмаршал фон Клюге или генерал фон Тресков. Волна арестов накрыла даже тех, кто не имел к заговору никакого отношения — например, отставного капитана 3-го ранга Эрхарда — одного из руководителей печально известного Капповского путча… аж 1920 года! Естественно, гестапо не щадило ни жен, ни детей. Это называлось — «в порядке уголовной ответственности за действия, совершенные членами семей». Гестапо добралось и до покойников — тело фон Трескова, когда обнаружилось его участие в заговоре, было выкопано и сожжено. От Роммеля, очень популярного в армии генерала, избавились вообще непонятно каким способом: не то убили, не то вынудили самому принять яд, пригрозив жесткими репрессиями в отношении семьи.

Заговорщиков с корнями пытались выкорчевать из немецкой почвы. Одновременно принимались все возможные меры по «санации» общего настроения в армии, о котором Гитлер все же вынужден был выслушать печальную истину.

И что же? Патриотические речи, улучшение снабжения армии (за счет гражданского населения, конечно), объявление о чудодейственном (божественном) спасении фюрера (устами будущего преемника гросс-адмирала Деница), заверения в преданности офицерского корпуса и солдат (это уже Гудериан) и, наконец, введение 24 июля нацистского приветствия «Хайль Гитлер!» для всех солдат вермахта — вот только часть мер, принятых по приказу Гитлера. Остальные — в том же духе: все для и во имя продолжения войны.

Но заговор потому и пророс так глубоко и обширно, что отражал собой необратимый антивоенный настрой всего населения страны. Выкорчевать его было уже невозможно. Оставались те, кто примыкал к заговору морально и пока никак не «засветился» в конкретных действиях. Заговор 1944 года, внешне вроде бы удушенный висельной петлей, только прикинулся бездыханным. На время. Причем — на короткое.

После широко известного, можно сказать, знаменитого «заговора Штауффенберга» достаточно быстро и почти незаметно для истории и историков сформировался другой заговор, преследующий ту же цель — убийство Адольфа Гитлера. С последующим переломом судьбы гибнущей Германии. Назовем его «заговором Шпеера».

Альберт Шпеер, министр вооружений, к концу войны набрал

реальный политический вес в окружении Гитлера. Многие из старых соратников Гитлеру попросту опротивели, поэтому в последние месяцы он и предпочитал общество секретарш, адъютантов, Евы Браун и Альберта Шпеера, по профессии архитектора, с которым мог хоть ненадолго забыться, мысленно возвращаясь к прежним заветным планам по перестройке городов Германии.

Не думаю, чтобы Гитлер когда-либо верил Шпееру, но, возможно, был период, когда фюрер своему толком не сбывшемуся архитектору доверял. И возможно, именно в этот период близости к вождю Шпеер и решился довести до конца то дело, которое не удалось Штауффенбергу. То, на что храбрый человек Штауффенберг шел по принципиальным соображением, для Шпеера было актом отчаяния и последней попыткой выскочить из летящей в пропасть колесницы «германского цезаря».

Удивительное дело, но — Шпеер, по его словам, сам признался Гитлеру в своем намерении отравить его. Я в это не верю. Если Шпеер и «признался», то лишь после поражения — на допросах и в своих мемуарах.

На деле же картина складывалась такая. После провала попытки контрнаступления 15 февраля 1945 года активизируется эвакуация архивов, секретной документации и части сотрудников на юг, в Бергхоф. Туда постоянно летают вожди рейха; там, вдали от Гитлера, ведутся разные разговоры, строятся планы по спасению ситуации. Но если Геринг или Лей, вернувшись в Берлин, слово в слово передают содержание этих планов Гитлеру, то Гиммлер или Шпеер этого не делают. У них у каждого свои планы, но цель одна — Германия без Гитлера. Заигрывания Гиммлера с союзниками становятся известны; Шпеер тоже действует: он составляет доклад, суть которого в том, чтобы немедленно остановить все военные действия, так как военная промышленность разрушена. Он не передает его Гитлеру, хотя мог это сделать, а направляет в штаб-квартиру и рассылает копии высшему военному руководству. Правда, об этом он лишь сам пишет в мемуарах; лично я такого документа не видела. А вот отказ Шпеера выполнять приказ Гитлера о «выжженной земле» — подтвержденный факт. Ему в этом помогали разные люди: например, гауляйтер Гамбурга, лично отменивший приказ о взрыве портовых сооружений. Или — генерал-полковник Хейнрици, о котором Шпеер пишет как о помогавшем ему «в целости и сохранности сдать русским Рыбникский угольный бассейн». Тот же Хейнрици отдал приказ не взрывать берлинские мосты. Это уже был откровенный саботаж. Шпеер даже записал

пластинку с речью, с тем чтобы ее передали в эфир в случае его, Шпеера, гибели. А он был к ней тогда очень близок.

Гитлер ведь имел вполне реальный план взорвать Берлин, вылететь на юг, в Бергхоф, и продолжить борьбу. Но Геббельс, много кричавший о якобы неприступной «Альпийской крепости», перестарался, отчасти введя в заблуждение и самого Гитлера. Узнав правду, что никакой крепости, по сути, нет, Гитлер обрушил гнев на балаболку Геббельса, которому ничего не оставалось, как заявить, что он вместе с семьей останется со своим фюрером и разделит его участь. Получается, Геббельс как гауляйтер Берлина косвенно поддержал заговорщиков и не отдал приказа о взрыве имперской столицы.

Гитлер остался в Берлине. К этому времени он уже знал о предательстве Шпеера. Вызвал его в Берлин на разговор. Это последний факт. Дальнейшее, как и сам «последний разговор», известно только со слов Шпеера. А верить ему трудно.

Шпеер пишет, что во время этой беседы сам признался Гитлеру в намерении отравить его. «Признание» это из мемуаров, «сделано» в спокойной обстановке.

Но скорее всего, дело обстояло так: уже осведомленный о чем-то Гитлер «надавил», и Шпеер «раскололся», но лишь отчасти. План отравить фюрера он, вероятно, преподнес как витавшее в воздухе намерение, и уж никак не свое! А затем попытался «отмыться», сообщив Гитлеру о возможных способах его физического устранения — например, пустить газ в систему кондиционирования бункера. Выслушав все это, фюрер отдал приказ немедленно соорудить защитный кожух вокруг вентиляционной трубы и… послал Шпеера ко всем чертям. Конечно, мог велеть его расстрелять, как Фегелейна, но не стал. В описании Шпеера фюрер напоследок не пожал ему руки и смотрел мимо. Здесь «архитектор фюрера», видимо, не лжет: поняв, что и этот человек его предал, Гитлер почувствовал к нему такое отвращение, что, как говорится, и пули пожалел.

Таким образом, история трагедии Штауффенберга повторилась как фарс по имени «Альберт Шпеер».

А как еще относиться к такому вот пассажу из шпееровских мемуаров:

«Баумбах и Галланд в последние дни войны вместе со мной разрабатывали совершенно авантюристический план захвата ближайших сподвижников Гитлера… Мы выяснили, что Борман, Лей и Гиммлер каждый вечер выезжали в различные защищенные от воздушных налетов места в окрестностях Берлина. План наш был таков: стоило вражескому самолету сбросить светящуюся бомбу, как любой автомобиль резко тормозил и все, кто сидел в

нем, разбегались в поисках укрытия. Точно такую же реакцию вызвали бы и выстрелы из ракетницы, а наши люди, вооруженные автоматами, без труда одолели бы состоящую обычно из шести человек группу сопровождения. Ко мне на квартиру уже доставили световые боеприпасы, подобрали нужных людей и обговорили детали… Доктор Хупфауэр требовал, чтобы захват Бормана был произведен непременно шестью членами НСДАП…».

Говорят, попытка не считается. Но попытка Штауффенберга историей была зачтена. Потому что умылась кровью. 20 июля 1944 года Штауффенберг действовал с солдатским мужеством. Он шел убивать Гитлера, когда тот был в силе. Штауффенберг действовал во имя будущего своей страны, а когда не вышло — принял смерть с достоинством. Шпеер спасал прежде всего себя, он трусил, изворачивался, цеплялся за жизнь…

И вот я думаю, а отрави тогда Шпеер или еще кто-нибудь из заговорщиков Гитлера, ведь умер бы фюрер так, как умирали миллионы жертв нацизма в лагерях уничтожения — от газа.

И замкнулся бы еще один исторический круг.

«Вермахт против Гитлера»

Зададимся вопросом, почему участники войны, ветераны Великой Отечественной по прошествии лет прямо говорят о том, что не питают ненависти к своему бывшему противнику в лице германского солдата? Почему при всем неприятии и отвращении к нацизму наши солдаты уже готовы разговаривать, смотреть в глаза немецким солдатам, почему бывшие враги находят общий язык? Может быть, пришло время сказать правду: вермахт — ударная сила национал-социализма — сам был его жертвой, как разбиваемый в кровь кулак является жертвой дурной или преступной головы?!

Конечно, речь идет только о рядовом и низшем командном составе; что же касается генералитета, то множество открытых со времени Нюрнбергского трибунала документов позволяют рассмотреть его преступную роль более широко и детально, а значит — правдиво.

«Господа, я принял решение…» — с этих слов верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии Адольф Гитлер начинал каждое совещание со своими генералами. И каждое совещание превращалось в явный или скрытый конфликт.

В любом конфликте есть нападающая сторона.

Адольф Гитлер был нападающей стороной во всех конфликтах, кроме одного, со всеми своими службами — в двенадцатилетнем поединке со своими генералами Гитлер оборонялся.

В словах «рейхсвер» (старое название германской армии) и «вермахт» (название после прихода Гитлера) слово «вер» (Wehr) имеет разные значения: в первом — «оборона» (то есть, «оборона рейха», являющаяся отражением оборонной доктрины); во втором — «оружие». В сочетании с «махт», то есть силой, — доктрина меняется.

В этом изменении доктрины с оборонной на наступательную, зафиксированном в гитлеровском законе о строительстве вермахта, и состояла суть конфликта Гитлера со своим генералитетом.

В отличие от большинства дипломатов рейха, генералы старой веймарской школы имели здравый смысл понимать, что ни экономически, ни политически, ни морально Германия к войне не готова.

Гитлер, — надо отдать ему должное, — предчувствовал силу и глубину этого конфликта. «Других генералов у меня нет», —

ответил он Рему в конце февраля 1933 года, когда руководитель СА стал настоятельно предлагать ему провести «генеральскую чистку» в рядах высшего командования.

Были ли у Гитлера моменты сомнения — а не заменить ли высокомерных рейхсверовских генералов, для которых он, Гитлер, навсегда останется «ефрейтором», на политически лояльных командиров СА?

Безусловно, сомнения были…

Но Гитлер готовил страну к скорой и перманентной войне; ему требовались профессионалы. На воспитание новых кадров времени он не оставлял.

Гитлер на совещании 5 мая 1941 года сказал:

«Именно теперь удачный момент… Ситуацию нужно использовать. <…> Пока русские не восстановят свои кадры, мы имеем также и преимущество кадровой выучки».

Преимущество «кадровой выучки», то есть профессионализма, знает себе цену. Военные профессионалы рейха храбро заняли наступательную позицию в отношении «ефрейтора».

Генералы совершили пять путчей против верховного главнокомандующего Адольфа Гитлера.

1. Потсдамский, январь 1933 года.

Со стороны генералов — попытка устранить Гитлера путем введения военного положения. Причина провала: общая ситуация в стране и плохая организация.

Защита Гитлера:

1) обещание (зафиксированное в соглашении) военному министру Бломбергу никогда не вступать в верховное главнокомандование (см. «Фелькишер беобахтер» от 5 августа 1934 года);

2) обещание устранить конкурента в лице СА и последовавшая за тем чистка («Ночь длинных ножей»).

Нарушение первого обещания — февраль 1938 года — устранение Бломберга и Фрича путем грязных инсинуаций (обвинения в сексуальных извращениях).

2. Берлинский, сентябрь 1938 года.

После увольнения Бека со стороны генералов — попытка предотвратить вторжение в Чехословакию (план «Грюн»), Отвращение к растущему антисемитизму. Гитлера судить Народным трибуналом, объявить душевнобольным. Причина

провала: общая ситуация в стране, отказ Чемберлена поддержать путчистов, плохая организация, последовавший Мюнхенский сговор.

Уже летом 1938 года генерал Бек и его офицеры разработали план, согласно которому предполагалось захватить Гитлера, объявить его душевнобольным и передать власть военным. Осенью новый начальник Генштаба Франц Гальдер, президент Рейхсбанка Яльмар Шахт и абверовец Ганс Остер подготовили военный переворот, в ходе которого Гитлера и всех нацистов должны были отстранить от власти, а в Германии восстановить парламентское правление. Однако после Мюнхенского соглашения, когда Британия и Франция фактически уступили Гитлеру Чехословакию, заговор распался.

Защита Гитлера:

чистки в Министерстве иностранных дел (замена Нейрата Риббентроппом) и экономики (устранение Шахта). Мятежных генералов — «под колпак» Гиммлера.

3. *Цоссенский (по названию городка под Берлином) путч, ноябрь 1939 года.*

Еще один заговор возник после разгрома Польши осенью 1939 г. Генералы во главе с командующим сухопутными силами Вальтером фон Браухичем, собравшись в Цоссене, договорились отстранить Гитлера от власти и заключить мир с Лондоном и Парижем.

После победы над Польшей генералы прямо потребовали от Гитлера остановиться. Генералы требовали 10–15 лет мира для развития экономики и военной промышленности. Генералы осуждали расовые законы и жестокость по отношению к чешской и польской интеллигенции; антисемитизм считали опасным.

Прямой ответ Гитлера — четыре истерических речи, в которых рефреном шло: «Наша сила в нашей беспощадности!».

Струсивший Браухич отказался участвовать в попытке переворота, после чего заговор провалился.

Защита Гитлера:

1) «переговоры» с начальником генштаба Браухичем о необходимости поставить генералитет на место, после которых Браухич попал в больницу с сердечным приступом, а генералы остались с полностью раскрытыми «картами»;

2) гиммлеровская провокация с покушением на жизнь Гитлера в пивной «Бюргербройкеллер» 8 ноября 1939 года.

4. Сталинградский, январь 1943 года.

5. Путч, названный «Июльским заговором», 20 июля 1944 года.

Самая серьезная попытка переломить ситуацию. Не только из-за лучшей организации заговора и широкого фронта оппозиционных генералов, но прежде всего из-за растущего недовольства в рядовом и низшем командном составе вермахта.

Немецкий солдат и младший офицер — в основной массе бывший рабочий и разорившийся, пришедший в город крестьянин. Немецкому рабочему, который до 1942 года жил все лучше и лучше, было твердо обещано, что война еще улучшит его благосостояние, поскольку он получит наделы плодородной земли (на Украине, например), часто даже с готовым домиком. Но военные неудачи 1943 и 1944 года фактически перечеркнули эти надежды.

Таким образом, заговорщики имели твердую опору в армии и опору на чиновников в государственном аппарате.

В декабре 1942 года Карл Герделер, Фридрих Ольбрихт и начальник оперативного управления группы армий «Центр» Хеннинг фон Тресков, встретившись в Берлине, договорились начать подготовку покушения на Гитлера. Тресков готовил убийство Гитлера при помощи пластиковых бомб, а Ольбрихт и Ганс Остер составили план захвата власти в Берлине, Кельне, Мюнхене и Вене.

В конце февраля 1943 года Ольбрихт сообщил Трескову, что приготовления к плану «Вспышка» закончены.

13 марта Гитлер посетил штаб группы армий «Центр» в Смоленске. После совещания фюрер вылетел в свою главную ставку. Тресков попросил одного из офицеров, сопровождавших Гитлера, захватить пакет с парой бутылок коньяка для своего приятеля. В пакете находилась бомба с часовым механизмом, которая должна была взорваться во время полета. Однако самолет фюрера благополучно приземлился в Растенбурге — случайно не сработал взрыватель. Через неделю сорвалась еще одна попытка покушения — на этот раз в берлинском цейхгаузе. В октябре-ноябре генерал Штифф пытался пронести взрывчатку в ставку, но ужесточение охраны Гитлера сорвало этот план.

В ноябре-декабре 1943 года и в феврале 1944-го предполагалось взорвать Гитлера во время осмотра новой военной формы, но осмотр три раза отменялся по различным причинам. Попытка ротмистра фон Брайтенбурга застрелить Гитлера во время совещания в ставке «Бергхоф» сорвалась из-за того, что охрана не пропустила Брайтенбурга в большой зал.

Важный момент — в армии созрело окончательное неприятие антисемитизма и жестокостей режима по отношению к

военнопленным. Но нужно помнить — красноармейцев это касалось в меньшей степени!.. (Одним из первых приказов в случае успеха «заговора Штауффенберга» должен был стать приказ об «усилении охраны лагерей с численным превосходством советских военнопленных».)

Многие из заговорщиков высшего командного состава уже находились под гиммлеровским «колпаком» и не представляли серьезной опасности (например: Гепнер, Остер, чиновник Герделер, дипломат Мольтке).

Главная опасность этого пятого путча исходила от среднего командного состава, и особенно от тех, кто подобно Штауффенбергу примкнул к заговору на его конечном этапе.

Июль 1944 года стал в этом отношении кульминационным месяцем. На 11-е было намечено очередное покушение на Гитлера, Гиммлера и Геринга. Однако двое последних в ставку не приехали, и покушение сорвалось. Тогда акцию перенесли на 15 июля. Заговорщики были настолько уверены в успехе этой операции, что задолго до взрыва 1200 солдат начали свое движение к Берлину. Но Гитлер вновь покинул совещание раньше срока, и взрыв был предотвращен. Солдат повернули назад. 20 июля 1944 года 34-летний полковник Клаус фон Штауффенберг прибыл на совещание в ставку Гитлера «Вольфсшанце». Гитлер высоко ценил этого офицера, который, несмотря на свою инвалидность (тяжелые увечья он получил в результате ранений во время боя в Тунисе), продолжал служить в вермахте. Именно Штауффенберг должен был принести на совещание 20 июля взрывное устройство.

Утром 20 июля Штауффенберг прибыл на аэродром Рангсдорф под Берлином. В одиннадцать часов утра самолет уже приземлился в ставке Гитлера. Однако внезапно выяснилось, что совещание проходит не в главном подземном зале, в котором ударная волна от взрыва уничтожила бы всех, а на открытой застекленной веранде. И хотя это оказалось большой проблемой в планах заговорщиков, однако отступать было уже поздно. Когда Штауффенберг вошел в зал заседаний, Гитлер произносил речь. Увидев молодого офицера, фюрер прервал доклад и с протянутой рукой пошел ему навстречу. После крепкого рукопожатия Гитлер вернулся на место, к столу, а Штауффенберг встал невдалеке, предварительно опустив портфель с взрывчаткой на пол и прислонив его к дубовой ножке стола. Капсула на взрывателе была раздавлена Штауффенбергом в приемной, поэтому теперь надлежало, не привлекая к себе внимания, тихонько покинуть зал заседаний. Штауффенберг подождал еще минуту, после чего наклонился к соседу, сидевшему рядом, и попросил того

присмотреть за его портфелем, пока он на минуту выйдет из зала. Сосед молча кивнул, и Штауффенберг с легкой душой вышел из помещения. Однако, как только он скрылся за дверью, сосед задвинул ногой портфель глубоко под стол. Между взрывчаткой и Гитлером возникла толстая дубовая ножка стола. Тем временем Штауффенберг вышел на улицу, где его ждала машина с адъютантом Хефтеном. Мгновение — и машина тронулась с места. В тот самый момент, когда они подъезжали к воротам номер один, раздался мощный взрыв. Но даже несмотря на это часовые у ворот беспрепятственно выпустили машину Штауффенберга с территории ставки. Впоследствии эта деталь побудила некоторых исследователей выдвинуть версию о том, что в числе заговорщиков был и начальник личной охраны Гитлера Раттенхубер.

Между тем генерал Фельгибель сразу после взрыва позвонил в Берлин командующему армией резерва генерал-полковнику Фромму и сообщил: «Фюрер мертв». После этого он отключил в ставке Гитлера связь. Но, видимо, помня о дьявольском везении фюрера, Фромм не торопился действовать дальше. И оказался прав. Гитлер был контужен, но сохранял присутствие духа.

Заговорщики, проведя три часа в бесплодных спорах, дали наконец сигнал к началу восстания «Валькирия». Но время было упущено безвозвратно. В стане заговорщиков началась паника. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Бек пустил себе пулю в лоб. Генерал-полковник Фромм переметнулся на другую сторону и приказал арестовать Штауффенберга, Ольбрихта, фон Хефтена и других. После того как это было сделано, Фромм же отдал приказ немедленно всех расстрелять. Как говорится — и концы в воду. Всего было арестовано около семи тысяч человек, из них казнено — около пяти.

Первый закрытый процесс по делу «О покушении 20 июля» открылся в Берлине 7 августа 1944 года. Весь процесс был снят на кинопленку скрытой камерой, для того чтобы Гитлер смог насладиться видом поверженных противников. Как выяснилось позднее, в этом заговоре против Гитлера были замешаны: двадцать один генерал, тридцать три полковника и подполковника, два посла, семь дипломатов высших рангов, один министр, три государственных секретаря, начальник уголовной полиции и ряд высших полицейских чиновников, губернаторов провинций.

Защиту Гитлера в этом случае следует назвать расправой — средневековые пытки, унизительные кровавые казни, издевательства…

В 1944 году Гитлер отдал секретный приказ Гиммлеру форсировать наращивание живой силы войск СС — Ваффен СС. В СС стали принимать так называемые «национальные кадры» — людей разных национальностей, не имевших к истинным арийцам никакого отношения.

В конце войны Гитлер также начал стремительно продвигать поколение новых молодых генералов. Пример — Вальтер Венк.

В 1945 году Гитлер открыто сожалел, что десять лет назад расправился с Ремом, а не с генералами, и приводил в пример Сталина, который, по мнению Гитлера, вовремя вычистил «авгиевы конюшни» старого генералитета и оперся на новые, всецело преданные вождю кадры, что и помогло ему, опять же по мнению Гитлера, выиграть войну.

Гитлер обманывал себя. Любые кадры в такой структуре, как армия, опирающейся не только на дисциплину, но также на долг и честь, — старые или новые — не выдержали бы такого попрания этих понятий, тотального отказа от всяческих норм морали и нравственности, которые Гитлер провозгласил основополагающими для своих генералов и солдат.

Глава 3
Гиммлер. Человек, который возвращается

1949 год. Послевоенный мир расчищает и отстраивает разбомбленные города, судит нацистских палачей и мучительно ищет причины совершившейся катастрофы. В это время немецкие и американские специалисты впервые подвергают тщательному исследованию самое загадочное и зловещее место на карте Германии — своего рода природный треугольник, образуемый Тевтобургским лесом, скалами Экстерштайна и старинными стенами замка Вевельсбург.

Здесь, в Северной башне замка, под толщей земли и камня, неожиданно сделана страшная находка. В двадцатиметровом каменном мешке, прямо под «Погребальным залом вождей СС», обнаружены двенадцать обгоревших остовов. На скрюченных пальцах — двенадцать перстней из неизвестного сплава, не тронутых ни огнем, ни тленом. Общее положение останков образует что-то вроде копья с наконечником, обращенным на восток.

Эти детали будут потом зафиксированы в отчетах, которые лягут в основу так называемого «Дела о двенадцати апостолах», а само дело будет засекречено почти на шесть десятков лет. Только в 2007 году впервые заговорили о результатах того расследования в замке Вевельсбург — несостоявшейся столице государства СС Генриха Гиммлера, сказавшего о себе однажды: «Я человек, который возвращается».

Когда черные дивизии СС катились на восток, выжигая украинские деревеньки, давя гусеницами танков детей и женщин, а труба первого крематория выпустила в небо тошнотворно-сладковатый дымок, Генрих Гиммлер мечтательно бродил под этими сводами — такой величественный в полутьме старинных стен и загадочный в колеблющемся свете факелов…

Вевельсбург — замок без зеркал. Ибо когда сюда пробивалось солнце, зеркала могли показать Гиммлеру самого себя — низенького, бледного, невзрачного…

«Белокурый полубог Черного ордена — всего лишь оболочка, капсула, явленная миру. Высшие же могут являться в любом обличии», — говорил Гиммлер, сознавая свою непрезентабельность.

Он не любил яркого света, избегал многолюдных сборищ, редко присутствовал на совещаниях в ставке, его никогда не видели на трибуне. На балах и приемах он порой маячил за спиной Гитлера, как некий злой дух. Генерал-полковник Гудериан говорил о нем, как о «странном потустороннем явлении» в окружении фюрера; в светских салонах и партийных кругах постоянно витала мысль, что Гиммлер вообще… не человек!

А кто же?

В начале мая 1945 года, когда Гитлер был мертв, а Германию уже оккупировали союзные войска, рейхсфюрер Гиммлер не собирался никуда бежать или прятаться.

Подчиненные ему спецслужбы имели и «окна» на границах, и новейшие подводные лодки, способные достигнуть Антарктиды, и миллионные счета в швейцарских банках, а на худой конец — тайные убежища, в которых пластические хирурги сделали бы эсэсовцам новые лица. Но Гиммлер ни о чем подобном, кажется, и не помышлял!

«Без меня у европейских государств нет будущего! Поэтому им придется примириться с моим пребыванием на посту министра европейской полиции. Ради своего же спокойствия и порядка! Иначе на континенте воцарится коммунистический хаос», — так говорил этот человек, никогда не отличавшийся склонностью к иллюзиям. Весной 1945-го он все еще держал под контролем обширные территории северной Европы, владел огромным арсеналом новейшего оружия, тайниками с золотом и валютой, отлаженным бюрократическим аппаратом СС, готовым к любым политическим метаморфозам. Теперь из архивов мы знаем: в апреле рейхсфюрер имел четкий оперативный план. Он готовился отдать приказ беспрекословно подчиняющейся ему махине СС, призванной, по его убеждению, выполнить «великую миссию».

Ту миссию, которую провалил Адольф Гитлер: спасти мир от большевизма!

Гиммлер отлично знал, что именно его, рейхсфюрера СС, бывшие соратники назначили на роль козла отпущения. Именно он, согласно плану нового правительства Деница, должен ответить за дискредитацию великой германской идеи. Потеряв поддержку среди своих, Гиммлер искал поддержки в двух направлениях: у сил западной демократии и у сил… иных, высших.

В начале мая 1945 года, сопровождаемый лишь секретарем и врачом, Генрих Гиммлер в поношенном гражданском костюме, замешавшись в толпе беженцев, сделал попытку пробраться к

могиле короля Генриха Первого, прозванного Птицеловом, рискуя на опасных дорогах, теряя драгоценное время… Перед встречей с фельдмаршалом Монтгомери Генрих Гиммлер должен был получить знамение.

Если эта версия чистейший вымысел, то все же в духе тогдашнего состояния Генриха Гиммлера.

1919 год. Германия, потерпевшая сокрушительное поражение в Первой мировой войне, погружается в смуту междоусобиц. В Баварии власть в руках у коммунистического правительства. Сопротивление коммунистам организует барон фон Зеботтендорф, руководитель «Тайного общества Туле». Так по преданию называлась столица загадочной северной земли Гипербореи, населенной люциферитами — посланцами Люцифера. Потомки люциферитов, арии, якобы обладали особой генетической памятью о своих предках и мистической силой, переходящей из поколения в поколение.

Внешне «Туле» выглядело как общество, озабоченное философскими и историческими изысканиями в разных областях немецкой культуры. Небольшой круг посвященных был погружен в поиск всевозможных способов по воскрешению могущественных сил арийской працивилизации.

Для неофитов или только готовящихся к посвящению все подавалось просто: германский дух — основа возрождения Германии; он передается через тайные послания древних — руны; главный враг ариев — евреи, нация без корней. Фон Зеботтендорф говорил: «Я посылаю «Туле» в битву, мы германский орден — наш бог Варфаттер, его руна ар! Это руна огня, руна восходящего солнца!»

В начале двадцатых «Туле» искало аватара (то есть воплощение) — человека, способного возглавить великую борьбу за возрождение Германии.

Отцы-основатели «Туле» сразу сделали ставку на активную политическую деятельность. Они заставили две маленькие партии объединиться под шапкой НСДАП и с самого начала все свои тайные знания и мистические учения пытались облечь в форму пропаганды.

В эпоху крушения духовных идеалов германское общество традиционно ждало мессию, как воплощение своего, германского солнца. Именно «Туле» впервые открыто назвало имя этого «воплощения» — Адольф Гитлер. Но то, с каким восторгом принял немецкий народ Гитлера и его новую идеологию, чрезвычайно трудно объяснять только рациональными

причинами.

Сила воздействия Гитлера на массы заключалась в том, что именно в подсознании немцев Гитлер и его команда сумели пробудить до тех пор дремавшие, колоссальные силы созидания и разрушения. Словно сама природа с ее мощными стихиями, сама история с ее великими загадками и все силы небесные вдруг посулили немцам скорый небывалый взлет!

Это была иллюзия. Но вместе с другими в нее уверовал и молодой Генрих Гиммлер.

Его жизнь начиналась довольно серо. Хотя само рождение уже словно бы что-то обещало. «Я был ровесником века, — позже писал о себе Гиммлер. — И это уже был знак».

Он родился 7 октября 1900 года. Семья считалась в меру обеспеченной. Отец — учитель, мать — дочь торговца овощами. Молодые годы Генрих провел в маленьком баварском городке Ландсхуте, где его отец служил директором местной школы. Одно время Гиммлер-старший был наставником баварского принца Генриха. Наследник престола даже стал крестником его среднего сына. В честь принца маленький Генрих и получил свое имя.

Гиммлер-старший был суровым человеком. Он исповедовал католицизм и воспитывал детей в духе строгого соблюдения религиозных норм. При этом нещадно колотил сыновей, объясняя это необходимостью воспитывать в мальчиках презрение к физической боли.

Образ бьющего отца, отца, причиняющего боль, впечатался в мальчика, и Генрих захотел стать таким же: самому бить и не чувствовать боли.

В доме Гиммлеров была большая библиотека. Вечерами глава семейства любил устраивать чтение вслух. Обычно в гостиной Гиммлеров звучали сказания и легенды о древних германских королях, рыцарях, о подвигах немецких воинов. Генрих рос в атмосфере высоких слов о долге, чести, верности. Его подростковый дневник полон таких, к примеру, фраз: «Главные вехи на пути человека к свободе есть покорность, прилежание, честность, воздержание, самопожертвование, дисциплина и любовь к родине!». Ниже читаем: «Если будущее не подарит мне судьбы Героя, я хотел бы сделаться берсерком, дабы не ведать боли, выбивающей меч из рук обычного воина».

«Берсерки» — древние германские воины, самые яростные и беспощадные, в пылу сражения порой не разбиравшие ни своих, ни чужих и наносящие удары даже самим себе. Остановить берсерка было невозможно, поскольку в бою он не чувствовал своих ран.

Боль и унижение и одновременно высокий полет фантазии и

идеалов превращались для Генриха Гиммлера в единое целое… Еще в детстве был задан идеал: стать не просто лучше большинства людей, не отличником, не мастером какого-нибудь дела, нет — только предельные достижения, «терминальные» замахи! При этом очень высокая самооценка и одновременно довольно примитивный план жизнеустройства.

Когда началась Первая мировая война, Гиммлер по возрасту не подлежал призыву, но, как все немецкие мальчишки, мечтал об армии. По совету отца он поступил в унтер-офицерскую школу, но не успел надеть офицерские погоны — война закончилась. Гиммлер записался в Добровольческий корпус, в котором собирались солдаты и офицеры побежденного вермахта. Они были не просто озлоблены поражением в войне; они считали, что Германия войны отнюдь не проиграла, а была повержена предательским ударом в спину, который нанесли ей внутренние антинациональные силы — евреи, социал-демократы, коммунисты.

В отличие от большинства политизированной молодежи Гиммлер не ринулся очертя голову в политику. Сказывалось буржуазное воспитание, привычка к порядку: нужно было подумать о будущем. Гиммлер оканчивает сельскохозяйственный факультет Мюнхенского университета, занимается выращиванием лекарственных растений и с гордостью именует себя «агрономом-экспериментатором». Даже вступает в националистическое движение «Артаманен», которое считало труд на земле священным, а ячейкой нового германского общества — традиционную крестьянскую общину. И девиз вполне в духе Руссо: «Все зло от городов — назад к природе!».

Вообще, «зеленая тема» будет в большой моде в НСДАП. Зеленое на коричневом — символ роскошной кроны на могучем стволе. К тому же зеленый цвет, как известно, успокаивает нервы. Свои пометки на полях документов будущий рейхсфюрер станет делать только зеленым карандашом, хотя Гитлер и остальные вожди использовали красный.

Есть две власти — власть силы и власть символа. Современным человеком управляют в основном при помощи символов. Нас, когда мы становимся взрослыми, редко бьют… Нам только показывают палку… И мы делаем то, что от нас требуют. Склонность Гиммлера к символизму, например зеленый цвет карандаша, в этом смысле особенно показательна.

«Пусть я маленький и невзрачный, но у меня перстень с огромным бриллиантом, но у меня свастика из золота и… зеленый карандаш!» Таковы были его способы утверждения своей

значимости в мире. Физически слабый, сутулый, подслеповатый, а внутри — он бог. Именно так, кстати сказать, многие подчиненные его и воспринимали.

Начало двадцатых… Гитлер готовится к государственному перевороту. И тщательно, с опаской подбирает людей. Все они проходят проверки.

У его заместителя Грегора Штрассера есть секретарь со звучной фамилией Гиммлер. Фамилии на эту букву очень нравятся другу Гитлера Рудольфу Гессу. И сам Гиммлер ему тоже приглянулся: тихий, исполнительный…

Гесс привел его в пивную «Хофбройкеллер», где в небольшом зале, с позволения хозяина имели обыкновение проводить встречи Гитлер и его друзья. Гиммлер выглядел тогда так: близорукий, на тонкой шейке узкая мордочка с усиками, ноготь безымянного пальца левой руки помечен особым знаком наци — пивной руной науд. Гесс представил его в качестве кандидатуры знаменосца штурмового отряда, и юнец начал делать доклад о природе символизма, что-то бубнил по бумажке о смысле трех основных цветов — красного, белого и черного, пока присутствующие остывали после очередных дебатов.

Внезапно аудитория оживилась — докладчик, точно фокусник из ниоткуда, выдернул и развернул красное полотнище с огромным белым кругом посередине и черной свастикой внутри, обрамленной четырьмя венками из дубовых листьев. В углах знамени в разных позах сидело по орлу с белой свастикой в когтях. Свастика!

— Личный штандарт Адольфа Гитлера! — визгливо выкрикнул Гиммлер и быстро расстелил полотнище на столе перед Гитлером.

Тогда, в начале двадцатых, этот символ свастики был еще нов для рядовых партийцев, он казался чем-то чарующим, гипнотическим. Эрнст Рем, командир штурмовиков, покраснев от досады, уставился на штандарт как загипнотизированный…

Напряженную паузу прервал Гесс. Он заявил, что фюрер должен иметь личную охрану (лейбвахе), которой требуется знамя, включающее все главные символы, а для штурмовиков тоже есть вариант, и Гиммлер сейчас его покажет. Близорукий юнец, потупившись, достал «вариант» — продолговатый черный треугольник с черепом и костями. Взбешенный Рем подскочил к кандидату в знаменосцы и, схватив за шиворот, вышвырнул его за дверь. И там, по воспоминаниям Гесса, «задал изрядную трепку».

Но Гиммлеру к побоям не привыкать. Он невозмутимо дождался конца заседания за дверями и в награду получил от

Гитлера дружеский хлопок по плечу. А Гесс остановился и воскликнул так, чтобы услышал Рем: «Клянусь моей верностью, Адольф, у тебя будет преторианская гвардия!».

Вторая проверка состоялась в 1923 году: во время «пивного путча» Гиммлер шел со знаменем впереди колонны нацистов; шел под пулями и остался невредим.

Но впереди еще третья проверка — ожиданием. Гитлер в тюрьме, партия под запретом. Пройдет еще пять лет, пока Гиммлер получит свой первый пост.

В принципе, пост рейхсфюрера СС не очень значительный. Двести человек, разбросанных по всей Германии, которые охраняют фюрера во время его пребывания в различных городах в полной зависимости от руководства СА в подчинении высшего руководителя СА… В начале своего пути Гиммлер не был самостоятельной фигурой.

Но это только формально. При Гитлере с самого начала главные роли распределяли между собой те, кто был «приближен к телу» вождя. Гиммлер это отлично понимал. И рьяно взялся за дело: во-первых, укрепил дисциплину в своем маленьком войске, очистил его от пьяниц и уголовников, «вместо вечеринок в пивных — военная подготовка».

Во-вторых, он… переодел СС, чтобы раз и навсегда отделиться от СА. Раньше эсэсовцы носили такие же коричневые рубашки, как и штурмовики, только галстук и кепи у них были черные. Гиммлер завел в СС новую элегантную форму — черный китель, бриджи и черную фуражку с изображением черепа. Забавная, но задокументированная подробность: первую эсэсовскую форму сшил лучший в Мюнхене портной, который был… евреем.

Но главное, Гиммлер усложнил прием в члены СС: эсэсовцем мог стать только молодой человек от 25 до 35 лет, белокурый, ростом не менее 175 см, с пропорциональной фигурой. Следовало также доказать арийское происхождение своих предков, начиная с 1650 года. Будущему эсэсовцу предстояло пройти многоступенчатое испытание, которое заканчивалось принятием присяги на верность Адольфу Гитлеру. Обычно церемонию приурочивали ко дню рождения фюрера — 20 апреля.

Эсэсовцы должны были обладать исключительными правами: не проходить военной службы, не быть судимы обычным гражданским судом, им разрешались дуэли. Обесчестивший себя преступлением эсэсовец имел право покончить жизнь самоубийством.

Эмблемой СС стали две стилизованные буквы, образованные сдвоенным руническим знаком зиг — символом власти, энергии, победы. Изучение рун являлось обязательным для всех офицеров СС.

Зоннерад — «солнечное колесо», или «солнечная свастика», — символ огня арийских магов.

Руна тир — символ воинской доблести, надгробный знак в виде этой руны устанавливался на могилах эсэсовцев вместо христианского креста.

Руна хакенкретц, или прямоугольная свастика — главный знак нацистов. Символизирует возрождение и бесконечность существования.

В «ордене СС» существовало несколько кругов посвященных. Ближайший к магистру круг состоял из двенадцати человек, или «двенадцати апостолов», как называл их сам Гиммлер. Не ищите среди них известных обер- и группенфюреров, возглавлявших основные структурные подразделения СС… Нет, это был совершенно особый список…

Под номером пять, например, значился некий Вайстор. Это

говорящий псевдоним. «Тор» означает «провидец». Настоящее имя этого человека — Карл Мария Виллигут.

В оккультных и эзотерических кругах Германии Виллигута считали прямым потомком древнего королевского рода и наследником тайного знания, носившего название Ирминсага. Это знание нельзя было открывать. Но Виллигут нарушил запрет.

Виллигут объяснил рейхсфюреру суть того знания, которое было заключено в этих рунах: в них, в частности, описывался принцип воздействия на человеческую волю.

Насколько немецкие ученые преуспели в восстановлении и расшифровке Ирминсаги, можно судить по сохранившимся в архивах двум чертежам так называемых техномагических аппаратов, на которых Виллигут своим характерным почерком сделал множество пометок.

Напомним, что в США и СССР велись аналогичные исследования, в частности в Институте мозга, в Москве. Ведущие страны мира уже тогда озаботились созданием психотропного оружия.

Карл Мария Виллигут сделался духовным наставником Гиммлера. Именно ему рейхсфюрер поручил выбрать место для своей штаб-квартиры, где можно было предаваться любимым занятиям, подальше от Гитлера, аппаратных интриг и партийной возни.

На западе Германии, в Вестфалии, в скалах Экстернштайна, находились некогда языческие святилища огня. Неподалеку начинается легендарный Тевтобургский лес: там, по преданию, в начале новой эры германский вождь Арминий наголову разбил три римских легиона. Если скалы и лес принять за стороны треугольника, то замыкает его бывшая резиденция старинного рода Бюренов — замок Вевельсбург, причем замыкает в виде наконечника копья, обращенного на восток.

Под впечатлением этих «природных подсказок», Гиммлер поручил Виллигуту разработать проект реконструкции, чтобы в дальнейшем сделать Вевельсбург орденским замком СС.

Исследователи замка и немецкие историки обнаружили в Северной башне настоящий центр оккультного святилища, своего рода склеп, названный «Храм во славу почивших вождей СС». Над склепом находился «Зал вождей СС», здесь, подобно легендарному королю Артуру, Гиммлер собирался усаживать за круглый стол своих приближенных: двенадцать «самых благородных и отважных рыцарей» СС. В зале был установлен величественный постамент. Из документов историки узнали его предназначение: на постаменте должна была находиться

легендарная чаша Грааля. В СС ее поисками занимался писатель-мистик Отто Ран, который путем исторических вычислений обнаружил чашу в средневековой секте катаров, по сути наследников люциферитов. Велись и поиски Копья Судьбы. Одним из владельцев Копья считался король Генрих Птицелов, реинкарнацией которого считал себя Гиммлер. Это Копье когда-то помогло королю Генриху остановить завоевателей с востока; теперь ему надлежало помочь другому Генриху исполнить ту же миссию.

Гитлер терпимо относился к орденским построениям Гиммлера. «Мой Игнатий Лойола», — полушутя говорил про Гиммлера Адольф Гитлер. Действительно, СС по структуре очень напоминал орден иезуитов, только без католических атрибутов.

Главным для Гитлера было то, что в лице СС он получил боеспособное, лично преданное ему формирование — сильный противовес плохо управляемым штурмовикам.

Эсэсовцы сыграли главную роль в расправе с руководством СА. В «Ночь длинных ножей», 30 июля 1934 года, погибло несколько сотен командиров штурмовиков. Тех, кто когда-то насмехался над Генрихом Гиммлером! В том числе был застрелен и личный обидчик рейхсфюрера — Эрнст Рем.

С 1934 году СС становится самостоятельной организацией и получает в свои руки управление концентрационными лагерями. В 1936 году Гиммлер подгреб под себя и государственную тайную полицию — гестапо. К этому времени численность СС выросла до нескольких сотен тысяч человек. «Орден магистра Гиммлера» постепенно превращается в государство в государстве. Внутри же «ордена» — все его члены — это как бы одна семья. Со своими законами, собственной моралью, особыми взглядами на философию, историю, науку и религию.

Однако за всей этой мистической стороной дела Генрих Гиммлер никогда не забывал о конкретной работе и стоящих перед рейхом задачах, причем умел подойти к любому делу неординарно. За что его и ценил Гитлер.

Вот, к примеру, острейшая для Германии тридцатых годов проблема — демографическая. Нужно повышать рождаемость! И Гиммлер тут как тут! У него уже есть решение, и какое!

Гиммлер еще раньше разработал для членов СС особую церемонию совокупления. Вступивших в брак он призвал лишать своих юных жен девственности… на могилах старых немецких кладбищ. Считалось, что таким способом «становилась возможной реинкарнация древних германских героев». Но

эсэсовских пар было недостаточно, чтобы повысить рождаемость в Германии.

И вот гиммлеровская газета «Черный корпус» публикует адреса захоронений, гарантированно не имеющих «расово неполноценных останков». После такой «конкретики» и другие газеты стали информировать молодежь об «особом способе любви» и публиковать списки подходящих кладбищ.

В результате этих публикаций начался массовый поход на эти кладбища молодоженов и влюбленных. Застенчивые фройляйн из хороших семей вдруг утратили стыдливость…

Новую нацию с чистой нордической кровью Гиммлер собирался выводить, как породистых животных. Каждый эсэсовец должен был получить разрешение на свадьбу. Жениться члены СС могли только на «образцовых арийских женщинах». Естественно — на голубоглазых блондинках. Гиммлер разработал инструкции, согласно которым женщины должны были иметь нордические черты лица, хорошо знать историю, владеть иностранными языками, уметь ездить на лошади, плавать, управлять автомобилем, стрелять из пистолета. Кроме того, они обязаны были образцово вести домашнее хозяйство и уметь готовить. После соответствующего экзамена кандидатка в жены члена СС получала диплом.

Сам Гиммлер женился в 1927 году. Его жена Магда была на семь лет старше. У них родилась дочь Гудрун. Однако Гиммлер все время пропадал на работе, они редко виделись. Позднее у него появилась любовница, которая родила ему двоих детей. Отношения и с той и с другой семьей у Гиммлера были ровные. А вот для своего «Черного ордена» магистр снова придумал нечто особенное.

Программа «Лебенсборн» — «Источник жизни»!.. Своего рода селекционный проект по выведению нового биологического вида. Хотя поначалу организация планировалась как некий союз, который должен был помочь Германии преодолеть демографический упадок. Но к 1939 у «Источника жизни» начали проявляются другие функции. Гиммлер полагал, что дети из «Лебенсборна» должны стать новой породой немцев.

Северо-запад Германии, Вестфалия. 27 ноября 1939 года. Замок Вевельсбург. В центре готического зала, под свастикой, пронзенной кинжалом — каменный подиум. На подиуме — широкая тумба; на ней — спеленутый младенец. Рядом с младенцем — чаша, серебряная ложка, синяя лента, бумага и перо. Вокруг подиума высшие иерархи «Черного ордена» во главе

с Гиммлером и родители младенца: оберстгруппенфюрер СС Карл Вольф и его жена Фрида Вольф. Восприемник ребенка Карл Мария Виллигут, обернув ребенка синей лентой, стягивает ее необычным узлом; берет чашу и ложку, поднимает их над головой и произносит ритуальные слова: «Синяя лента верности да будет виться сквозь всю твою жизнь, каждый глоток из этой чаши — подтверждение твоей связи с арийским богом; эта ложка будет питать тебя, дитя, пока ты не повзрослеешь».

Затем он берет чашу: «Каждый глоток из этой чаши будет служить подтверждением твоей связи с богом».

Виллигут берет кольцо: «Ты, дитя, будешь носить это родовое кольцо семейства Вольф, как только проявишь себя достойным СС и своего рода. Теперь же, согласно наказу ордена СС и по воле твоих родителей, нарекаю тебя Торисман, Генрих, Карл, Рейнхард. Да будет на то воля божья!»

Так в «Черном ордене СС» проводили особую церемонию — имянаречения.

Еще одной опорой претензий Гиммлера на элитарность стал институт «Аненербе» (Наследие предков). Это учреждение взяло под свой контроль как традиционные, так и параллельные науки: там проводились исторические изыскания, не потерявшие своей значимости до сих пор, осуществлялась поддержка музеев, финансировались археологические экспедиции. Одновременно изучались спиритические практики, явления пирокинеза и телепатии, велись поиски Шамбалы.

Химические и медицинские лаборатории института — еще одна загадка, поскольку документация тщательно уничтожалась. Но кое-что о «практических разработках» гиммлеровского института мы все-таки знаем. Все они опирались на давние эзотерические традиции, например, на существование у человека некой скрытой духовной силы ОД. Сила ОД имеет два полюса, которые могут приводить в движение предметы, раскачивать маятник, давать ответы на поставленные вопросы… Сила ОД отвечает в человеке за наиболее сильные творческие способности, интуитивные догадки и прозрения. Ее нарастание в организме происходит при понижении температуры. На этом строились некоторые эксперименты.

Ходили слухи и о том, что гиммлеровским алхимикам удалось восстановить и загадочный металл «орихалк», о котором писал Платон в своих «диалогах» об Атлантиде. Двенадцать высших иерархов ордена якобы заказали себе из него двенадцать перстней…

Но слухи слухами, а историкам до сих пор приходится только

удивляться, с какой поражающей воображение быстротой «Черный орден СС» оплел своей паутиной всю страну, проник в государственный аппарат, практически во все сферы жизни. После начала войны при упоминании СС трепетали уже не только жители Германии, но и население почти всей Европы.

И за всем этим стоял невзрачный человечек в пенсне, со смущенной улыбкой на губах!

А с 1941 года Гитлер возложил на рейхсфюрера СС еще одну «конкретную работу»-обязанность по поддержанию порядка на восточных территориях. Гиммлер создал в СС специальные подразделения — эйнзацгруппы, и наделил их полномочиями использовать в своей «работе» только один метод — массовый расстрел. Это была тяжелая «работа».

«Выдержать такое до конца и при этом… остаться порядочными людьми — вот что закаляло нас. Это славная страница нашей истории», — позже напишет Гиммлер (документ ПС-1919/США-170).

А вот еще документ — инструкция по «пыткам для помещений», пункт номер 8: «Заключенный должен быть уложен на живот <…>. Удары наносятся гирями до 25 кг, до обильного кровотечения изо рта, носа и ушей».

На полях этого «пункта» своим излюбленным зеленым цветом, Гиммлер делает следующее замечание: «Перед ударами на спину заключенного должна быть уложена широкая доска. Во избежание физического контакта».

Едва ли Гиммлер заботился о том, чтобы пытки были помягче. А вот заботиться о сотрудниках он умел. Есть модная теперь тема в психологии — «профессиональное сгорание». В гестапо и в СС оно, безусловно, было существенной темой!

Конечно, Гиммлер как умелый организатор заботился о том, чтобы его люди служили верой и правдой, не за страх, честно и энергично. Чтобы они профессионально не сгорали. Отсюда и подобные «рекомендации».

Зимой 1941 года, после краха под Москвой, Гитлер потребовал «ускорить процесс очищения от неполноценных народов».

«Пусть страх и ненависть захлестнут их мир!» — писал тогда Гитлер.

Еще он писал, что необходимо, как можно интенсивней «избавлять рейх от лишних едоков». В связи с этим Гиммлер поручил своему главному подручному Гейдриху переработать указание фюрера под «конкретную задачу для «Черного ордена

СС»».

Гейдрих взялся за дело так же рьяно, как некогда, в молодые годы, брался за безнадежные, на первый взгляд, дела его шеф. Он вспомнил старые фантазии Рудольфа Гесса о вывозе всех евреев морем на остров Мадагаскар и даже написал что-то вроде утопического плана-утопического, потому что океанские коммуникации постепенно переходили в руки союзников. Появился еще план, который Гейдрих доложил в ставке, — о переселении всех евреев в Польшу, освободив для них кусок польской территории. Но тут возмутился генерал-губернатор Польши Франк: «Я должен заселить немцами Польшу, а мне хотят свезти сюда всех евреев Германии».

Тогда появился третий вариант — окончательный.

20 января 1942 года состоялось печально известное «Ванзейское совещание» по «окончательному решению» еврейского вопроса. «Окончательной», как известно, бывает только смерть.

Летом 1944 года Гиммлер фактически становится самым могущественным человеком Третьего рейха. Многим это становится ясно уже 20 июля после очередного неудачного покушения на Гитлера и попытки государственного переворота, совершенного группой высших офицеров вермахта. Эсэсовцы быстро подавили восстание, и благодарный фюрер сделал Гиммлера министром внутренних дел, министром здравоохранения, высшим руководителем разведки, всех полицейских и спецслужб. А в качестве командующего Ваффен СС Гиммлер располагает настоящей армией из тридцати восьми дивизий, вооруженных новейшим оружием.

К этому времени Гиммлер, несмотря на свое реальное могущество, сделался какой-то зловещей, полумифической фигурой. Он и прежде-то не был частым гостем на приемах и светских мероприятиях; теперь же вообще почти нигде не появляется. По мере того как мир вокруг становился все страшней и кровавей, Гиммлер как будто все отступает, отдаляется в область потустороннего, в таинственные недра своего зловещего замка Вевельсбург.

Ходили даже слухи, что гиммлеровские рыцари «Черного ордена» уже приветствуют своего магистра словами: «Хайль, Гиммлер!».

Генрих Гиммлер сознавал свое могущество и готовился к великой миссии — заменить Адольфа Гитлера, возглавить германскую нацию и продолжить борьбу.

«Когда отгремят пушки, начнется наша настоящая работа», — говорил Гиммлер.

Что он имел в виду? Себя и свои СС — в качестве главной полицейской силы против СССР? Безусловно. Об этом он заявил прямо: «Отказавшись от моих услуг, вы обречете Европу на раскол на два лагеря — цивилизованный и большевистский». Это из письма фельдмаршалу Монтгомери.

Правда, перед началом новой работы СС тоже предстояло пройти своего рода «очищение огнем»: сжечь архивы, улики, опасных свидетелей: трупы, сложенные в штабеля в ожидании своей очереди перед крематориями концлагерей. Командиры эйнзацгрупп в своих донесениях жаловались, что «трупы горят чересчур медленно», а «пепел, который длинными лентами рассыпают вдоль дорог, упорно не желает уходить в землю, и черные ленты вьются по зазеленевшим полям…».

Но Гиммлер не был бы Гиммлером, если бы не подготовил себя и свой «Черный орден» к еще одной, «великой и тайной» миссии, для выполнения которой одних материальных сил было недостаточно. Требовалась поддержка сил высших, тех самых, в контакте с которыми Гиммлер, как ему казалось, пребывал постоянно.

Но, по традиции, перед обращением к высшим силам от «Черного ордена» требовалась искупительная жертва.

В 1949 году в Северной башне, прямо под «Храмом почивших вождей СС», в двадцатиметровом каменном «мешке» были обнаружены сгоревшие останки двенадцати человек.

Помещение это было наглухо замуровано изнутри: чтобы вскрыть его, немцам и американцам пришлось бурить землю и камень.

Кем же были некогда эти двенадцать обгорелых остовов? Не теми ли двенадцатью самыми близкими к магистру творцами проторелигии?..

О «жертвоприношении в Вевельсбурге» писать не принято. На первый взгляд оно не вяжется с образом трусоватых злодеев, убивавших миллионы, но жадно цеплявшихся за собственную жизнь. Но не будем забывать — они верили в реинкарнацию и надеялись на возвращение в ином, высоком и прекрасном обличье, поскольку свою земную миссию уже выполнили. Насколько искренне верили? Или ушли, спасаясь от расплаты? Ведь о создании международного трибунала союзники уже договорились. Гиммлер и его «рыцари» узнали об этом от графа Бернадотта, с которым рейхсфюрер вступил в тайные переговоры…

А что же сам Гиммлер? Почему он не оказался в числе этих «счастливцев»? Объяснение может быть простым, но до смешного логичным: другого, нового (и «прекрасного!») облика Генрих Гиммлер просто не мог себе позволить! Фото- и киносъемки уже запечатлели и показали миру его внешность. А ему еще ведь предстояло завершить земную миссию — договориться с Монтгомери. Увы, рейхсфюрер еще некоторое время обязан был быть узнаваем!..

Вот и пришлось оставаться пока в собственной невзрачной шкуре — низеньким, серым человечком с бегающим взглядом… с платиновыми коронками, под одной из которых на всякий случай был спрятан яд.

Переодевшись в гражданское и нацепив на глаз черную повязку, Гиммлер вместе со своим секретарем Брандтом и врачом Карлом Гебхардом отправился к Монтгомери, чтобы лично представить ему свой план по спасению мира от коммунизма.

23 мая на мосту около Люнебурга эту троицу остановил пост английской военной полиции. Гиммлера с сопровождающими и еще нескольких задержанных отправили в лагерь № 031.

Гиммлер провел в этом лагере два дня. Его несколько раз допросили. 26 мая его вызвали на очередной допрос. Он снял с глаза повязку, нацепил очки и назвал свое имя начальнику лагеря капитану Сильвестеру. Затем потребовал немедленной встречи с Монтгомери.

Срочно прибывшие сотрудники Secret Service обыскали этого странного человека с документами на имя Генриха Хитцингера и обнаружили при нем плотно свернутые три листа бумаги, всунутые в футляр из-под очков. Это был краткий план из восьми пунктов.

Первым пунктом в «плане» значилось следующее: срочно, в течение года, при помощи немецких разработок «довести» атомный проект (есть версия, что в 1945 году немцы имели так называемую «грязную бомбу») и сбросить две атомные бомбы — на Москву и Ленинград.

Последним, восьмым пунктом было «предусмотрительное» предложение: при необходимости «отложить на время» все планы, связанные с использованием СС в качестве полицейской силы. «Я понимаю сложности и противоречия создавшейся международной обстановки и Ваши личные трудности на Вашем посту, — писал Гиммлер Монтгомери, — отсрочка в деле не нанесет смертельного урона моим силам, поскольку я произвел консервацию. <…> При разумном подходе и соответствующем прикрытии с Вашей стороны такая отсрочка допустима. Все верные мне силы готовы дождаться зова судьбы…»

С этим «планом» сотрудники английской разведки ушли и отсутствовали несколько часов.

Уже к вечеру в помещение, где находился Гиммлер, пришел полковник Мэрфи и двое британских военных врачей. Никак не реагируя на вопросы Гиммлера, врачи начали тщательный обыск. Такой обыск — а Гиммлеру ли было этого не знать?! — спецслужбы проводят перед тем, как полностью «аннулировать» личность задержанного. Гиммлер все понял: встречи с Монтгомери не будет! С этой минуты он военный преступник. Это конец.

И возможно, в этот момент в общем-то последовательный Генрих Гиммлер принял неожиданное решение.

Когда один из врачей приказал ему открыть рот, Гиммлер раскусил ампулу с ядом.

Вот он и поступил, как рыцарь, как самурай… Так его и учили. Последнее стискивание зубов было своего рода возвращением в детство.

Физическую оболочку Генриха Гиммлера англичане сожгли; прах развеяли в лесу, около Люнебурга.

В сущности, магистр «Черного ордена» мог бы быть доволен: предшествующий реинкарнации ритуал, то есть добровольный уход и сожжение, был соблюден. Остается Гиммлеру последнее: дождаться зова судьбы — того момента, когда «страх и ненависть снова захлестнут» наш мир и призовут на боевой пост «человека, который возвращается».

Что же остановит Генриха Гиммлера? Что не позволит ему вернуться?

Только наша совесть. И наша память.

P. S. Замок Вевельсбург и его окрестности отличаются огромным количеством труднообъяснимых явлений. По странному стечению обстоятельств вся земля вокруг замка в последнее время оказалась раскупленной иностранными государствами.

Немецкие историки полагают, что это сделано разведками ведущих стран мира в связи с временными аномалиями, якобы обусловленными теми экспериментами, которые проводились здесь в сороковые годы.

Глава 4
Десятка из колоды Гитлера

Гесс

«Немец, рожденный вне Германии, — немец только наполовину», — как-то во время одного из своих застольных словоизвержений изрек Гитлер (изречение тут же попало в блокнот к Борману) и, говорят, сам хмыкнул, по-видимому, вспомнив собственное австрийское происхождение.

В еще большей степени подобную «половинчатость» можно отнести к Рудольфу Гессу, имевшему во времена Третьего рейха громкое, «поднебесное» звание «заместитель фюрера».

Гесс родился в Александрии, в семье владельца крупной торгово-экспортной фирмы, и только в четырнадцать лет окончательно покинул Египет для учебы в знаменитой Высшей коммерческой школе в Швейцарии, куда и в наши дни богатые отцы отправляют учиться своих старших сыновей-наследников.

Накануне Первой мировой войны восемнадцатилетний Гесс проходил стажировку в Гамбурге, заодно изучал и морское дело, мечтал о дальних плаваниях и проникался любовью к «владычице морей» Британии. Эта влюбленность позже окажет огромное влияние на всю его судьбу.

Воевал Гесс храбро: сначала в пехоте — командовал взводом, затем в авиации, в знаменитой эскадрилье «Рихтгофен», командиром которой в конце войны стал Герман Геринг; был дважды ранен, получил два Железных креста. Войну он закончил лейтенантом. И сразу вступил в Добровольческий корпус, состоявший из националистически настроенных солдат и офицеров и созданный для борьбы с «изменниками отечества», в первую очередь с «коммунистами, социал-демократами и евреями». Предполагаемая коммерческая деятельность на посту главы фирмы молодого офицера не привлекала, и он получил согласие родителей на продолжение учебы в Мюнхенском университете, на факультете экономики, где его наставником стал бывший генерал рейхсвера, а теперь профессор Карл Хаусхофер, будущий основатель немецкой школы геополитики.

Фактически Хаусхофер, человек энциклопедических знаний и широкого кругозора, и толкнул Рудольфа Гесса на тот узконационалистический путь, который так претил ему самому; ведь именно Хаусхофер привел своего ученика в «Общество Туле», главную идеологическую предтечу будущей НСДАП.

В это время партия уже формировалась. Уже вышел из небытия Гитлер и шумел по пивным, «шутовал», как тогда о нем писали в баварских газетах. Респектабельные друзья Рудольфа Гесса над такими ораторами из пивных только смеялись.

Несмотря на мучительную неудовлетворенность и постоянные тяжелые мысли о судьбе опозоренной поражением Германии, молодой Гесс вел тогда довольно обычный для его круга образ жизни: учился, занимался спортивной авиацией и альпинизмом, влюбился в красивую девушку, свою будущую жену. Но однажды его размышления вылились у него в эссе, названное так: «Каким я вижу человека, которому предстоит вернуть Германии ее прошлое величие». Сын Хаусхофера и лучший на всю оставшуюся жизнь друг Гесса Альбрехт, которому очень не понравился сконструированный Рудольфом образ, отчасти в шутку, отчасти желая доказать другу его несостоятельность, сказал, что знает такого человека. И рассказал о «шуте из пивной». А дальше…

«Чтобы узнать, о чем думает Адольф, нужно послушать, что говорит Рудольф». «Пуци» — так его прозвали шутники-коллеги — сам был, как известно, штатным шутником из окружения Гитлера. Но о том же самом пишет в 1938 году английский посол в Германии Гендерсон, которому в то время было совсем не до шуток: «Тщательно скрытые мысли германского фюрера порой прорываются в неофициальных речах его заместителя, как это имело место в прошлый вторник в университете Мюнхена. Таково мнение посвященных. Сколько в том спонтанности, а сколько расчета — не скажу, однако очевидно, что Гитлер и Гесс по-прежнему необычайно близки».

До 10 мая 1941 года (дата полета Гесса на мирные переговоры в Англию) эти двое действительно почти не расставались. «Чтобы найти одного, следует поискать другого» — такое свидетельство особенно любопытно и полезно для историка тем, что Гесс, личность среди нацистов самая закрытая и подчас плохо уловимая, поддается изучению именно как alter ego Гитлера, чья фигура на историческом небосклоне двадцатых-тридцатых-сороковых видна повсеместно и отчетливо. В сущности, Гесс-политик — это и есть Гитлер (безусловно, и наоборот), а также — и вся стратегия и тактика германского национал-социализма, то есть то преступление против человечества, за которое Гесс в 45-м получил пожизненный срок. Таким образом, фигура Рудольфа Гесса может сделаться гораздо более прозрачной, чем это принято считать.

Последнее важно еще и тем, что позволяет лучше узнать личную жизнь Гесса, на которой висит гораздо больше «амбарных замков», нежели на личной жизни самого Гитлера, и в этом отношении последнего можно использовать как своего рода «отмычку» для проникновения в семью и внутренний мир его заместителя.

Вот, к примеру, отрывок из давнего письма Эльзы Гесс, жены Рудольфа Гесса, к ее подруге Ангелике Раубаль (двоюродной племяннице и возлюбленной Гитлера). В нем Эльза описывает свое первое впечатление от речи Гитлера в 1921 году:

«…И — о Боже, в какую дыру мы отправились! Самая что ни на есть жуткая пивнушка, какими бонны пугают маленьких непослушных девочек. Накурено так, что щиплет глаза; повсюду грязные кружки с налипшей пеной, злые лица, хриплые голоса. Я робко спросила Рудольфа, что мы здесь будем делать. «Слушать», — резко бросил он. В это время компания у стены горланила похабную песню, а на небольшом возвышении в конце зала кто-то что-то выкрикивал. «Его?» — глазами показала я. «Нет. Я скажу кого», — был ответ. Когда, наконец, он указал мне на очередного оратора, я, разогнав платочком дым перед собой, добросовестно всмотрелась, но ничего не поняла. Стоял некто худенький, с мокрым лбом и странно неподвижными серо-голубыми глазами. Он стоял и молчал, но в пивной становилось все тише и тише и наконец стихло совсем. Тогда он произнес первые фразы. Сначала вполголоса и так, точно просил о чем-то. Потом — чуть громче, сильнее нажимая на отдельные слова. Внезапно его голос сорвался на хриплый крик, от которого сидящие за столиками начали медленно подниматься, и вскоре это был уже какой-то животный рев и вой, причем казалось, что зверей там хрипит несколько. Под конец выкрикнув что-то два раза подряд, он смолк, а пивная поднялась на дыбы. Все орали, гремели стульями, в воздух вздымались кружки, развешивая по плечам кружевную пену. Я стояла открыв рот… Рудольф тяжело дышал, уставившись в пол. Потом он резко взял меня за руку и вывел на улицу. Рядом в переулке нас ждала машина, но он молча шел, крепко держа мою руку, так, что я за ним едва поспевала. Внезапно он остановился, посмотрел мне в глаза: «Ты поняла?» Я ничего не поняла и не знала, что ответить, но сердцем угадала: если отвечу не так, могу потерять любимого. «Он говорил о Германии?» — спросила я. Рудольф просиял: «Да, он говорил о Германии! О нашем позоре. О предателях. О величии. О нашей чести. Он…» Мы снова зашагали по темной улице. Рудольфу как будто не хватало воздуха. Я сейчас не помню, сколько мы бродили по ночному Мюнхену, но точно знаю — именно эта ночь нас соединила».(Изложение событий в письме Эльзы несколько отличается от полицейского протокола. — *Е.С.)*

Описаний манеры Гитлера произносить свои речи в пивных Мюнхена осталось немало, но это — единственное достоверное свидетельство того, как слушал и воспринимал своего будущего кумира совсем еще молодой тогда Рудольф Гесс.

Безусловно, все они, солдаты Первой мировой, вышли из нее с раной в сердце, с горечью поражения и позора, с жаждой реванша. Они ставили своей целью возрождение поверженной родины — цель, достойная любой партии или политика. Но с чего они предполагали начать? Вокруг них была обескровленная нищая страна, отчаявшиеся, потерявшие надежду люди… Где, в чем увидел Гитлер источник сил для возрождения, для веры, для борьбы?

«Мы должны отомстить. Именно отомстить, а не только восстановить справедливость, — озвучивал Гесс мысли Гитлера в 1925 году на одной из партийных конференций. — Мы начнем с мести. Месть — вот источник наших сил». Дальше он перечисляет, на кого должен будет опуститься «карающий меч национал-социализма»: «…на неполноценных, тянущих нацию назад в пропасть, на предателей, нанесших германской армии удар в спину, на коммунистов с их интернационализмом, на международные державы (метрополии. — *Е.С.)* с их отрыжкой от вырванных у Германии и проглоченных кусков (колоний. — *Е.С.*) …». А также и — на Россию, эту «собаку на сене».

Под «сеном» подразумеваются территории или «хорошая земля, плохо или неумело используемая». С годами список будет пополняться.

В сущности, так они и начали, затем растянув «сладостный акт воздаяния» (Геббельс) на весь период своего правления, сделав его своей религией и превращая порой в самоцель. НСДАП безусловно и справедливо называют «партией войны», но это в не меньшей степени также и «партия мести».

В иных случаях «второе я», или «тень» фюрера, движется даже впереди своего носителя. «Европа — женщина, которая после Наполеона не знала настоящего господина. Теперь этот господин я! — заявляет Гитлер в 1940 году. — Но прежде чем я ее … (в подлиннике то самое слово. — *Е.С.*), я хорошенько отхлопаю ее по щекам. Впрочем, есть много способов отомстить. Я их все знаю».

«Чтобы отомстить женщине, достаточно снять и перекроить хорошо сидящее на ней платье, а затем снова заставить надеть, — откровенно разъясняет Гесс. — Мы так и поступаем». И действительно: Рейн, Австрия, Судеты, Чехословакия, Франция, Польша… На очереди Россия, Британия… Европа становится тесной! Гитлер уже поглядывает за океан.

Многие отмечали, что при упоминании Соединенных Штатов или американцев Гитлер всегда морщился. Гесс же, озвучивая гримасы вождя словами «европейская помойка» и «недонация», пишет, что месть жирующей Америке станет одновременно и

местью тем евреям, которые думают, что спаслись за океаном… путем «смешивания еврейской крови с долларами». Здесь, правда, он использует чье-то выражение (точное авторство не установлено). Возможно, оно принадлежит Юлиусу Штрейхеру, который, по его же собственному признанию, при каждой возможности «бросал в унитаз долларовую купюру прежде, чем на него усесться».

В высказываниях Штрейхера, которого, впрочем, сами же вожди считали личностью одиозной, вообще много самой грубой физиологии; зато такие «партийные эстеты», как Гесс, Геббельс, Лей очень любили слова «очищение», «дезинфекция», «стерилизация» и т. д. Гесс, которого тот же Штрейхер за глаза звал «белоперчаточником» и «чистюлей», пожалуй, и был им в действительности, о чем мы опять же узнаем от Гитлера и через него. В Бергхофе, например, во время пребывания там Гесса, фюрер приказывал своему камердинеру Гейнцу Линге убирать у себя в личных комнатах (даже если он там в это время работал) каждые полчаса, чтобы «мой Руди не видел моего свинарника». Когда же Гесса в Бергхофе не было, уборку в спальне и рабочем кабинете Гитлера делали раз в три дня, а то и реже, поскольку в отсутствие Гесса «свинарник» именовался «художественным беспорядком» и создавал вождю «рабочую атмосферу».

Рудольф Гесс был непростым в общении человеком, если не сказать тяжелым. Гитлер начал ощущать это на себе еще в тюрьме Ландсберг, где они с Гессом жили в соседних камерах. (Ниже я буду приводить в качестве примеров лишь те сцены и эпизоды, в подтверждение которым имеется не менее трех свидетельств. — *Е.С.*) Каждое утро Гесс являлся в комнату к Гитлеру, будил его, следил за тем, чтобы тот не курил в постели, заставлял делать зарядку, а после завтрака организовывал ему «рабочий процесс»: выгонял посетителей и по его же собственному выражению «блокировал Адольфу отходы от письменного стола». (Письмо жене из тюрьмы Шпандау от 09.03.1971 г.)

Гесс не только и не столько записывал за Гитлером (чаще это делал шофер и телохранитель Эмиль Морис), сколько инициировал сам процесс сочинения «Майн Кампф», подавал идеи, а также редактировал рукопись. Если Гитлер, не привыкший к планомерному труду, начинал бунтовать, ругался, называя Гесса «плантатором», а себя — «негром умственного труда», то Гесс пугал его визитом Карла Хаусхофера, перед которым Гитлер благоговел, и таким образом часто продлевал работу над рукописью.

В середине двадцатых годов, почти сразу после досрочного освобождения, Гесс начал осуществлять свою программу

«фараонизации» лидера партии, то есть возведения фюрер-принципа руководства в абсолют. Это потребовало от Гитлера, особенно поначалу, большого психического и даже физического напряжения. Гитлеру запрещалось пить спиртное, танцевать, громко смеяться, гримасничать, рассказывая что-то, рисовать дружеские шаржи (что он очень любил и неплохо делал), допускать, чтобы его перебивали… Но это было только начало. Гесс так обставлял все «выходы» фюрера куда-либо на люди, что тот чувствовал себя, по его же признанию, как «прыщ на ладони» или «мокрой курицей с павлиньим хвостом». Однако со временем он начал все легче влезать в эту оболочку, которая приросла к нему, превратив в того Гитлера-монумент, каким его и знала нация.

Любопытно, что весь этот крайне тяжелый для самого Гесса период — середину и конец двадцатых годов — он сам еще не окончательно порвал с академической средой, еще пытался заниматься наукой и работать с Хаусхофером в Мюнхенском университете. Он заканчивал диссертацию по политэкономии, участвовал в нескольких международных научных конференциях. Последний «рецидив» случился у него в 1929-м, когда он должен был поехать в Мюнхен на защиту своей диссертации. Но Гитлер, как это уже бывало, устроил спектакль с игрой в «растерянность и неспособность обойтись без своего Руди» (из мемуаров Эрнста Ганфштенгля — «Пуци», воспоминания Эльзы Гесс). И Гесс не поехал!

«Я никогда не мог понять, — писал еще в 1927 году Карл Хаусхофер, — почему сильный ум Рудольфа почти не сопротивляется… умственному возбуждению недоучки?!»

Все это «несопротивление», конечно, не могло пройти даром ни для характера, ни для интеллекта Рудольфа Гесса. Его жена Эльза, человек любящий, но трезвый и критический, с грустью отмечала, как потускнела, съежилась с годами личность ее мужа, как прочно маска «тени фюрера» приросла к его собственной прежде неповторимой и выразительной физиономии. Эльза Гесс делает следующее предположение: может быть, поэтому «он так и цепляется за своих астрологов и всю эту «чушь» (по выражению Гитлера), что это остается той последней областью, куда Адольф еще не пытался вторгнуться» (из письма Эльзы Гесс сестре мужа Маргарите от 05.03.1938 г.).

Однако это оскудение личности Гесса и для Гитлера имело неприятные последствия. Гесс уходил не только от самого себя; он непроизвольно отдалялся и от Гитлера, ударяясь в мистику, в парамедицину. Именно это отдаление вызвало к жизни версии о том, что заместитель фюрера со временем начал утрачивать свои

позиции при фюрере и что его неожиданный для большинства полет в Англию был вызван именно стремлением вернуть прежнее положение. Версия о спонтанности принятого Гессом решения лететь на мирные переговоры, о якобы «нервном срыве» и даже сумасшествии — плод также и той пропагандистской кампании, которую сам Гесс разработал вместе с Гитлером и Геббельсом на случай своего провала. «Если моя миссия не удастся, просто считайте меня сумасшедшим», — предложил он. Это и было запущено в пропагандистский оборот.

Для меня удивительно, как сейчас кто-то еще продолжает верить в этот блеф, если уже тогда, в мае 1941 года, в Германии в него по-настоящему никто не поверил!

В архивах Трудового фронта я обнаружила прямое тому доказательство. Один из активистов Трудового фронта спрашивает инструктора отдела пропаганды, как ему объяснять людям тот факт, что самолет заместителя фюрера спокойно прошел в родном германском небе и не был ни опознан, ни сбит, тогда как Геринг постоянно повторяет, что «без его (Геринга) ведома в небо Европы не смеет подняться ни один самолет, даже спортивный».

Действительно, как?! И что делал в воздухе все время полета Гесса над территорией Германии и Северным морем руководитель Имперской службы безопасности Рейнхард Гейдрих? Шесть самолетов Гейдриха встретились над побережьем Британии в районе между Чаттоном и Амблтоном с семью английскими «Спитфайрами» и тут же мирно повернули назад. Для чего, если не для того, чтобы передать «из рук в руки» загадочный Ме-110?! Наконец, почему с 9 мая на неделю были прекращены все бомбардировки британских территорий?!

Очень и очень многое, связанное с миссией Гесса и его пребыванием в Англии, останется тайной до 2017 года, когда англичане обещают открыть его досье (возможно, обманут!), но одно очевидно: Гесс всегда, до самой смерти в 1987 году в возрасте девяноста трех лет, находился в здравом уме и твердой памяти, хотя и разыгрывал эффектные спектакли с амнезией (частичной и полной), как он сам потом объяснял — «по тактическим соображениям».

Находясь много лет в изоляции, теряя ощущение реальности, Рудольф Гесс слишком боялся сболтнуть лишнее и непроизвольно выдать какую-либо информацию и потому применял эту тактику, водя за нос даже опытных психиатров.

Поразительно другое. Прожив очень долгую жизнь, имея возможность осмыслить все задуманное и содеянное его партией,

его кумиром и им самим, этот человек ни разу не выказал и тени раскаянья. Вот его последние слова на Нюрнбергском процессе: «Много лет своей жизни я проработал под началом величайшего сына моего народа, рожденного впервые за тысячи лет его истории. Даже если бы это было в моей власти, я бы не хотел вычеркнуть этот период из своей памяти. Я счастлив, что выполнил свой долг перед народом — свой долг немца, национал-социалиста, верного последователя фюрера. Я ни о чем не жалею».

А вот что он написал своему сыну почти три десятилетия спустя, из берлинской тюрьмы Шпандау, в которой отбывал пожизненное заключение: «Ты должен знать, мой дорогой, и я снова повторю тебе это, что в жизни есть высшие, определяющие судьбу силы, которые мы называем, когда хотим дать им определение, Божественными. Они начинают вмешиваться в судьбы, если нужно, во время великих событий… Я должен был встретить Его (Гитлера — *Е.С.*) и пройти с Ним весь тот путь, вдохновляясь Его волей. Я должен был прибыть в Англию, чтобы говорить о понимании и мире. Я должен и теперь нести свой крест со смирением и достоинством. А ты… ты должен знать, что я ни о чем не жалею».

Думал ли он когда-нибудь о смысле прожитой им жизни?

Помогая фюреру подготовить и развязать мировую бойню, он затем сделал попытку, как он сам выразился, достичь понимания и мира! Создавая партию, он легко отдал ее бюрократу и функционеру Борману, который превратил эту партию в орудие собственного влияния, в инструмент укрепления своей, бормановской власти, грозившей перерасти в абсолют, в «Хайль Борман!»

Желая своему единственному сыну «служения чему-либо большому, истинному и высокому», он, по сути, выхолостил, спрямил его судьбу до простого служения его, гессовскому имиджу борца за «мир и понимание между народами»[2]. Ведь было даже предложение дать Гессу Нобелевскую премию за «укрепление мира»! (Это уже после Нюрнберга, когда Гесс находился в тюрьме.)

Так где же, в чем был смысл его жизни?

Впрочем, возможно, не будь всех этих парадоксов и противоречий, убийственных для конкретной человеческой судьбы, Рудольф Гесс так и остался бы одним из тех примитивов, которыми, в общем-то, являются все апологеты человеконенавистнических идей.

На надгробии Рудольфа Гесса в его родовом имении в Вундзиделе сделана такая надпись:

Рудольф Гесс

26 IV 1894 – 17 VIII 1987

Я ПОШЕЛ НА РИСК

Есть основание считать, что такую надпись предложила его сестра Маргарита. «Молясь о твоей душе перед Всевышним, я не устаю напоминать ему, что ты рискнул сделать к нему шаг… И это так бесценно для нас, тебя любящих и готовящихся встретиться с тобой там, где все мы не будем прощены», — писала Маргарита брату, и эти слова, возможно, отчасти проясняют заложенный ею смысл в короткую эпитафию на его могиле: «…Где все мы не будем прощены…».

А вот выдержки из письма Рудольфа Гесса сестре, датируемого 1938 годом.

23 июля 1938

Берлин

Помнишь, я однажды прямо спросил — что у тебя плохо? А ты ответила, что счастлива. С этого я и начну ответ на твое письмо.

Всего за несколько дней ты увидела столько счастливых немцев — счастливых на фоне общегерманского, как ты полагаешь, зла?

Но давай по порядку. Дети ходят с флажками, берлинцы украшают город… пирожки, карточки, «трудфронтовский» социализм… тебя не пустили в кино? По-моему, в тот день ты сама оказалась под обаянием увиденного, во всяком случае, я не почувствовал ни тени иронии в этой части твоих впечатлений.

Первое мая — также и день рейхсвера? Так что же? Солдаты в основной массе — бывшие рабочие; все немецкие рабочие — будущие солдаты. Это реальность, хотя и неприятная для женщины. <…>

В своем детстве ты видела в галереях Цвингера совсем других немцев? Те же, что отдыхали там во внутреннем дворе, как ты выразилась — «в дешевом балагане», прежде даже названия такого не слышали. Грета, подумай: во времена твоего детства и моей молодости услышать «глюкауф» возле «купальни нимф»?!

А куда все-таки подевались те «наши», «рантье», которых ты девочкой здесь встречала? Я тебе отвечу — никуда. Просто они стали теперь работать. <…>

Я рад, что ты занимаешься сейчас реальным делом. С реальным делом удобнее жить в реальности, так же как с флажками ходить по твердой земле.

И последнее. Мне кажется, даже на долгую человеческую жизнь выпадет всего несколько лет (а то и дней) покоя и радости. Однако на долю каждого ли поколения выпадают такие годы, какие переживает сейчас вся наша нация?! И каждый ли народ, заглушая голоса недовольных, может воскликнуть голосом фрау Миллер: «Мы никогда так не жили!».

Ты спросишь — а что потом? Возможно, и ничего хорошего. Но ведь это не новость для миллионов таких фрау. Ничего хорошего не было в их жизни тысячелетиями. Но мы должны были отважиться на попытку. Мы должны были рискнуть.

Твой брат Рудольф

Говоря о том, что сестра «занимается реальным делом», Гесс не все знал. Он думал, что она всего лишь работает над новыми учебными программами в Министерстве по делам науки, образования и культуры у Бернхарда Руста, а также с несколькими сотрудниками Министерства пропаганды Геббельса ездит по психиатрическим лечебницам, собирая работы пациентов для предполагаемой выставки. Маргарита задумала ее как напоминание властям рейха о положении этих людей; она искренне стремилась привлечь к ним внимание общественности. Однако, воспитанная в демократическом обществе, сестра Гесса забыла, что в этой Германии «общественности» больше нет. Геббельс потом использует собранные ею работы инвалидов и умалишенных для реализации собственного замысла — выставки «Дегенеративного искусства», в которой разместит эти опусы вперемежку с работами современных художников-сюрреалистов для дискредитации последних.

Но это было бы еще ничего! Гесс не знал, что в поездках по клиникам Маргариту сопровождают личный врач фюрера Карл Брандт и энергичный рейхсдоктор Леонардо Конти, глава Имперского министерства здравоохранения, отвечающий, по распоряжению Гитлера, за программу «эвтаназии», или «легкой смерти», в рамках которой нацистское государство должно было избавиться от обременительного груза содержания неполноценных, неработоспособных людей.

Конти тогда сказал Маргарите, что ее поездка по сумасшедшим домам «очень своевременна», потому что… И он подробно рассказал ей все о готовящихся «медицинских проектах», предполагаемых опытах на людях и многом другом, отнюдь не считая нужным скрывать что-либо от сестры и жены (Роберта Лея. — *Е.С.)* верховных нацистских вождей.

Так Гесс и не узнал, что его сестра уже в 38-м году заглянула на адскую кухню гитлеровского режима.

Оттого, быть может, и появится в приведенном выше отрывке одного из ее последних писем брату это немыслимое для верующего человека — «где все мы не будем прощены».

Шпеер

Сразу выскажу мысль, которую готова отстаивать: среди человеческих чувств есть одно, не поддающееся реанимации. Раз прервавшаяся «энцефалограмма» в этом случае останавливается навсегда. Это чувство — сострадание.

«…Мне никогда не забыть документальное свидетельство о еврейской семье, которая будет убита: муж, жена и дети на пути к смерти. Они и сегодня стоят у меня перед глазами.

В Нюрнберге меня приговорили к двадцати годам тюрьмы. Приговор военного трибунала, сколь ни ущербно в нем воспроизводится история, попытался также сформулировать некую вину. Наказание… положило конец моему гражданскому бытию. Но увиденная картина лишила мою жизнь внутреннего содержания, и действие ее оказалось более длительным, нежели приговор».

Эти слова из предисловия к «Воспоминаниям» Альберта Шпеера всегда подавались как возобновленная энцефалограмма сострадания человека, долгие годы проведшего со своими воспоминаниями в окружении теней из прошлого.

А вот какой фразой Шпеер завершает свои мемуары:

«Ослепленный, казалось бы, безграничными возможностями технического прогресса, я посвятил лучшие годы жизни служению ему. В итоге меня постигло горькое разочарование».

Итак: в прологе воспоминаний — «еврейская семья, которая будет убита», что лишило жизнь автора «внутреннего содержания»; в эпилоге — разочарование в служении техническому прогрессу. Вывод (его так или иначе делают все пишущие о Шпеере): если смерть (убийство) еврейской семьи необходима для технического прогресса, то… то выходит уже не Шпеер, а прямо-таки Достоевский, отрицавший большое общее благо, если в его фундамент замуровано хотя бы малое частное зло. А если так, то грешник должен быть прощен?

Но, занимаясь личностью Альберта Шпеера, я все же надеялась, что этот человек, так или иначе, но проговорится на сей счет — сам или с помощью своих «коллег» — и выдаст тот вывод, который он действительно для себя сделал.

А кто ищет, тот многое находит.

Автобиографиям можно верить лишь частично. Автобиографиям нацистов нельзя верить вообще — я повторяю это и буду повторять. Автобиографии нациста Шпеера можно верить с точностью, используя расхожее выражение — «до

наоборот». Тем не менее, было время, когда многие историки нацизма провозгласили мемуары Шпеера «обширнейшим источником информации» с «точными датами, цифрами», «глубоким психологическим анализом исторического фона» и т. д. Хороша была бы история, переписанная по-шпееровски!

Что же мы знаем о нем доподлинно? Его рождение, его семья, детство, учеба, молодые годы… Что здесь выдумано, что перевернуто — говорить не стану, поскольку сочинять о личном волен каждый пишущий. Ограничусь сухими данными из энциклопедии.

Шпеер Альберт (19.03.1905, Мангейм — 01.09.1981, Лондон). Сын известного архитектора. В 1923 году поступил в Высшее техническое училище, продолжил учебу в Берлине. В 1927-м-диплом архитектора. В 1931 году вступил в НСДАП (партбилет № 474481). Взлет карьеры начался с одобренного Гитлером проекта оформления партийного съезда в Нюрнберге в 1933 году. Затем успешная перестройка берлинской резиденции фюрера. С этого момента Шпеер считается «личным архитектором фюрера»…

Стоп! Вот пример характерной «дезы», которую Шпеер умудрился запустить даже в свою бесстрастную официальную биографию. Хотя в данном тексте все верно: «считается» значит «считает себя». А дело в том, что в 1934 году Шпеер был назначен начальником отдела «Эстетики труда» Трудового фронта. Его руководитель Лей сказал Шпееру буквально следующее: «Вы прирожденный халтурщик, герр Шпеер, но работаете быстро. Меня это устраивает. К 1 мая вы должны все заводские помойки переделать в скверы и цветники». — «Яволь!» — ответил Шпеер. Прямое тому доказательство — протокол заседания руководства Трудового фронта от 4 марта 1934 года. Шпеер справился, после чего и получил назначение. Любимым же и после смерти оставившим за собой звание «личного» архитектором Гитлера был Пауль Троост (1878 года рождения). Шпеер потом часто лишь руководил реализацией его проектов. В 1934 году Троост скончался. И сам Шпеер пишет в своих «Воспоминаниях» (серия «Тирания», 1998 г): «Смерть Трооста стала тяжелой утратой и для меня. Между нами как раз начали складываться близкие отношения, от которых я ждал для себя много полезного, как в человеческом, так и в архитектурном смысле. Функ, в то время статс-секретарь Геббельса, был другого мнения; в день смерти Трооста я встретил Функа в приемной его министра (Геббельса) с длинной сигарой посреди круглого лица: «Поздравляю! Теперь вы стали первым!» Мне было тогда двадцать восемь лет».

Жена Функа даже заболела от возмущения, когда, уже в

шестидесятые годы, прочитала такое. Ведь добавив, казалось бы, кое-какие мелочи, Шпеер умудрился не только присвоить себе первенство устами Функа, но и совершенно переврать реальное соотношение «политического веса» Геббельса, Функа и, соответственно, себя самого. Дело в том, что в 1934 году Вальтер Функ, формально занимавший множество должностей, в том числе и должность статс-секретаря Имперского министерства народного просвещения и пропаганды, по сути, был главным экономическим экспертом партии и «связным» между Гитлером и финансовой элитой Германии.

Многие разработанные Функом экономические проекты затем станет быстро и нередко халтурно реализовывать Шпеер. В связи с этим следует упомянуть имя Фридриха Тодта, с 1940 по 1942 год министра вооружений и боеприпасов. Тодт погиб в авиакатастрофе, по официальной версии, его пилот по ошибке включил механизм автоматического самоуничтожения самолета. Нужно сказать, «очень вовремя», поскольку все основные экономические военные программы к тому моменту Тодтом были уже запущены. Но прекрасно образованный и ответственный министр вступил в жесткий конфликт с Гитлером по поводу сроков их реализации, иными словами, по поводу сроков начала войны!

После смерти Тодта Гитлер предложил его пост Лею, но Лей отказался по той же причине и предложил вместо себя «быстро работающего халтурщика» Шпеера. К 1942 году Шпеер получил вожделенное назначение — министром вооружений и боеприпасов, начав быстро реализовывать проекты Тодта. Одним словом, где ни копни, везде что-нибудь да приврал. Поэтому, чтобы окончательно не увязнуть в подобных рассуждениях, прерву описание формальной биографии Шпеера и продолжу сразу с сорокового года. Не могу удержаться лишь от одной иронической реплики: на страницах упомянутого издания говорится, что «В 1942 году… его ум (Гитлера — *Е.С.*) начал терять былую остроту…». Так и хочется сказать: молодец, Шпеер! Хотя бы раз дал честное объяснение своему назначению.

Возвращаясь к началу деятельности Шпеера на посту министра вооружений, отмечу два основных момента, связанных с готовящейся войной, а также и со степенью посвященности Шпеера в тайные планы Гитлера. Первый — полет Гесса в Англию. Читаем: «Через двадцать лет в тюрьме Шпандау Гесс… заверял меня, что идею полета внушили ему во сне неземные силы». («Шпеер может лишь подозревать истину, но он ее никогда не узнает» — это слова Гесса того же времени.) Другой момент: осень 1940 года, второй визит Молотова в Берлин. Напомню — в

девяностые годы наши псевдоисторики делали попытки доказать, что в ноябре 1940-го Сталин и Гитлер поделили между собой весь мир. Читаем у Шпеера:

«В середине ноября 1940 года в Берлин прибыл Молотов. <… > В гостиной Бергхофа стоял большой глобус, на котором я мог видеть негативные последствия этих переговоров. <…> Гитлер пометил, где будет кончаться область государственных интересов Германии и начинаться сфера интересов Японии. <…> Гитлер вызвал меня в свою берлинскую резиденцию и предложил сыграть для меня несколько тактов из прелюдов Листа. «Эту музыку вы будете часто слышать в ближайшее время, ибо так будут звучать победные фанфары в нашем русском походе»».

Если не касаться деталей, ради которых Шпеер это писал и которые снова переврал, то общая картина дана верно. Упомянутый глобус стоял у Гитлера довольно долго: накануне переговоров с Молотовым на нем был красный цвет (СССР) и коричневый (Германия), по плану Розенберга; а после переговоров глобус перекрасили в коричневый и желтый (Япония). Еще откровеннее по поводу переговоров высказался Розенберг: «Русские отказались делить с нами мир». Дальше — прелюбопытная деталь! — Розенберг (напомню, главный эксперт по СССР) приводит высказывание Молотова на этих переговорах. Молотов, цветисто аргументируя позицию СССР, цитирует из «Политики» Аристотеля: «Поистине величайшие несправедливости совершаются теми, кто стремится к излишествам, а не теми, кого гонит нужда». Поскольку Розенберг приводит эти слова в секретном отчете о переговорах для сотрудников своего аппарата (от 29 ноября 1940 г.), то для непонятливых, по-видимому, он поясняет: «Сталин под «излишествами» подразумевает предложенные нашими экспертами обширные сферы будущих владений СССР». Так вот, Шпеер приводит цитату из Аристотеля, якобы произнесенную им, Шпеером, по совершенно другому поводу, причем в следующем же абзаце.

Однако вернемся к войне. Как только речь заходит об участии в планировании и разжигании Второй мировой войны, Шпеер в своих мемуарах становится осторожен. Но постоянно впадает в двойственность: с одной стороны, нужно приуменьшить свою роль в этих делах; с другой — так хочется показать, подчеркнуть свою значимость, незаменимость при Гитлере! Итак, читаем: «К концу 1941 года… мне поручили устранять разрушения от бомбежек и строить бомбоубежища». Это правда. Осенью того же года Шпеер путешествует по Португалии. Затем ему, помощнику Тодта, отводят в качестве поля деятельности всю Украину. Это

«поле» так и осталось на бумаге. И так далее, в том же духе. И вдруг — судьбоносный вызов в кабинет Гитлера: «Господин Шпеер, я назначаю вас преемником доктора Тодта. <…> Вы замените его на всех постах…» — «Но я же ничего не понимаю», — возразил я. «Я верю, что вы справитесь», — ответил Гитлер. Вот так, прямо — снег на голову бедняге. Ну что ему оставалось? «Яволь, мой фюрер!»

Но когда Геринг хотел немного разгрузить новоиспеченного министра и взять на себя часть полномочий покойного Тодта, Шпеер так энергично возражал, что Геринг в присутствии Гитлера обругал его крепким словом, а Гитлер махнул рукой: «Разбирайтесь сами». И Шпеер опять всю ситуацию вывернул на свой лад, многое просто сочинил, например, отказ Геринга присутствовать на похоронах Тодта.

Так или иначе, но Шпеер наконец приступает к работе. Напомню, это был февраль 1942 года.

Покойный Тодт ввел два основных направления в работу министерства: производство вооружений и их модернизация. Отдельно выделял сферу снабжения. Цель — полное удовлетворение потребностей военной промышленности. Общую концепцию — освобождение промышленности от чрезмерной опеки со стороны государства — заявил еще Ратенау, в 1917 году. И Тодт учился у Ратенау, постоянно на него ссылаясь. Шпеер, во всяком случае в мемуарах, «ободрал» обоих и все авторство приписал себе. Только в очень редких случаях он говорит «мы». Например, сообщая, что к августу 1942-го общая производительность труда в военной промышленности увеличилась на 59,6 процента, он объясняет это тем, что «мы смогли мобилизовать неиспользованные ресурсы». «Мы» с Ратенау, Тодтом, Герингом и остальными, надо полагать.

Хочу, однако, пояснить. Я постоянно, что называется, «цепляюсь» к Шпееру не оттого, что он мне как-то особенно несимпатичен. Просто с ним очень трудно работать историку. Порой он так по-детски убедителен в своем вранье, что все время ловишь себя на мысли: а вдруг — правда?.. Нужно проверить. Проверяла я, пока окончательно не поняла — другого человека с таким комплексом неполноценности среди нацистов не было.

Что это за комплекс, откуда он взялся у благополучного, симпатичного, умного человека? Дело в том, что Альберт Шпеер был тяжело и неизлечимо болен. Его болезнь звалась «Адольф Гитлер». Шпеер не просто мечтал стать другом Гитлера, он бредил этим, это стало его манией. А Гитлер, все понимая, играл с ним как кошка с мышкой, доводя того до умоисступления, до

болезни, повторяю. Отвлекусь от темы и приведу исторический пример: известный писатель XVIII века, жирондист Луве был низеньким болезненным уродцем и автором знаменитого «Фоблаза» с его эротически неотразимым красавцем-героем. Так вот, Шпеер подлинный тоже наделил Шпеера «мемуарного» таким отношением к себе Гитлера, какого в действительности не познал.

Итак, 1942 год. «Боязнь вызвать недовольство народных масс заставляла тратить на производство товаров народного потребления, выплату пособий участникам войны и компенсаций женщинам, потерявшим в доходах из-за ухода мужей на фронт, гораздо больше средств, чем тратили правительства демократических государств», — признавался Шпеер в 1960-е. Трудно уловить интонацию этих слов в то время. Но во время войны Шпеер сделался самым нетерпимым и раздраженным из всей верхушки по отношению к социальным программам, превзойдя даже Геринга.

Был такой эпизод. На одном из совещаний, которые проводил Гитлер (уже позже, в 1944 году), лидер Трудового фронта Лей назвал Шпеера «главным врагом немецких рабочих». Шпеер вскипел и обратился к Гитлеру с просьбой «оградить его от подобных оскорблений». «Да, да», — ответил Гитлер и «сердито нахмурился». После заседания он строго попросил Лея задержаться. Участники совещания еще не успели разойтись, как из кабинета раздался «громкий, дружный и довольный смех» Гитлера и Лея. Сцену одинаково описывали Геринг, Геббельс, Заукель, Функ. «Наш резвый Шпеер от злости чуть не лопнул, но сразу поджал хвост», — ядовито прокомментировал это Геринг.

По поводу смеха из кабинета и комментария Геринга документальных подтверждений у меня нет, однако в стенограмме именно так: «Мой фюрер, прошу оградить меня от подобных оскорблений». — «Да, да», — это Гитлер. И всё.

Самыми неразрешимыми проблемами для министра вооружений были, начиная с 1942 года, возрастающие потребности: первое — в чугуне и синтетическом бензине; второе — в рабочей силе. И там и там надвигалась катастрофа. Особым уполномоченным по «отлову рабов» (выражение Лея) стал Заукель. Но все понимали, что подневольный труд ничего не решит. Больные, истощенные, не имеющие нужной квалификации, не знающие языка своих хозяев и смертельно их ненавидящие «рабы XX века» обходились дороже того, что они в состоянии были произвести.

Шпеер предложил выход: ввести трудовую повинность для

немецких женщин. Но тут против поднялся такой вал негодования, что министр вооружений об этом больше не заикался. Но тут же предложил Заукелю заняться отловом и вывозом в рейх «восточных девушек». Их требовалось для начала полмиллиона. Особенно ценились украинские девушки, которых, как позже уверял Шпеер, «всех расхватали для себя семьи партийных функционеров».

Любопытная деталь: о неудаче с тотальной мобилизацией Шпеер громко и горько сожалел до конца дней, а тем, что меньше чем за год ему удалось на 10 процентов снизить производство товаров народного потребления, он очень гордился и недоумевал, почему Гитлер весьма этим недоволен и называет такое положение «недопустимым», причем в своем достаточно узком кругу, где он обычно высказывался о том, что его по-настоящему волновало.

«Для меня не существует слова «невозможно»», — говорил Гитлер, и повторял Шпеер.

Невозможного, однако, становилось все больше. А кое в чем, похоже, Шпеер просто не разбирался. У меня сложилось впечатление, что, ничего толком не поняв в работе атомного проекта под руководством знаменитого физика Гейзенберга, он умудрился так доложить состояние дел Гитлеру, что тот, понимая еще меньше, махнул на атомщиков рукой.

К осени 1943 года ресурсы Германии оказались почти исчерпанными. Шпеер вместе с другими лихорадочно искал новые источники. Он присоединился к тем, кто считал необходимым как можно скорей отмобилизовать производственные мощности восточных земель. В стратегические планы Гитлера это не входило. Гитлер хотел прекратить всякое развитие крупной промышленности на части оккупированных территорий. «Но обстоятельства заставляли отказаться от этого замысла», — пишет Шпеер. Речь в основном шла о Франции, Бельгии, Голландии, Италии. Чтобы поддержать промышленный потенциал этих стран, депортация рабочей силы из них была прекращена; из СССР же, напротив, усилилась — в два, три и более раз.

Имелся, правда, еще один «ресурс». Если рабочих рук, как и солдат, требовалось все больше, то от «едоков» для «облегчения экономики» нужно было избавляться. По этому поводу у Шпеера — глухое безмолвие. Сколько ни листай его «Воспоминания», ни о чем подобном — ни слова, а я только докладов в поддержку «программы эвтаназии», которую он называл «вялотекущей», насчитала четыре! А были еще истощенные и уже негодные в качестве рабочей силы военнопленные (в основном русские),

были «политические», были вообще всякие «не поймешь кто» (перевод *Е.С.*), которых «дольше сортировать, чем вычеркнуть». Да, да — тоже Шпеер.

Но я к этому еще вернусь. Психологически его внутреннее «ожесточение» можно отчасти объяснить тем, что с начала 1943 года почти на полгода он был отстранен от дел. Сам он в своих «Воспоминаниях» называет этот перерыв «болезнью». В книге множество жалостливых подробностей, много, для убедительности, и об интригах ненавистного Бормана, о происках гауляйтеров. На самом же деле Шпеера отстранили из-за некомпетентности. Но в мае 1944-го

Гитлер его вернул, объяснив свое решение тем, что у Шпеера есть одно преимущество перед другими непрофессионалами — он все делает быстро.

Вообще некомпетентность и непрофессионализм стали ахиллесовой пятой гитлеровского руководства. На мой взгляд, карающий меч истории в конце концов нашел и поразил у режима именно это место. Веселый циник Лей, например, давал такое объяснение: «От нашего партийного духа все профессионалы или передохли как мухи, или разлетелись».

Но в 1944 году было уже не до юмора. Нужно было действовать, и действовать быстро. Поэтому Шпеер снова на боевом коне. После катастрофической по своим последствиям бомбардировки заводов по производству синтетического горючего, которую 12 мая провели 935 американских самолетов, следовало мобилизовать все ресурсы. План Шпеера по «отсрочке катастрофы» предусматривал перестройку промышленности под оборону, а основной заботой самого министра стало «быстрое» восстановление и хотя бы частичный пуск производственных мощностей. Вот в этом он оказался на должной высоте.

Если СССР в начале войны переводил свою промышленность за Урал, то Германия к концу войны — под землю. Здесь Шпеер совершает очень здравый и крайне эффективный в сложившейся ситуации шаг: требует отдать всю оборонную промышленность под свой контроль, отождествляя себя с социалистическим государством. Собрав совещание крупных промышленников, Гитлер произнес по этому поводу речь, обещая всем все вернуть после победы и одновременно, в случае поражения, пугая конфискацией собственности, союзниками и Сибирью… Но, как многие отмечали, сделал это неубедительно. Хотя… Поражение в мировой войне, крах и коллапс немецкой государственности, гибель вековой мечты о расширении жизненного пространства, суд народов, каторжные работы в Сибири — какие аргументы могут быть убедительнее?! Для кого угодно, только не для

крупного капитала. И неважно, в какой степени вдохновения находился тогда фюрер; промышленники понимали, что в такой критический момент «мобилизационный социализм» — это последний и единственный шанс избежать военного поражения. Однако Гитлера не поддержали. Любопытный прецедент в мировой истории, между прочим!

Кое-чего Шпеер все-таки добился: сумел заполучить в «социалистическую собственность» хотя бы промышленность «подземную». Прежде всего она обслуживала атомный проект, от которого осталось лишь производство ракет «Фау». Для Шпеера завод в Пенемюнде и разработки Вернера фон Брауна — это и есть «территория» и высшая точка научно-технического прогресса.

Что представляли собой эти подземные заводы в общей системе концлагерей? — Печи в аду. Военнопленные сгорали в них за два-три месяца. На это и был расчет, поскольку одновременно решалась и проблема физического уничтожения.

Шпеер много раз совершал инспекционные поездки под землю. Что он видел? Аккуратные штабеля из трупов рабочих, умерших за день, которые выносили лишь после окончания смены, длившейся 18 часов.

По поводу этих фабрик смерти Шпеер наврал больше и омерзительней всего. Вот фрагмент расшифрованной стенограммы совещания Комиссии при Управлении планирования Министерства вооружений и боеприпасов от 28 мая 1944 года (из следственных материалов Нюрнбергского процесса).

ЛЕЙ. …а также ответа на мой запрос относительно отбора по степени квалификации.

ШПЕЕР. Возможно, вы его еще не получили.

ЛЕЙ. Это неважно. Я знаю, что все там содержатся одинаково. О чем еще говорить?! Вообще это не в вашей компетенции.

ШПЕЕР. Я имею полномочия…

ЛЕЙ. Я вам говорю не о «полномочиях». Нужно провести дезинфекцию в бараках и направить туда хирургов, а не патологоанатомов.

ШПЕЕР. Это компетенция доктора Брандта.

ЛЕЙ. Положил я на вашего Брандта!..

ГИММЛЕР. Я полагаю, тут недоразумение. Безусловно, квалифицированных рабочих нужно отделять и создать условия. А в отношении остальных —

по возможности.

ШПЕЕР. Я их не вижу. Мы провели расчеты. Следует еще увеличить рабочий день… Помимо расчетов есть принцип…

На следствии Шпееру был задан вопрос, о каком принципе здесь идет речь. Текста ответа у меня нет. Но есть комментарий следователя: «Говорил долго; от ответа уклонился». Кстати, не комментарий ли это и ко всем шпееровским мемуарам?!

Дальше обратимся к допросу Кальтенбруннера.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. …Нет, я отрицаю, идеология никогда не была моей компетенцией. <…> Да, идеологией занимались многие, например, доктор Шпеер. Он всегда давал точные определения…

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Технический прогресс есть совершенствование орудий труда вкупе с совершенствованием человеческой породы.

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, это его слова. Это я подтверждаю. Я таких фраз никогда не любил. Я только исполнитель. Я не люблю болтунов. <…>

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы разделяете «болтунов» и «исполнителей»?

КАЛЬТЕНБРУННЕР. Да, я разделяю. Шпеер не был болтуном. Он был принципиален.

Вот круг и замкнулся. Нужны ли здесь еще комментарии?

Штрейхер

«Уберите из партии этого жидоеба!.» — орал Герман Геринг на созванном по его требованию заседании следственно-арбитражного комитета (высшего партийного суда) 19 декабря 1937 года. Увы, в 1937-м этот орган уже утратил свое влияние в партии (во многом благодаря усилиям самого Геринга) и ничего не решал.

Геринг хотел пожаловаться лично Гитлеру, прекрасно зная, как фюрер, мягко говоря, «не любит» недоразумений между соратниками, но — все же решился, поскольку задетой считал свою честь.

Пожаловался. Гитлер выслушал с такой гримасой, точно держал во рту лимон, и обещал разобраться. «Разобрался» так, как всегда в подобных случаях, — перекинул дело Гессу. Начало конфликта Геринг — Штрейхер (именно его Геринг наградил столь неблагозвучным словом) Гессу было известно. Геринг желал видеть еврея Эрхарда Мильха своим статс-секретарем и генерал-инспектором Люфтваффе и позаботился о «корректировке» биографии своего подопечного, сделав его «плодом внебрачной связи» матери с бароном-арийцем фон Биром.

Вся эта история была, что называется, шита белыми нитками, и сам же Геринг над ней потешался. Но Мильха очень ценил и говорил так: «Эрхард — моя правая рука. И что ж из того, что она еврейская?! У меня — только рука, а у других целые головы и задницы».

Начальник организационного отдела НСДАП Роберт Лей по-дружески предупреждал Геринга, что Штрейхер как «штатный» антисемит партии ни Мильха, ни прочих «семитских вольностей» Герингу не простит, поскольку считает все это («вынужден, амплуа такое») «личным оскорблением». Он считал также, что Штрейхер «на личное личным и ответит» (из письма Лея жене Геринга Эмме, 11 декабря 1937 г.). Он оказался прав. Той же зимой 1937 года в очередном номере своей газеты «Дер Штюрмер» Штрейхер прямо обвинил Геринга в импотенции, назвав его единственную дочь Эдду, предмет гордости, «плодом искусственного оплодотворения». Таким образом, он нанес Герингу удар в самое чувствительное (после честолюбия) место, так как после полученного во время «пивного путча» ранения в пах у Геринга действительно долгое время были кое-какие проблемы.

Когда Гитлер после жалобы Геринга передал решение проблемы своему заместителю Гессу, он все же потребовал

«сформировать внутрипартийное мнение». Тут стоит привести любопытный диалог, состоявшийся между Рудольфом Гессом и его младшей сестрой Маргаритой (оба жили тогда у Гитлера в Бергхофе); звонок Гитлера случился в ее присутствии, а последовавшая затем сцена осталась в одном из частных писем: ««Штрейхер явно перестарался, — заметил Рудольф, — теперь Герман (Геринг. — *Е.С.)* не успокоится, пока не затопчет «старого бойца»». — «За что? — ехидно заметила я, — за последовательность и принципиальность?» — «За клевету! — отрезал Рудольф. Затем, подумав, добавил: — Но все равно Герингу суетиться не положено. Придется посоветовать ему стать выше»».

Таким образом и было сформировано «внутрипартийное мнение». Когда Гесс довел его до сведения Геринга, тот очень грубо выругался, а потом… разрыдался. По словам его брата Герберта, Штрейхер «своими толстыми пальцами зажал самый чувствительный нерв, <…> ржавым прутом провел по певучей струнке, почти ее порвав. <…> Он на глазах у всех запачкал Эдду, а партийные установки не позволили отцу отмыть, очистить свое дитя. Невыносимо… <…> А эти господа из «бергхофского гнездышка» советуют ему «стать выше»!..»

«…Я еду в Берлин. <…> Ты помнишь мою ломку в Конрадсберге в двадцать седьмом году и как я выходил из нее? Тогда страдало тело. Сейчас… приняв наркотик живых чувств, я переживаю ломку души» (из письма Германа Геринга старшему брату Герберту, Каринхалле, 24 декабря, 1937 г.).

Но Геринг не был бы Герингом, если бы умел становиться выше личных обид. Просто вместо того чтобы «одним ударом с воздуха сровнять с землей зловонное штрейхеровское гнездо» (из письма жене Эмме от 3 февраля 1938 г.), оскорбленному отцу предстояла долгая, медленная месть, может быть — на годы.

Геринг начал с того, что навестил партийного судью Вальтера Буха (тестя Бормана) и потребовал назначить специальную партийную комиссию для проверки финансовых операций и счетов «штатного партийного антисемита». Бух с радостью согласился. Будучи добросовестным и активным на своем посту функционером, он уже нарыл на Штрейхера достаточно компромата.

Годы мщения (Геринг недаром так любил роман Дюма «Граф Монте-Кристо») увенчались успехом. 16 февраля 1940 года Юлиус Штрейхер был, наконец, убран со всех своих громких партийных постов, оставшись лишь главным редактором «Дер Штюрмер» — на этом «форпосте» его, конечно, никто и пальцем не посмел бы

тронуть.

Тем не менее вопль Геринга, приведенный выше, можно считать «криком души» многих фюреров Третьего рейха. Гесс, Геринг, Лей, Шахт открыто заявляли, что этот человек своими статьями и выступлениями наносит партии и движению в целом гораздо больше вреда, нежели пользы. Можно сказать, что Юлиус Штрейхер держался на «двух китах»: особом, личном отношении к нему Гитлера (бывшего с ним на ты) и антисемитизме — главном «ките» всего нацистского режима.

Такие, как Юлиус Штрейхер, к большому сожалению, всегда были, есть и, увы, будут. Однако в относительно здоровом обществе их считают отщепенцами — или психически неполноценными, нуждающимися лишь в долгом и тщательном лечении. Но Германия после поражения в Первой мировой войне была тяжело больна. Точное и яркое описание симптомов ее болезни дает историк Юджин Дэвидсон в очерке «Суд над нацистами»:

«В Германии после Первой мировой войны почти ничего не имело цены. Несмотря на все жертвы и достижения, война была проиграна, собственность, работа и даже вера утрачены. Путеводные звезды погасли. Принципы либерализма, которые могли бы обеспечить равноправие евреев в Германии, начали подменяться доктриной их уничтожения. Религиозные нормы нравственности остались в Средних веках; общественное суждение о морали стало расплывчатым, неясным и весьма относительным, и в этих условиях казалось разумным просто объявить, что польза народа, интересы расы — вот тот критерий, с помощью которого надо определить, где добро и где зло. Политические партии выродились в секты; они раскалывались на части из-за малейших разногласий. Только в одной Баварии в 1920 году насчитывалось 50 партий». И дальше Дэвидсон пишет: «В хаосе, охватившем Германию в начале 20-х годов, Штрейхер не казался психопатом, каким его, возможно, посчитали бы, скажем, в 1912 году. В Германии же 30-х в его непристойных, глупых каракулях, как в кривом зеркале, отражалось то, во что верили и рядовые члены партии, и ее лидеры. Нюрнберг, город, куда он был назначен гауляйтером, стал духовным центром нацистской партии».

Из биографии Штрейхера мало что известно доподлинно. Дата рождения — 12 февраля 1885 г., место — деревня Флейнхаузен, Верхняя Бавария. В семье он был девятым ребенком. Его отец, учитель католической школы, по замечанию первой жены самого Штрейхера Кунигунды Рот, был человеком «нервным, тяжелым, издерганным». Таким же вырос и его

младший сын, а к тому же еще злым, грубым и абсолютно лишенным чувства такта. Похоже, что за все эти качества плюс недисциплинированность Штрейхера выгнали из армии еще до начала Первой мировой войны, но позже, во время боевых действий, он показал себя человеком отчаянным, получил Железный крест и звание лейтенанта.

В 1919 году он создал собственную антисемитскую организацию, а через два года влился вместе с ее членами в ряды НСДАП. Еще через два года он стал выпускать газету «Дер Штюрмер», и таким образом партия обрела свой отчетливый «антисемитский голос». Несколько номеров издания стоило бы приложить к этой книге: современные читатели испытали бы потрясение, и даже не столько от степени грубости и цинизма материалов, сколько от их вызывающей примитивности. В «Дер Штюрмер» не было ни информации, ни пищи для размышлений. Создается впечатление, что газета вообще делалась не для людей, а для животных вида «антисемит», которым эти листки подавались, как миска со жратвой, чтобы потом можно было с новыми силами кидаться на прутья клеток, рычать и кусаться. В газете было очень много карикатур и еще больше всевозможной порнографии. Часто печатались «читательские письма», часть из которых действительно приходила, в основном, из провинции, а часть выдумывал сам Штрейхер. Письма содержали жалобы на евреев, пытающихся всеми способами нагадить арийцам. Например, пациент психиатрической больницы сообщает, что именно евреи упекли его в сумасшедший дом; зубной врач пишет, что его коллега-еврей украл у него золотые тарелочки; покупатель по фамилии Шнитке — что ему не принесли купленную им накануне рубашку из магазина, принадлежащего еврею.

До смешного просто Штрейхер решил волновавший многих вопрос — о происхождении Христа. Опубликовав кучу писем, содержащих подобные сомнения, он ответил на них так: «Евреи и тут… тянут свои грязные потные пальцы к великой святыне. <… > Христос был арийцем. Это факт. Он не требует больше никаких дискуссий».

Большая часть статей посвящалась разоблачению всевозможных еврейских заговоров, по принципу — все беды мира от жидов и коммунистов: от взрыва немецкого корабля «Гинденбург» в Лейкхёрсте (штат Нью-Джерси, США) до входящих в моду по всему миру коротких женских стрижек. Причем многие вещи «обсасывались», что называется, до последней косточки. Например, один постоянный подписчик пишет, что искренне обеспокоен и огорчен слухами, будто у самого Штрейхера в доме

есть служанка, которая носит короткую стрижку. Конечно, он, читатель, этому не верит, но считает, что господину редактору стоило бы все же публично опровергнуть клевету, чтобы успокоить сомневающихся.

Любимым приемом Штрейхера было переделывание разных анекдотов и подача их в качестве «случаев из жизни». Например: анекдот о некоем графе, который, поймав еврея, загоняет его на дерево и заставляет там куковать, а потом стреляет в него и говорит, что убил не еврея, а кукушку. Вот в таком духе…

В партии к газете относились по-разному. Кому-то она нравилась, кто-то, как сам Гитлер, только объявлял себя ее постоянным читателем, но в руки брал редко; кто-то, как Гесс, откровенно и открыто ею брезговал. Но как бы там ни было, позиция Штрейхера являлась официальной позицией партии, а примеры из «Дер Штюрмер» — «классическими» в антисемитской пропаганде. Гитлер, например, во втором томе «Майн кампф» приводит дословное описание под одной из штрейхеровских карикатур: «С сатанинской радостью на лице черноволосый молодой еврей прячется в ожидании ничего не подозревающей девушки, которую собирается осквернить своей кровью, таким образом похищая ее у народа».

С одобрения и при поддержке своего фюрера «Дер Штюрмер» вскоре пустил метастазы по всей Германии в виде еще девяти аналогичных изданий — целая издательская империя, кстати, приносившая своему владельцу немалый доход.

Вообще о корыстолюбии и жадности Штрейхера к материальным благам в партии ходили легенды. Среди главных фюреров рейха он, вместе с Герингом, был в этом отношении исключением. Гесс, Гиммлер, Лей, даже Борман о своих капиталах думали очень мало. (Борман если и заботился — то о материальном положении Гитлера.) Геббельс умер нищим, что бы о нем ни говорили (все его «виллы» были казенными и от него часто переходили к другим чиновникам). Однако в отношении вождей, не только нацистских, а вождей всех времен и народов, я не считаю отсутствие желания разбогатеть привлекательным, симпатичным качеством. Просто это другой психологический тип, другая группа крови, что ли. Ведь все человечество всегда делилось и продолжает делиться на две такие группы: людей, чьи приоритеты лежат в материальной области, и людей с приоритетами в области духовной. Так вот, мне кажется, что вожди из второй группы по последствиям своего «служения человечеству» гораздо «продуктивнее» вождей из первой группы, типа Юлиуса Штрейхера, уделявшего много своего драгоценного вождистского времени, например, скупке краденого еврейского

имущества.

Гитлеру Штрейхер всегда был нужен отнюдь не как идеолог, а скорее как инструмент, например, для широкомасштабного пропагандистского обоснования бойкота еврейского предпринимательства в 1933-м или для экспроприации еврейского имущества после так называемой Хрустальной ночи в 1938 году. Показателен и тот факт, что самый идеологизированный город Германии — Нюрнберг, где Штрейхер был гауляйтером, и слыл самым коррумпированным. Множество фактов в пудовое «дело Штрейхера» о коррупции собрал партийный судья Бух. Но Гитлер только наорал на судью и приказал эти папки убрать подальше. И только планомерное, яростное преследование Геринга помогло довести дело до отставки ненавистного соратника.

Отношение же Гитлера к соратникам, подобным Штрейхеру, известно: «Я не считаю, — говорил он, — что задача политического руководителя состоит в том, чтобы пытаться улучшить человеческий материал, лежащий готовым в его руках».

Но все же «человеческий материал», который представлял собой Юлиус Штрейхер, был чересчур уж испорченным. Хотя человеческие пороки фюреров принято преувеличивать, приписывать им всевозможные извращения и прочее, пороки Штрейхера раздуть трудно, поскольку он и сам не только не скрывал их, а напротив, как-то сладострастно выпячивал. Однажды, садистски избив заключенных нюрнбергской тюрьмы, он прямо сказал сотрудникам своего аппарата в штабе партии: «Мне это было просто необходимо. Теперь мне значительно полегчало». Или: придя как-то в свой штаб в одних плавках, он смеялся над смущением своих молоденьких сотрудниц, говоря, что им не может «это» не нравиться; смущены же они оттого, что до сих пор «такого» не видели.

Подобные, на первый взгляд, «байки» о Штрейхере фигурируют в деле Нюрнбергского трибунала и подтверждены многочисленными свидетельскими показаниями.

Штрейхер был к тому же настоящим растлителем детей. Именно он стал главным инициатором раннего полового воспитания в школах и массовых детских организациях. Снова приведу любопытный и показательный факт.

В системе немецкого образование были так называемые «школы Адольфа Гитлера» — первая из трех ступеней по подготовке будущей нацистской элиты. Инициатива их создания принадлежала Роберту Лею. Замороченная пропагандой молодежь мечтала попасть в эти заведения, открывавшие, к тому же, перспективы быстрого карьерного роста. Когда о своем

желании учиться в такой школе заявил старший сын Бормана Адольф Мартин, мать мальчика и его дед — тот самый партийный судья Вальтер Бух (он и его дочь принадлежали к старой немецкой аристократии) — пришли в ужас. Сам Борман тоже не был в восторге, но в пропагандистских целях согласился. Однако сначала все же просмотрел программы, как ему иронически посоветовал Лей. И сам пришел в ужас, не меньший, нежели его жена и тесть, которые этой программы не читали. Одним из пунктов «обязательного спортивного воспитания» десятилетних (!) мальчиков значилось… насилование еврейских девушек. Поскольку этот пункт вызывал у всех его читающих законную оторопь, Штрейхер позаботился о «пояснении» для преподавателей. Цитирую: «Произведенное действие закономерно вызовет у не имеющего пока инструмента мальчика сильное неудовольствие и раздражение. <…> Мальчик запомнит, как мерзко все у него произошло с еврейкой, и именно с ней. По прошествии же всего лишь четырех-пяти лет тот же юноша получит с арийкой неожиданное наслаждение».

Я, конечно, не стояла рядом с Борманом, когда он это читал, но если верить его любовнице фройляйн Беренс, то реакция была вполне адекватная: Борман фыркнул, плюнул, выругался и вычеркнул «пункт».

Тираж «Дер Штюрмер» в 1938 году составлял 800 тысяч экземпляров. В годы войны он снизился, как и тиражи всех остальных газет, однако влияние штрейхеровской пропаганды даже усилилось. Теперь уже не только в экономических трудностях, но и в военных неудачах можно было обвинять евреев.

В мае 1939-го, за два с половиной месяца до поездки Риббентропа в Москву, газета писала: «В большевистской России должна быть проведена карательная экспедиция против евреев. Советских евреев постигнет судьба всех убийц и преступников — немедленная расправа и смерть. Все советские евреи должны быть истреблены. Тогда весь мир увидит, что конец евреев — это конец большевизма». 31 октября — в той же газете: «…Мы знаем своего врага, мы открыто называем его по имени все последние двадцать лет: это мировое еврейство. И мы знаем, что оно должно погибнуть».

В январе 1940 года, в передовице — «Близится время, когда придет в движение машина, готовая вырыть могилу мировым преступникам — евреям, и им не найти от нее спасения»; 4 июля: «Погромы во все времена были проявлением воли народа. <…> Еврейский сброд должен быть изведен, как сорная трава, как

грызуны, как паразиты».

Нельзя сказать, что позиция Штрейхера была для нацистского руководства единственной и безальтернативной. Были планы бескровно избавиться от евреев путем их высылки, предварительно «освободив» от собственности, конечно (например, по невыполнимому плану Гесса — на Мадагаскар). В рейхе существовал и действовал особый еврейский сенат, разбиравший некоторые получившие огласку дела. Работал «Союз евреев-фронтовиков», выходили две еврейских газеты, причем, в Нюрнберге — «Свет» и «Антиштюрмер». Штрейхер же продолжал «трубить» свое: никакой эмиграции, а только физическое уничтожение, никаких «союзов», газет и прочего — вешать, стрелять, топить, травить ядом. Иногда он заходил слишком далеко или просто надоедал; тогда его слегка одергивали. В январе 1938 года по просьбе Гесса Гитлер на время даже запретил выпуск «Дер Штюрмер». Гесса возмутило требование Штрейхера гильотинировать еврея, женившегося на арийке. Правда, вскоре после отлета Гесса в Англию и начала войны требование Штрейхера обрело форму закона уже для всех аналогичных случаев.

Нужно ли удивляться тому, что Штрейхер, как личность, на Нюрнбергском процессе выглядел особенно «ярко»: он трусил — это было слишком видно и вызывало у его соседей по скамье подсудимых, более стойких духом, возмущение и отвращение.

Но в особенно трудном положении оказался его адвокат — доктор Ганс Маркс. Как защищать человека, в самом начале судебных заседаний объявившего этот процесс «триумфом международного еврейства»?! Адвокат посоветовал Штрейхеру вспомнить хотя бы один эпизод, когда тот открыто и однозначно проявил гуманность по отношению к евреям или заключенным. «Гуманность к евреям — никогда!» — был ответ. В отношении заключенных он, впрочем, по его словам, проявлял гуманность. Например, устраивал ежегодные рождественские гуляния для узников концлагеря Дахау, выпуская их для этого из-за колючей проволоки на целый день. Однако, уже немного зная Штрейхера, можно предположить, что подобное «благодеяние» было всего лишь одной из изощренных пыток…

К сожалению, нельзя не согласиться с историком Юджином Дэвидсоном, что самый откровенный расизм, без всякого налета респектабельности, завоевал сердца миллионов немцев. На Нюрнбергском процессе Штрейхер постоянно издевательски напоминал американским судьям о тех же проявлениях расизма в

их прославленной своей демократией стране по отношению к неграм, не говоря уже об индейцах. Он напоминал также, как «славно поработал, открывая миру глаза на опасности, идущие от всех неполноценных». Судьи в этих случаях чаще всего брезгливо отмалчивались. «Вы меня еще вспомните, когда ваша Америка станет черной», — каркнул он на одном из последних заседаний.

На заседании Нюрнбергского трибунала 30 июля 1946 года советский обвинитель Р. А. Руденко в адрес Юлиуса Штрейхера сказал так: «Наряду с Гиммлером, Кальтенбруннером, Полем, всеми теми, кто замышлял, конструировал и приводил в действие газовые камеры и «душегубки», наряду с теми, кто непосредственно осуществлял массовые акции, Штрейхер должен нести ответственность за наиболее жестокие преступления германского фашизма.

Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призывы к убийствам были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека.

Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Треблинке. Без «Штюрмера» и ее хозяина германский фашизм не смог бы так быстро воспитать те массовые кадры убийц, которые непосредственно осуществляли преступные планы Гитлера и его клики — уничтожение более шести миллионов евреев Европы».

Штрейхер лгал всю свою жизнь. Он пытался лгать и здесь, во время суда. Я не знаю, рассчитывал ли он обмануть кого-нибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха. Но мне кажется, что самому подсудимому было ясно: его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения.

Штрейхеру было предъявлено обвинение в «публичном подстрекательстве к убийствам и истреблению евреев» и других преступлениях против человечности — в общей сложности по четырем пунктам. Его не признали виновным в причастности к агрессии, так как он не являлся ни политиком, ни дипломатом, ни военным.

Кем же он был?

Фанатиком? Примитивным психопатом и садистом? Добросовестным функционером? Просто несчастным человеком, павшим жертвой безумного времени и утащившим в своем падении миллионы безвинных?

Пожалуй, можно остановиться на определении, данном ему Герингом в самом начале главы.

В любом случае Штрейхер — это еще один урок. Из тех, которые должны быть усвоены.

И последний штрих к портрету: 16 октября 1946 года около двух часов дня Юлиус Штрейхер, поднявшись по тринадцати ступеням, встал под железный крюк, с которого свисала веревка. Пастор прочел короткую молитву. Палач — сержант армии США Джон Вуд стоял наготове с черным колпаком из плотной ткани, который должен был надеть на голову приговоренного. Те, кто поднимались сюда до Штрейхера, вели себя по-разному: кто-то молчал, уйдя в себя, кто-то молился, просил у Бога прощения… Кейтель стоял навытяжку, когда Вуд надевал на его голову мешок. Кальтенбруннер ухватился обеими руками за веревку на горле и не выпускал. Розенберг попросил пастора повторить для него молитву, и тот повторил. Заукель повторял слова за пастором… В общем, все вели себя тихо, как бы вполголоса. Штрейхер был единственным, кто нашумел. Встав под петлей, он громко выкрикнул: «Purimfest» (название еврейского праздника, знаменующего поражение Хама, притеснителя евреев в библейские времена). А затем еще громче, два раза — «Хайль Гитлер!». Джон Вуд позже рассказывал, что третье «Хайль Гитлер!» донеслось уже из мешка.

Венк

А это кто такой? — удивится читатель.

Мое поколение, учившееся в школе в семидесятые годы, встречало имя генерала Венка. Оно упоминалось в учебнике истории, в последней главе раздела о Великой Отечественной войне — «Штурм Берлина. Победа». Помните: Гитлер сидит в своем бункере, сотрясаемом ударами советской артиллерии, на голову ему уже кирпичи сыплются, а он все еще ждет какого-то мифического генерала Венка, который вот-вот ворвется в окруженный русскими Берлин, вызволит своего фюрера и вообще переломит ситуацию. «У нас еще есть Венк… у нас еще есть Венк…» — как заклинание повторяет Гитлер, трясущимися руками терзая замусоленную карту.

Многие из «картинок», иллюстрирующих бытие Третьего рейха, которые рисовало нам наше воображение, к его подлинному бытию близки так же, как клоунские номера — к реальной жизни. Но Гитлер в бункере, уповающий на Венка, как на самого Спасителя, — образ, оставленный нам в воспоминаниях людей, которых нельзя заподозрить в сознательном унижении фюрера или его памяти.

«Картинки» агонии руководства Третьего рейха замечательным образом восстанавливаются также с тех «прослушек», которые, пользуясь напряженной и несколько сумбурной атмосферой в бункере в апреле 1945 года, сумел установить в некоторых помещениях представитель (проще — шпион) Гиммлера генерал СС Бергер. Эти микрофоны были вмонтированы в основном на первом «этаже» бункера, но кое-где Бергеру удалось их спрятать и ниже, на втором (счет нужно вести сверху вниз), где Гитлер находился все время, начиная с середины апреля.

21 апреля, на другой день после своего дня рождения, Гитлер, похоже, в последний раз поднялся на первый «этаж» бункера, поскольку «прослушки» Бергера больше каких-либо голосовых свидетельств присутствия там фюрера не оставили. Вот что оказалось записано: «…Я отдал приказ собрать все и контратаковать на юге. Мы остановим танки и отбросим от Берлина русских. Я приказал Штейнеру собрать все резервы здесь. У нас есть еще армия на Эльбе. Если не хватит сил, к нам пробьется Венк. Что вы молчите?» — это Гитлер обращается к Роберту Лею, который в течение всего апреля совершал перелеты между Бергхофом и Берлином (обычно полупьяный, он при посадке шел на такой риск, что просто обескураживал

противника).

Лей отвечает, что ему нечего возразить. Дальше следуют малопонятные реплики о возможности запуска хотя бы одной ракеты А-10 на Вашингтон и, наконец, еще одна фраза Гитлера: «.. Ничего… Я отдал приказ о контрударе». Повторяю: это — 21 апреля.

Риббентроп, уже в Нюрнберге, в письмах к жене вспоминал, что первые признаки паники у фюрера заметил как раз 21 апреля: Гитлер сначала продиктовал приказ генералу Венку развернуть свою 12-ю армию на восток и ударить по русским. Но через несколько минут передумал и стал диктовать другой — Венку немедленно соединиться с армией генерала Буссе (на деле прежде следовало вытащить ее из окружения, в котором она застряла после отчаянных попыток Гиммлера взять на себя командование боевыми операциями) и вместе двигаться на Берлин. «Кейтель же, как попугай, только кивал и со всем соглашался», — раздраженно замечает Риббентроп. (Письмо от 4 марта 1946 г., а также дневниковые записи, по материалам которых фрау фон Риббентроп позже выпустила книгу.)

И 22–23 апреля становится ясно, что генерал Штейнер, которому было приказано ударить по русским в районе южного пригорода Берлина, не сумел даже сдвинуться с места (а позже — и вовсе повернул на запад, чтобы 3 мая сдаться англичанам). Кейтель, впрочем, пытался объяснять Гитлеру, что контрудар Штейнера — фантом, что Берлин не продержится и больше недели. Взял слово Йодль и напомнил, что «пока Баварский лес в наших руках и магистраль не перерезана, остается возможность эвакуации по земле, и нужно этим воспользоваться, потому что…». Дальше произошла тяжелая сцена, о которой одинаково вспоминают и Кейтель, и Йодль, и Лей, и Риббентроп. Гитлер орал, топал ногами, валил стулья, рвал карты. Впервые «отец нации» проклял свой народ, и это особенно тяжело подействовало на присутствующих. Немного успокоившись, он сказал, чтобы ни об отводе войск, ни о его собственном «бегстве» из Берлина никто больше не смел и заикаться, что он «останется и сдохнет здесь, если никто ничего другого ему не в состоянии предложить». Вот тут и прозвучало то самое, похожее на заклинание: «Но у нас еще есть Венк… у нас еще есть Венк».

Что же должен был сделать генерал танковых войск Вальтер Венк, и что он реально сделал? И важная деталь — какими силами?

Я бы ответила так: он должен был сделать невозможное — с несколькими сильно поредевшими полками, без артиллерии, с

десятком самоходок прорваться в горящий Берлин сквозь атакующие советские войска. Он сделал невозможное — прорвался к Потсдаму (после самоубийства Гитлера дальнейшие действия в этом направлении потеряли всякий смысл), причем, повторяю — мизерными силами, а с точки зрения военной тактики, его 12-я армия вообще представляла собой величину с отрицательным знаком, поскольку имела в «арьергарде» около десяти тысяч человек гражданского населения. Беженцы, в основном — женщины с детьми и старики, без всякого имущества, голодные и больные, целиком зависели от отношения к ним командующего, его планов и просто человеческих качеств.

Об этом свидетельствовали сами бывшие беженцы. После войны следователи союзных держав-победительниц готовили материалы к судам над немецкими генералами, которые частью уже сидели в так называемых «генеральских лагерях», частью оставались на свободе. Свидетельства беженцев из «хвоста» 12-й армии поразили следователей. Создавалось такое ощущение, что генерал Венк только гражданскими и занимался. «Нас лечили… всегда были для нас антибиотики…. кормили два раза в день. Генерала Венка постоянно видели пробегающим по колонне, его быстрый внимательный взгляд буквально выхватывал наши беды и проблемы, которые быстро решались. Так же вели себя и его помощники», — писал позже инженер Ганс Бахман, которому в апреле 1945 года было пятнадцать лет.

Такого рода свидетельств — около тысячи. (Часть попала в американскую печать в виде подборки, а затем и в наши архивы.) Свидетельства, в основном, однотипны: например, одна, тогда восемнадцатилетняя, девушка по имени Розмари Гросс вспоминает, что генерала Венка в их колонне все называли «папочкой». Потом она узнала, что так прозвали сорокалетнего генерал-майора его солдаты из 1-й танковой армии еще в 1943 году, когда он вывел их из окружения (Каменец-Подольский котел на Днестре). Розмари пишет, что ей очень нравилось такое прозвище, пока однажды она не увидела генерала близко и не была поражена, какой он «молодой и красивый, хотя и совершенно измученный».

«Прорыв генерала Венка к Потсдаму и вообще вся ситуация вокруг этого человека сама по себе была удивительна, но еще удивительней показался нам сам Вальтер Венк, которого я имел возможность в течение получаса наблюдать 7 мая… — писал сотрудник аппарата Аллена Даллеса полковник Гаррисон (частное письмо от 03.08.1967 г. вышедшего в отставку Гаррисона было адресовано его знакомой). — Подписывая бумаги… (переправив две армии и беженцев через Эльбу, Венк сдался

американцам. — *Е.С.*) он выглядел сильно пьяным. На вопросы отвечал, хотя и четко, но только «да» и «нет», а когда после первой краткой беседы вышел из здания штаба, то, не сделав и двух шагов, буквально рухнул на руки подхвативших его штабных. «Хорош, — подумал я. — Нашел время!..» Многие из них тогда напивались до скотства и совершенно теряли свой «арийский» лоск. Так они заглушали отчаяние… Венка внесли обратно в помещение штаба, вызвали к нему врача, который послушал пульс, посмотрел зрачки, пожал плечами и велел его раздеть на всякий случай. <…> Мы все ахнули. На Венке был корсет, какие носят при повреждениях позвоночника. Когда корсет разрезали, врач развел руками и посмотрел на нас довольно осуждающе и вопросительно. Тело Венка выглядело так, точно его несколько раз подолгу и жестоко избивали. Его адъютант, впрочем, тут же пояснил, что его шеф два с половиной месяца назад попал в тяжелейшую автокатастрофу и с тех пор почти не имел возможности лечиться, поскольку все время находился в самых критических местах фронта, выполняя приказы. <…> Врач сначала сказал, что у генерала, скорее всего, болевой шок, но, осмотрев его еще раз, обнаружил, что Венк просто спит. <…> Признаюсь тебе, сила духа этого симпатичного парня произвела на нас тогда внушительное впечатление, особенно на фоне того порядка и достоинства, в котором находились в тот момент две его армии с километровыми хвостами беженцев. «О чем вы думали, генерал, после нашей первой беседы вечером 7 мая? — спросил я Венка, беседуя с ним 11 мая. — Вы так замечательно отключились потому, что считали свой долг выполненным?..» Он смущенно молчал. Потом неохотно кивнул. Сказал, что, отдав своих солдат и гражданское население в руки достойного и благородного противника, думал о том, что его миссия окончена и теперь он может подумать о себе, но… нечаянно уснул. «Так это чтобы подумать о себе, вам понадобилось оружие? — спросил я, прямо глядя ему в глаза. — Вы уже дважды предпринимали попытки его вернуть». Он собрался отвечать, но, видимо, вспомнив, что я не армейский, передумал. По его представлениям, я не способен был понимать, в чем состоит долг немецкого генерала, чья армия и страна три дня назад признала свое поражение».

В первые же дни после официальной капитуляции Германии некоторые немецкие генералы действительно пустили себе пулю в лоб. Венка среди них не было. Может быть, искать его следует среди не смирившихся с поражением?

Еще до подписания документов о капитуляции во

Фленсбурге, в резиденции гросс-адмирала Деница, был составлен секретный меморандум, суть которого заключалась в скором вступлении в военный союз Америки, Англии и Германии, чьи вооруженные силы следовало максимально сохранить и преумножить. «Тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было раздать немецким солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось» (текст так называемой «вудфордской телеграммы» Черчилля дается по публикации «Дейли Геральд» от 24.11.1954 г.)[3].

Эту телеграмму Монтгомери расценил как сигнал к началу долгосрочной кампании по сотрудничеству с немецкими генералами. Монтгомери имел список лучших генералов, в котором на первом месте стоял генерал-фельдмаршал Буш, командовавший немецкими войсками в Северо-Западной Европе. Дальше следуют многие известные имена: Мильх, Мантейфель, Линдеман, Шперле, Кессельринг, Бласковиц, Манштейн, Лист… даже старичок Рундштедт, — все годились в дело. Но основная нагрузка по созданию будущего немецкого бундесвера должна была лечь на плечи молодых — Ганса Шпейделя, Адольфа Хойзингера и Вальтера Венка.

Если вы уже прочитали примечание в конце книги, то всё поняли. Для остальных поясню: последняя строчка в официальной биографии Хойзингера: «С 1962 года — представитель НАТО в Вашингтоне». Последняя запись в биографии Шпейделя: «С 1957 года командующий сухопутными войсками НАТО в центральной Европе». А у Венка — «Председатель Совета директоров фирмы «Феррошталь», город Бонн. В 1982 году погиб в автокатастрофе». Как видим, расчет на него отчего-то не оправдался. Это притом что именно его кандидатуру в качестве будущего командующего бундесвером отстаивал перед своими новыми хозяевами авторитетный у них Рейнхард Гелен.

Возможно, и Гелен, служивший с Венком еще при Гудериане, и американцы с англичанами помнили, что «самым одаренным из моих генералов» называл Вальтера Венка сам Адольф Гитлер.

Вальтер Венк был кадровым военным. Он родился в городе Виттенберге в 1900 году. В одиннадцать лет поступил в кадетский корпус, затем в военное училище и в 1920-м был зачислен в рейхсвер. По рождению он принадлежал к поколению, не прошедшему ад Первой мировой, не впитавшему горечь поражения Германии всей своей кожей; он и его товарищи не были так отравлены унижением и ненавистью, как поколение их

командиров, к которому принадлежали Гитлер, Рем, Геринг, Гесс и Лей. Это важное обстоятельство.

Венк благополучно служил в рейхсвере (в том, что от него осталось после Версальского договора) сначала в звании унтер-офицера, затем — лейтенанта и гауптмана (капитана), а пройдя подготовку при Генштабе в 1936 году, получил назначение в 1-ю танковую армию начальником штаба знаменитой тогда 1-й танковой дивизии и сразу попал в поле зрения не менее знаменитого «быстроходного Гейнца» — генерала Гудериана, который с первых же месяцев, оценив способности нового офицера, старался предоставлять ему как можно больше инициативы. А порой даже «прикрывал» своим авторитетом излишнюю, может быть, самостоятельность Венка, тогда — всего лишь оберстлейтенанта (подполковника).

Например, во время «блицкрига» во Франции, когда 1-я танковая дивизия вошла в Монбельяр, а в баках ее танков оставалось еще много горючего, Венк решил с ходу взять еще один город — Бельфор. Взял. И только после этого доложил Гудериану. В биографии Венка, которую дают С. Митчем и Дж. Мюллер (у нас выходила их книга «Командиры Третьего рейха») об этом эпизоде сказано так:

«…Венк принял самостоятельное решение. Будучи не в состоянии связаться с командиром дивизии (генерал-лейтенантом Кирхнером. — *Е.С.*), он сообщил генералу Гейнцу Гудериану, что по собственной инициативе приказал атаковать Бельфор. Этот смелый шаг был одобрен Гудерианом, а французов застигли врасплох». Биографы Венка честно опираются на мемуары самого Гудериана (его «Записки солдата» у нас издавались неоднократно). «Так как он (Венк. — *Е.С.*) не смог связаться с командиром корпуса, то решил обратиться непосредственно ко мне, чтобы попросить разрешения продолжать наступление на Бельфор. Само собой разумеется, что он получил желаемое разрешение: ведь я никоим образом не намеревался делать остановку в Монбельяре», — пишет Гудериан. Дальше он говорит о каком-то «случайном обстоятельстве», которое заставило остановить наступление в Монбельяре, а не в конечном пункте — Бельфоре, указанном в его, Гудериана, приказе. «В решающий момент, — поясняет он, — штаб корпуса менял свое расположение, и поэтому дивизия не могла с ним связаться».

Чтобы не перегружать читателя уточнениями, кто и где в это время находился, кто с кем не связался и прочими, приведу более простой факт. После капитуляции немецкие генералы, сидя в так называемых «генеральских лагерях» и в тюрьме в Нюрнберге,

могли работать над своими воспоминаниями, которые американцы считали чрезвычайно полезным для себя материалом. Генералам для работы предоставлялись различные документы, в том числе их же собственные приказы, и возможность свободно общаться между собой. «Однажды, — пишет Гудериан, — в этом мрачном месте у нас зашел разговор о 1940 годе. Фельдмаршал Риттер фон Лееб никак не мог понять, каким образом я так неожиданно быстро приступил к выполнению его приказа — наступать на Бельфор. И мне пришлось давать ему объяснения».

Не знаю, какие объяснения на самом деле дал Гудериан, но уж никак не те, которые я уже цитировала, поскольку приказ о наступлении на Бельфор фон Леебом был подписан 18 июля (и копия этого приказа, скорее всего, лежала у обоих перед глазами), то есть уже после того, как 17 июля Венк красиво, с ходу, вкатился в Бельфор.

Победителя не судят? Но даже в эйфории от побед сорокового года за подобную самостоятельность должны были если не наказать, то уж никак не награждать. И Гудериан в своих мемуарах явно старается этот момент закамуфлировать. А Венк получает повышение.

Кстати, сам Венк в докладной записке по поводу своей «инициативы» (которая стала широко известна в войсках и получила название «проездной билет до Бельфора») дал, помимо прочих, и следующее объяснение: «…К тому же мы все так заросли грязью, что думали не столько о тактике, сколько о горячей ванне в Бельфоре…». Повторяю, даже при всеобщей эйфории и восторгах фюрера по поводу своих танкистов, чтобы так шутить, нужно было, по-моему, или иметь очень высокого покровителя (каким и сделался после этого случая превозносимый фюрером Гудериан), или — само напрашивается — быть очень сильным и независимым человеком.

Но о какой «независимости» кадрового немецкого офицера может идти речь?! То ли Венк все-таки был исключением, то ли мои представления о немецких подполковниках времен «блицкрига» на Европу устарели.

В 1941 году Венк побывал и под Ленинградом, и под Москвой (1-я танковая была переведена в группу армий «Центр»), О блестящем броске гудериановских танков на Москву мы знаем, как и об их последующем позорном откате. «В декабре 1941 года, во время советского контрудара, она (1-я танковая армия. — *Е.С.*) попала в окружение, из которого, однако, с успехом вырвалась благодаря разработанному Венком плану и вернулась к

германским оборонительным рубежам. За успехи Венк был удостоен Золотого креста и двумя месяцами позже принят в Академию Генштаба» (С. Митчем, Дж. Мюллер. «Командиры Третьего рейха»).

Какими общипанными «вырывались» из-под Москвы доблестные дивизии Гудериана, мы тоже знаем! Но на общем жалком фоне «успех» у Венка все-таки был — количество сохраненных им живыми солдат, что при общем отступлении только и ценится. За это его и наградили.

Потом были Ростов-на-Дону, поход на Кавказ, Сталинград…

В ноябре 1942 года, во время Сталинградской битвы, Венка назначили начальником штаба 3-й Румынской армии. От нее к тому времени остались одни «ножки», которые драпали по всем дорогам и тропинкам прочь от линии фронта. Эти солдаты были совершенно деморализованы, идти с таким войском в бой опасно. Венк собирал их по всем дорогам, сколачивал из них сборные формирования и подвергал психологической обработке. Для этого он раздобыл десятка два старых дурацких комедий и несколько киноустановок и заставлял солдат смотреть эти фильмы до тошноты, переходящей в «здоровое озверение». Затем отправлял на фронт.

Насколько способ подействовал, можно судить по тому факту, что позже с этими частями Венк удерживал тяжелый оборонительный рубеж под Ростовом. Командующий группы армий «Дон» фельдмаршал Манштейн сказал Венку, что тот «ответит головой», если позволит русским прорваться, поскольку участок Венка прикрывал не только 6-ю армию в Сталинграде, но и группу армий «А» на Кавказе. Полковник Венк отбил все атаки советских войск, и в декабре Гитлер лично наградил его очередным Железным крестом. Через месяц его произвели в генерал-майоры. После успешного прорыва из Каменец-Подольского котла — новое повышение в должности, затем весной 1944-го — чин генерал-лейтенанта и назначение начальником оперативного управления генерального штаба сухопутных войск.

С этого момента все свои донесения Венк должен был направлять лично Гитлеру. Чем он и воспользовался: в конце лета на совещании в присутствии угрюмо молчавшего Кейтеля заявил Гитлеру, что «весь Восточный фронт — это швейцарский сыр: в нем одни дыры». Обстановка тогда в ставке была очень тяжелой: генеральный штаб, как пишет Гудериан, «дезорганизован», Гитлер сильно нервничал (не забудем о недавнем покушении), постоянно срывался на всех, топал и орал. Фраза о швейцарском сыре была очень рискованной, она, при всей ее справедливости, могла

просто разозлить Гитлера. Зачем новоиспеченному генералу понадобилось так рисковать?

А дальше — больше. Словно сама судьба начинает постоянно выталкивать Венка вперед и делать «камнем преткновения» между Гитлером и Гудерианом, да еще при непосредственной заинтересованности Гиммлера.

В начале 1945 года генеральный штаб разработал план контрудара силами группировки «Фистула» под командой рейхсфюрера СС Гиммлера.

«В жарком споре Гейнц Гудериан, теперь начальник генерального штаба сухопутных войск, убедил фюрера назначить на должность начальника штаба группировки Вальтера Венка. Это давало хоть какую-то надежду на успех операции», — пишут Митчем и Мюллер в своей книге «Командиры Третьего рейха». Насколько спор был «жарким», известно. Послушаем самого Гудериана:

«Я решил прикомандировать к Гиммлеру на время наступления генерала Венка, возложив на него фактическое руководство операцией. Кроме того, я принял решение начать наступление 15 февраля, так как в противном случае оно вообще было невыполнимо. Я понимал, что как Гитлер, так и Гиммлер будут решительно выступать против моих предложений, так как оба они испытывали инстинктивный страх перед этим решением, выполнение которого должно было показать явную неспособность Гиммлера как командующего. <…> Привожу наш диалог (вторую его половину. — *Е.С.*):

«Я (Гудериан. — *Е.С.*). Генерала Венка следует прикомандировать к штабу рейхсфюрера, иначе нет никакой гарантии на успех в наступлении.

Гитлер. У рейхсфюрера достаточно сил, чтобы справиться самому.

Я. У рейхсфюрера нет боевого опыта и хорошего штаба, чтобы самостоятельно провести наступление. Присутствие генерала Венка необходимо.

Гитлер. Я запрещаю вам говорить мне о том, что рейхсфюрер не способен выполнять свои обязанности.

Я. Я все же должен настаивать на том, чтобы генерала Венка прикомандировали к штабу группы армий и чтобы он осуществлял целесообразное руководство операциями..

В таком духе мы разговаривали около двух часов. Гитлер, с покрасневшем от гнева лицом, с поднятыми кулаками, стоял передо мной, трясясь от ярости всем телом и совершенно утратив самообладание. После каждой вспышки гнева он начинал бегать взад-вперед по ковру, останавливаясь передо мной, почти

вплотную лицом к лицу, и бросал мне очередной упрек. При этом он так кричал, что его глаза вылезали из орбит, вены на висках синели и вздувались. Я твердо решил не дать вывести себя из равновесия… Когда Гитлер отворачивался от меня и бежал к камину, я устремлял свой взор на портрет Бисмарка работы Ленбаха, висевший над камином… Взгляд канцлера спрашивал: «Что вы делаете из моего рейха?» Сзади я чувствовал устремленный на меня взгляд Гинденбурга, бронзовый бюст которого находился в противоположном углу зала. И его глаза также спрашивали: «Что вы делаете с Германией?!» <…> Я оставался холодным и непоколебимым… Гитлер должен был заметить, что его бешенство не трогает меня, и он заметил это.

Вдруг Гитлер остановился перед Гиммлером: «Итак, Гиммлер, решено — сегодня ночью генерал Венк прибывает в ваш штаб и берет на себя руководство наступлением». Затем он подошел к Венку и приказал ему немедленно отправляться в штаб группы армий. Сел на стул, попросил меня сесть рядом с ним и произнес: «Пожалуйста, продолжайте ваш доклад. Сегодня генеральный штаб выиграл сражение». При этом на его лице появилась любезная улыбка. Это было последнее сражение, которое мне удалось выиграть. <…>

Позднее очевидцы этой сцены говорили мне, что они впервые за свою многолетнюю службу в главной ставке фюрера были свидетелями такого неистового бешенства Гитлера. Эта последняя вспышка гнева превосходила все предыдущие».

Контрнаступление началось в середине февраля; 16-го и 17 февраля оно развивалось довольно успешно, что вынуждены были признать и союзники.

После 1945-го американские военные специалисты подвергли особо тщательному анализу военные операции немецких вооруженных сил последнего года войны. И они сделали вывод, что руководство Венка всерьез грозило переломить ситуацию. Так же считало и руководство немецкого генерального штаба, хотя это мнение, позже высказанное Гудерианом, было публично высмеяно советскими генералами. Однако теперь, когда мы знаем о тех действиях, которые предпринимали спецслужбы американцев по заключению сепаратного мира с Германией (и чего не знало тогда большинство наших военных), даже локальный военный успех немцев не кажется столь уж бессмысленным. Этот развивающийся успех, прежде всего, позволял выиграть время. А оно работало на Германию и против СССР — это нужно признать. И следует пресечь ложь о том, что Жуков положил жизни наших солдат на ненужную Берлинскую операцию. «Пока Берлин наш, мы войны не проиграли», — так

говорил Геббельс с учетом всех факторов той ситуации. И Гиммлер прекрасно знал, что делал, согласившись на унизительную для себя передачу командования Венку, поскольку отнюдь не считал войну проигранной — не из-за своей тупости, а прекрасно зная возможности армии и резервы СС, а также настроение части руководства союзников.

Дальше случилось вот что. Измученному Венку, который по приказу Гитлера должен был каждый вечер присутствовать на совещании у фюрера, помимо всего прочего еще и приходилось совершать ежедневные поездки в двести с лишним километров. В ту ночь, с 17-го на 18 февраля, его шофер Герман Дорн, тоже до предела уставший, несколько раз засыпал за рулем автомобиля, и Венк сменил его. Однако через несколько километров, на автостраде Берлин — Штеттин уснул сам, и машина на полной скорости врезалась в парапет моста. Искореженный автомобиль загорелся, но Дорн успел вытащить генерала, стащил с него горевший китель и довольно быстро сумел доставить его обратно в Берлин. Травмы оказались очень тяжелыми: множество переломов, сотрясение мозга… Назначенный вместо Венка генерал Ганс Кребс был «штабным воякой», приятелем Бормана и Фегелейна (мужа родной сестры Евы Браун). Гудериан считал, что неплохо теоретически подготовленный Кребс слишком хорошо усвоил науку приспособления к начальству, а дружеские связи лишили его «духовной свободы и независимости» (Гудериан. «Воспоминания солдата»). Каким бы субъективным ни было мнение Гудериана, факт налицо — без Венка удачно начатая операция провалилась.

Думаю, она потерпела бы неудачу и под руководством Венка, но не так быстро, а время, повторяю, работало тогда в пользу если не агонизирующего гитлеровского руководства — то его преемников, готовых подхватить власть.

Венк не провел в госпитале и трех недель, как Гитлер начал активно интересоваться его здоровьем в том духе, что не пора ли покинуть клинику «Шарите» и подумать о будущем. Это означало новое производство — в генералы танковых войск — и немедленное вступление в должность командующего вновь созданной 12-й армией. Венк, который еще с трудом передвигался по палате, спросил своего приятеля, барона фон Лестена, адъютанта Гудериана, сколько в 12-й армии имеется танковых подразделений. Барон печально сомкнул два пальца в кольцо — по-американски это означало бы «о'кей», а по-немецки — ничего хорошего, попросту говоря — нуль. Танковых подразделений в армии Венка не было; а был только один

противотанковый батальон.

Гитлер в начале апреля планировал использовать 12-ю армию для обороны от американцев, но уже 20 апреля приказал Венку развернуться на восток и ударить по наступающим советским частям. Одновременно продолжая сдерживать американскую армию, чтобы обеспечить прорыв 9-й армии генерала Буссе. Но 22 апреля фельдмаршал Кейтель сам привез Венку из ставки приказ (не отменяющий прежнего): немедленно, как можно скорее прорываться с двумя армиями к Берлину и спасать фюрера. Спорить с Кейтелем или возражать ему было тогда бессмысленно.

Думая о Венке того периода, не могу отделаться от мысли: вот яркий пример парадокса — как талант и добросовестность могут напрямую служить чистейшему злу, каким стала тогда гибель тысяч советских солдат — уже победителей!

И снова Вальтер Венк выполнил приказ. Нигде не отступив, успешно отбиваясь от американцев, давая возможность 9-й армии Буссе вырываться из окружения и отдельными частями соединяться с его армией, одновременно часть своих сил он бросил на Потсдам и подошел к городу вплотную. 25 апреля к нему снова прибыл Кейтель с уже паническим приказом: сегодня же взять Потсдам и связаться со ставкой в бункере.

С небольшой моторизованной группой Венк сумел прорваться в город, чтобы установить связь с рейхсканцелярией. По-видимому, 28 апреля ему это сделать удалось; отсюда и та отчаянная надежда Гитлера на спасение, которая, при незнании этих обстоятельств, казалась нам каким-то психозом. Однако ни 29-го, ни 30 апреля связи с Венком не было — об этом свидетельствует постоянно рвущийся из бункера вопрос: «Где Венк?! Где Венк?..».

Дальнейшая судьба обитателей бункера — отдельная история.

Гитлера уже нет в живых, а Венк все еще держится. Главной его задачей теперь было — дать бежавшему от советского наступления гражданскому населению уйти как можно дальше на запад, а также помогать прорываться своим из 9-й армии. Затем, в начале мая, Венк, собрав все силы, вместе с беженцами аккуратно переправился через Эльбу и 7 мая сдался американцам.

После войны Вальтер Венк проживет еще 37 лет. Служить он больше никогда не будет. Хотя еще не раз испытает на себе давление приказа — «вечного приказа» немецкому солдату снова встать в строй.

Почему?

«Мы все морщились от еврейских погромов, от слухов о

жестоком обращении с русскими военнопленными и депортациях… морщились и… выполняли приказ. <…> Ты права, приказ-не оправдание. <…> Ни приказа, ни оправдания теперь в моей жизни нет. Но есть ощущение мерзости, оттого что… — писал Вальтер Венк Маргарите Гесс (письмо от 22 июня 1950 г.), — оттого что меня никто не обвиняет. Меня нет ни в одном из списков. Даже русские на меня плюнули. На кой черт я им сдался?! А на кой черт я сдался сам себе?! <…> Помню, в детстве, в кадетском корпусе, за что-то был наказан весь наш взвод — все, кроме меня. Худшее наказание трудно себе вообразить. От унижения меня тошнило…»

Еще тридцать семь лет с ощущением мерзости и тошноты? Но это уже другая история.

Лей

…Он был серьезным ученым, экономистом, знатоком международного права, виртуозным пианистом и скрипачом, ценителем искусства, дружившим с артистической богемой двадцатых и тридцатых годов — от Элюара до Дали… А еще он был оратором и, обращаясь к многотысячной толпе, мог произнести такие вот, к примеру, фразы: «Уличный дворник одним взмахом метлы сметает в сточную канаву миллионы микробов. Ученый же гордится тем, что открыл одного единственного микроба за всю жизнь».

Он всегда вел себя как хотел: венчался с одной женщиной, а в мэрии расписывался с другой, спокойно курил на совещаниях, выдыхая дым в нос Гитлеру, смертельно боявшемуся рака горла, устраивал бешеную гонку за рулем автомобиля, в котором сидела чета Виндзоров, открыто дружил с евреями, мог, бросив все дела, улететь с очередной любовницей в Венецию на карнавал…

А в это время по радио, на весь рейх, звучал его голос, с особой, точно гвозди вколачивающей интонацией: «Человек должен признавать авторитет!.. Ни раса, ни кровь сами по себе не создают общности. Общность без авторитета немыслима…. Авторитет абсолютен! Авторитет — гармония! Авторитет — идеал!».

Сказать, что он был лицемером, значит не сказать ничего. Он был сутью режима, его сердцевиной, плотской спайкой меж двух слов — национал и социализм.

Гитлер говорил: «Народ — та же баба, которую нужно уметь взять (здесь фюрер употребил более выразительное слово). Нашему Роберту это всегда удавалось».

Роберту Лею действительно удавалось многое. Например, оставить без места в партии фактического ее основателя — Грегора Штрассера, и стать начальником организационного отдела НСДАП. Позже в считанные дни мая 1933 года так заболтать и запугать профсоюзных лидеров, что они почти все поддержали роспуск профессиональных союзов и образование Трудового фронта с ним, Леем, во главе. «Операция», как называл это мероприятие Гитлер, была проведена очень быстро, а главное — без лишнего шума. 30 апреля все здания профсоюзных комитетов оказались увешанными красными партийными флагами. Красный цвет — международный символ социализма — прежде всего бросался в глаза рабочим. Что из того, что в середине флагов был белый круг (националистические идеалы) и

черная свастика (торжество арийской расы)?! Как позже признавались рабочие одного из заводов Боша, «красный цвет застилал нам глаза». Под флагами повсеместно висели листовки с «обещаниями» фюрера своим рабочим: два десятка пунктов, в том числе, например, обещание сделать 1 мая общенациональным праздником немецких трудящихся и оплаченным выходным днем. Об этом Лей особо договорился с теми же Бошем, Круппом и остальными, но рабочие об этом, конечно, не могли тогда знать. А уже 1 мая гауляйтер Берлина Геббельс организовал первое «общенациональное» празднование с парадом и митингом на аэродроме Темпельхоф, во время которого был использован такой эффект: свет на всем стадионе отключили и Гитлер остался один в ярких лучах мощных прожекторов. Именно там фюрер и произнес ключевую фразу — об окончании классовой борьбы и провозгласил девиз: «Немец, почитай труд и уважай рабочего».

Лея в это время на трибуне не было. Будущий руководитель самой массовой организации рейха занимался куда более серьезным делом — профсоюзными кассами и фондами, конфискация которых уже шла по всей Германии. По форме это был чистый грабеж с применением вооруженных подразделений СА и СС, но… Процитирую на этот раз Геринга, высказавшегося хотя и по другому поводу, но очень подходяще для данной ситуации: «В паре с законом все законно».

И все-таки… Снова и снова сам собой встает навязчивый и прямой вопрос — почему они победили? Как сумели в считаные годы (если не месяцы) так изнасиловать самый стойкий, грамотный, решительный и разочарованный рабочий класс в мире, что он совершенно отдался их воле?! Много и нагло обещали? Но кто не обещал? Заигрывали, «потрафляли вкусам»? А какая партия этим не занимается? Грубо давили и запугивали? Все не без того же греха. А ведь этих «всех» тогда в политике крутилась сотня: партии-гиганты, вроде социал-демократов со своей историей, традициями, и партии-карлики, вроде той, из которой выросла и сама НСДАП, и партии средней руки, десятилетиями стойко державшие «свой» электорат…

Возьму на себя смелость предложить следующий, отчасти парадоксальный ответ. Все политические партии начала двадцатого века так или иначе вышли из чрева века девятнадцатого, были завернуты в пеленки традиций, прикармливались принципами из детских диет-уставов, тогда как НСДАП — это дитя… нет — не века двадцатого, НСДАП есть порожденье будущего «сознания катастроф» начала третьего тысячелетия.

Современных террористов порой называют «инопланетянами». Похоже, что фюреры НСДАП тоже казались своего рода пришельцами некоторым политикам того времени. Вспомним растерянность перед Гитлером «мюнхенских договорщиков» (Чемберлена, Даладье); вспомним обморок президента Чехословакии Бенеша, когда Геринг сказал ему буквально следующее: «Я спасу от вас Прагу тем, что своими бомбами сотру ее с лица земли…». А вот что говорил рабочим активистам-агитаторам Роберт Лей:

«Рабочий класс Германии нуждается в такой встряске, от которой у него вылетят не только все зубы, но и мозги. Эта встряска — война. Немецкий рабочий умрет, чтобы возродиться. Из пепла восстанет рабочий-властелин. Чтобы править миром, нужно иметь очень много мозгов — столько природа вам не отпустила, но чтобы все-таки им править, можно и не иметь мозгов, заменив их силой».

А дальше совсем просто:

«Вы должны понимать, что именно мы сделаем. Мы дадим рабочему многое не для того, чтобы он этим пользовался, а для того, чтобы получить от него безграничную веру. Дав безграничную веру, мы и дадим рабочему всё».

Это не были фразы, вызывающие оторопь мысли. Это были методы (к счастью для человечества — лишь первые пробы), вызывающие паралич воли (хорошо, что временный). Я думаю, фюреры тогда победили, потому что сумели застать врасплох.

Через два года, в 1935-м, Лей на весь мир (и в пику Сталину, говорившему об обострении классовых противоречий в СССР) объявил, что в Германии уже и де-факто отсутствует классовая борьба, и начал усиленно строить социализм при набирающей обороты военной машине: повышать зарплату, возводить кварталы новостроек, посылать рабочих в отпуск за границу, обеспечивать бесплатное образование и медицину. Нельзя сказать, что ему это давалось легко: приходилось постоянно конфликтовать с Герингом, Гейдрихом, позже-Шпеером, желавшим наложить лапы на богатую казну Трудового фронта. Но Лей умел давать им отпор; он постоянно и демонстративно, а главное, публично подчеркивал, что борется за реальные блага для рабочего класса, а также и — за его спокойное и хорошо обеспеченное будущее.

Любопытен отрывок из переписки Лея с Альбрехтом Хаусхофером по поводу немецкого социализма. Хаусхофер, прекрасно осведомленный о завоевательных планах Гитлера, понимающий, с кем имеет дело, пишет, что «социализм — не социализм, если он только средство». Лей с ним соглашается, но

добавляет, что будет «делать свое дело» несмотря на все «противоречия».

«Мы жили тогда как в раю, — вспоминала в шестидесятых годах бывшая работница завода концерна Боша Клара Шпер. — Отец получил новенький «Фольксваген». Мы переехали в большую квартиру, где у нас с сестрой была своя комната с балконом, на котором сестра развела настоящий цветник из карликовых роз… Мама каждый вечер перед сном крестилась на портрет фюрера, висевший у нас над радиоприемником. А просыпаясь по утрам, мы улыбались нашему рабочему вождю, фотографию которого принес с завода отец. Как мы его любили!»

Девочка Клара, конечно, не догадывалась, как любил и ее, и весь рабочий класс сам трудовой вождь!

«Я занимаюсь скучной работой — внушаю недоумкам, что они соль земли, раса господ, будущие властелины мира!.. — разоткровенничался однажды Роберт Лей в письме к Альбрехту Хаусхоферу (от 19 апреля 1935 г.). — Наши такие же тупицы, как остальные. Главное было дать им работу… Наш рабочий, пока он работает, внушаем и управляем, как прыщавый подросток. Он наденет военную форму, даже не заметив, будучи уверен, что его просто переставили на другое место на конвейере общенационального труда».

Если сравнить это высказывание с приведенным выше о «рабочем-властелине», то возникает ощущение, что этот «теоретик» просто зарапортовался. Ведь все-таки он предлагал «заменить силой» мозги, а не безмозглость!

Когда милитаризация экономики начала отсасывать все больше средств из казны Трудового фронта и социальные программы пришлось сворачивать, Гитлер, боявшийся серьезного недовольства со стороны рабочих, говорил Лею: «Поддержите их, Роберт, поддержите еще немного… Без кавказской нефти и украинского хлеба мне вас по-настоящему поддержать нечем».

В ответ Лей, сам не расставшийся с бутылкой, объявил первую в мире общегосударственную кампанию по борьбе с пьянством, для «экономии семейного бюджета». А «сэкономленные» за год этой кампании, горячо поддержанной, особенно немецкими женщинами, алкогольные напитки потом, в годы войны, пошли на фронт для поддержания боевого духа немецких солдат.

Где та степень цинизма, что, подобно концентрации яда в крови, может стать для организма смертельной, даже — для организма политика?!

Роберт Лей родился в 1895 году в семье, как он всюду говорил, «бедных крестьян», на самом деле — крупных рейнских землевладельцев. Учился в университетах Йены, Бонна и Мюнстера. В первые дни войны добровольцем вступил в армию. Летчик, лейтенант, кавалер Железного креста. В 1918 году на два года — французский плен. С 1921-го по 1925-й — нормальная жизнь: научная работа, счастливый брак, рождение детей. Всего четыре года. В 1925-м он становится членом НСДАП, сразу заняв должность гауляйтера земли Рейнланд.

С тех пор Гитлер ездил в Кёльн, как на «гастроли в Америку», поскольку Лей сумел разжечь «адский интерес» к «баварскому выскочке» в салонах богатых рейнских промышленников (и особенно — у их жен), и те выкладывали по 300–500 марок за посещение его выступлений. Если партийный казначей Шварц говорил: «Мой фюрер, вам пора съездить в Кёльн», — это означало, что партийная казна настолько истощилась, что следует ее быстро пополнить.

В конце 1925 года на конференции партийных руководителей Северных земель — той самой, где Геббельс громогласно требовал исключения из партии «мелкого буржуа Адольфа Гитлера», Роберт Лей единственным выступил в поддержку фюрера, перекричав Геббельса и объявив собрание неправомочным. Гитлер это запомнил. Обоим.

Карьерный рост Лея в партии был весьма стремительным. В 1932 году он начальник организационного отдела НСДАП; с 1933 — фюрер Трудового фронта.

Гитлер постоянно предлагал своему «самому великому идеалисту» множество постов и должностей. В сороковом, например, — пост министра вооружений. Лей тогда переживал семейную драму и, возможно, поэтому отказался, рекомендовав вместо себя Шпеера. Фюрер предлагал ему взять на себя и обеспечение экономики «рабской силой», сгоняемой в рейх со всей Европы. Лей снова отказался, на этот раз в своеобразной форме: попросил Гиммлера организовать ему арест и отправку в концлагерь, чтобы «на собственной шкуре подсчитать КПД от принудительного труда». Гиммлер организовал! Лей двое суток таскал валуны из болота, выстаивал на аппельплаце и совершал ночные пробежки под дождем и плевками охранников. И пришел к выводу, что рабский труд «не производителен».

Рабами занялся Заукель; Лей же, «выйдя на свободу», составил для Гитлера подробную записку по способам и методам разжигания «гражданской войны среди евреев», объяснив, что именно эти мысли посетили его, когда он лежал на нарах. В нем всегда словно бы жили два человека: один — действующий,

второй — чувствующий. Этот второй порой корчился от боли, почти умирал… Но никогда не мешал первому. Первый же обращался со вторым, как деспотичный и удачливый старший брат с младшим неудачливым недоумком.

Занимался Лей и проблемами образования, например, придумал «школы Адольфа Гитлера» и так называемые «Рыцарские замки» — особые учебные заведения для выращивания нацистской элиты. Хорошо известно его высказывание о том, что начинать надо с трехлетних детей и, как только ребенок научится думать, давать ему в руки флажок, а «потом — школа, Гитлерюгенд, штурмовой отряд, служба в армии… Человек попадает к нам в обработку, сам того не понимая, и, когда он проходит через все эти стадии, его берет Трудовой фронт и не отпускает до самой могилы, хочет он этого или нет».

В конце тридцатых трехлетние дети в Германии уже могли прогуливаться в форме и тянуть ручонки в нацистском приветствии. Пятилетние ходили строем и выкрикивали лозунги, как того требовал устав.

Устав для «Орденсбурген» («Рыцарских замков») — высшей категории нацистских школ — Лей писал сам.

Рекомендовалось ежедневно большую часть учебного времени заниматься верховой ездой, поскольку это «укрепляет и поддерживает в молодом человеке ощущения полного господства над живым существом».

Для университетов у него были предусмотрены свои методы. Немецкая система образования ведь была и оставалась тогда лучшей в мире. В Германию веками ездили учиться самые передовые представители дворянства, а позже и разночинцы. Математическая и философская школы дали человечеству непревзойденные и поныне образцы полета и точности работы человеческой мысли. Все это намеревались разрушить, и как можно скорее: Германии нужны солдаты. «Поменьше часов в аудиториях, побольше — на воздухе», — требовал для студентов Лей.

Напомним, что автор новой организации учебного процесса в высшей школе Германии для обучения собственных детей, живших тогда с матерью в Париже, приглашал профессоров из Итона.

Личная жизнь Лея — отдельный разговор, материал для романов. Легион любовниц был отставлен и забыт, когда в сорок лет он познакомился с двадцатилетней сестрой Рудольфа Гесса Маргаритой, выросшей в Александрии, где у Гессов была процветающая торгово-экспортная фирма.

Их соединяло все — страстное, с годами не остывающее чувство, абсолютная преданность друг другу, равенство интеллектов, круг общения, дети, наконец. Всё, кроме убеждений. Он оставался душой национал-социализма; она — коммунистом в душе.

В 1938 году, после так называемой «Хрустальной ночи», Маргарита, как ей казалось, окончательно ушла от мужа и уехала с детьми в США. В том же году Лей снова женился. Будучи обвенчан с Маргаритой по протестантскому обряду (их брак не был тайной лишь для узкого круга посвященных), теперь он просто поставил свою подпись в берлинском муниципалитете рядом с подписью девятнадцатилетней девушки по имени Инга. Бедняжка выдержала всего пять лет брака с ним и в 1943 году покончила с собой.

На ее похоронах Гитлер, видимо, желая утешить соратника, показал ему предсмертное письмо Инги, оставленное именно ему, Гитлеру, в котором она просила фюрера сделать все, чтобы вернуть ее «бесконечно любимому Роберту его бесконечно любимую Маргариту».

Этот риторический вопрос, по-видимому, так навсегда и останется риторическим — почему, о Господи, ну почему умные и прекрасные женщины так любят негодяев?!

Маргарита вернулась в Германию в мае 45-го года, когда Третьего рейха больше не существовало, а ее муж и брат были объявлены военными преступниками.

Последние месяцы жизни Роберта Лея — тоже материал для романа, причем авантюрно-детективного. Ему и Борману, как самым верным, единственным не изменившим ближайшим соратникам, Гитлер оставил все шифры и коды альпийских шахт — тайну золота НСДАП. Борман погиб (это позже расплодились версии о его счастливом бегстве в Латинскую Америку, а тогда его смерть не вызывала сомнений), и единственным хранителем «золотой тайны» оставался Роберт Лей, о чем пронюхали американцы. Уже в Нюрнберге был разработан план по вызволению из тюрьмы заключенного № 4 (под первыми тремя номерами в списке обвинения проходили Геринг, Гесс и Риббентроп). План имел кодовое название «Фариа» (вспомним роман Дюма «Граф Монте-Кристо»), Информация об этом частично дошла до нас благодаря соперничеству американской и британской разведок, вынужденных затем предоставить друг другу расшифровки своих «прослушек», которыми были оборудованы некоторые тюремные камеры. Кое-что позже передал Маргарите работавший с заключенными американский психолог

Гилберт.

Среди бумаг оказалось и одно из последних писем. Оно было потом воспроизведено по памяти дочерью Лея, профессиональной переводчицей и журналисткой. А недавно удалось обнаружить и подлинник. Приводим его полностью.

> Я не уверен, что смогу передавать тебе записки таким же образом. Завтра нам, по-видимому, предъявят обвинительное заключение, и условия ужесточатся. Поэтому хочу кое-что объяснить. Не волнуйся, — я совершенно здоров, и в тюремный госпиталь меня таскают напрасно. Но им я не могу ничего сказать, а тебе попытаюсь. Со мной тут произошел казус — я впервые в жизни пожалел себя. Но казус даже не в этом, а в том, что эта жалость вдруг взяла и умножилась… в сотни тысяч раз. Это было как удар, и я самым пошлым образом грохнулся в обморок, да еще в присутствии Гилберта. В сотни тысяч, миллионы раз… Понимаешь, откуда эта «арифметика»?.. К убийцам всегда являются их жертвы… Я никого не убивал. Но я знал. Этого оказалось довольно.
>
> Сам не верю, что со мной такое произошло. Но так я и попал в госпиталь в первый раз. А дальше еще нелепее. Стали сниться сны: как будто я не я, а какой-то старик, которого гонят пинками, а он не понимает — за что, куда? А то я — целая толпа полуголых, но еще надеющихся… Сердце выделывает такие номера, что меня в очередной раз тащат в госпиталь, делают бесконечные уколы. Одним словом — полная капитуляция арийского духа! Или кто-то сходит с ума. Политик? Идеология? Забавный вопрос.
>
> А еще забавней, что я этим бредом хотел успокоить тебя по поводу своего здоровья. А может быть, и успокоил… по поводу гипотетического выздоровления души? Прости за самое нелепое из всех писем. Но ты поймешь.
>
> Р. 19 октября 1945 года

Комментировать это письмо нет смысла.

Лей покончил с собой 20 октября 1945 года. Он повесился в душевой комнате нюрнбергской тюрьмы, скрутив жгутом полотенце, которое охранник по рассеянности оставил в его камере. Возможно, сыграли свою роль и те препараты, которые начали давать ему американцы по плану «Фариа», чтобы погрузить Лея в состояние анабиоза и вынести его из тюрьмы под

носом у союзников. Возможно, сыграла свою роль непримиримая позиция Маргариты с ее твердым «гессовским» характером, любящей и страдающей, но считавшей мужа глубоко виновным в произошедшем с Германией.

Возможно, в петлю Лея толкнул и стыд, о чем он упомянул в предсмертной записке: «…Я больше не в состоянии выносить чувство стыда». Какого качества был этот стыд? Трудно сказать. В раскаянье поверить еще труднее.

Вот отрывок из письма Роберта Лея жене от 7 февраля 1938 года (перевод автора). Возможно, он что-то объясняет.

> …И это повторяется вновь и вновь. Опять ты, как школьная учительница, ходишь с линейкой и прикладываешь — тут короче принципа, тут у же, а тут так грязно и темно, что делений не видно. Грета, я не хочу жить в вымеренном мире!.. Чего же хочешь ты? В Австралию? Чтобы наши дети видели меня в белых штанах на корте или в смокинге среди праздных болтунов?! Или вообще в халате с газетой, в которой пишут о том, как меняется мир за шторами?! Пойми, устойчивое развитие исчерпало себя! Я еще помню ту жизнь. Потому и люблю эту! С толпами, парадами и трибунами! С ложью и мечтами, с проклятиями, с обожанием! С бешеным ритмом, с хаосом! Даже со своей усталостью и вечно повышенной температурой. Я люблю все это. А ты… любишь меня. Ты, умная, чистая… идеал Женщины… любишь меня таким. А потому стать иным, примеривать на себя роли с меньшим количеством слов, выходов на авансцену, или вообще оставаться за сценой, когда на ней идет величайшее в истории действо, мне будет уже непереносимо, убийственно стыдно.

Для сравнения приведу еще отрывок из публичного выступления Роберта Лея перед рабочими, то есть — из тех самых «слов со сцены», на сокращение количества которых он не желал соглашаться: «Моя жизнь, мой ум и нервы всецело принадлежат двоим: моему фюреру и вам! <…> Я только невидимая деталь в общем механизме великого государства, призванного обеспечить вам счастливую жизнь. <…> Когда общий механизм сможет работать без этой детали, я сам выброшу себя на свалку металлолома на заводском дворе…».

«Лицемерие политиков есть лицемерие высшей пробы». Думаете, это автор так отзывается о Роберте Лее? Нет, это сам Роберт Лей — о Чемберлене и Даладье!..

Любопытная деталь. В современной Германии наглухо

забыли таких «популярных» у нас персонажей, как, к примеру, Мюллер или Кальтенбруннер. И действительно — зачем немцам помнить этих убийц?! А вот Лея немцы помнят. Немцы ведь любили свой социализм. Они любили и человека, который его олицетворял. Они еще долго помнили его в послевоенные годы. Пока не узнали правду.

И они… устыдились своего «рабочего вождя». Как устыдились и своего национал-социализма, за который кровью заплатил весь мир.

Геббельс

Фауст. *Жить без размаху? Никогда!*
Не пристрастился б я к лопате,
К покою, к узости понятий…
Мефистофель. *Вот, значит, в ведьме и нужда!*

Гёте. Фауст

О Геббельсе известно много, да и сам он, будучи среди фюреров Третьего рейха самым говорливым, был одновременно и довольно писуч — оставил не только речи, статьи, пьесы, стихи и прозу, но и письма, записки, дневники. Не оставил только воспоминаний — не успел.

Для интересующихся этой личностью можно порекомендовать трех его биографов: Е. Брамштеде, Г. Френкеля и Р. Манвелла. У нас выходила их книга «Йозеф Геббельс. Мефистофель усмехается из прошлого». Книга информативная, подробная, хотя общий тон повествования может раздражать своей сдержанностью. В ней имеется ряд неточностей и ошибок, связанных с той документальной базой, на которую опирались биографы в период работы. С тех пор открылись новые источники информации по истории Третьего рейха, и появилась возможность заполнять «белые пятна» не догадками и версиями, а фактическим материалом.

Чем интересен Геббельс? Своей схожестью со всеми неудачниками в той или иной профессии, которые рвутся в «большую политику», чтобы мстить всем и каждому за собственную несостоятельность? Своим гипертрофированным эгоизмом, подменяющим любовь к другу, ребенку, женщине — любовью к нации или человечеству? Своими «изобретениями», которым так радуется дьявол, например — методом «поэтической правды», которым (забывая поблагодарить изобретателя) широко пользуются современные политики и журналисты?

Ноу-хау Геббельса настолько сделалось нормой, хорошим тоном у этих господ в наши дни, что иногда кажется, что Геббельс изобрел не метод, а вычленил и слепил новую профессию, которая до него существовала лишь в качестве вкраплений в другие специальности. Приведу три примера.

Первый. «Наши враги утверждают, что солдаты фюрера прошли по всем странам Европы как завоеватели; на это мы

можем сказать: везде, где бы они ни появлялись, они несли с собой счастье и благополучие, порядок, спокойствие, общественную гармонию, изобилие, работу и достойную жизнь». *(Из выступления по радио 19 апреля 1945 г.)*[4].

«Ну наглец! Вот свинья!» — возмутимся мы дружно.

Пример второй. «Большевики говорят, что их войска приходят в эти страны как освободители; но везде, где они оказываются, воцаряются бедность и страдания, разорение, хаос и разруха, безработица, голод и болезни, и провозглашенная свобода оборачивается жалким прозябанием, подобным жизни отсталых племен в глубинах Африки, где не знают, что такое жизнь, достойная человека».

Прочитали. Прислушались. Хор возмущенных голосов сильно поредел, не правда ли? А если бы удалось забыть об авторе, разве не кивнули бы многие из нас?

И третий. «Всегда будет править меньшинство, оставляя толпе только один выбор: жить под властью диктатуры смелых или вырождаться при демократии трусов».

«Нет, все-таки, свинья! Что ты понимаешь в демократии?! Сколько ни спотыкайся человечество о таких подонков, как ты и твой фюрер, другого пути у него все равно нет!..» — воскликнут те, что согласились бы со вторым изречением. Если бы, повторяю, забыли, кто это сказал. Те же, кто на втором высказывании вознегодовал, на третьем, пожалуй, вздохнут и согласятся.

Вот так — вместо того чтобы думать, мы в очередной раз начинаем ругаться или кивать. Так вместо общественной дискуссии начинается общественный распад, возводятся баррикады, летят камни… А Геббельс подмигивает из прошлого и еще добавляет: «Либерализм — это вера в деньги, а социализм — это вера в труд!».

Кто согласится, кто возмутится… Нам уже наплевать на Геббельса, мы знать не желаем, по какому поводу, в каких исторических обстоятельствах он это говорил, — у нас своя боль, свои сомнения. Чтобы их выразить, нужно формулировать. А это трудно и… и некогда. А Геббельсы тут как тут. Перекрасились или облысели, вымахали под два метра или отрастили пузо, переоделись, конечно, и снова на боевом посту: формулируют за нас — наше. И многим сумеют навязать свое.

Вот это я и называю новой профессией, которую породил Геббельс. Работа по словесному выражению чужих (то есть наших) мыслей, переживаний, опыта и боли. И если в Третьем рейхе было всего три-четыре таких «профессионала», то сейчас их, по-моему, наберется по нескольку десятков во многих традиционных профессиях. Насобачившись формулировать, они

становятся так называемыми публичными людьми, и — вперед, в большую политику или, по крайней мере, — к большой политической кормушке.

> …Я мучился — отчего меня не публикуют… Теперь, перечитывая свои опусы молодых лет, я понимаю, что не умел выразить себя, чересчур сложного и многостороннего, — пришлось бы пойти на упрощение… Но абсолютное большинство людей просты, даже примитивны. Выражать их мысли и чувства мне не составляет труда, они же благодарны мне за эту работу, за которую платят мне щедро — доверием. <…> Я оставил свои потуги заниматься писательством, бросил все амбиции банковского служащего и прочее. Я сделался голосом моей страдающей нации — голосом, которому вполне хватает моего тщедушного изувеченного тела… А поскольку «женщины любят ушами», как сказал кто-то из древних, ты сумеешь довольствоваться им… я тебе это докажу.

Это отрывок из письма Геббельса Магде Квандт от 23 апреля 1930 года. В ту весну Геббельс усиленно ухаживал за колеблющейся Магдой, засыпал ее письмами, в которых помимо объяснений в любви можно встретить и такие вот неожиданные вроде бы откровения. Но ничего неожиданного — просто жизненная программа, которую он реализует.

Одно замечание: полностью свои «потуги» заниматься писательством Геббельс так и не бросил. Мне даже удалось перевести в рифму несколько его стихотворений. Приведу здесь только одно, написанное им в 1918 году, а затем воспроизведенное на одной из светских вечеринок в 1938-м, якобы только что родившееся и посвященное жене Магде. Кстати, называется оно «Хрустальная ночь».

Этой ночи мерцанье
Я невольно услышал,
Как осколки Посланья,
Что ниспослано свыше.

Я сложить их не в силах.
Угасает мерцанье…
В темной ночи Желанья
Гаснет Неба Посланье…

Магда Геббельс, слишком хорошо знавшая своего Йозефа, тут же, на ухо, так прокомментировала это Эльзе Гесс: «И в двадцать лет был таким же х…».

Геббельс все-таки продолжал писать стихи, по крайней мере, до 1940 года. Более поздней даты я не видела. В основном это были рифмованные объяснения в любви. По посвящениям, которые он делал перед стихотворениями, и датам можно последовательно восстановить все имена его пассий.

Отслеживая поэтапно всю жизнь и деятельность этого человека, ясно видишь, как логично все в них развивается, как каждый новый этап вырастает из предшествующего. Однако если пойти в обратном направлении и дойти до конца, то есть до детства, то только плечами пожмешь и усомнишься: а ко всем ли относится утверждение о том, что все в человеке закладывается в первые ранние годы — и пороки, и добродетели его?

Можно сказать совершенно определенно — Йозефа в детстве любили. Его отец Фридрих Геббельс, служащий небольшой фирмы по производству газовых фонарей, был человеком покладистым, заботливым. Если вспомнить отцов других будущих вождей, например, отца Гитлера, который колотил сына так, что мать всякий раз опасалась за жизнь мальчика, или — Гиммлера, испытывавшего со стороны отца полное отчуждение, или Бормана, выросшего с занудой-отчимом, — то Геббельс, можно сказать, купался в отцовской любви. Мать, Катарина Мария, уроженка Голландии, не просто любила сына, как любила остальных своих сыновей и дочерей, — она за него боялась.

В раннем детстве Йозеф переболел полиомиелитом (сама его болезнь была кошмаром для родителей), и в результате болезни правая нога стала на 10 сантиметров короче левой, к тому же мальчик плохо рос. В семье был своего рода культ Есички (семейное прозвище Йозефа): отец и мать всегда держали его в поле зрения, следили за настроением; старшие братья — Ганс и Конрад, рослые крепкие парни, нещадно колотили всякого, кто только посмел косо взглянуть на их Йозефа; от него же самого покорно сносили любые притеснения. Но Йозеф отнюдь не сделался семейным тираном; за добро он платил добром и всю последующую жизнь заботился о своих родных, особенно о матери, способствовал карьере братьев.

Семья всегда была и до конца оставалась его опорой, и часто, когда жизнь в очередной раз давала ему пощечину, он находил утешение именно у матери. В детстве он был большой рева, и в те годы, как он сам вспоминал, мать, стараясь утешить его, обычно говорила: «Не плачь, мой маленький, все у тебя в жизни будет

лучше, чем у всех». Когда он подрос, мать в этой фразе изменила одно слово. «Изменение было существенным», — писал по этому поводу Геббельс Магде. Когда в 1921 году его первый роман «Михаэль» был дружно отвергнут шестью боннскими издательствами, он приехал в родной Рейдт «грустный и недовольный», мать, так же целуя его, повторяла: «Не плачь, мой маленький, что-нибудь у тебя в жизни будет лучше, чем у всех». «Я тогда понял, что хотя бы мать верит в меня, — писал Геббельс. — Боже мой!.. Да если хотя бы одна женщина в мире в тебя верит, ты победишь!..»

Возможно, первые по-настоящему недобрые чувства к окружающему миру молодой Геббельс начал испытывать в студенческие годы (он слушал курсы в семи университетах). «… Тогда я был парией… не потому, что я меньше работал или был не так умен, как другие, а потому, что у меня не было денег, которых у других было полно, и они их тратили, не считая…»

Геббельс уже тогда начал открыто возмущаться социальной несправедливостью, он сделался убежденным социалистом, он, как сам пишет, «сострадал». Но кому — рывшимся на помойках нищим, изможденным рабочим, выкинутым хозяевами с заводов в годы депрессии, мимо которых он, студент, проходил, «ускоряя шаг и не глядя», или — самому себе, не имеющему возможность «ни посетить театр, ни выпить лишнюю кружку пива»?!

Йозеф Геббельс, безусловно, относился к той части человечества, чьи приоритеты лежат в духовной области. Если бы они лежали в области материальной, он бы занялся зарабатыванием денег и, конечно, преуспел бы; например, в «Дрезднер банке», где некоторое время работал. Но Геббельс рано понял, что зарабатывание денег — это судьба, в рамки которой он, со всем своим неуемным честолюбием, своими метаниями и разнообразными способностями не вместится.

Поначалу Геббельс усиленно пробовал себя в избранной профессии — филологии, но получал одни щелчки по носу, а то и оплеухи. И всю жизнь он не мог забыть, как им однажды пренебрегли в Гейдельбергском университете, где он слушал курс лекций известного историка германской литературы Фридриха Гундольфа. Профессор входил в элитарный кружок друзей и почитателей знаменитого поэта Стефана Георге, страстным поклонником которого был Геббельс. Понятно, как он мечтал быть введенным в этот избранный круг, сколько приложил усилий! Но профессор Гундольф не счел студента Геббельса достойным такой чести, видимо, не находя его перспективным и достаточно одаренным. Любопытная деталь: вместо Геббельса в кружок друзей поэта легко попали другие: Клаус фон

Штауффенберг, тот самый — герой покушения на Гитлера в 1944-м, а также — будущий вождь гитлерюгенда Бальдур фон Ширах…

Получив степень доктора философии, Геббельс, в сущности, не знал, куда ему деваться. Попробовал пробиться в журналистику — написал и послал сорок восемь (!) статей в крупную газету «Берлинер тагеблатт». Но редакторы сочли все статьи «суетливыми и чересчур антисемитскими», и автора на работу не приняли. Потом были новые пробы, поиски и неудачи, пока наконец, будучи секретарем одного из депутатов рейхстага, Геббельс в 1923 году не познакомился с братьями Штрассерами, и Грегор Штрассер (фактический основатель «первой версии» НСДАП) взял его на должность заместителя главного редактора своей издательской фирмы «Кампфферлаг» и одновременно своим личным секретарем. И еще интересная подробность: чтобы принять Геббельса на должность своего секретаря, Штрассеру пришлось снять с нее — кого бы вы думали? — Генриха Гиммлера как менее в этой области способного.

Штрассер первым разглядел в Геббельсе ораторские способности и всячески стимулировал его на этом поприще, постоянно прогоняя от стола «драть глотку на улицах»: от Гиммлера он этого добиться не сумел.

Наконец-то впервые в жизни Геббельс точно знал, что ему делать, а прочитав «Майн кампф», нашел для себя и некую «знаковую» личность — Адольфа Гитлера — до этого предмет своих постоянных размышлений и критики. В самом начале своей деятельности в НСДАП Геббельс по отношению к Гитлеру сильно «прокололся», говоря современным языком-активно выступил против Гитлера в его споре со Штрассером и даже потребовал на совещании гауляйтеров исключения из партии «мелкого буржуа Адольфа Гитлера». За этот демарш он потом всю оставшуюся жизнь расплачивался и окончательно реабилитировал себя лишь перед смертью, принеся фюреру в жертву не только себя и жену, но и своих шестерых детей.

В тот период Геббельс начинает периодически вести дневник, в котором больше рисовки, чем хроники и размышлений, а также составляет «Обидный словарь» — особый род геббельсовского творчества, содержащий разные прозвища, шуточки, забавные характеристики своих коллег и соратников по борьбе. Читая этот «словарь», понимаешь, как тяжело жилось тогда этому человечку и сколько в его маленьком теле скопилось яда. Иногда, по-видимому, чувствуя себя совсем уж отравленным, Геббельс как бы переводит дыхание и примиряется с миром: например, если в «словаре» Юлиус Штрейхер — «хрюкающий антисемит», то чуть позже, в дневнике — «Юлиус хотя бы честен, черт вас всех

подери!». Доктор Лей в «словаре» поначалу — «тупоголовый интриган» и «всерейнский е…рь» (приношу извинение за дословный перевод), потом — «рыцарь» и «якобинец», а в сорок четвертом снова впадает в немилость Йозефа и становится «специалистом по белым кроликам».

Борман же так и проходит у Геббельса «хитрожопым тупицей» аж до 1941 года (снова приношу извинения за вынужденную неэстетичность лексики, однако остальные характеристики, данные Геббельсом своим соратникам, еще более пошло-физиологичны).

Многие биографы Геббельса считают, что свои ранние дневники он писал, не надеясь на их публикацию, и поэтому нет причин сомневаться в их искренности. Но вот что он сам говорит о своих пристрастиях в области человеческих типажей: «Люблю людей неровных, страстно-непредсказуемых, романтично-циничных, беспокойных, все переворачивающих, людей, чьи души — огонь, чьи мысли — цунами, чей приход — революция». Таким он и предстает в своих ранних дневниках, чтобы хоть на бумаге себе нравиться. Но вот что говорит о нем в начале 1927 года один из его соратников — Вальтер Штеннес, командир С А в Восточной Германии. Гитлер тогда только что назначил Геббельса гауляйтером Берлина, таким образом превратив бывшего секретаря Штрассера в его соперника. Штеннес, начавший вплотную работать с новым гауляйтером, высказывается о Геббельсе так: «В жизни его едва видно… Это мышь, которая тянется, стоя на задних лапках и вынюхивая, но когда разверзает пасть — это тигр, рычащий и устрашающий, — и тут мы говорим: браво, маленький доктор!».

Это «браво» — прежде всего за то, что Геббельс умел убеждать. «Пусть сколько угодно говорят о том, что наша пропаганда — крикливая, грязная, скотская, что она нарушает все приличия, — плевать! Важно только одно — чтобы она вела к успеху!..»

«Как дела на «кухне»»? — по свидетельствам Функа и Ханке, любил подразнить Геббельса Роберт Лей в перерыве какого-нибудь партийного совещания, уже после прихода нацистов к власти. Или еще бывало так: заезжая по делам в Министерство пропаганды на Вильгельмплац в бывший дворец принца Фридриха-Леопольда, где в 1933 году расположился рейхсминистр пропаганды, Лей заходил, например, в отдел театров и весело вопрошал:

Что, малыши, у вас кипит?
Какой попахивает пищей?

Сотрудники в недоумении пялили глаза на грозного рейхсляйтера, и Геббельсу приходилось реагировать самому, так же шутливо, в тон:

Похлебкою для братьи нищей!
Да-а, тут у нас «широкий сбыт»!

Такие сцены, вроде этой из «кухни ведьмы» (из «Фауста» Гёте, запрещенного, между прочим, к преподаванию в университетах гитлеровской Германии! — *Е.С.)* в Министерстве пропаганды были не редкостью. Соратники обожали поддевать Геббельса всеми возможными способами. Сам Геббельс говорил, что ему завидуют, и тут я с ним согласна. На своем посту Геббельс сумел развернуться как никто широко. На его «кухне» варилась пропагандистская «похлебка» для всех нищих духом Германии, а позже — Австрии и ряда других оккупированных стран Европы.

Основные принципы: простота выражений, агрессивность тона (всегда только нападать), врагов называть сразу, побольше простых лозунгов, еще больше обещаний, разящие заголовки (часто несущие в себе смысл, обратный следующей далее информации, если она невыгодна) и повторы, повторы, повторы.

Фирменное блюдо Геббельса — это, конечно, общественное мнение. Чтобы его готовить, нужно хорошо знать ингредиенты, правильно их обрабатывать и составлять. «Еще Фридрих Великий не ленился заглядывать в суповые миски обывателей, — наставлял Геббельс своих сотрудников. — Вы же должны заглядывать в головы».

У пропагандиста одна цель, но множество орудий: от газет, радио, театра — до картинок на поздравительных открытках. И цензура, цензура, цензура.

А чтобы народ не чувствовал себя оторванным от большой политики, чтобы она перестала быть для масс терра инкогнита, «…почаще выводите массы на улицы, — инструктировал Геббельс своих сотрудников, — На митингах каждый должен иметь право голоса или возможность подписать обращение или петицию. <… > Так масса прочувствует свое участие в политике государства». И так далее, и тому подобное.

Вообще деятельность Геббельса на посту министра пропаганды требует отдельного подробного разговора. Требует особенно в том случае, если читатель хочет лучше понять, как с

ним самим работает современная пропаганда.

Вот только один конкретный пример, как доводилась до немцев информация о событии, запланированном как блистательная победа, а на деле — обернувшемся позорным поражением. Ведущая партийная газета «Фёлькишер беобахтер» так комментирует сражение под Москвой:

10 октября 1941 года. Огромными красными буквами: «Час великой победы пробил! Кампания на Востоке выиграна!». Но мы-то знаем, как самоотверженно и умело сражалась в эти дни на подступах к Москве 16-я армия Рокоссовского, как героически держали оборону на Волоколамском направлении воины 316-й дивизии Панфилова, как насмерть стояли москвичи-коммунисты добровольческих рот и батальонов!

И вот 11 октября «Фёлькишер беобахтер» снижает тон. И буквы от злости чернеют и ужимаются: «Прорыв на Востоке углубляется!».

12 октября: «Уничтожение советских армий почти закончено».

Как бы не так! Но едва ли большинство читателей обратило внимание на это кислое словечко «почти».

14 октября — заголовок, от которого все ждут победной окончательности, выглядит точно подернутым плесенью: «Операции на Востоке идут по плану».

15 октября — то же самое: «Операции на Востоке развиваются так, как и было предусмотрено».

В следующих номерах пойдут рассуждения о количестве пленных, о трудностях начавшейся зимы, о «русских дорогах»… В конце ноября Геббельс поучительно напишет: «Война — суровое испытание, а не увеселительная прогулка для солдат». Но простых немцев это еще не насторожит. И даже когда появится совсем уж наглое: «Спекуляции насчет даты окончательной победы абсурдны», — никто не возмутится: а не ты ли сам три с лишним месяца вколачивал нам в головы эту дату — 7 ноября 1941 года, которая будет ознаменована победным парадом на их Красной площади?!

«Никто» — конечно, понятие относительное, как и понятие «все». Всегда есть люди, умеющие читать между строк или хотя бы — все слова в строке, а главное — никому и никогда не позволяющие вместо себя формулировать. Я снова возвращаюсь к этой мысли в связи с одним инцидентом, случившимся на геббельсовской пропагандистской «кухне» в самом конце 1941 года. Одновременно с Гитлером, который после поражения под Москвой вышибал со своих постов опозорившихся генералов, Геббельс провел чистку и в своем пропагандистском аппарате. Он

выгнал агитаторов, посмевших импровизировать на собраниях и митингах, на ходу переделывая готовые формулировки, которые они обязаны были заучивать наизусть. Около четырех сотен кадровых агитаторов отправились на фронт с напутствием Геббельса: «Там вас научат выполнять приказ».

Во время войны геббельсовская активность нарастает как снежный ком. В прошлом остались все сомнения, порывы, семейные проблемы. Роман с чешской актрисой Бааровой (славянкой! — *Е.С.*), случившийся у Геббельса в 38-м году, обычно преподносят как причину осложнений его отношений с Гитлером.

Это, конечно, смешно. Чтобы так считать, нужно, по-моему, ничего не понимать ни в их отношениях, ни в отношениях политиков вообще.

Геббельс сам все объяснил в покаянном письме жене Магде (романчик-то был, и не один). Объяснил предмет, который хорошо знал, и — человеку, который его самого тоже знал отлично. «Фюрер вступил в полосу триумфов. Он стал меньше во мне нуждаться. Прежде Гесс «играл» его для партии, а я — для народа, пока он был королем. А теперь он император, бог! <…> Ничего, когда начнется полоса неудач, он еще обо мне вспомнит».

Когда начались неудачи, Гитлер не просто «вспомнил» о своем верном «маленьком докторе», он вцепился в него и его семью зубами и когтями и не выпускал до конца. Самой нелепой жертвой этой сцепки сделались шестеро детей Йозефа и Магды: Хельга (старшая, тринадцати лет), Хильда, Хельмут, Хольда, Хедда, Хейда (младшая, пяти лет).

Советские и американские офицеры присутствовали при похоронах этих детей (их тела длительное время находились в единственном оставшемся в Берлине морге). Из родственников была только их бабушка фрау Катарина Геббельс. Детей похоронили под девичьей фамилией матери Магды — Беренд. По воспоминаниям журналистки Джессики Редсдейл, мать Геббельса все сокрушалась: как же, мол, могла ее невестка дать загубить детей?! Ведь шесть внуков, шесть! А старшая-то, совсем взрослая девочка! Фрау Катарина, совсем забывшись, жаловалась советскому офицеру, что все это оттого, что у ее Есички «головка всегда была не тем занята».

Мать Геббельса переживет его на пять лет, но, похоже, так и не узнает, чем были заняты головы ее сына и остальных фюреров Третьего рейха.

И еще пример. К одному из бланков Министерства народного просвещения и пропаганды, изъятых в мае 1945 года, был подколот листок со следующим текстом из двух абзацев с

пометкой «от шефа» и датой — «24 сентября» (видимо, 1941 года. — *Е.С.*). Вот он:

«Русская литература, музыка, театр, кино, фольклор, вся славянская православная культура требуют не надзора, не обработки, а искоренения и перекапывания самой почвы под ними. <…> Какой труд, какая величественная задача! Полное уничтожение самой памяти о православных и иудейских заповедях и добродетелях, на которых стоит коммунистическая идея, можно осуществить лишь при полном физическом уничтожении носителей — сначала коммунистов-славян и коммунистов-евреев, затем — всех евреев и всех славян».

Видимо, это кто-то из местных руководителей сделал выписку из речи или инструкции своего шефа для внедрения в головы своих сотрудников. А ведь даже в конкретные планы «практика» Гиммлера на ближайшие двадцать пять лет уничтожение всех славян не входило. Но если слово было уже сказано, то… Дальше формулируйте сами.

Эйке

За свою недолгую жизнь Теодор Эйке создал:

1. Единую централизованную систему концлагерей довоенной Германии.

2. Единую универсальную систему физической и психологической обработки заключенных разных категорий.

3. Военизированные подразделения «Ваффен-СС» (войска СС) и самое «знаменитое» из них — танковую дивизию «Мертвая голова».

4. «Эйнзацгруппы» — для проведения карательных акций среди гражданского населения.

5. Прецедент физического уничтожения еврейских женщин с детьми «прямо с поезда». Расстрел возле готовых могил («братского рва») в лагере Маутхаузен (официально не являвшемся лагерем уничтожения. — *Е.С.)*.

6. Проскрипционные списки подлежащих уничтожению командиров-штурмовиков. Прецедент личной расправы с соратником по борьбе — «Ночь длинных ножей», когда он сам выстрелил в Эрнста Рема, а затем добил его ударами в голову.

7. «Кровное братство» солдат СС, основанное на отречении от веры и родственных отношений со своими семьями.

8. Репутацию «великого попрошайки» в деле материального обеспечения войск СС и репутацию «мясника» даже среди своих.

Эйке погиб на Украине в 1943 году. Его похоронили возле деревни Отдохнино со всеми воинскими почестями. Отступая, эсэсовцы хотели забрать с собой останки командира «Мертвой головы», но не успели.

В книге «Командиры Третьего рейха» есть такие строчки: «В обычае Советов было ровнять с землей захоронения бульдозерами или каким-либо другим способом осквернять могилы немецких солдат, и можно с уверенностью сказать, что с могилой Эйке произошло то же самое».

Читатель, ознакомившийся с восемью пунктами «созидательной» деятельности Теодора Эйке, может задать автору сердитый вопрос — а не «осквернить» ли таким же образом и память об этом человеке, сровняв ее с пустым белым листом?

Не думаю. Если на месте эсэсовских захоронений жители деревни Отдохнино (если, конечно, солдаты Эйке всех в ней не уничтожили, а саму деревню не сровняли с землей) разбили потом вишневые или яблоневые сады, то и память, любую память, необходимо окультуривать, не давать ей зарастать наглыми, агрессивными сорняками. Ведь если мы: славяне, евреи, цыгане —

вообще все те, чье будущее существование нацистская доктрина попросту не предусматривала, станем брезгливо оставлять в истории нацизма белые пятна и чистые листы, то для наших детей их шустро заполнят рассудительные заокеанские историки, земля которых не знала ни одного противотанкового или «братского» рва.

После гибели обергруппенфюрера СС Теодора Эйке Гитлер приказал увековечить его память, присвоив его имя одному из «панцергренадерских» полков. А Гиммлер и Кальтенбруннер высказывались в духе создания в СС культа Эйке, «давшего образцы» истинного мужества и служения национал-социализму.

Создание «культа» началось, по-видимому, в Вевельсбурге, средневековом замке, который Гиммлер со временем хотел видеть центром всех мистических и прочих ритуалов СС. К 1944 году в Вевельсбурге уже имелся и «круглый стол» с двенадцатью стульями для «рыцарей» СС, и алтарь для «чаши Грааля», и место «культа крови» (где происходили посвящения новых членов. — *Е.С.*) и т. д. А еще там была и постоянно пополнялась библиотека, в которую собирали жизнеописания «героев» СС и их «подвигов», причем не таких, как, например, геббельсовский Хорст Вессель (поэтишка, да еще и убитый евреем, тьфу!), но — подлинных, давших образцы торжества над противником и обстоятельствами, а также предложивших самые действенные методы воспитания «рыцарей» СС. Поскольку вевельсбургские архивы были уничтожены или уплыли в Южную Америку весной 1945 года, то мне придется приводить примеры по материалам учебных программ для «Орденсбурген» — высшего типа учебных заведения по подготовке нацистской элиты, в которых упоминается имя Эйке.

Внедряя беспрекословное подчинение среди заключенных концлагерей, Эйке требовал такой же абсолютной дисциплины и от своих солдат. Эти солдаты из подразделений «Мертвой головы» каждый месяц по три недели проводили в тренировочных лагерях, а неделю — «практиковались» на заключенных, выполняя функции охранников. Тех, кто не прошел такую практику, отчисляли в общие части СС (Альгемайне СС), однако «достойные» рвались в те полки, которые Эйке готовил для фронта.

Один солдат (имя не называется), уже отобранный для отправки в Польшу, буквально в последний день своего «дежурства» в качестве охранника в лагере Дахау дал заключенному закурить. За это он был отчислен из своего полка и переведен постоянным охранником в лагерь. Следующим приказом за тот же проступок солдат был отчислен из войск СС и

«переведен» в тот же лагерь в качестве заключенного.

Сам Эйке часто повторял, что не любит «болтать». Но вот любопытный и малоизвестный факт. В учебных материалах для «Орденсбурген» я нашла несколько своего рода «общих лекций», предназначенных, как было сказано, для «читки на открытом воздухе». Одна мне показалась странно знакомой, как будто эти жутковатые фразы я уже где-то видела. И где бы вы думали?! В материалах Нюрнбергского процесса в качестве документа была представлена речь Гиммлера, которую он произнес на совещании группенфюреров СС в Познани 4 октября 1943 года. Речь сама по себе достойна внимания, но удивило меня то, что Гиммлер, оказывается, был плагиатором, поскольку процентов тридцать позаимствовал из «общей лекции» для «рыцарей», подписанной Теодором Эйке.

Вот эта речь (документ ПС-1919/США-170). Привожу ее с несущественными сокращениями:

«Лишь один принцип должен безусловно существовать для члена СС: честными, порядочными, верными мы должны быть по отношению к представителям нашей собственной расы и ни к кому другому.

Меня ни в малейшей степени не интересует судьба русского или чеха. Мы возьмем от других наций ту кровь нашего типа, которую они смогут нам дать. Если в этом явится необходимость, мы будем отбирать у них детей и воспитывать их в нашей среде. *Живут ли другие народы в довольстве или они подыхают с голоду, интересует меня лишь постольку, поскольку они нужны нам как рабы для нашей культуры; в ином смысле это меня не интересует.*

Если десять тысяч русских баб упадут от изнеможения во время рытья противотанковых рвов, то это будет интересовать меня лишь в той мере, в какой будет готов этот противотанковый ров для Германии. Ясно, что мы никогда не будем жестокими и бесчеловечными, поскольку в этом нет необходимости. Мы, немцы, являемся единственными на свете людьми, которые прилично относятся к животным, поэтому мы будем прилично относиться и к этим людям-животным, но мы совершим преступление против своей собственной расы, если будем о них заботиться и прививать им идеалы, с тем чтобы нашим сыновьям и внукам было еще труднее с ними справиться. *Когда ко мне придет кто-нибудь из вас и скажет: «Я не могу рыть противотанковый ров силами детей или женщин. Это бесчеловечно, они от этого умирают», я вынужден буду ответить: «Ты являешься убийцей по отношению к своей собственной расе, так как, если противотанковый ров не будет вырыт, погибнут немецкие солдаты, а они сыновья немецких матерей. Они наша*

кровь».

Это как раз то, что я хотел бы внушить СС и, как я полагаю, внушил в качестве одного из самых священных законов будущего: предметом нашей заботы и наших обязанностей являются наш народ и наша раса, о них мы должны заботиться и думать, во имя них мы должны работать и бороться, и ни для чего другого. Все остальное нам безразлично.

Я хочу, чтобы СС именно с данной позиции относились к проблеме всех чужих, негерманских народов, и прежде всего к русскому. Все остальные соображения — мыльная пена, обман нашего собственного народа и препятствие к скорейшей победе в войне.

…Одно является в этой войне само собой разумеющимся: лучше, чтобы умирал русский, а не немец. Лучше всего, если вы будете использовать русских поодиночке, тогда вы можете ездить с ними в танках. Один русский с двумя или тремя немцами в танке — никакой опасности. Нельзя лишь допускать, чтобы один русский танкист встречался с другим русским танкистом, тогда эти парни войдут в сговор. <…> Кроме того, — это один из самых первых уроков, которые я вам давал, — следите за тем, чтобы они смотрели всегда на вас, смотрели всегда в глаза своему начальнику. Это так же, как у животного. Пока животное смотрит своему укротителю в глаза, оно не выйдет из повиновения.

Я также хочу поговорить здесь с вами со всей откровенностью об очень серьезном деле. Между собой мы будем говорить совершенно откровенно, но публично никогда не будем упоминать об этом. Я сейчас имею в виду эвакуацию евреев, истребление еврейского народа. <…> *«Еврейский народ будет искоренен, — говорит каждый член нашей партии. — И это вполне понятно, ибо записано в нашей программе. Искоренение евреев, истребление их — мы делаем это…» И вот они приходят 80 миллионов честных немцев, и у каждого есть свой порядочный еврей. Конечно, все другие свиньи, но данный еврей — первосортный еврей. Те, кто так говорит, не видел и не переживал того, что видели и пережили вы. Вы знаете, что такое 100 трупов, лежащих рядом, или 500 трупов, или 1000 лежащих трупов. Выдержать такое до конца и притом, за исключением отдельных случаев проявления человеческой слабости, остаться порядочными людьми — вот что закаляло нас. Это славная страница нашей истории.*

…Что касается победоносного окончания войны, то все мы должны осознать следующее: войну нужно выиграть духовно, напряжением воли, психически — только тогда как следствие придет ощутимая материальная победа. Лишь тот, кто

капитулирует, кто говорит: у меня нет больше веры в сопротивление и воли к нему, — проигрывает, складывает оружие. А тот, кто до последнего проявит упорство и будет сражаться в течение часа после наступления мира, — выиграл. Здесь мы должны применить все присущее нам упрямство, являющееся нашим отличительным свойством, всю нашу стойкость, выдержку и упорство. Мы должны, наконец, показать англичанам, американцам и русским, что мы упорнее, что именно мы, СС, будем теми, кто всегда устоит. Если мы сделаем это, многие последуют нашему примеру и также устоят. Нам нужно, в конечном счете, иметь волю (и мы ее имеем) к тому, чтобы хладнокровно и трезво уничтожать тех, кто не захочет идти вместе с нами. *Пусть лучше мы столько-то и столько-то человек поставим к стенке, чем впоследствии в определенном месте возникнет прорыв.* Если у нас будет все в порядке в духовном отношении, с точки зрения нашей воли и психики, то мы выиграем эту войну по законам истории и природы, — ведь мы воплощаем высшие человеческие ценности, самые высокие и устойчивые ценности, существующие в природе.

Когда война будет выиграна, тогда — обещаю вам — начнется наша работа. Когда именно война придет к концу, нам неизвестно. Это может произойти внезапно, но может быть и нескоро. Одно могу предсказать вам сегодня: когда внезапно смолкнут орудия и наступит мир, пусть тогда никто не думает, что он может почивать на лаврах. <…>

Ориентируйте всех своих командиров, всех фюреров СС на следующее: лишь тогда, господа, мы по-настоящему будем бодрствовать, так как именно тогда немало людей почиет на лаврах. Я так разбужу СС, буду держать их в таком состоянии максимального бодрствования, чтобы мы смогли немедленно приступить к переустройству Германии. Немедленно начнется работа по «германизации», так как именно к тому времени поспеет урожай и его можно будет отправлять в зернохранилища. Мы издадим закон о мобилизации ряда призывных возрастов. Затем мы немедленно приведем все наши соединения войск СС в наилучшую форму в плане снаряжения и подготовки. В течение первого полугодия после войны мы будем продолжать работать так, как будто бы на следующий день назначено наступление большого масштаба. Если Германия во время переговоров о мире или перемирии сможет располагать оперативным резервом в 20, 25 или 30 свежих дивизий СС, это будет весьма авторитетный фактор[5].

Когда мир будет окончательно установлен, мы сможем приступить к нашей великой работе на будущее. Мы начнем

создавать поселения на новых территориях. Мы будем прививать молодежи устав СС. <…> Само собой разумеется, что наш орден, цвет германской расы, должен иметь самое многочисленное потомство. <…>

Я уже сегодня обратился к фюреру с просьбой, чтобы СС, — если мы до конца войны выполним свою задачу и свой долг, — было предоставлено преимущественное право стоять на самой дальней восточной германской границе и охранять ее. Полагаю, что этого преимущественного права у нас никто не будет оспаривать. Так мы будем иметь возможность практически обучать обращению с оружием молодежь каждого призыва.

Мы будем диктовать Востоку наши законы. Мы будем рваться вперед и постепенно дойдем до Урала. Я надеюсь, что это успеет сделать наше поколение, что любая наша дивизия каждую вторую или третью зиму будет проводить на Востоке. <…> Тогда у нас будет происходить здоровый отбор на все будущие времена. Этим мы создадим предпосылки к тому, чтобы весь германский народ и вся Европа, ведомая, упорядоченная и направляемая нами, на протяжении поколений смогли выстоять в борьбе за свою судьбу — с Азией, которая, несомненно, снова выступит. Нам неизвестно, когда это будет. Если в то время с другой стороны выступит людская масса в 1–1,5 миллиарда человек, то германский народ, численность которого, я надеюсь, будет составлять 250–300 миллионов, а вместе с другими европейскими народами до 700 миллионов, к тому же имея плацдарм, растянувшийся до Урала, а через сто лет и за Урал, выстоит в борьбе с Азией за существование…».

Выделенный текст принадлежит Эйке — и это наиболее четкие, однозначные и как будто задающие тон фразы. Не знаю, произносил ли он их «на открытом воздухе» или просто написал, но Гиммлеру они явно пришлись ко двору, причем не для юнцов из «Орденсбурген», а для своих коллег, группенфюреров СС.

А вот какие «лекции» читал Эйке для взрослых, например, по поводу обращения с мирным населением и заключенными. Приведу один пункт из документа за подписью Эйке еще в бытность его на должности главного инспектора концлагерей. В этой «инструкции» 1937 года описываются варианты пыток «для помещений», а в пункте № 8 предлагается «гуманная возможность избежать физического контакта». Гуманная для психики палача, естественно.

Рекомендуется наносить сильные удары тяжелыми предметами не по телу, а по широкой доске, положенной на спину заключенному, причем повторять удары следует «до

обильного кровотечения изо рта, носа и ушей и потери сознания».

Другой пример. Начало февраля 1943-го, Украина, бои за Харьков. Эйке отдает приказ танкистам дивизии «Мертвая голова» «наказать» нескольких сильно обгоревших советских танкистов, взятых в плен. При этом не забывая и о «воспитании» своих. Он велит посадить русских в свои танки, по одному в каждый, а экипажам проехать по мосту, на котором разложены — на этот раз на спине, лицом вверх — пленные партизаны. Затем заставляют советских танкистов «вычистить мост».

Принято считать, что личная жестокость сопровождается личной же трусостью. Жестокий трус омерзителен, но в военное время не так «продуктивен», как жестокий храбрец. Эйке был храбр. В бою он находился в самом опасном месте, под огнем, в передовом танке, в окопе. Нечувствительный к чужой боли, он казался нечувствительным и к своей. Подорвавшись на мине, с развороченной ступней, он оставался на передовой и продолжал отдавать приказы.

Дивизия «Мертвая голова» в ходе боев несла огромные потери. Эйке открыто заявлял, что командование желает сражаться за счет СС до последнего солдата. Он пошел на серьезный конфликт со своим непосредственным начальником, командующим 2-м корпусом графом Брокдорф-Алефельдом, обвинив его в том, что тот намеренно жертвует его дивизией, щадя остальные части.

Прямо и в довольно грубой форме он доложил об этом фюреру. Гитлер обещал отвести «Мертвую голову» с Восточного фронта для пополнения, но слова не сдержал. Ситуация была тяжелой, дивизию бросали в прорывы: солдаты Эйке дрались как звери — такие же храбрецы, как и их командир.

Некоторые историки полагают, что обвинения Эйке в адрес графа Брокдорф-Алефельда были справедливы. Участник заговора против Гитлера, аристократ старой закваски, граф презирал «мясников» из СС и жертвовал ими в первую очередь, что признавал позже и сам Гиммлер. Но не только старый аристократ на дух не выносил командира «Мертвой головы». Главным его ненавистником до самого конца оставался Рудольф Гесс. И он, и Геринг, и Лей, и Штрейхер и другие «старые бойцы» не простили Теодору Эйке личной физической расправы с Ремом (которого сами же и приговорили!). Несмотря на все заслуги перед режимом, фанатичную храбрость и ранения, только после того, как Рудольф Гесс навсегда выпал из окружения фюрера, Эйке получил доступ «ко двору» и наконец был награжден лично Гитлером (в день его рождения), «как полагалось»: звание обергруппенфюрера и генерала СС, Рыцарский крест с дубовыми

листьями. Тем не менее утверждение другого обергруппенфюрера СС Хауссера о том, что Эйке всегда «рвался» в свою дивизию, в каком бы физическом состоянии он ни находился (в сентябре 1941 года, например, он вернулся на фронт с костылем), так как «в Берлине его видеть не хотели», мне кажется надуманным.

Теодор Эйке был плоть от плоти, и я бы еще сказала, дух от духа порожденной и воспитанной им «Мертвой головы» — образцовой дивизии СС — тех самых, особых, не входящих ни в вермахт, ни в полицию, а созданных для «выполнения специальных заданий полицейского характера» политических частей НСДАП (из приказа Гитлера от 17 августа 1938 г.).

Именно на легендарного командира образцовой дивизии СС «Мертвая голова», показывавшего всему миру «образцы» твердости и храбрости германского солдата-завоевателя, рейхсфюрер СС Гиммлер призывал равняться командирам и личному составу всех дивизий войск СС, созданных на этнической основе из того отребья, которое Гиммлер готовил для выполнения «политических функций» по отношению к их соотечественникам.

— Он позвонил мне и начал говорить… Но первых фраз я не поняла.

— Он был пьян?

— Он теперь всегда пьян… то есть, всегда был пьян, весь последний год. Но вчера утром… Это было что-то другое. Я все поняла… Да, я все поняла. Я просила его подождать меня… говорила, что сейчас к нему приеду… (плачет).

— Что именно он говорил вам по телефону? Что вы слышали?

— Я слышала, что он на пределе, что он… (плачет).

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить его слова. Что он вам говорил?

— Он говорил, что больше не может все это выносить. Он сказал: «Прощай, Миди, молись за меня хоть ты». Он сказал, что оставил записку Герингу… Он сказал: «Я не могу больше, не могу… Они всё погубят, эти жиды, а Геринг — старый осел». Он так сказал, кажется.

— Пожалуйста, фрау, продолжайте. Что-то еще?

— Нет. Он только повторял, что больше не может.

— Он называл еще имена?

— Нет, но когда я приехала… в записке…

— Ее содержание нам известно. Что-то еще он вам говорил?

— Нет…

Копия стенограммы от 16.11.1941 г. была передана из гестапо лично Герингу и таким образом с частью архива Министерства авиации попала в материалы Нюрнбергского процесса.

Это расшифровка стенограммы части беседы, вернее, допроса любовницы генерал-полковника, начальника Технического управления Министерства авиации Эрнста Удета, совершившего самоубийство у себя дома, в Берлине, 15 ноября 1941 года.

В предсмертной записке, которую он оставил своему непосредственному начальнику и близкому другу Герману Герингу «эти жиды» названы по именам: генерал-майор Карл-Август фон Габленц, начальник Управления снабжения Люфтваффе, и генерал-фельдмаршал Эрхард Мильх.

У меня нет полного текста этой записки; в документах он

дается лишь в пересказе: Удет упрекает Геринга в том, что тот чересчур доверился Мильху и позволил ему и Габленцу «сесть себе на шею».

Эрнст Удет, легендарный ас Первой мировой войны, хорошо известный даже в Америке по голливудским боевикам, в которых он исполнял рискованные трюки, был очень популярен в Германии, и немцам объявили, что «национальный герой» погиб, испытывая новый самолет. На его похоронах Геринг рыдал в голос. Но чуть позже, продолжая лить слезы, говорил открыто и при многих свидетелях, что его незабвенный дорогой друг Эрнст практически развалил всю программу развития Люфтваффе и именно он ответственен за огромные потери в «битве за Англию».

Эта коллизия в немецких военно-воздушных силах хорошо известна историкам. Провал двух проектов Удета: He 177 («Хейнкель-177») и особенно Me 210 («Мессершмит-210») — был не только крахом его карьеры, но и катастрофой для военно-воздушных сил Германии. Уже в начале 1940 года технические проблемы в ведомстве Геринга обострились до предела, самолеты падали, разваливались в воздухе (только при испытаниях He 177 разбилось шестьдесят экипажей), миллионы марок буквально сгорали в воздухе, все графики производства новых самолетов нарушались.

Гитлер устраивал разносы Герингу; тот орал на своего заместителя и друга; Удет огрызался, но ничего не менялось. Удет был отличным летчиком, хорошим другом и обаятельным человеком, но не имел ни технического образования, ни организаторских способностей и очень плохо разбирался в людях. К тому же он был большим любителем женщин и выпивки и часто составлял компанию другому известному сибариту — Роберту Лею. Но не обладая ни волей, ни интеллектом Лея, он при первых же неудачах стал очень быстро скатываться все ниже и в конце концов докатился до тяжелой формы наркомании, что окончательно разрушило его неустойчивую психику.

Геринг, Гесс, Лей — летчики Первой мировой — прекрасно видели, что некомпетентность «славного парня» и их общего друга Эрнста Удета ведет Люфтваффе к катастрофе. После войны Мильх утверждал, что именно Роберт Лей настоятельно советовал ему крепко взять дело в свои руки, потому что ни Геринг, ни его заместитель Удет ни на что не годны: один лентяй, отрастил пузо и в кабину не влезает, а другой оттуда «не вылезает без пустой бутылки». Лей это сказал после показательных испытаний He 177, «32-тонной дуры», которой Удет приказал пикировать с углом атаки 60 градусов, и сам же осуществил этот «трюк». Лей

присутствовал на этом «цирковом номере», а после прямо посоветовал Мильху добиваться смещения Удета со всех постов, опираясь также на мнения Гесса и Кессельринга, командующего 2-м воздушным флотом.

Думаю, Мильху в этом можно верить. Заручившись мощной поддержкой в лице двух ближайших к фюреру людей (в противовес Борману, которого он считал своим врагом), Мильх с середины 1940 года начал активно действовать, хотя и раньше отнюдь не сидел сложа руки. Очень быстро ему удалось заменить всех столь же незадачливых, как и их шеф, заместителей Удета и начать серьезную реорганизацию: он сам открывал и закрывал авиазаводы, распоряжался людскими и сырьевыми ресурсами, менял руководящий состав. Началась также и игра нервов: бывшие друзья (Удет когда-то даже научил Мильха управлять самолетом) сделались смертельными врагами.

Мильх работал. Удет пил и опускался все ниже. 14 ноября 1941 года его навестил генерал-майор Плох, его бывший заместитель, которого Мильх отправил на Восточный фронт. Плох долго, за бутылкой, делился своими впечатлениями об увиденном: о зверствах эсэсовцев, массовых расстрелах на захваченных территориях, о начавшемся планомерном уничтожении евреев. Удет выглядел потрясенным и все время повторял: «Еще и это… теперь еще и это». А наутро он позвонил своей любовнице и сказал, что «больше не может». Когда она к нему приехала, он уже лежал с пулей в голове. А рядом — записка с обвинениями в адрес «этих жидов».

Мильх действительно был евреем, фельдмаршалом авиации и, пожалуй, самым продуктивным, после гибели Вефера, деятелем в Люфтваффе. Его карьера прекрасно показывает отношение Гитлера, Гесса, Геринга и прочих к чистоте крови и расы там, где речь шла не о пропаганде, а о конкретном деле и личных взаимоотношениях. Геринг, между прочим, за это даже поплатился (вспомним историю с местью Штрейхера).

Эрхард Мильх родился в семье Антона и Клары Мильх, имевших аптеку в городке Гельзенкирхен. О своем детстве он вспоминал как о «хорошем времени», хотя его мать ушла от мужа и переехала в Берлин. После окончания школы в 1910 году «хорошее время», по-видимому, закончилось, потому что самолюбивый юноша получил первый щелчок по носу: ему было отказано в зачислении в Императорский военно-морской флот по причине его еврейского происхождения. Он все-таки поступил в военную школу и Первую мировую встретил лейтенантом. Служил в разведке и в истребительной авиации, хотя сам тогда

еще не летал. В 1918-м поступил в Берлинскую военную академию. Но война закончилась поражением, Генеральный штаб и ВВС были упразднены, и Мильх вместе с тысячами кадровых офицеров остался без работы. Геринг после войны тоже был не у дел, работал в Швеции (кстати, там женился, уведя свою Карин у шведского офицера), катал на самолете туристов, поучился немного в Мюнхенском университете… И Удет тоже слонялся без дела, причем по всему свету: Южная Америка, Африка, Арктика, США, снимался в Голливуде вместе с Лени Рифеншталь. Мильх на их фоне выглядит более целеустремленным. Окончательно выбрав авиацию, он уже с 1922 года начинает работать с профессором Хуго Юнкерсом и через шесть лет становится главным исполнительным директором авиакомпании «Люфтганза». Сотрудничество Юнкерса с Мильхом закончилось для первого печально: по доносам Мильха пацифиста Юнкерса в 1935 году объявили государственным преступником, а не успели судить только потому, что он вовремя умер.

Мильх всегда прекрасно ориентировался в складывающейся ситуации и, как он сам говорил, умел «держать нос по ветру». Как исполнительный директор он еще в конце двадцатых годов начал оказывать услуги видным нацистам: Гитлеру подарил отличный самолет, а Герингу каждый месяц переводил по тысяче марок из фонда компании. И в 1933 году сразу стал его заместителем и имперским секретарем по авиации. Люфтваффе тогда еще были «тайной» для всего мира, но чины там уже раздавались, и Мильх хватал их на лету: в 1933-м он еще полковник, а в 1938-м — уже генерал-полковник. «Расовую неполноценность» Мильха к тому времени кое-как затушевали. «Специальное» расследование установило, что Эрхард явился плодом любовной связи его матери с арийцем — бароном Германом фон Биром. «Да, мы сделали из Мильха ублюдка, зато ублюдка аристократического», — шутил Геринг среди своих. Дошутился, как мы помним, до собственных неприятностей со Штрейхером.

Мильх очень быстро освоился и в роли сына арийского барона, и в роли «правой руки» Геринга. Будучи человеком одаренным и энергичным, он не выносил людей, лишенных этих качеств, каковым в душе считал и своего шефа Геринга. Оказавшись в компании приближенных Гитлера того периода — Гесса, его жены Эльзы, Геббельса и Магды, Лея, Маргариты Гесс, Удета, Юнити Митфорд, Лени Рифеншталь и некоторых других, Мильх сделался неуязвимым даже для происков своего недоброжелателя Бормана и сам начал энергично «копать» под Геринга, чтобы занять его место. Геринг защищался от своего коварного зама и прочих интриганов по принципу «разделяй и

властвуй»: он всех в руководстве Люфтваффе сталкивал лбами, а сам оставался «над схваткой». Понятно, что такое руководство не могло не наносить огромного вреда делу.

После самоубийства Удета Мильх аннулировал неудачные проекты, запустил старые, проверенные — Ме 110 и Не 111, и сумел значительно поднять производственные показатели. Гитлер прекрасно видел, кто настоящий, а не номинальный руководитель Люфтваффе, однако, когда после провалившейся попытки Геринга организовать воздушную поддержку армии Паулюса под Сталинградом Мильх прямо предложил Гитлеру снять рейхсмаршала со своего поста, фюрер его не поддержал. Причину этого ясно выразил циник Лей, который сказал Мильху по-дружески: «Уймись, старина, и не тужься понапрасну — Геринга тебе не спихнуть. Он хоть и дутая фигура, но блестит, как медный таз. А ты, дружище, уж извини, фигура не для фасада». Мильх после войны сам со смехом вспоминал эти слова.

Мильх все же совершил один огромный стратегический просчет. Он вовремя не понял и не оценил перспективы реактивной авиации.

Прототип Ме 262 Мильх впервые увидел в полете еще в августе 1939 года. Тогда стоящий на поле рядом с ним Удет только пожимал плечами: любимое детище Мессершмитта обоих совершенно не впечатлило. Через полтора года Мессершмитт снова устроил показательные полеты, и на этот раз Удет, сам несколько раз поднявшись в воздух, заявил, что машина превосходна и нужно немедленно запускать ее в производство. Но Мильх устроил скандал, напомнил обо всех прежних провалившихся «революционных» проектах «голливудского трюкача» и категорически отказался. За этого «голливудского трюкача» Удет отомстил Мильху: он дал личное указание Мессершмитту «спокойно дорабатывать самолет», наплевав на «всех дураков».

Когда уже в 1943 году командующий истребительный авиацией рейха Адольф Галанд, опробовав в воздухе доведенный Ме 262, доложил Мильху, что этот самолет — настоящий «прорыв» в авиацию будущего, Мильх совершил эффектный (и честный) поступок — он при своих коллегах и подчиненных покаялся перед памятью Удета в том, что был неправ.

Публичное покаяние, однако, не помогло: время было упущено, сколько-нибудь значительное производство наладить уже не удалось.

Да и вообще весь планируемый до 1942 года рост производства самолетов после перелома в ходе войны сделался

практически невозможен. Мильх все понимал, но открыто признаться перед питающим иллюзии фюрером не решился. Это был его второй просчет.

Мильх начал нервничать и, пытаясь спасти свой престиж, приказал развернуть на «Фольксвагенверке» массовое производство планирующих бомб Fi 103. Однако проект буквально захлебнулся техническими проблемами, испытания срывались. Когда окончательно стало ясно, что реальной отдачи здесь ждать не приходится, двести штук таких бомб уже лежало на складах, а это тонны выброшенных на ветер цветных металлов, которые Германия импортировала.

И конечно, тут же вмешался имперский министр вооружений Альберт Шпеер. Он заявил, что поскольку авиационные проекты пробуксовывают, то нечего на них и рассчитывать, и принялся совершать мародерские набеги на предприятия Люфтваффе и изымать оттуда целые партии квалифицированных рабочих. Геринг в отместку негодующему Мильху этому не воспротивился, и производственные показатели стали падать еще стремительней… В общем, как позже говорил сам Мильх, «подсидели мухи со всех сторон».

Вот как описывает окончательный провал карьеры Мильха упомянутый выше историк Митчем:

«Развязка наступила очень скоро. 26 ноября 1943 года Мессершмитт заверил Гитлера в том, что Ме 262 можно модифицировать таким образом, что самолет сможет нести две 550-фунтовые бомбы или одну 1100-фунтовую. Мильх, сознавая, что Геринг только и ждет его ошибки, чтобы дать узурпатору под зад коленкой, испугался и предупредил фюрера о невозможности строительства таких модификаций, а сам предложил выпускать Ме 262 как истребитель. Введенный в заблуждение Гитлер полагал, что ко времени открытия второго фронта в его распоряжении будет изрядное количество реактивных истребителей-бомбардировщиков. Он узнал правду только 23 мая 1944 года, то есть за две недели до высадки союзников в Нормандии, пришел в ярость и лишил Мильха своего расположения, чем тут же воспользовался Геринг, отняв у своего ненавистного заместителя все полномочия. 27 мая руководство авиапромышленностью было передано Шпееру. Ожидали, что опальный зам подаст в отставку, но тот намека не понял. Поэтому 20 июня в присутствии Гитлера Геринг в резкой форме потребовал от Мильха прошения об освобождении его от занимаемых должностей, что Мильх на следующий день и сделал».

После этого скандала бывшего заместителя Геринга назначили главным инспектором Люфтваффе. Во время одной из инспекционных поездок, осенью 1944 года, он попал в автомобильную катастрофу, сломал несколько ребер и повредил легкое, после чего на три месяца выпал из сферы служебной деятельности.

Ходили всякие слухи и предположения об авто- и авиакатастрофах, которые случались с высшими чиновниками рейха почему-то именно тогда, когда они по той или иной причине становились неудобны для Гитлера (так погиб, например, бывший до Шпеера руководителем военной экономики Фридрих Тодт). Но сам Мильх считал, что с ним произошел несчастный случай. «Геринг был чересчур ленив, — позже вспоминал он, — чтобы организовывать такие сомнительные дела. <…> Все же толстяк был кем угодно, только не убийцей. И он даже не был очень уж злопамятен: на своем юбилее он встретил меня с распростертыми объятиями».

Это Мильх имеет в виду день рождения Геринга 12 января 1945 года. Очевидцы, однако, говорили, что Геринг встретил явившегося к нему без приглашения Мильха с довольно кислой физиономией. Любопытно, что Гитлер быстро сменил в отношении Мильха гнев на милость и той же зимой предложил ему несколько заманчивых должностей. Но похоже, что Мильх сам от них отказался, поскольку весной 1945-го уже не видел перспектив ни для рейха, ни для себя.

А 4 мая 1945 года генерал-фельдмаршал Эрхард Мильх был арестован англичанами в замке Зихерхаген, на побережье Балтийского моря. Застигнутый врасплох, Мильх при аресте оказал сопротивление: он яростно отбивался от солдат своим маршальским жезлом.

Во время Нюрнбергского процесса Мильх сидел в лагере Дахау вместе с Кессельрингом, фон Браухичем и некоторыми другими видными генералами. В качестве свидетеля по делу Геринга Мильх был одним из самых яростных его защитников, а «заговорщиков 20 июля» назвал «подонками».

Его самого обвинили в участии в депортации иностранных рабочих и приговорили к пожизненному тюремному заключению. В 1951 году срок сократили до 15 лет, а в 1955-м освободили. Больше никакой военной или политической деятельностью он не занимался, а спокойно работал промышленным консультантом авиастроительного отдела «Фиата» и сталелитейного синдиката «Тиссен».

Под конец жизни Мильх любил предаваться воспоминаниям. Теплее всего отзывался о «старине Эрнсте» (Удете. — *Е.С.*), со

слезами на глазах винил себя в его гибели. Очень критически высказывался о Геринге. Однако стоило кому-нибудь еще обругать Геринга или просто отозваться о нем без должного уважения, как тут же принимался его защищать. Хорошо отзывался о Роберте Лее и Рудольфе Гессе. «Это были люди полета, рыцари, вложившие всю силу в свой единственный поединок», — говорил он о них. Когда ему напоминали, что Гесс все еще жив, Мильх только пожимал плечами: «Ну и что? Я тоже еще жив. Так что же? Быть живым и жить не одно и то же».

Риббентроп

«Знаете, детка, кто начинает войны? — разглагольствовал как-то раз Гитлер, обращаясь к одной из своих молоденьких поклонниц. — Военные? Политики? Нет. Войны начинают бездарные экономисты. Это они приводят страну к кризису и отдают бездарным дипломатам, а те — военным. Если же и военные бездарны, страна погибнет. Но если военные талантливы, то есть шанс исправить ошибки экономистов и дипломатов».

В этой цепочке: экономисты — дипломаты — военные Гитлер явно считал лишним среднее звено. Этим «средним звеном» в Третьем рейхе и было ведомство Риббентропа. Иными словами, нацистской дипломатии попросту не существовало. Так принято считать.

Личность Риббентропа заинтересовала меня в связи с несколькими фактами его биографии. Они, как чужеродные краски, плохо ложатся на общую законченную картину высокомерного, некомпетентного, бездушного и фанатичного прихвостня фюрера.

Приведу только два из них. За весь период своей деятельности на посту министра иностранных дел Иоахим фон Риббентроп не удостоился ни одной похвалы, ни единого положительного отзыва или просто — доброго слова ни от одного из своих коллег. Эти слова нужно понимать буквально.

Среди высших руководителей рейха ведь были очень разные по характеру люди: кому-то из них симпатизировали меньше, кому-то больше; со временем симпатии перетекали в антипатии и наоборот; рвались старые связи, устанавливались новые… Весь этот своего рода живой организм гитлеровского окружения, клубок связей, среда политического и личного обитания нацистских вождей были очень подвижны, многообразны, пронизаны личными взаимоотношениями.

Риббентроп, внешне один из самых ловких «придворных», сделавший головокружительную карьеру, всегда умевший угодить Гитлеру, тем не менее в этой среде выглядит инородным телом. Даже Борман, которого все ненавидели, на которого каждый имел свой зуб, — и тот обзавелся если не друзьями, то, по крайней мере, людьми, с которыми мог спорить и ругаться, хлопнуть по плечу, послать матом или написать записку с грубовато-шутливым извинением за какой-нибудь собственный промах. Вокруг Риббентропа же словно очерчен ледяной круг. При этом,

повторяю, ругают его, как никого другого. Кажется, все оскорбительные слова, которые только приходят в голову, были когда-то и кем-то произнесены в адрес этого человека.

И вот он в Нюрнберге. Совершенно пришибленный, испуганный, постоянно сбивающийся, не умеющий не только выстроить свою защиту, но даже не привлекший на свою сторону совершенно неоспоримые факты, которые сняли бы с него целый ряд обвинений.

Вообще нелепый, в самом деле, какая-то «ошибка природы», как некогда отозвался о нем бывший советник Посольства Германии в Риме Отто фон Бисмарк. Кажется, чему тут удивляться — значит, многие характеристики верны. Если бы не последний эпизод.

Идет оглашение приговора: Геринг — смертная казнь, Гесс — пожизненное заключение, Риббентроп — смертная казнь, Кейтель — смертная казнь и так далее… Геринг скрывает эмоции за черными очками, заслоняется рукой; Кейтель каменеет; Гесс, видимо, не сразу осознав (он сидит без наушников, но английский знает неплохо), внезапно начинает медленно раскачиваться, как человек, переживающий невыносимую боль. Риббентроп, смертного приговора которому никто не ожидал, и, уж конечно, никак не ждал такого он сам… Риббентроп, повернувшись к словно бы теряющему равновесие Гессу, наклоняется к нему и кладет руку на предплечье — на кинопленке это хорошо видно — и так делает несколько раз, пока Гесс не берет себя в руки. Камеры потом постоянно возвращаются к этой паре, но именно эти, самые первые кадры вошли во все без исключения фильмы о Нюрнбергском процессе.

Однако даже они вызывают недоумение, природа которого понятна, — на этой скамье, перед лицом дохнувшей на приговоренных смерти, в момент, когда все, по существу, для них уже кончено, когда суть каждого обнажена перед миром, только один из этих очень скверных людей ведет себя по-человечески: во время общей катастрофы пытается помочь тому, кто тонет рядом с ним. Это импульс, живое движение души. Это та реальность, которую можно проигнорировать, но нельзя обмануть.

Гесс до конца жизни не забыл поддержки Риббентропа в столь критический для себя момент, но, склонный к мистицизму, он в письме к сестре истолковал то прикосновение руки бывшего товарища по партии как «послание от Адольфа». Бог ему судья.

Моя концепция романа о Риббентропе заключалась бы в следующем: жизнеописание последних четырнадцати лет его жизни (Риббентроп вступил в НСДАП в 1932 году, а казнен был в

1946-м). Став членом партии, он в конце концов целиком подчинил себя ее главному принципу — «фюрер-принципу», то есть сделал волю вождя своей волей. Сумел сделать — существенное уточнение, поскольку для этого нужно обладать вполне определенными качествами. Обязательным, по-моему, является отсутствие чувства юмора.

А теперь пройдемся по фактам биографии и деятельности Риббентропа, опирающимся на документы и личные записи фигурантов, и посмотрим, насколько такая концепция верна.

Он родился в 1893 году в гарнизонном городке Веселе, на Рейне. Отец был офицером, подполковником кайзеровской армии; мать — из обеспеченной семьи верхушки среднего класса. Отсутствие чувства юмора, которым, как мне кажется, в самом деле страдал Риббентроп, в Нюрнберге впервые было высмеяно одним из судей как раз в связи с его отцом. Риббентроп сказал, что его отец Рихард Риббентроп подал в отставку, поскольку «разошелся во взглядах с кайзером». Тут и прозвучала язвительная реплика по поводу ситуации, в которой могли вспыхнуть «разногласия» между Верховным главнокомандующим и артиллерийским подполковником. Другой бы на его месте нашелся (уколы подобного рода на суде отлично парировал Геринг), а Риббентроп обиделся. Потом в камере взялся за перо и все объяснил: отец не одобрил отставки Бисмарка, счел это личной обидой (и не он один), к прошению об отставке не прибавил прошения о праве ношения в отставке мундира (как это обычно делали офицеры); одним словом, ничего особенного, а тем более смешного, во всем этом не было.

Но отбивать удары нужно вовремя.

Детство, юность проходили у него легко, радостно, без потрясений. Учился, путешествовал (Англия, Канада), увлекался спортом. Первая мировая война застала его в Оттаве, где он вел светский образ жизни: приемы, балы, театр, теннисные корты… Молодой Риббентроп был красив, хорошо воспитан, всем нравился. Он даже собирался остаться в Новом Свете навсегда, но война изменила его планы. Он тут же вернулся в фатерланд и пошел на фронт. Два раза был ранен, получил чин лейтенанта и Железный крест I класса. Его светскость и знание четырех языков использовали в штабе фон Секта: Риббентроп присутствовал на мирных переговорах в 1918 году.

После войны он, подобно многим солдатам и офицерам, мог быть выброшен из жизни за ненадобностью и озлобиться, как это произошло, например, с Гитлером и Герингом, однако знание языков и тут помогло удержаться на плаву. Он начал работать в

процветающей фирме, занимавшейся импортом, но вскоре женился по любви на богатой наследнице компании по производству шампанских вин. А в 1925 году прибавил к своей фамилии приставку «фон», поскольку этого желал и муж его тети, получивший дворянство в 1884 году. После женитьбы Риббентроп снова много путешествовал, рекламируя во Франции и Англии виски «Джонни Уокер», ликер «Шартрез» и лучшие сорта бренди, при этом много общался с разными, часто хорошо информированными в политике людьми.

Именно это, а также его кругозор, аристократичность, обширные связи и привлекли к его личности внимание Рудольфа Гесса, который в начале тридцатых годов почти единолично вел жесткий отбор тех, кто мог быть полезен для дела и допущен к телу (фюрера. — *Е.С.*). Риббентроп был «допущен», более того, принят с видимой благожелательностью. Гитлер с удовольствием и подолгу беседовал с Риббентропом, кстати, в отличие от самого Гесса, как правило, перегруженного работой. Таким образом, заместитель фюрера, гораздо лучше своего протеже знавший и понимавший англичан, допустил серьезный промах. Его собственное влияние на Гитлера в отношении Англии оказалось слабее, нежели влияние Риббентропа, суть которого заключалась в том, что англичане всего лишь деградирующая ветвь германской расы, находящаяся под пятой евреев, и в случае войны с Германией никогда не станут бороться за победу, как говорится, «любой ценой».

Это влияние, однако, никакого напряжения воли в то время Риббентропу не стоило: он просто рассказывал и отвечал на вопросы, и в 1933-м Гитлер предложил ему должность советника по международным вопросам. Гесс выделил четыре комнаты в своей канцелярии, а Гитлер — финансирование из собственного фонда. Штат советника Риббентропа к 1937 году вырос с пятнадцати до трехсот человек. На суде в Нюрнберге занимавший до 1938 года должность министра иностранных дел фон Нейрат, давая свидетельские показания, жестко критиковал работу «бюро Риббентропа». Он говорил, что сотня титулованных юнцов весело проводила время за чтением иностранных газет и сплетнями о событиях, в сути которых плохо разбиралась, и составляла «букеты из этих сплетен на стол фюреру».

Насколько можно доверять этому раздраженному отзыву? Когда в 1934-м Гитлер собирался послать Риббентропа на переговоры по разоружению, проходившие в Париже и Лондоне, президент Гинденбург возражал, но именно фон Нейрат убедил Гинденбурга, что Риббентроп отлично со всем справится. Переговоры, правда, закончились для Германии ничем из-за

жесткой линии Франции, еще тогда понимавшей, что первая же уступка Германии приведет к полной сдаче позиций. Однако в следующем, 1935 году в Лондоне, на конференции по военно-морским вооружениям Риббентроп добился первого настоящего дипломатического успеха. Накануне Англия направила ноту Германии по поводу набиравшего обороты вооружения. В тот исторический момент английское правительство еще имело реальный шанс при поддержке Франции и стран Европы крепко придержать, если не остановить, этот процесс. Но 18 июля 1935 года было подписано англо-германское военно-морское соглашение, суть которого состояла в признании за Германией равного с другими странами статуса. Подписывая соглашение, Англия преследовала и собственные цели, однако и по всем международным нормам такое соглашение казалось вполне разумным и выглядело как попытка Британии ограничить этой уступкой стремление Гитлера к господству в Европе. То есть уступка была все-таки сделана, не Францией, так Англией, а дальше — мы знаем — началась та самая «сдача всех и всего», приведшая Европу к катастрофе.

Риббентроп же на конференции вел себя именно так, как и следовало, чтобы добиться поставленной цели: произносил длинные цветистые речи, утомляя ими английских дипломатов, но в конце давал жесткие, не допускающие толкований формулировки, на которых стоял до конца. Последний довод англичан о том, что это соглашение вызовет во Франции эффект разорвавшейся бомбы, он просто откинул от себя предельно простым решением — «заехать по пути» в Париж и обо всем там договориться. Что и сделал: посетил Францию и в течение нескольких дней забалтывал французских дипломатов так, что они только плечами пожимали. И что же в результате? А то, что Европа соглашение скушала. Я бы сказала так: Второй мировой был дан старт 18 июля 1935 года. Именно этот день, а не «Мюнхен» нужно помнить народам, чьи лидеры надеются повоевать за свои интересы чужими руками.

Одним словом, Риббентроп вернулся в Берлин триумфатором. И сразу был назначен послом в Великобританию. Там с ним произошел выразительный эпизод, который обычно приводят как пример полнейшей бестактности и нелепости нового посла. Риббентроп на первом же приеме приветствовал короля, по-нацистски выкинув вперед руку и выкрикнув «Хайль Гитлер!». Однако у него на родине, в Германии, никто это нелепостью не посчитал, а напротив, очень даже обрадовались, что у посла хватило на это духу: новые времена — новые формы!

К слову сказать, все нелестные эпитеты, щедро раздаваемые

Риббентропу после войны европейскими политиками и дипломатами (особенно такими, как Аттолико или Франсуа-Понсе), во многом, на мой взгляд, питались неистовым раздражением против человека, сумевшего сделать довоенную дипломатию Третьего рейха столь сокрушительно победоносной, что проще было ее объявить несуществующей.

Все — и свои, и иностранцы — в один голос утверждают, что Риббентроп всегда думал и говорил только то и так, как приказал ему Гитлер. Однако, еще работая советником фюрера по международным вопросам, Риббентроп твердо стоял на стороне старых дипломатов, противостоящих позиции партии; отсюда его длительная борьба, по сути, с самим Гессом, закончившаяся лишь с отлетом последнего в Англию.

Следующий неоспоримый факт — меморандум Риббентропа от 28 апреля 1941 года. Отступая немного назад, в дневниковой записи министра иностранных дел (и зятя Муссолини) Чиано читаем: «11 августа 1939. Решение воевать окончательно. Он (Риббентроп. — *Е.С.*) отвергает любое решение, которое может дать удовлетворение Германии и избежать войны». Иностранцы, имевшие дело с Герингом в его потугах сыграть роль посредника между Лондоном и Берлином («Хватит тужиться, пора разразиться», — грубовато скажет на это Гесс накануне своего полета в Англию), а также наблюдатели — Франсуа-Понсе, Кулондр, Давиньон — все говорили потом, что Риббентроп «бредил войной». Вопрос — с кем?

Риббентроп был убежден, что подписанный в Москве в августе 1939 года пакт удержит Англию и Францию от вступления в войну. Вспомним его уверенность в моральной слабости англичан. Французы же, писал он, истекут кровью еще на «линии Зигфрида». Хотел ли он в это верить или же действительно верил? Я думаю — второе. Уверена, что вплоть до нападения на СССР в Риббентропе еще не произошла та ломка, которая позже уничтожила его как не зависимую от фюрера личность.

Вернемся к упомянутому меморандуму, адресованному Гитлеру:

«…В том, что наши войска победоносно дойдут до Москвы и дальше, я нисколько не сомневаюсь. Но я далек от убеждения, что мы сможем использовать то, что сумеем захватить, прежде всего — из-за хорошо известной мне способности славян к пассивному сопротивлению.

Нападение Германии на Россию только поднимет моральный дух в Англии. Впоследствии и у немцев могут зародиться сомнения в успехе нашей войны против Англии. В связи с этим

мы должны не только признать, что война будет длиться долго, но и подготовиться к тому, что она будет продолжительной, а не короткой».

Стоит ли говорить, как этот меморандум «понравился» Гитлеру. «Никогда не повторяйте этого вслух, Риббентроп, — сказал ему в ответ фюрер. — А лучше и сами забудьте, если не хотите лишиться моего доверия». Очень, между прочим, характерная для Гитлера внутренняя позиция. Что же касается Риббентропа, то, похоже, он свой выбор и сделал.

Его неприятие войны с СССР и в то же время начавшееся именно с этого момента какое-то подчеркнутое, выделанное, прямо-таки гротескное подпевание Гитлеру навлекло на него столь же подчеркнутое презрение со стороны своих, и теперь уже к хору его ненавистников-иностранцев присоединились мощные голоса Геринга и рвущихся в бой военных.

На Нюрнбергском процессе смертной казни для Риббентропа настойчивей других требовал Советский Союз. Именно Риббентроп подписал мирный договор, так вероломно нарушенный Германией. Во время суда Риббентроп сделал попытку защититься: он несколько раз просил Геринга подтвердить, что он, Риббентроп, не только не хотел войны с русскими, но и предупреждал Гитлера о фатальных последствиях такой войны. Геринг отделался общей фразой и, не конкретизируя, написал: «Я слышал только, что Риббентроп обычно говорил в пользу войны».

Позже бывший английский посол в Германии утверждал, что Риббентроп держал против него, Гендерсона, «оборону», чтобы не допустить к фюреру, и что только одно — расположение Гитлера — было для Риббентропа «действительной ценностью». Думаю, он прав: с 1941 года Риббентроп, внутренне сломавшись, «подсел» на это расположение, как на морфий. Больше он не вылечился. В отличие, кстати, от Геринга, который перед капитуляцией около года просидел на настоящих наркотиках, а после ареста поневоле пришел в себя и вернул себе «ясную голову», как о нем говорили; отсюда и его четкая и ироничная самозащита на суде.

Геринг и некоторые другие, безусловно, были посвящены в планы Гитлера лучше и глубже, чем Риббентроп. Когда на суде Риббентроп утверждал, что канцлер Австрии Шушниг после аншлюса был помещен под домашний арест (на самом деле его отправили в концлагерь Заксенхаузен), он действительно так думал. Когда он заверял судью Джексона, что всегда считал концлагеря чем-то вроде тюрем особого рода, где люди «много работают на свежем воздухе», он не врал: да, он так считал.

Нужно признать, на суде в Нюрнберге на него возвели много мелкой напраслины. Судья Джексон сознательно выбрал такой ход обвинений против бывшего министра иностранных дел; возможно, его подсказал сам обвиняемый своей пассивностью. Например, когда генерал Лахузен свидетельствовал, что во время поездки в Польшу Риббентроп просил его показать «головешки сожженных еврейских домов и мертвых евреев», — Риббентроп только пожимал плечами, вместо того чтобы доказывать, что Лахузена в его поезде тогда вообще не было. Когда его обвинили в том, что он высказывался за расстрел сбитых над Германией летчиков союзной авиации, он даже не спросил хотя бы о форме такого «высказывания». Многие из дававших против Риббентропа показания на суде потом, уже через много лет, признавались, что бывший министр был похож на «перепуганную собаку, которую хотелось пинать и пинать». Что они, надо полагать, и делали.

Здесь мне так и хочется сказать — и поделом! Можно было, конечно, отбиваться от конкретных обвинений, как это пытались делать другие, но как он мог опровергнуть главное? Соглашаясь с происходившим на словах и ничего не противопоставляя на деле, разве он не принимал на себя и личную ответственность?

«Откровенно говоря… меня не удовлетворяли очень многие вещи», — вот, по сути, и все, что Риббентроп смог сказать в свою защиту. Его «не удовлетворяло» массовое истребление евреев, о котором он знал или догадывался? Гиммлер ни разу не позволил Риббентропу посетить ни один концлагерь — это правда, но читать документы Гиммлер не мог ему запретить. Все, что сделал Риббентроп, — настоял на присутствии своих представителей, которые должны были следить за массовой депортацией. Эти «миссии» обычно сопровождал «эксперт» по еврейской проблеме Мартин Лютер. На этой личности стоит остановиться особо.

Лютер начал работать с Риббентропом с 1933 года, руководил одним из отделов, был доверенным лицом посла, а затем — министра, специалистом по еврейскому вопросу. Именно ему принадлежит план массового переселения евреев на Мадагаскар. Как представитель Риббентропа он участвовал в печально известном совещании в Ванзее, том самом, на котором было принято «окончательное решение»: никуда евреев не отселять, а выловить и истребить. Вспомним, что на Ванзейском совещании присутствовали в основном руководители среднего звена, прикрываясь которыми вожди пришли преступное решение. А затем «решение» спустили руководителям низшего звена, чьими руками и была проделана грязная работа.

После этого совещания отношения Риббентропа с Лютером

начали портиться; Лютер в 1943 году уже открыто говорил, что его шеф не соответствует занимаемой должности, и метил на его место. Но Гитлеру на посту министра иностранных дел не нужен был столь одиозный субъект, известный в дипломатических кругах Европы как «вытряхиватель» из этих стран евреев (именно Лютер вел многочисленные переговоры по выдаче евреев и их депортации). Лютера отправили в отставку, и, видимо, поэтому он принял участие в заговоре (в июле 1944 г.), после чего был арестован, попал в концлагерь; в 1945-м — освобожден советскими войсками. Любопытно, не погибни он тогда же при невыясненных обстоятельствах, не попал бы он позже в «герои-антифашисты», подобно поголовно всем участникам этого громкого заговора, столь высокочтимым сейчас в Германии?

Единственное свидетельство последовательного фактического несогласия Риббентропа с Гитлером мы находим в отношении войны с Россией. На словах министр постоянно поддерживал фюрера, объясняя все неудачи теми же словами, что и Гитлер, однако после высадки союзников в Африке единственным из высших руководителей настаивал на немедленном мире с СССР, даже ценой серьезных уступок. Но Гитлер так резко сказал «нет», что расстроенный Риббентроп сам поспешно отправил все эти документы во «второстепенные», и проявили интерес к ним лишь много позднее.

Отчасти поэтому не очень понятно было, о какой внутренней оппозиции Риббентроп постоянно талдычил на суде. К тому же, в отличие от других, он не валил всю ответственность на Гитлера, а постоянно его оправдывал и защищал. Это очень раздражало судей. Риббентроп так прямо и заявлял, что «остался верен фюреру» и не считает его «в чем-либо виновным». На фоне остальных обвиняемых, гибко и изворотливо ведущих свои линии защиты, он выглядел глупо.

Такой же глупой выглядит и его попытка оправдать Гитлера перед Черчиллем, предпринятая, когда уже все было кончено.

Вот несколько выдержек из длинного письма, переданного Риббентропом через фельдмаршала Монтгомери лично английскому премьеру: «Радиосообщения и т. д., которые я не совсем понимаю, но которые, если они правдивы, склоняются к тому, что бывшие соратники фюрера теперь чернят его родину, стараются опорочить фюрера, фальсифицируют его отношение к Англии… заставляют меня сделать следующее… Если я шел сквозь наступающие британские войска по британской зоне оккупации, а не куда-либо еще, то делал это в надежде получить возможность легче добраться до вас — но только тогда, когда

ненависть между победителями и побежденными ослабнет, — чтобы информировать вас о моей последней политической беседе с Адольфом Гитлером.

Эта беседа, в ходе которой фюрер проявлял очевидное разочарование и глубокое огорчение в связи с провалом своей политической концепции, закончилась принятием решения отправить воззвание руководителям Британской империи. Это воззвание представляло собой, можно сказать, последнюю политическую волю человека, который как великий идеалист больше всего любил свой народ… и в концепции мира, которого англо-германский вопрос всегда был центральным пунктом политических размышлений.

Я не знаю, приложим ли к поверженному врагу старый и благородный английский обычай честной игры. Я также не знаю, захотите ли вы услышать политическое завещание покойного. Но я думаю, что его содержание могло бы исцелить раны… и в эту переломную для нашего мира эпоху помогло бы народам обрести лучшее будущее».

Дальше, в отношении себя, Риббентроп пишет, что он хотел принять участие в боях за Берлин, но Гитлер запретил ему это, велел покинуть зону боевых действий и дожидаться дальнейших инструкций. Этот факт подтверждает запись в дневнике Бормана. Гитлер кое-кого, к примеру, того же Бормана или семью Геббельса, цепко держал при себе в бункере, а кое-кого, например Лея, Грейма, Риббентропа, усиленно «гнал» на волю, поскольку на каждого из них возлагал важную миссию.

Касаясь отношений с Россией, Риббентроп пишет, что старался «возводить мост взаимопонимания между национал-социализмом и коммунизмом», однако же изменение «мировосприятия» партии было таковым, что он, Риббентроп, не сумел с этим справиться.

О концлагерях и жестоком обращении с заключенными Риббентроп сообщает следующее: «Когда однажды из дипломатической почты я узнал о плохом обращении с евреями в концлагерях в Польше и о том, что в дипломатических кругах за границей по этому поводу поднялась шумиха, я взял документы и сразу же отправился к фюреру и настаивал на немедленном исправлении дел, если это правда. Фюрер оставил бумаги у себя, чтобы разобраться с этим вопросом, но дал мне ясно понять, что это компетенция органов внутренних дел».

О взаимоотношениях с Англией: он, Риббентроп, всегда хотел англо-германского союза, но фюрер в такой союз утратил веру уже в 1940 году, тем не менее «достижение настоящей дружбы

между народами Англии и Германии остается фундаментальной необходимостью».

Вот так. Все правда: говорил, писал, составлял меморандумы, хотел, старался… Но, кажется, так и не понял, что это не тот случай, когда за попытки говорят спасибо.

Удивительно, но факт: близкий к англо-саксонской расе ариец Риббентроп понимал славянский национальный характер лучше, нежели своих «братьев по крови» — англичан. Снова вспоминается Рудольф Гесс, который считал бомбардировки Лондона роковой ошибкой. И возникает мысль, совсем по Гоголю: если бы к гессовскому пониманию англичан да прибавить понимание Риббентропом славянского характера…

А вот в отношении Гитлера — я так и не поняла: то ли Риббентроп на самом деле убедил себя в его гениальности, то ли в его случае имеет место хорошо укрепленная позиция, с которой нельзя сойти, потому что некуда.

Американский психолог Джон Гилберт, работавший в Нюрнберге с заключенными в период следствия, суда и вплоть до оглашения приговора (человек, вызывающий лично у меня огромное уважение и доверие), вспоминал такую сцену.

После судебного заседания, где были показаны документальные фильмы о нацистской Германии, в которых помимо марширующих колонн и речей Гитлера были кадры «последствий расовой политики»: горы трупов, горки детских игрушек возле крематория, чудом уцелевшие люди, похожие на скелеты, Гилберт, совершая свой обычных «обход» камер, застал Риббентропа с пылающим от возбуждения лицом и глазами, полными слез. «Проняло», — решил психолог. Как бы не так! «Разве вы не чувствуете магическую силу, исходящую от этой личности, даже с кинопленки? Разве вы сами не оказались там, в зале, подвержены ее воздействию?!» — воскликнул, обращаясь к нему, Риббентроп.

Джон Гилберт, еврей, у которого погибла семья его двоюродного брата, жившая в Бельгии, молча вышел.

И мне хотелось бы на этом закончить главу, потому что одна эта сцена говорит о деградации личности Риббентропа больше десятков статей. Но в заключение я все же остановлюсь на основополагающей идее, которой служили все фигуранты этой книги.

Вот она. Запись сделана Риббентропом в тюремной камере накануне казни:

«Трагической судьбой Германии всегда было останавливать наступающий Восток ценой своей собственной крови. Так было со

времени битвы на Каталаунских полях[6]; так было в войнах против Турции, которую Франция натравливала на Европу[7]; то же произошло в последней мировой войне, в которой западные державы своим противостоянием Германии открыли дверь Востоку. Адольф Гитлер до самого конца был убежден, что трагической ошибкой было вмешательство западных держав в конфликт между Востоком и Западом, вмешательство, направленное против народа, защищавшего мировую культуру».

Его кумир, Адольф Гитлер, в 1945 году по этому поводу выразился проще: «Этим …ным (непристойное слово. — *Е.С.*) демократам из-за океана теперь сто лет придется самим сокрушать славянскую тушу, поскольку у них не только не хватило ума помочь, но даже — терпения дождаться, когда мы доберемся до сердца этой туши и разделаем его»[8].

Ширах

Замечательнее всего в нем то,
Что он не только наш вождь и великий герой,
Но честный, твердый и простой человек,
В котором кроются корни нашего мира,
И его душа касается звезд,
И все же он остается человеком,
Таким же, как ты и я.

Я пыталась, но так и не смогла перевести это в рифму: слишком сильным оказалось сопротивление. Все пожилые люди Германии, прошедшие гитлерюгенд, помнят это стихотворение Бальдура фон Шираха: они знали его как дважды два. Каждое утро и вечер, перед тем как сесть за стол, они произносили написанную им же рифмованную молитву:

Фюрер, мой фюрер, данный мне Господом!
Спаси и сохрани мою жизнь на годы вперед.
Ты спас Германию из пучины бедствий.
Благодарю тебя за хлеб насущный.
Не покидай меня, останься со мной навсегда.
Фюрер, мой фюрер, моя вера, мой свет,
Хайль, мой фюрер.

Ширах написал несметное количество стихотворений, песен, гимнов и т. д. Человек, считавший себя ценителем и знатоком великой немецкой поэзии, энергично и плодотворно заполнял духовный мир немецкой молодежи собственными опусами, вытесняя ими образы и рифмы Гейне и Гёте, из которого позаимствовал только вот это: «Молодых должна вести молодость».

Бальдур фон Ширах действительно был самым молодым из высших руководителей рейха: он родился в 1907 году. А это было важным обстоятельством, поскольку Гитлер всегда усиленно объяснялся в любви к своей молодежи, подчеркнуто уничижая собственное «прогнившее до мозга костей» поколение.

Останься Ширах только фюрером Гитлерюгенда, преступность его деяний была бы подвергнута еще большему сомнению, чем это было сделано в Нюрнберге. Человечество только сейчас учится по-настоящему соблюдать и защищать права

самых бесправных своих граждан — детей, поскольку это в природе родителей: считать себя правителями в собственных семьях. Так и государство — любое государство само желает воспитывать свою молодежь. А посторонние — не лезьте, говорит оно, у нас свои условия, свои традиции, свой взгляд на то, что для нее лучше.

Гитлерюгенд отнюдь не свалился с неба на головы немецкой молодежи. Он стал развитием очень немецких традиций, немецкого, «тевтонского» склада ума и чисто немецких молодежных движений — «вандерфогель» и прочих, о которых многие теперь предпочитают не вспоминать как раз из-за их перевоплощения под руководством НСДАП в уродливую форму в виде нацистского молодежного союза. Даже знаменитые американские хиппи в основной своей массе не ведали, откуда прилетели к ним вольнолюбивые, «нонконформистские» ветры, выманивая из каменных джунглей и роскошных апартаментов — на природу и свободу.

Движение «вандерфогель» (бродяги, перелетные птицы. — *Е.С.*), или «бродяжничество», родилось вместе с двадцатым веком в Берлине и нескольких других стремительно растущих в ту пору немецких городах. Оно сразу стало образом жизни, воплощенным протестом молодых романтических и думающих немцев, не пожелавших грудью встретить снежный ком катящихся на них условностей буржуазного общества, а предпочитавших уклониться. Эти юноши и девушки уходили из городов на вольные просторы и шли — каждый своим шагом. У «бродяг» не существовало ни сословных различий, ни подчинения в какой-либо форме, ни запретов или ограничений, ни шкалы ценностей, разве что кроме высшей оценки — «хороший товарищ». Но у них не было цели. Так что шли они, по сути, в никуда. Тогда, в начале двадцатого века, это был сугубо немецкий феномен, краем задевший Австрию и Швейцарию и чуждый остальной Европе.

Однако как ни старались «бродяги» остаться на живописной обочине общегерманского пути, но пришлось и им взять строевой шаг. После Первой мировой войны «бродяжничество» начало быстро приобретать националистическую и антисемитскую окраску. Любопытно, что в союзы молодежи «Бюнде» (преемники «вандерфогель») входили националисты всех мастей, кроме конкретных национал-социалистов, группировавшихся вокруг молодой НСДАП, а также коммунистов и евреев, поскольку эти три группы после войны искали собственные пути, и несколько аморфная структура таких союзов их не могла устроить. Тем не менее в 1932 году в них входило около миллиона молодых католиков и полтора миллиона протестантов. Их эмблемой была

рельефная фигура оратора на фоне озаряющего ее пламени. Отсюда понятно, что юные «бюндовцы» были отнюдь не чужды политики; они участвовали в митингах и уличных драках, как с нацистами, так и с коммунистами.

Позже, в Нюрнберге, Ширах назовет себя «жертвой бойскаутского движения». Он и в самом деле с десяти лет состоял в разных юношеских организациях: сначала в «Лиге немецкой молодежи», потом в патриотической «Кнаппеншафт», и вместе со своими товарищами с восхищением слушал приезжавших в Веймар, где тогда жила его семья, националистических ораторов: Розенберга, Заукеля, Штрейхера. Последний и посоветовал ему поближе ознакомиться с литературой определенного толка, например «Международным еврейством» Генри Форда и сочинениями Хьюстона Чемберлена. Шестнадцатилетним Ширах впервые услышал Гитлера, побеседовал с Гессом — оба были большими театралами, а отец Шираха возглавлял тогда Веймарский национальный театр — и прочитал «Майн кампф». В том же году он вступил в НСДАП и уехал в Мюнхен, город, где, по выражению Гитлера, «билось сердце партии». Семнадцатилетний студент Мюнхенского университета очень быстро сумел стать в своей среде признанным лидером.

Любопытно, что этот «патетический толстяк», как величал его Геббельс, довольно быстро адаптировался и к «взрослой» партийной среде. И сам Гитлер, и Гесс, и остальные отнеслись к нему поначалу благожелательно — все, за исключением Геббельса, который долго не мог ему простить — смешно сказать — того, что Шираха в свое время приняли в «кружок почитателей» поэта Стефана Георге, а им, Геббельсом, пренебрегли. Хотя тем, кто в молодости сам пережил подобное, это не покажется смешным, как не показалось и Эльзе Гесс (жене Рудольфа Гесса), — но не из-за собственного опыта, а из-за того огорчения, которое молодой женщине доставляли постоянные внутренние личные дрязги между соратниками ее мужа — дрязги, которые буквально разъедали неокрепшую партию. Рудольф Гесс через три с половиной десятка лет, в тюрьме Шпандау, весело вспоминал, как его жене удалось примирить «мятущуюся душу Йозефа с упитанной личностью Бальдура», который тоже сидел тогда в Шпандау. Гесс рассказал Шираху, что Эльза всего лишь как-то раз, словно бы мимоходом, заметила Геббельсу, что у него с Ширахом и в самом деле какой-то «антагонизм»: Ширах просто «не понимает», сказала она, как может «столько времени драть глотку на площадях» человек, способный написать «и ты уснешь, как этот сад в объятьях снежности моей»?! Геббельс тогда на это хмыкнул. Однако издевательский тон в отношении молодежного

лидера с тех пор заметно сбавил. Но и много лет спустя, даже в тюрьме, Ширах, уже повзрослевший и умудренный опытом, так и не понял, что же в ее словах Геббельс нашел приятного для себя.

Впрочем, и помимо Геббельса недоброжелателей у Шираха очень быстро появилось предостаточно. Особенно товарищам по партии не нравились два его качества: аристократическая заносчивость и склонность, прямо-таки талант к ярким, но рискованным театральным эффектам. Этому последнему скорее завидовали. Например, в 1936 году, уже будучи имперским руководителем молодежи рейха, он на съезде партии поверг всех присутствующих, и Гитлера в том числе, в шок, заявив с трибуны: «Есть на свете нечто, мой фюрер, что сильнее вас! — И выдержав напряженную паузу, закончил: — Это — любовь к вам немецкой молодежи».

Единственный, кто обычно вступался за Шираха перед коллегами, был Роберт Лей. Во-первых, говорил Лей, это счастье, что над молодежью поставлен не солдафон и тупица, а человек, понимающий в искусстве; во-вторых, Ширах не столько рассчитывает, сколько сам «увлекается». Гитлер с Леем соглашался, однако порой Ширах своей «увлекаемостью» и этих двоих ставил в тупик. Так однажды он (с трибуны) произнес буквально следующее: «Годы молодости дарят молодым многие часы разнообразного счастья. Но только с вами, мой фюрер, немецкая молодежь способна познать в этой жизни подлинное наслаждение».

Геббельс все же недаром называл Шираха «любителем тупых афоризмов». «Понимающий в искусстве» Ширах создал своего рода новый жанр, я бы назвала его «маршовка» — производное от слов «марш» и «речевка». Дети ходили строем, чеканя шаг и вколачивая в свои головы такие, к примеру, слова:

Адольф Гитлер, ты лучший из людей.
Ты наш бог и спаситель.
Ты сила, ведущая в бой.
Ты наша воля и мужество.
Твоим именем клянутся герои.
Слава тем, кто падет за тебя…

И в таком духе, до трех десятков строк. Что же касается афоризмов, то вот несколько, на разные случаи жизни.

«Юность не признает властей, только вождей».

«Там, где прошел один, не осталось и следа, но каждый увидит, где прошла тысяча».

«Интеллигенты хотят преимуществ для себя; правдивые

знают только обязанности».

«Мы ценим то, что доставляет трудности».

«Вену нельзя завоевать штыками, только музыкой».

И так далее, до бесконечности. Стоит чуть копнуть любой из довоенных годов жизни Шираха, сразу так и посыплются афоризмы.

«Завоевание» Вены, впрочем, состоится у него позже. Что же касается «довоенного» Шираха, то меня заинтересовал вопрос, а был ли у этого молодого еще человека, воспитанного в интеллигентной, артистической среде, такой период или хотя бы момент, когда он ощутил бы удушье от своих обязанностей, от своего словоблудия; когда бы ему, привыкшему к звукам скрипки, начали резать слух трубы, горны и топанье колонн… Или же это он сказал и про себя (печальный афоризм): «С плаца в балет не возвращаются».

Я нашла все же одну строчку, в письме жене Генриетте (дочери личного фотографа фюрера, Гофмана). В 1938 году Ширах пишет: «…После съезда скажусь больным и позову своих докторов: Рембо, Рильке, Гельдерлина…».

Таким образом, он, видимо, иногда «подлечивался». Чтобы затем снова приступить к делу.

В 1938 году Гитлерюгенд насчитывал 720 тысяч человек. Это была своего рода империя, или «молодежное государство», как называл ее сам молодежный вождь. Он считал и прямо говорил Гитлеру, что молодежное движение должно быть независимым. Вопрос — от чего? Добиваясь независимости от государства, Ширах вел колонны молодых прямиком в СС.

Конечно, идеальный эсэсовец, в понимании Шираха и людей его круга, был далек от провозглашенного таковым реального «мясника» Эйке, при всей храбрости последнего. Идеальный эсэсовец виделся Шираху рыцарем, заседающим за круглым столом, побеждающим в бою, а затем пирующим в окружении валькирий. Шираха, как и Риббентропа, Гиммлер никогда не допускал ни в один концентрационный лагерь. Гиммлер считал, что этим двоим, в силу сфер их деятельности, следует оставить некоторую «безмятежность духа», на определенное время по крайней мере. Находясь на посту лидера Гитлерюгенда, Ширах еще сохранял своего рода «девственность», которая помогала ему поддерживать в себе самом и в своих подчиненных романтический наивный энтузиазм. Тем не менее дело подготовки лучшей части молодежи в качестве будущих кадров СС он делал, и, как считал Гиммлер, делал хорошо.

Каким образом?

Первым и самым важным условием было то, что каждый день, час, едва ли не минута подростка были строго регламентированы. До четырнадцати лет, то есть того возраста, когда подросток становился полноправным членом гитлерюгенда, он еще имел свободное, не находящееся под контролем время, мог сам выбирать себе занятия по вкусу (многочисленные кружки, спортивные секции, своя пресса и т. д.) и большую часть жизни проводил в учебе и игре. А с четырнадцати лет ситуация менялась: начиналась школа испытаний (спорт, походы) по принципу «мы ценим то, что доставляет трудности», а главное — мысли и чувства молодого человека должны были быть всегда заполнены тем, что на данный момент или период выбирал для него вождь: например, ненавистью к евреям, — проводится «неделя ненависти к евреям»; или братской солидарностью с молодежью Австрии — «Да здравствует неделя солидарности!». Все смотрят фильмы о Судетах — все сочувствуют притесняемым судетским немцам; трехдневка усиленного сочувствия. Приказано сочувствовать, нужно выполнять. И подростки этому учились — сочувствовать и просто чувствовать — все вместе, по приказу.

Второе важное условие — перманентное состояние энтузиазма. Его поддерживали отнюдь не вколачиванием в головы каких-то идей. Ширах при активной помощи со стороны нацистского государства сумел сделать жизнь молодых чрезвычайно насыщенной и интересной. Родители четырнадцати-шестнадцатилетних подростков, познавшие на себе всю глубину равнодушия к себе донацистского государства, сами активно включались в жизнь своих детей, и в семьях часто царила та же атмосфера повышенного, энергичного интереса к жизни. Огромную роль играли праздники. Их было множество, взрослых и детских. О праздниках нацистской Германии нужно рассказывать отдельно (как и обо всей организации и структуре молодежного движения); скажу только, что государство не жалело на праздники средств, а организаторы — способностей, сил и времени.

Допустим, все так, скажет читатель, но почему полные энтузиазма, эмоций, энергично-радостные юные арийцы из своих ярких шумных колонн должны были логично перестроиться в черные эсэсовские ряды?

Совсем не обязательно! Они могли встать в любые ряды, лишь бы их вели куда-нибудь, лишь бы впереди стоял знающий «взрослую» цель вожак. Именно в этот момент подростку, «обдумывающему житье», называли цель и указывали направление — двигаться к господству над миром. (Хотя, возможно, цель формулировали ему и раньше, то есть бросали, и

не раз, нужное зерно, но ведь почва должна созреть.) С этих пор никаких больше «месячников ненависти» и «трехдневок сочувствия»! Никаких кружков и пикников! И командир больше не понесет твой рюкзак, если в походе ты устанешь! И в драке с евреем ты не отобьешь себе кулаков… Потому что теперь ты мужчина и тебе дадут оружие!

«Мы рождены для того, чтобы умереть за Германию!» — теперь это готовность номер один.

Замечу, что именно немцы рождения середины двадцатых, те, конечно, что остались в живых, труднее всех входили потом в послевоенное демократическое общество; поколение же, родившееся в тридцатые годы, адаптировалось в новой жизни гораздо легче. Вот конкретный пример: люди одной профессии, оба после войны работали инженерами-механиками: Герберт Бауэр 1927 года рождения и Мартин Хагерт — 1931-го, при этом сын Вильгельма Хагерта, начальника 2-го отдела (пропаганда) министерства Геббельса. Разница в возрасте между ними, в четыре года, была бы несущественной в любой другой стране, но в той Германии четырнадцатилетний Герберт в 1941 году успел узнать, во имя чего стоит жить. Пройдя затем долгий жизненный путь (теперь этот человек уже умер, перед смертью дав разрешение на публикацию своего личного архива), он продолжал сожалеть о той Германии, явившей миру «высоты арийского духа». «Геноцид, подавление свобод, да-да, соглашаюсь я с вами, — писал он в 1984 году. — Я не антисемит: Господь всем уделил на земле место… Но вы не понимаете главного: в мои шестнадцать и в мои восемнадцать, в 45-м, когда падали бомбы и приходилось голодать, я был в миллионы раз счастливей, чем потом мой восемнадцатилетний сын, и теперь мой восемнадцатилетний внук. В их жизни нет того, чем питается и от чего подрастает душа, — великой идеи. А у меня она есть».

Заметьте, он говорит об этом в настоящем времени. Что же касается Хагерта, то с ним я встретилась вот каким образом. Этот человек писал в одной из провинциальных западногерманских газет по поводу самоубийства приятеля, бывшего его старше на пять лет: «Он часто говорил мне, что похоронил себя вместе с великим рейхом. Непостижимый человек! Как мог он забыть все лишения последних двух лет войны и не ценить обретенного годами труда комфорта? У него все было прекрасно: удобный дом, любящая семья.».

В одной из книг, написанной Ширахом, есть такие слова: «Молодежь не преследует собственных интересов, все, что она

делает, она делает для благосостояния нации. <…> Ничего для себя, всё для Германии. <…> Гитлерюгенд — это философски образованное сообщество… его члены — это солдаты идеи».

И эти «солдаты идеи» в полной мере успели доказать всю правильность сделанного на них расчета. «Мы рождены для того, чтобы умереть за Германию» — этот «героический афоризм» Шираха часть из мальчишек реализовала в 1944 году. Танковая дивизия «Гитлерюгенд» почти вся полегла в ожесточенных боях у Кайенны.

К началу войны энтузиазм самого фюрера молодежи несколько поугас. Война ломала многие из его планов, например, она перечеркнула его любимую программу «Верность и красота» — по воспитанию идеальной арийки. Да и вообще он как-то «потускнел», почти перестал выступать публично, часто раздражался, жаловался, что его никто не понимает, и все больше своих обязанностей стал перекладывать на своего заместителя (и будущего преемника) Артура Аксмана.

Когда началась война, Шираху было бы стыдно не подать примера, и он стал проситься на фронт, однако Гитлер отпустил его только в 43-м. Ширах прослужил пол года, дослужился до звания лейтенанта, но Гитлер вызвал его в Берлин и велел, оставаясь на бессменном посту фюрера молодежи рейха, приступить к выполнению обязанностей гауляйтера и губернатора Вены.

Ширахи всей семьей (у них было уже четверо детей) переехали в Вену и с комфортом обосновались в губернаторском дворце. Привычная с детства удобная обстановка, приятный круг общения, насыщенная культурная среда быстро вернули тридцатишестилетнему Шираху душевное равновесие, с которым он больше не желал расставаться. Потому, видимо, совершенно сознательно он стремился оставаться на посту губернатора Вены лишь в качестве администратора, технического исполнителя таких акций, как например, депортация в рейх 10–14-летних советских детей, — их предполагалось использовать в качестве дешевой рабочей силы.

Заукель и сам Ширах в Нюрнберге доказывали, что эта акция была задумана как исключительно гуманная, «спасительная» для детей: русские дети, лишившиеся родителей, на оккупированных территориях бродяжничали, нищенствовали, голодали, болели и гибли. Заукель нарисовал перед судьями сюрреалистическую картину, как по разоренным просторам России бродят толпы маленьких оборванцев-беспризорников, которых добрые эсэсовцы ловят с целью накормить и переодеть, а затем отправить к другим

добрым немцам, в великий рейх. (Читая иные показания подсудимых в Нюрнберге, порой стискиваешь зубы.) Заукелю были заданы вопросы, всем ли пойманным детям сохраняли жизнь, как сортировались русские дети перед депортацией в рейх и на какие виды работ их направляли по прибытии. Приведу ответ только на первый вопрос следователя, о «сохранении жизни».

> ЗАУКЕЛЬ. Нет, не всем детям, насколько я знаю. Мне говорили, что среди них было много партизан. Они собирали и передавали взрослым сведения о войсках.
>
> СЛЕДОВАТЕЛЬ. Таких детей вешали, как и взрослых партизан?
>
> ЗАУКЕЛЬ. Я не знаю. Кажется… мне говорили, что их не вешали.
>
> СЛЕДОВАТЕЛЬ. Вы сказали, что детям, собиравшим сведения, не сохраняли жизнь. Что же с ними делали?
>
> ЗАУКЕЛЬ. Этот вопрос не входил в мою компетенцию…

Детей, заподозренных в сборе сведений о войсках, не вешали — «добрые эсэсовцы» их расстреливали. В Нюрнберге был доказан факт, с какого самого раннего возраста расстреливали детей. Белорусский мальчик на обочине дороги, по которой шла колонна бронетехники, собирал в сумку какую-то траву. Эсэсовец вытряхнул сумку и подсчитал листья подорожников и одуванчиков: их число совпало с количеством прошедшими по дороге «тигров» и самоходок. Ребенка застрелили. Ему было шесть лет; он еще не умел считать.

Ширах не отвечал ни за сортировку, ни за распределение детей по видам работ. В 1943 году он участвовал в программе по созданию «детских поселений», своего рода резерваций на оккупированных территориях, где дети должны были жить, приучаясь к сельскохозяйственному труду. В этой программе Ширах, по сути, отвечал только за выбор места для таких поселений, поскольку уже имел опыт по размещению эвакуированных немецких детей в местах безопасных с точки зрения бомбежек. Ширах и Розенберг хорошо знали карты местности оккупированных областей и имели сведения о планах боевых операций. Конечно, советское наступление развивалось столь стремительно, что часто ломало все планы немецкого командования, однако… Когда в 1943 году две такие «резервации» в Харьковской области были захвачены партизанами, Ширах с негодованием сообщил венцам, что

«партизаны разрушили гуманные планы по спасению детей» и часть этих детей во время боя погибла. Жена Шираха Генриетта позже вспоминала, что, прочитав статью мужа в венской газете, не смогла удержаться и возразила ему, предположив, что, возможно, русские партизаны, воевавшие в этих местах, были отцами малышей, согнанных в поселение, и они просто стремились забрать своих детей.

Еще Ширах участвовал в программе по доставке в рейх детей с целью их профессионального обучения. Всего до лета 1944 года было привезено около четырех тысяч мальчиков в возрасте от десяти до четырнадцати лет… Однако, как сетовал Ширах, и этой программе не суждено было осуществиться. На сей раз помешало наступление Советской Армии, взламывающей фронты и «гуманные планы», целью которых, по расчетам эсэсовских теоретиков, было — «в минимальные сроки ослабить биологический потенциал Советской России»[9].

А еще в Вену привезли группу детей из Сербии, использовали их в качестве прислуги.

Нюрнбергский трибунал не нашел в действиях Шираха по отношению к иностранным детям состава преступления. Но если, по словам адвоката Шираха, его подзащитный «не желал зла» славянским детям, то подобного не удалось доказать по отношению к другой категории граждан, которых не ввозили, а напротив, вывозили, выгоняли за пределы рейха.

Гитлер еще в октябре 1940 года требовал «отмыть веселую Вену от негерманских элементов», «очистить» ее от евреев, а затем — и от чехов. Когда Ширах занял пост губернатора Вены, «чистка» не только шла полным ходом, но и никаких сомнений не было, куда идут эшелоны с еврейскими семьями, уже ни у кого не возникало. Во всяком случае — у главного «администратора», каковым предпочитал назвать себя Ширах. Ежемесячные доклады Гейдриха и Кальтенбруннера, которые они делали гауляйтеру и губернатору Вены, были представлены на суде в качестве доказательств, и Ширах вынужден был признать: да, он знал, что «окончательное решение еврейского вопроса» предписывает ему как главному администратору энергично заниматься проведением этого решения в жизнь. Точнее — в смерть.

Ширах выполнял приказ, как он говорит, «стиснув зубы». Доклады СД подтверждают, что губернатор он был скверный, пассивный (не проявлял инициатив), чересчур мягкий. Гитлера он тоже начал раздражать. Особенно после того, как Генриетта фон Ширах — напомню, она была дочерью старинного приятеля и личного фотографа Гитлера Гофмана, и он знал ее еще девочкой, — как-то раз пожаловалась фюреру, что ей не дают

спать жуткие сцены с еврейскими женщинами, которых били и травили собаками, загоняя в армейские грузовики. Кстати, ее подруга Ева Браун пыталась отговорить Генриетту заводить подобный разговор с Гитлером, но та не послушалась и получила в ответ презрительную реплику о том, что «подобная бабья сентиментальность» вызывает у него лишь «чувство брезгливости».

А после того как Ширах разрешил в Вене выставку запрещенных в рейхе художников, нечто подобное Гитлер высказал и ему. Помогла только защита Лея, попросившего Гитлера проявить снисходительность к чете Ширахов, которым в Вене «так трудно живется». «Черт с ними, пусть живут!» — бросил на это Гитлер и приказал Гиммлеру, собиравшемуся арестовать губернатора и отдать под суд Народного трибунала, оставить чету в покое.

Опальный губернатор продолжать служить и довольно энергично, к примеру, потребовал в отместку за убийство в Чехословакии Гейдриха начать «ковровые», как бы сейчас сказали, бомбардировки главных культурных центров Великобритании. Поскольку именно англичане подталкивали чехов к сопротивлению немецкой оккупации, то они и должны были заплатить за смерть Гейдриха. А чем? Тем, что Ширах, по его словам, ценил превыше всего — своим культурным наследием.

Бальдур фон Ширах знал за собой свои подлинные грехи. И был удивлен тем, что не получил в Нюрнберге петлю, а отделался двадцатью годами заключения. Еще до объявления приговора, не надеясь на снисхождение, он сказал следующее:

«Моя вина в том, что я воспитывал молодежь для человека, совершившего множество преступлений; я несу ответственность за молодежь, взращенную на антисемитизме при антисемитских законах. Я также беру на себя ответственность за всех насильственно угнанных с оккупированных восточных территорий от сорока до пятидесяти тысяч детей в возрасте от десяти до четырнадцати лет и их доставку в Германию для отбытия повинности в трудовых лагерях вооруженных сил».

Так он сформулировал свою вину. Но в ожидании смертного приговора, возможно, он ощущал ее глубже?

Впрочем, если и так, то это был единственный момент истины, позже, в тюрьме Шпандау, совершенно скрытый под многослойными философскими рассуждениями, идеалистическими мечтаниями и однообразными воспоминаниями, которые остались в его тюремных письмах, записках и дневниках.

«Мы не осознавали тогда, как нам повезло, — писал жене Ширах в 1948 году. — Теперь все уничтожено… Но та прекрасная реальность все равно с нами, пусть в прошлом, она остается неизменной. И хотя она никогда не вернется, но огромная удача, бывшая с нами, останется нашей судьбой».

В том же 1948-м он получил от Генриетты довольно безжалостное письмо, в котором она сообщала о своем желании с ним развестись.

> Спрашивал ли ты себя когда-нибудь, как нам удается выжить? Было ли хоть раз так, что ты, сидя в своей камере, вместо изучения философии, латыни, французского, вместо сочинения стихов и размышлений о том, как исправить наше положение в истории, как ты это называешь, действительно посмотрел в глаза реальности и поинтересовался, откуда возьмется еда для твоей жены и твоих детей?
>
> Ты изолировал себя от всего и от всех, ты витаешь в облаках, как было почти всегда со дня нашей свадьбы. По прошествии лет я лучше чем когда-либо осознала, что твои идеалистические идеи и мечты все дальше и дальше уносят тебя от меня и детей.
>
> Помнишь тот день 1943 года, когда я приехала в Бергхоф после посещения моих друзей в Амстердаме и принесла журнал «Лайф», который купила на обратном пути, возвращаясь через Лиссабон? Я показала его Гитлеру, он, как ты знаешь, почти никогда не видел заграничных публикаций. Указала ему на статью в журнале о войне и ее бесчеловечности. Ты помнишь, что случилось? Гитлер буквально взорвался. Он сказал мне: «Вы обязаны научиться ненавидеть, все вы! Вы чересчур сентиментальны». Я видела, что мое присутствие раздражает фюрера, и, когда уже собралась уходить, Мартин Борман, желая успокоить Гитлера, поставил пластинку. Я была уже на лестнице, когда услышала звуки вагнеровской «Гибели богов». И внезапно я поняла, что те, чье общество я только что покинула, и ты среди них, обречены.
>
> Позже, когда ты пришел ко мне, я рассказала о своем предчувствии и о том, что я думаю. Ты назвал меня дурочкой, не понимающей, что сегодняшний мир — это мир мужчин, сильных мужчин. Что ж… я всегда была дурой. Я никогда ничего не понимала. Потом, когда Германия рушилась вокруг нас, я ожидала, что ты

попросишь меня принять яд вместе с тобой, как сделал Геббельс со своей семьей и детьми. Наш лучший друг, Колин Росс, сказал: «Я совершил ошибку и теперь должен отвечать за последствия».

Потом он выкопал себе могилу в нашем саду в Урфельде и застрелился в гостиной.

Я похоронила его сама, завернув в брезент его любимой палатки. Тогда я готова была встретить смерть вместе с тобой. Но ты сказал: «Я не могу совершить самоубийство. Сначала мне нужно прояснить мое место в истории и значение моей работы».

Сумел ли он это сделать, хотя бы — для себя самого? Вряд ли — его жена считала, что он никогда не умел смотреть в глаза реальности.

«Ты приказываешь, наш фюрер, — мы повинуемся» — первая заповедь Гитлерюгенда. Думая о Ширахе, я задаю себе вопрос: двадцать лет вколачивая эти шесть слов в головы юных, не забил ли он их намертво и в свою собственную?..

Глава 5
Ялта — 45
Хроника великой конференции

* * *

30 января 1945 года в Крыму готовились к конференции глав союзнических государств: Председателя Совета Народных Комиссаров Иосифа Сталина, президента Соединенных Штатов Америки Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля.

Велись последние приготовления: завершались ремонтные работы на дорогах, отъезжали грузовики со строительным мусором…

В эти дни, взломав границы Германии, Красная Армия стремительно продвигалась на запад. Судьба Третьего рейха была уже решена, но «мертвый хватал живого»! Горели танки и самолеты, на минных полях гибли целые роты, огонь артиллерии обращал в прах дома… Смерть продолжала править свой нескончаемый кровавый бал… а здесь в Крыму — синее небо, зеленые деревья, сине-зеленое море — покой и мир. И — те же самолеты, орудия, автоматчики, корабли — все застыло, точно парализованное.

Но эта мирная картина выглядела зловеще. Здесь тоже продолжался бой: Крым готовится к битве титанов.

Навстречу последнему отчаянно несущемуся грузовику, мимо пикета охраны, под барражирующими «яками» медленно, тяжело и основательно двигался кортеж Сталина.

Сталин попросил сидящего впереди Поскребышева прочесть последнее донесение.

> ПОСКРЕБЫШЕВ. Гости уже в пути. Предварительная встреча на Мальте, военная база Великобритании Ла-Валлетта, состоится с 30 [января] по 2 февраля. Британский «Орион» взял курс на Мальту… крейсер президента США «Куинси» миновал Бизерту…
>
> СТАЛИН. Я отказался от встречи на двоих, когда Рузвельт мне ее неоднократно предлагал, не считая это правильным. А Черчилль, напротив, настоял. Ну-ну… Они надеются все обсудить заранее. Но я сомневаюсь, что и между ними обойдется без… без… как это по-английски…
>
> ПОСКРЕБЫШЕВ. Without any surprise!

В это же самое время на острове Мальта, на военной базе Великобритании Ла-Валлетта произошло никем незамеченное событие, смысл которого не был ясен даже тем, кто принял в нем

участие.

С борта британского военного корабля, примерно через полчаса после того, как прибывшие на совещание генералы расселись по машинам и отъехали, чтобы принять участие в предварительном заседании начальников штабов, с борта, стороной, вынесли закрытые белой простыней носилки и почти бегом пронесли к поджидающей машине.

Под простыней слабо обозначались очертания маленького, предположительно… детского тела…

Кортеж Сталина остановился у Ливадийского дворца.

Первыми из двух ЗИСов вышли генерал Власик и полковник Круглов. Быстрыми цепкими взглядами проверили обстановку вокруг.

Вылез Сталин, внимательно осмотрел свежеотремонтированный фасад. Направился во дворец.

ВЛАСИК. Бывшая спальня Николая Второго для президента Рузвельта уже подготовлена, товарищ Сталин. Для премьер-министра Великобритании и его свиты — почти готов Воронцовский дворец в Алупке.

СТАЛИН. Что значит «почти»?

ВЛАСИК. Еще не всех клопов вывели.

Сталин усмехнулся.

ВЛАСИК. Для зала заседаний мы предлагаем бывшую бальную залу Николая Второго. Вот здесь, — Власик указал на кресло, — товарищ Сталин, ваше место… кхм *(смущенно кашляет: типа «разлетелся» и… ляпнул)*.

СТАЛИН *(невозмутимо кивнув)*. А это место Рузвельта?.. Хорошо. Ему будет удобно. А куда посадим Черчилля?

КРУГЛОВ. Вот сюда, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Нет. Переставьте кресло… сюда.

ПОСКРЕБЫШЕВ. Но… против окна. Солнце может слепить. Удобно ли ему будет?

СТАЛИН. Меньше всего меня заботят его удобства! — И тут же добавил, словно противореча себе: — Обо всех просьбах гостей докладывайте мне лично. — Еще раз окинул взглядом зал: — Они надеются, что их встреча на Мальте — это пролог! А я думаю, что пролог мы сыграем здесь! Вызовите товарища Антонова! Красная Армия подготовила эффектный пролог для нашей встречи!

Мальта. Совещание начальников штабов. Огромная, во всю стену карта: Дальневосточный театр военных действий: Филиппины, Китай, Япония.

К собравшимся обратился генерал Куттер:

— Итак, на сегодняшний день японские сухопутные силы насчитывают свыше шести миллионов человек. Наиболее боеспособная часть этих сил сосредоточена в соединениях Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии… Таким образом, с учетом всех условий и особенностей ведения наступательных действий на Дальневосточном театре, для достижения решающего успеха нам потребуется не менее восемнадцати месяцев, и наши потери при этом могут превысить один миллион американских солдат.

Английские генералы переглянулись.

— Но вы планировали взять Манилу не позднее апреля месяца, — напомнил британский фельдмаршал Александер. — Это позволило бы высвободить значительные силы для переброски их с Филиппин на Японские острова…

— А вы попробуйте что-нибудь планировать, имея дело с азиатами, — язвительно ответил американский генерал Маршалл. — Это здесь, в Европе, немцы сдают вам, британцам, города без единого выстрела. А отведали бы вы японских камикадзе на Филиппинах — запели бы по-другому!

— Если косоглазые так дерутся на чужой земле, то что нас ждет в самой Японии!.. — покачал головой ранее молчавший начальник снабжения американской армии генерал Сомервелл.

Адмирал Леги поднялся с места и подвел итог:

— Итак, надо понимать со всей ясностью: без вторжения русских в Маньчжурию и открытия действий против Квантунской армии нам не решить наших задач в обозримом будущем.

С докладом вошел дежурный офицер:

— Господа, крейсер президента Соединенных Штатов входит в порт.

Тот же день. Юсуповский дворец в Кореизе. Отсюда моря не видно. Изломанная линия скалистого горного спуска, домики из розового ракушечника под красно-коричневыми черепичными крышами да легкий ветерок, чуть колышущий крымские пальмы в обширном дворцовом парке…. Рабочая резиденция Сталина.

Сталин читал документы, просматривал последние донесения; все они приходили с грифом: «Тов. Иванову. № 1».

«По имеющимся у нас данным, в тылах 1-го Белорусского фронта действуют следующие подпольные организации:

«Народове силы збройне», «Армия Крайова» и созданная в последние дни «Неподлеглость». Как установлено, лондонским центром польскому подполью дана директива о проведении активной подрывной деятельности в тылах Красной Армии. Во исполнение этой директивы за период с 1 января 1945 года произведены следующие теракты и нападения. <…> В ночь на 5 января в трех местах взорвано полотно железной дороги между станциями Неман и Новоельня.

8 января на перегоне Лида — Вильнюс пущен под откос воинский эшелон с боеприпасами.

10 января в селе Малые Солешники расстреляны председатель сельсовета Василевский, его жена и тринадцатилетняя дочь, пытавшаяся защитить отца…»

Сталин отложил лист, посмотрел на часы и снял трубку телефона.

— Ну что? Где они?

— Уже на Мальте, товарищ Сталин, — ответил Поскребышев.

— В каком составе?

— Они двое и министры иностранных дел.

Остров Мальта. База Ла-Валлетта. Крейсер «Куинси».

Две немецкие подводные лодки сделали попытку подойти на минимальное расстояние к острову. Британцы эту попытку пресекли. С воздуха им помогали американцы. Завязался бой.

В это время на борту крейсера «Куинси» уже шло совещание. Раздраженный голос Черчилля был слышен за пределами капитанской каюты, превращенной во временный кабинет президента Рузвельта.

Рузвельт сидел за столом, заваленным кипой деловых бумаг. Здесь же лежало несколько томов «Истории государства Российского» Карамзина.

В каюте помимо Черчилля находились министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден и госсекретарь США Стеттиниус.

Черчилль ходил не останавливаясь.

— Я повторял и стану повторять — Балканы! Нужно немедленно поставить перед Сталиным вопрос о Балканах! Не-мед-ленно! Мы можем опоздать!

Иден (ему в тон):

— Речь идет об освобождении Австрии.

— Да! И не только! Румыния, Югославия, Венгрия… Если мы опоздаем, пол-Европы придется выкрасить в красный цвет! Мы должны нанести удар! — напирал Черчилль.

— …который будет стоить сотен тысяч жизней американских

парней, — продолжил Рузвельт. — Как я объясню их вдовам, во имя чего я послал их на смерть?!

— Война есть война! — с пафосом произнес Черчилль. — В свое время сотни тысяч британских парней сложили головы в битве за Англию! И я нашел слова, чтобы объяснить их вдовам…

— Никто не умаляет заслуг Британии и ваших лично, — парировал Рузвельт. — Однако, сэр, должен напомнить: мы воюем еще и на Тихом океане, и отнюдь не с глиняными солдатиками. Но, безусловно, в Европе мы сделаем все, что в наших силах! Британия всегда сможет на нас положиться… мой дорогой друг *(подчеркнуто меняя тон)*. А лично вы… всегда найдете у меня полное и безоговорочное понимание…

После этой фразы Иден и Стеттиниус, откланявшись, вышли.

Рузвельт и Черчилль остались одни. Рузвельт машинально перелистывал Карамзина. Черчилль, тяжело отдуваясь, сел в кресло.

— Итак: прежде всего Балканы? Разве? — первым нарушил молчание Рузвельт.

— Балканы — это ключ! — подтвердил Черчилль.

— Красная Армия уже в Европе! Это свершившийся факт. Сейчас важно не пустить русских в Германию! Но, в любом случае, война близится к концу. Мир устал. Давайте поговорим, Уинстон. Поговорим так, как мы говорили с вами всегда, когда речь шла о судьбах мира.

— Да, дорогой друг. Я жду этого разговора, — поддержал Черчилль.

— Нам предстоит решить конкретные задачи: Япония, польский вопрос, репарации, система управления ООН, раздел Германии, боюсь, что… и раздел Европы… Не морщитесь, Уинстон, Сталин потребует свое! Очередной передел — новое противостояние! — И вкрадчиво: — Но так ли оно неизбежно?! Помните, как Чемберлен, вернувшись из Мюнхена, воскликнул: «Я привез вам мир! Мир для нашей эпохи!». И пусть попытка не удалась, но он ее сделал! Величие политика в том, чтобы оставить после себя мир. Мир, а не войну.

— С кем мир?! С коммунистами?! — возмутился Черчилль.

— Я давно знаю Сталина. Он меняется… меняется — и не в сторону ортодоксального коммунизма. Выслушайте меня спокойно, Уинстон. Три года назад, в июне 42-го, я изложил свое видение послевоенного мира русским и уже тогда встретил понимание. Сталин, как и мы с вами, хочет, чтобы его народ был сыт и спокоен. А идея коммунизма притягивает бедных! Во-вторых, как и мы с вами, Сталин понимает, что континенты входят в эпоху единой общемировой экономики. Здоровая

мировая экономика и гонка вооружений — вещи несовместимые.

— Да, да… Мир трех полицейских! Может быть — четырех… Вы еще в 42-м предлагали эту концепцию. Оставить армии у СССР, Соединенных Штатов, Британии и, возможно — Китая. Всех остальных полностью разоружить. Франция, Германия, Италия, Япония, Польша… — всех оставить без армий! Хм.

— Именно так, — подтвердил Рузвельт. Вооруженные силы трех или четырех держав будут использованы только в целях подавления любой зарождающейся агрессии и никогда — друг против друга. Таким образом, мы, во-первых, нейтрализуем все приобретения русских… Что вы на меня так смотрите? Утопия?

— А если — без русских и китайцев? Азиаты всегда привносят хаос! Как прекрасно устроен мир в моей доброй старой Англии! Порядок! Порядок — это удобство, порядок — это покой! К чему еще стремиться простому человеку?! Наш англосаксонский мир — лучшая из всех моделей человеческого сосуществования! Остальные — хаос. Утопия?

— На ближайшие пятьдесят лет! Миру еще предстоит пройти через «азиатский хаос». На этот период мы должны научиться поддерживать паритет сил. Россию с ее двойственной азиатско-европейской природой выгодно иметь на европейской стороне. Русским легко польстить признанием их европейскости. Русские должны жить лучше, — с нажимом произнес Рузвельт. — Всё лучше и лучше, и достаток сам убьет коммунистическую идею.

— А Китай?

— Азиатский коммунизм не страшен; страшен европейский. Но повторяю: не будет бедных — не будет коммунистических идей.

— Все это чересчур долго, — Черчилль пробормотал почти про себя. — Мы рожаем слишком мало детей, а азиаты плодятся с семикратной скоростью…

— Что-что? Я не расслышал…

— Все это чересчур долго! — теперь уже громко и отчетливо произнес Черчилль. — Гонка вооружений может развернуться внутри нашей тепленькой «полицейской компании» из четырех полицейских. И вы знаете, мой друг… боюсь, что она уже… да-да, что она уже развернута. И на качественно новом уровне.

— Атомная бомба? Но ее пока нет. Еще лет пять, как меня уверили… — произнес Рузвельт с растущей неуверенностью. — И я полагаю, все стороны к этому результату придут практически одновременно?

— Вас уверили? И вы… уверены?

Повисла пауза, после которой Рузвельт настороженно спросил:

— У вас есть доказательства?

— Да! — резко ответил Черчилль. — У меня есть доказательства. Весьма конкретные. Они доставлены на базу еще до моего и вашего прибытия. Я вам их сейчас предъявлю. То, что вы увидите, — 95-процентное доказательство, что бомба Гитлером уже испытана. А это значит — не пять лет! Это значит, что все стороны уже у финиша! Это значит, что гонка вооружений уже начата на качественно новом уровне, и она необратима, как распад атомного ядра! Позвольте воспользоваться вашим аппаратом. *(Звонит.)* Пусть майор Уилби зайдет в каюту президента. И пусть захватит… все, что нужно, он знает. И подготовьте дитя. Чтобы через четверть часа мы смогли, если захотим… на него взглянуть.

— Видимо, у меня не стало хватать сил на мои спецслужбы. Если… все так, значит, меня держат в неведении…

— А ваш вице-президент? Сколько его ни наблюдаю, не возьму в толк, что он за птица.

При упоминании о Трумэне Рузвельт поморщился, как от зубной боли.

Раздался стук в дверь. Вошел майор Уилби с папкой в руках, отдал честь, разложил перед Рузвельтом листы бумаги.

— Что это такое? — спросил Рузвельт.

— Поясните, Уилби, — приказал Черчилль.

— Мы провели спецоперацию на острове Рюген, сэр, где предположительно могло быть произведено испытание атомного оружия, — начал докладывать Уилби. — Мне удалось вывести с острова Рюген десятилетнего ребенка. У него выраженные симптомы лучевой болезни. Наши специалисты уже обследовали нескольких вывезенных оттуда же человек с аналогичными симптомами. У всех та же картина.

— А не вмешивать в свои операции детей ваши спецслужбы не смогли бы?! — прервал его Рузвельт. — Продолжайте.

— Чтобы иметь уверенность, что болезнь вызвана нахождением в зоне поражения, вызванного именно взрывом, — продолжил Уилби, — мы прибегли к помощи психологов. Дети легко идут на контакт. Перед вами рисунки, сделанные этим ребенком.

Рузвельт быстро просмотрел листы:

— Не понимаю… Какие-то грибы…

— Физики нам пояснили, что такова картина взрыва атомной бомбы, увиденная с расстояния нескольких километров. — Уилби положил перед президентом еще один лист. — А это, сэр, рисунок, сделанный Ферми. Тот же гриб. Выходит, ребенок рисовал атомный гриб. Он рисовал то, что видел собственными

глазами.

— Да будет вам известно, мой дорогой друг, что майор Уилби сам первоклассный психолог! — заметил Черчилль. — Он с коллегами три недели работал с мальчиком, и вот… Физики меня уверили, что так оно и есть. Хотите взглянуть на мальчика? Зрелище, правда, не из приятных.

Рузвельт энергичным рывком развернув кресло, подкатился к тому месту в стене, на которое указал Уилби. Там была устроена смотровая щель, позволявшая видеть соседнее с каютой помещение.

В соседней каюте на носилках полулежал худенький ребенок.

Рузвельт смотрел долго и внимательно. Дольше, чем хотел. Почти облысевший, покрытый язвами, в некоторых местах слившихся в сплошную коросту, с глазами, полными недетской тоски, — жалкое и жуткое зрелище.

Рузвельт резко откатился.

Черчилль кивнул Уилби. Тот вышел.

— Остров Рюген мне хорошо известен, — после паузы заговорил Рузвельт. — Мне докладывали, что там проводятся какие-то работы специалистами из немецкого института «Наследие предков», но мне ничего не сообщали об испытаниях нового оружия. Я вызову Даллеса. Пусть отчитается. Возможно, мы что-то упустили, а возможно, меня… не проинформировали. Неужели… неужели этого джинна уже выпустили?!

— Предлагаю моим и вашим спецслужбам объединить усилия и вместе довести дело до конца.

Рузвельт молча кивнул и глубоко вздохнул, точно оправившись от наваждения:

— И все же, мой друг, не станем забегать вперед. Мой ли план, ваш ли — подскажет время. Миру нужен… мир, порядок, покой, предсказуемость. После такой войны мир к этому готов. Мы не должны упустить шанс! Нам не простят, если мы сейчас разменяем его на частности! И потому, ваш ли план, мой ли…

— Главное, чтобы дядюшка Джо не навязал нам третий! — твердо сказал Черчилль. — Не отдавать Германию русским! Германия — это не «частность»!

— Согласен, — поддержал Рузвельт.

Ялта. 3 февраля 1945 года
Юсуповский дворец в Кореизе

Сталин читал фронтовые сводки — это было сейчас важнее всего. Но повсюду перед ним лежали и машинописные листы с заголовками: «Условия полной и безоговорочной капитуляции Германии», «Послевоенное расчленение Германии. Предложения премьер-министра Великобритании У. Черчилля», «О приеме в члены Совета Безопасности советских союзных республик»…

На листе с заголовком «Вопрос о репарациях» возле числа «20 миллиардов» Сталин красным карандашом поставил размашистый знак вопроса.

Раздался телефонный звонок. Поскребышев доложил, что «гости» уже на подлете. С экипажем самолета президента Соединенных Штатов установлена связь. Самолет ведут строго по курсу.

— А премьер-министр? — спросил Сталин.

— Прибудет чуть позже.

— Хорошо. Свяжись с нашими атомщиками. Выясни, как у них дела? Я должен знать.

Два дня назад, 1 февраля 1945 года Ален Даллес получил личное указание президента Рузвельта предоставить ему максимально точную информацию о ситуации с так называемым «атомным проектом» Германии.

Даллес, давно занимавшийся этим делом, для окончательного отчета запросил месяц. Ответ Рузвельта был — неделя. Президент желал получить полную информацию еще в течение работы конференции, минимум за три дня до ее закрытия. Это был приказ, причем отданный в такой решительной форме, к которой Рузвельт обычно не прибегал.

Времени не оставалось, и агенты Даллеса разработали операцию под названием «Lighting Way» — «Молниеносный путь».

Даллес срочно вызвал к себе майора Уилберта.

— Садитесь, Уилберт, предложил Даллес. — У вас ведь образование психиатра, не так ли? Очень хорошо. Возможно, оно вам пригодится. Кратко повторю суть вашего задания: вывести с острова Рюген немецкого специалиста-атомщика, засекреченного под именем «доктор N». Этот доктор координирует автономно работающие группы немецких атомщиков, и он нам сейчас необходим со всеми его потрохами и документами. Наши коллеги из Secret Service «ведут» эту фигуру еще с 1944 года, но его

самого никому из них еще видеть не приходилось. В этом сложность.

— Понял, сэр.

— Первую фазу операции назовем «Два У», поскольку ваш английский коллега, майор Уилби, — продолжил Даллес, — уже полтора года как внедрен в персонал спецлабораторий атомного проекта немцев. Цель первой фазы — скорейшая переброска вас обоих на остров Рюген. Для этого воспользуемся «дорогой Уилби». Это надежно. Недавно он таким образом вывез с острова подопытного ребенка с симптомами лучевой болезни. Действуйте, Уилберт! Мне нужны доказательства, что бомба у немцев есть! Президент торопит! Он уже на пути в Ялту. Сведения нужны в течение ближайших дней!

Накануне первого дня работы Ялтинской конференции вся мировая пресса была «заряжена» на это событие. Пресса шумела и волновалась: работали телетайпы, спецкоры, активно давали интервью мировые знаменитости: Чарли Чаплин говорил, например, о том, что на конференции будут, по его мнению, приняты такие основополагающие общечеловеческие решения, каких мировая история еще не знала. Люди во всех странах мира напряженно вслушивались в эфир.

И снова вдали от шума и вспышек телекамер произошло событие — никем не замеченное, невнятное, странное…

В тихой, мертвенно-спокойной акватории острова Рюген, возле мыса Аркона, несколько рыбачьих лодок на приличном расстоянии друг от друга сонно покачивались на волнах. Внезапно около одной из лодок вынырнул водолаз; в два приема задушив рыбака, содрал с него одежду, сбросил тело в воду, переоделся и как ни в чем не бывало… продолжил лов.

Через несколько часов к берегу причалят несколько рыбачьих лодок. Произойдет обычная процедура: под присмотром немецких солдат рыбаки загрузят пойманную рыбу в два военных грузовика, посланных с германской «экспериментальной базы», расположенной южнее Рюгена на островке Узедом, чтобы забрать улов. Среди рыбаков — переодетый Уилберт, в таком же, как у всех, рыбацком плаще и капюшоне. Охрана ничего не заметит.

4 февраля 1945 года. Ялта
Первый день работы Ялтинской конференции

Первое заседание в Ливадийском дворце. Обстановка напряженно-торжественная. В соседних помещениях — наготове помощники, военные, спецохрана. Здесь же сидит в кресле единственная молодая женщина в форме Королевских ВВС — дочь Черчилля Сара.

В акватории — корабли и советские подлодки, несущие сторожевую вахту. За окнами день солнечно-ветреный: солнце то показывается, то скрывается за тучками, по небу вразброд бегут рваные облачка. Большие окна зала привносят эту своеобразную нервозность природы в торжественно-патетическую атмосферу внутри.

Три лидера в расслабленных позах в мягких креслах: трубка Сталина, сигары Черчилля, бутылки с водой, фужеры. Перед тремя лидерами — карты Европы, Азии и Африки. Перед Рузвельтом — две карты: та, что поменьше, — карта Японии.

Все готово и как будто ждет условного сигнала. Несколько мгновений — полной, глубокой тишины. Все телетайпы, эфиры и прочее на эти три мгновения замерли — мир словно застыл в немой сцене начала отсчета Новых Времен.

СТАЛИН. Я прошу господина президента Соединенных Штатов Америки открыть заседание.

РУЗВЕЛЬТ *(улыбаясь, отчетливо и неторопливо проговаривая каждую фразу)*. Благодарю вас. Поскольку ни законом, ни историей это не предусмотрено, то я считаю для себя большой честью открыть нынешнее заседание. Прежде всего я хочу выразить благодарность за оказанное мне гостеприимство. Мы все хорошо понимаем друг друга, и взаимопонимание между нами растет. Мы все хотим скорейшего окончания войны и прочного мира. Мы можем беседовать совершенно откровенно, ибо опыт показывает, что откровенность лидеров друг с другом позволяет быстрее достичь правильных решений. *(Сталин и Черчилль подчеркнуто кивают.)* Но сегодняшнее заседание мы посвятим положению на Восточном фронте, где войска Красной Армии столь успешно продвигаются вперед. *(Повернувшись к Сталину.)* Каково сейчас положение на советско-германском фронте?

СТАЛИН. Положение наше хорошее. Предлагаю заслушать по

этому поводу доклад заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии, генерала армии Антонова.

Рузвельт продолжает улыбаться, но он несколько озадачен: у него поползли вверх брови. Черчилль, до этого сидевший расслабленно, подается вперед.

Входит генерал армии Антонов; встает с указкой около висящей на стене задернутой занавеской карты. Отдергивает занавеску. Только сейчас Рузвельт и Черчилль видят, что на стене большая, очень подробная карта Германии с очерченной ярко красным цветом границей. Они быстро переглядываются. Сталин делает вид, что ничего не заметил.

АНТОНОВ. Советские войска с 12-го по 15 января перешли в наступление на фронте от реки Неман до Карпат протяжением 700 километров. Войска генерала Черняховского наступали на Кенигсберг. Войска маршала Рокоссовского — по северному берегу Вислы, отрезая Восточную Пруссию от центральных районов Германии. Войска маршала Жукова — южнее Вислы — на Познань. Войска маршала Конева — на Ченстохов и Бреслау… *(Рузвельт и Черчилль буквально впиваются взглядами в говорящего Антонова.)* …Цель, намеченная Верховным командованием, достигнута. Благодаря хорошо проведенной предварительной разведке и мощному артиллерийскому наступлению огневая система противника была подавлена и его укрепления разрушены. Это позволило нашим войскам в первый день наступления продвинуться на 10–15 километров, то есть полностью прорвать всю оборону противника на всей ее тактической глубине.

Черчилль шумно выдыхает; под Рузвельтом скрипнуло кресло; оба переводят взгляд на карту.

АНТОНОВ. К 1 февраля, то есть за восемнадцать дней наступления, советские войска на направлении главного удара продвинулись до пятисот километров. Средний темп продвижения 25–30 километров в сутки. Советские войска вышли на реку Одер и овладели Силезским промышленным районом…

Черчилль делает знак помощнику, означающий, что кто-то ему нужный должен быть наготове. Помощник выходит.

АНТОНОВ *(продолжая)* …. препятствовать противнику производить переброски войск на восток с Западного фронта, из Норвегии и из Италии; в частности, парализовать узлы Берлин и Лейпциг.

Черчилль ерзает как на иголках в своем кресле; на слове Берлин он буквально подпрыгнул.

РУЗВЕЛЬТ *(нетерпеливо)*. А как советское правительство предполагает поступить с немецкими паровозами, вагонами и

железными дорогами? *(Забывшись, он обратился непосредственно к Антонову.)* Вы предполагаете перешивать германские железные дороги на более широкую колею?

Антонов бросает молниеносный взгляд на Сталина; тот едва заметно кивает.

АНТОНОВ. Ввиду того что подвижной состав и паровозы, оставляемые немцами, малопригодны для использования, германские железные дороги придется на ряде направлений перешить.

РУЗВЕЛЬТ *(несколько суетливо и одновременно резко)*. Да, да, но нужно, чтобы наши штабы совместно обсудили этот вопрос! Войска союзников быстро сближаются друг с другом.

АНТОНОВ. Советское командование перешивает минимальное количество направлений в целях обеспечения снабжения своих войск.

СТАЛИН. Большая часть немецких железных дорог останется неперешитой. Советское командование делает эту перешивку без большой охоты.

ЧЕРЧИЛЛЬ. У меня есть несколько вопросов! Есть ряд вопросов, которые нужно обсудить трем штабам. Прежде всего целесообразно обсудить вопрос о времени! Вот, например *(Черчилль тычет пальцем в карту)*… сколько времени потребуется немцам, чтобы перебросить из Италии восемь дивизий на советский фронт? И что нужно предпринять, чтобы предотвратить такую переброску? Нужно перебросить часть наших войск через Люблянский проход на соединение с Красной Армией! И решить, сколько понадобится времени и не поздно ли будет это предпринимать! И… и это только один вопрос! Только один! Нужно сейчас же пригласить Маршалла! Он доложит об операциях на Западном фронте! Как можно помочь советским армиям. Пригласите Маршалла!

Переместившееся солнце внезапно посылает луч прямо ему в глаз. Черчилль так резко откидывается в кресле, точно хочет опрокинуться вместе с ним.

РУЗВЕЛЬТ. Совершенно согласен! Раньше мы воевали на больших расстояниях друг от друга. А сейчас Германия стала мала, и нужно иметь более тесный контакт между нашими штабами.

СТАЛИН *(сделав паузу, неторопливо, как бы вразвалочку)*. Это пра-виль-но.

Явившийся по вызову своего премьера генерал Маршалл не нашел ничего лучшего, как патетически произнести заранее заготовленную фразу, должную произвести эффект:

— Последствия немецкого наступления на Западном фронте в Арденнах ликвидированы.

Зависла пауза. Черчилль досадливо кусал губы. Фраза была заготовлена при и главное — для — других обстоятельств: сейчас от нее не было никакого эффекта.

Генерал Маршалл продолжил свой доклад. Начав с хлесткого заявления, уже через две фразы он признал, что в Арденнах у немцев остаются весьма значительные силы. Поэтому Эйзенхауэр начал концентрацию там своих войск.

МАРШАЛЛ. В настоящее время 25-я армейская группа и 9-я американская армия, находящиеся под командованием Монтгомери, готовятся к наступлению на северном участке. 9-я армия будет наступать в северо-восточном направлении. Командование надеется, что первая из этих операций начнется 8 февраля, вторая — через неделю. Мы рассчитываем, что немцы отступят к Дюссельдорфу, и мы двинемся на Берлин. В наступление будет введено столько сил, сколько окажется возможным ввести. Будут применяться парашютные войска…

Невыгодный для союзников контраст доклада Маршалла с докладом Антонова был очевиден. Весь доклад Антонова был сделан в прошедшем времени: «войска наступали», «операция была проведена», «цель была достигнута», «войска вышли», «прорвать удалось» и соответственно — результаты. Весь доклад Маршалла был сделан в будущем времени!

Маршалл объяснял медленное развитие операций на Западном фронте отсутствием тоннажа и немецкими бомбардировками Антверпена. 4 февраля 1945 года немецкая авиация сбросила в этом районе 60 летающих бомб и 6 ракет. Сталин на это возразил, что «бомбы и ракеты редко попадают в цель».

МАРШАЛЛ. Но возможно попадание бомб в суда, находящиеся в порту! Мы всегда действуем решительно, если позволяет погода! Мы произвели большие разрушения нашими истребителями и легкими и тяжелыми бомбардировщиками! Вот у меня сведения, полученные сегодня: произведены налеты на железнодорожные составы, следовавшие на советско-германский фронт! Мы произвели большие разрушения на железных дорогах к северу от Страсбурга. Тяжелая авиация действует по заводам горючего, и его производство упало в Германии на 60 процентов! Мы бомбим пути сообщения, танкостроительные заводы!

СТАЛИН. А будут ли у союзников резервы для развития успеха наступления? Например, советское командование во время зимнего прорыва сосредоточило в центральной части фронта примерно 9 тысяч танков.

МАРШАЛЛ. У нас будет 10–12 танковых дивизий.

СТАЛИН. А сколько у вас танков в дивизии?

МАРШАЛЛ. 300 танков.

СТАЛИН. Каково превосходство союзников в пехоте? У советского командования на фронте главного удара имелось превосходство — 100 дивизий на 80 немецких.

Возникла неловкая пауза.

ЧЕРЧИЛЛЬ *(нервно, желчно)*. Да! Да, у нас никогда не было и нет превосходства в пехоте! Но хочу заметить — у нас иногда было очень и очень большое преимущество в авиации! Да! В авиации!

Вынужденное отступление

То, как англичане, а затем и американцы использовали это «преимущество» — пожалуй, самая острая из тем по истории Второй мировой войны в современной Европе. Когда командующий бомбардировочной авиацией Харрис предложил «выбомбить Германию из войны», ни адмиралы, ни сухопутные генералы его не поддержали. Но его поддержал Черчилль.

И началось…

27 июля 1943 года, Гамбург… Несколько дней в городе бушевал огненный шторм, который ощущали даже летчики в своих кабинах, поскольку столб дыма поднимался на четыре километра. В городе кипел асфальт, в трамваях плавились стекла; на сахарном заводе почти весь сахар превратился в расплавленную массу… Люди горели заживо; те, кто сумел укрыться в подвалах, задохнулись от ядовитых газов. Остальные были погребены под руинами. Те, что чудом выжили, сошли с ума.

31 сентября 1944 года, Эссен. Не долетев до военного завода и возвращаясь с нерастраченным бомбовым запасом, летчики от него освободились: бомбы попали точно — в школу, похоронив под ее руинами 120 детей — половину всех детей города.

Потом были Штутгарт, Дармштадт, Фрайбург, Берлин, Дрезден… На Берлин было сброшено 50 тысяч тонн бомб. Уничтожена половина города. Погибли десятки и десятки тысяч… В то время среди берлинцев ходил такой анекдот: «Вопрос: кого можно считать трусом? Ответ: жителя Берлина, ушедшего добровольцем на фронт…».

Черчилль эти бомбардировки считал «стратегическими»! Его логика в том, что союзники бомбили прежде всего немецкие авиационные заводы, транспортные пути. К концу 1944-го железнодорожный транспорт Германии практически был парализован! Производство синтетического горючего с 316 тысяч

тонн упало до 16 тысяч! Немецкие танки попросту встали! И потом, заявлял Черчилль, есть такое понятие, как моральный террор! Немецкий народ, поддержавший Гитлера, его заслужил!

На следующую же ночь после закрытия Крымской конференции — с 13-го на 14 февраля — 800 английских бомбардировщиков с 650 тысячами зажигательных и фугасных бомб и 1300 американских обрушатся на город Дрезден. На следующий день в «дело» вступит еще 1100 самолетов. Помимо несметного числа человеческих жертв, небывалый в истории бомбовый груз погубил Альтштадт — западную часть Дрездена. Бомбы падали на… Рубенса, Тициана, Дюрера, Рембрандта, Микеланджело, Ван Дейка, Веласкеса, Рафаэля… — на Альбертинум, на Купальню нимф, на Сикстинскую мадонну… Если это и был моральный террор, то против человечества!

Таков ответ Черчиллю со стороны общественного мнения Европы начала XXI века!

После трагедии Дрездена Черчилль приказал-таки Харрису закончить так называемые площадные (теперь они называются «ковровыми») бомбардировки Германии. Он сказал буквально следующее: «Нужно прекратить бомбежки германских городов. Иначе мы возьмем под контроль абсолютно разрушенную страну».

Остров Рюген. По дороге, спасаясь от английских бомбардировщиков, неслась немецкая военная машина. Заехав в кусты, немецкий офицер едва перевел дыхание, как он и шофер получили по пуле в лоб.

Диверсионная группа, скрывавшаяся в лесочке, забрала машину и документы шофера. Один из англичан переоделся в его форму. Уилби вместе с ребенком пересел в немецкую машину. Машина отъехала.

Первое заседание Конференции подошло к концу.

Сталин посмотрел на часы. В зале было душно от перебродивших эмоций. Помощники приоткрыли несколько окон (Любопытный факт: под это действие — открывание окон — быстро и четко перестроилась внешняя охрана дворца, снайперы, автоматчики.)

СТАЛИН. Спрашивая о возможном превосходстве в пехоте и артиллерии, я хотел знать, какие пожелания имеются у наших союзников в отношении советских войск?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Хочу воспользоваться случаем и выразить глубокое восхищение той мощью, которая была

продемонстрирована Красной Армией в ее наступлении.

СТАЛИН. Это не пожелание.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Мы сознаем всю трудность поставленной нами задачи. Но мы уверены, что сумеем ее решить. Хотя удар предполагается нанести по самому сильному месту обороны немецких войск, мы уверены, что он будет успешным и принесет пользу операциям советских войск. Наше главное пожелание вам — чтобы наступление советских армий продолжалось столь же успешно.

РУЗВЕЛЬТ. Совершенно согласен с премьер-министром.

СТАЛИН. Зимнее наступление Красной Армии — это товарищеский долг по отношению к нашим союзникам. Решения, которые мы совместно принимали на Тегеранской конференции, не обязывали нас предпринимать такое наступление. Но мы ясно увидели, что такое наступление необходимо для наших союзников. Мы продолжим наступать, если позволят погода и дороги.

РУЗВЕЛЬТ. Совершенно согласен с маршалом Сталиным.

СТАЛИН. Может быть, пришло время нашим военным обсудить совместные планы?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Это необходимо сделать! Пусть наши военные займутся военными вопросами, а мы займемся политическими. *(Сталин кивает.)* Военные могли бы встретиться завтра утром.

СТАЛИН. Согласен. Предлагаю назначить такую встречу на 12 часов дня.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Пусть военные обсудят положение не только на Восточном и Западном фронтах, но и на Итальянском фронте, и как вообще целесообразнее использовать наши наличные силы. И на завтра же назначим заседание по политическим вопросам, а именно — о будущем Германии… хм… если у нее вообще будет какое-либо будущее.

СТАЛИН. Германия безусловно должна и будет иметь будущее.

У пропускного поста в Штральзунде Уилби предъявил документы. На словах объяснил, что везет обратно на Рюген испытуемый объект — подопытного ребенка, которого затребовали для исследований в институт в Страсбурге. «Объект» должен быть немедленно доставлен в лабораторию «доктора N».

Все прошло гладко. Вместе с ребенком Уилби отплыл на Рюген.

Даллесу была послана шифровка: «…Первая стадия операции «Два У» успешно завершена».

Усталый Рузвельт неторопливо двигался к своим

апартаментам. Его сопровождали государственный секретарь Стеттиниус и двое помощников. Рузвельта пересадили в большое кресло. Помощники удалились.

РУЗВЕЛЬТ *(Стеттиниусу)*. Каково?! Красная Армия взломала границы Германии! Это произошло! Это произошло… с опережением всех мыслимых сроков! Сталин извлек уроки из своих прошлых ошибок: он научился опережать время.

СТЕТТИНИУС. Хотите сказать, что мы… опаздываем?

РУЗВЕЛЬТ. В гонке на Берлин нам русских уже не обойти …

СТЕТТИНИУС. Завтра — день политических вопросов. Вы твердо намерены предложить свой план?

РУЗВЕЛЬТ. Я хочу это сделать! Впереди еще семь дней… Любую информацию от Даллеса передавать мне немедленно, в любое время дня и ночи. В любое, Эдвард! Проследите за этим лично.

Стеттиниус заметил в полуоткрытых дверях помощника с запиской в руках. Он взял записку, что-то быстро выслушал, вернулся и протянул записку Рузвельту:

— Премьер-министр просил вам передать. И просил назвать главный аргумент.

Рузвельт развернул послание. Это оказалась маленькая карта Европы, на которой вся восточная ее часть, уже занятая Красной Армией, была грубо закрашена жирным красным карандашом. И стоял огромный вопросительный знак.

Рузвельт дорисовал вопросительный знак на восклицательный и вернул Стеттиниусу:

— Пусть передадут премьер-министру: Красная Армия — вот главный аргумент. — Он отвернулся и долго смотрел на темное море, по которому, точно вслепую, шарили и скрещивались широкие лучи прожекторов. — У нас есть еще семь дней. Семь дней… которые решат судьбу мира.

Черчилль находился в своих апартаментах, когда помощник передал ему карту с исправлением Рузвельта. Черчилль хмыкнул, бросил ее на стол.

Он ясно понимал всю трудность своего положения. Пару-тройку пасов он здесь, пожалуй, еще сумеет отбить — а дальше? Сотворить новый мир для старой доброй Британии за… семь дней? Нет, сэр, вы не Господь Бог! Вы премьер-министр, которому, пора готовиться к отставке! — говорил себе Черчилль.

Но унывать не стоило! Жизнь подкидывала ему и не такие испытания, из которых он всегда выходил с гордо поднятой головой.

Черчилль позвонил помощнику:

— Узнайте-ка у хозяев, дружище, где тут можно покататься на велосипеде?

5 февраля 1945 года

Тот же день. Раннее утро. Побережье острова Рюген. Тяжелая холодная волна со свинцовым отливом.

Немецкий патруль, проходя у кромки моря, обнаружил тело рыбака (того самого, которого скинул в море Уилберт).

— Странно… все рыбаки вроде вчера вернулись с лова, — сказал первый охранник. — Доложить… или нет?

— Да черт с ним, мороки будет много, рапорт придется писать. Не до этого, — отмахнулся второй. — У начальства сейчас голова болит о другом — эвакуация.

Он оттолкнул утопленника от берега, и тело быстро отнесло волной.

— Пусть другие докладывают, а мы не видели, — поддержал первый охранник.

То же утро. Крым.

Рузвельт на открытой веранде, смотрел на другое море — синее, с серебристой рябью. Работало радио: Рузвельт слушал, одной рукой вращая ручку настройки: из эфира на всех языках летели возбужденные сообщения о первом дне работы конференции. В другой руке Рузвельт держал рисунок ребенка — «атомный гриб». Президент слушал одно и думал о другом.

На веранду вошел госсекретарь Стеттиниус с папкой в руках.

Рузвельт произнес задумчиво, не оборачиваясь:

— От каких мелочей порой зависит ход истории! Как по-вашему, что это такое?

Стеттиниус заглянул в листок, прищурился.

— Похоже на… переросший трюфель?

Рузвельт печально усмехнулся. Потом обернувшись, удивленно взглянул на Стеттиниуса:

— А где это вы видели переросшие трюфели?!

— Я давно никаких не видел, — вздохнул тот.

— Что вы принесли?

— Мой завтрашний доклад о Совете Безопасности ООН. Придется повторять многое из того, что уже сказано в вашем послании от 5 декабря, — доложил Стеттиниус.

— Придется повторять, — назидательно произнес Рузвельт. — Сталин захочет изучить… под увеличительным стеклом. Встанет и польский вопрос. Только бы не растянуть его на несколько заседаний. Ох уж эти поляки — вечная европейская мигрень!.. От Даллеса нет сообщений?

— Пока нет, — прозвучал короткий ответ.

— Если что-то будет, информируйте меня лично и сразу. В любой момент, — подчеркнул Рузвельт. — Если я буду в зале заседаний, то встаньте у двери с листом бумаги так, чтобы я вас увидел. Я пойму.

Сталин в своем кабинете, наклонившись над картой, прикладывал линейку, измеряя пройденные армиями расстояния.

«Медленно, медленно продвигаемся…» — было написано на его лице.

Раздался стук в дверь.

Вошел секретарь.

— Товарищ, Сталин, вы просили лично информировать вас обо всех просьбах гостей, — начал свой доклад секретарь.

Сталин, не оборачиваясь, кивнул.

— Премьер-министр попросил тренажер. Велосипед. Чтобы педали крутить, — продолжил секретарь.

— Ну снимите колеса, и пусть… катается! — не отрываясь от карты, сказал Сталин.

5 февраля 1945 года. Москва. Кабинет Берии

(На докладе начальник ГРУ Иван Ильичев)

ИЛЬИЧЕВ *(показывая чертежи)*. …Эти новейшие немецкие бомбы предположительно могут замедлить темпы нашего наступления.

БЕРИЯ. О каком устройстве идет речь?

ИЛЬИЧЕВ. Весом не менее одной тонны, разработанное группой Курта Дибнера. Использован недостаточно чистый уран-235. Однако пока доподлинно неизвестно, сумели ли немцы изготовить достаточное количество этого материала…

БЕРИЯ *(раздраженно перебивая)*. А что вам известно… доподлинно?

ИЛЬИЧЕВ. По последним донесениям, готовятся испытания в районе Ордруфа. Мы также располагаем информацией о немецких планах ядерной (террористической) «минивойны» со взрывами в Лондоне и Париже…

БЕРИЯ. С поражением в радиусе 500 метров?! И что это даст? Это, по-вашему, решит ход войны?! *Это*, черт вас подери?! Гитлер что-то подготовил, он на что-то рассчитывает — *на что* ? А вы меня кормите устаревшими баснями! Еще в 42-м мне передавали высказывание Гейзенберга о том, что заряд, способный разрушить целый город, будет не больше ананаса! А вот это сказано Шпеером, сказано только что, в январе (читает): «Нам нужно продержаться еще год, и тогда мы выиграем войну. Существует взрывчатка размером всего со спичечный коробок, количества которой достаточно для уничтожения целого Нью-Йорка». *(Сердито фыркает.)* Еще год! Ишь чего захотел, сукин сын!

ИЛЬИЧЕВ. К ядерным снарядам с радиусом поражения в 500 метров в самих СС не относятся всерьез. Немцы, безусловно, близки к созданию бомбы, настолько близки, что Гиммлер уже видит ее у себя в кармане…

БЕРИЯ. Как бы она в ближайшее время действительно там не оказалась! Активизируйте работу! И тщательней отслеживайте гиммлеровских эмиссаров! Что-то они зачастили в Европу.

На острове Рюген велась эвакуация.

По дороге, ведущей к морю, постоянно курсировали крытые грузовики. Вывозили «изделия», маркированные ящики разных

размеров…

На погрузке вместе с немецкими солдатами трудилась группа рыбаков. В этой группе таскал ящики Уилберт в рыбацком плаще.

Одновременно Уилби, в форме оберштурмфюрера СС, распоряжался погрузкой очередной партии. Несколько отставленных в сторону ящиков он приказал нести в грузовик. У него вспыхнул скандал с одним из сотрудников в штатском — тот не давал нести ящик в грузовик. Оба так кричали, что привлекли к себе общее внимание. Уилберт, работающий в группе рыбаков, поймал быстрый взгляд Уилби, говорящий: «Вот этот! Это тот, кто нам нужен — это он, «доктор N». Поторопимся: эвакуация, неразбериха… время для операции удобно».

Крым. То же утро.

Черчилль на открытой веранде усиленно крутил педали импровизированного велотренажера — разогревался перед заседанием. По дорожке к веранде подкатила на велосипеде Сара Черчилль. За ней, тоже на велосипедах, на некотором отдалении двигались охранники. Сара помахала отцу.

— Чудесное утро, не правда ли! — восторженно произнесла Сара Черчилль — И какие красивые тут места! Нужно непременно уговорить маму посетить Ялту, папа!

(Справка: Клементина Черчилль посетит Ялту в том же мае.)

Черчилль молча кивнул, стараясь не потерять дыхательный ритм. Сара поднялась на веранду, села в кресло.

— В этом дворце есть что-то подлинно британское. Мне здесь так нравится! А нельзя ли… нельзя ли купить его у господина у Сталина? — спросила Сара. — И маме бы понравилось. Пожалуйста!

Черчилль как-то неопределенно дернул головой, усиливая ритм вращения педалей.

— Ты сегодня что-то очень уж по-боевому настроен, папа! А когда мы сюда ехали, говорил, что собираешься попробовать роль миротворца, — напомнила ему дочь.

— Миротворец кормит крокодила в надежде, что тот сожрет его последним, — был ответ.

Сара усмехнулась:

— Очередной афоризм? Непременно запишу для истории.

Черчилль понимал, что на этой конференции ему часто предстоит отбиваться в одиночестве. Если Соединенные Штаты и Англия были и остаются безусловными стратегическими партнерами, то по тактическим вопросам Рузвельт был склонен к большему сотрудничеству со Сталиным, нежели того желала бы Британия в лице ее премьер-министра.

Второе заседание в Ливадийском дворце

Обстановка менее торжественная, более деловая.

Рузвельт, Сталин, Черчилль за столом переговоров. Секретари раскладывают папки с документами, карты; каждый из лидеров формально углублен в изучение чего-то своего, подчеркивая деловой характер происходящего.

Открывая заседание, Рузвельт предложил обсудить вопрос о зонах оккупации Германии. Он подчеркнул, что речь должна идти не о постоянной, а о временной оккупации. Сталин никак не отреагировал на этот акцент. Зато поставил другой — нужно ли оставлять правительство Гитлера, если оно безоговорочно капитулирует, или не оставлять Гитлера ни при каких условиях! Сталин подыграл Черчиллю, дав ему возможность сразу, открыто и однозначно заявить на весь мир: никаких переговоров с военными преступниками!

Учитывая уже ставшие известными Москве секретные переговоры англичан с бывшим заместителем фюрера Рудольфом Гессом, Сталину было важно, чтобы это прозвучало именно с английской стороны.

СТАЛИН. Вопрос о расчленении Германии уже обсуждался между премьер-министром и мной в Москве в октябре прошлого года. Но решение не было принято, и невозможно было его принять, так как в Москве не было президента.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Имея в виду мощь Пруссии — главную причину всех зол, я думаю, что возможно создание еще одного большого германского государства, со столицей в Вене. Это обеспечило бы линию водораздела между Пруссией и остальной Германией. Население Германии было бы поровну поделено между этими двумя государствами. Далее встанет вопрос — будет ли Пруссия подвергнута внутреннему раздроблению. Вопрос требует изучения. На мой взгляд, это вопрос о расчленении больше подходит для рассмотрения уже на мирной конференции.

РУЗВЕЛЬТ. Вопрос, безусловно, требует изучения. Но сейчас нужно решить дело в принципе: расчленять Германию или нет.

СТАЛИН. Это правильно.

РУЗВЕЛЬТ. Я не вижу иного выхода, кроме расчленения. *(Черчиллю.)* Так вы согласны добавить в статье 12 слова о расчленении Германии или не согласны?

ЧЕРЧИЛЛЬ *(с трудом сдержав крайнее недовольство). Я* готов только к тому, чтобы три министра иностранных дел рассмотрели статью 12 в целях выяснения возможности включить слова

«расчленение Германии» или другую формулировку в эту статью.

На этом пока и порешили. Сталин и Черчилль словно прощупывали силу и податливость друг друга. Когда Черчилль предложил перейти к вопросу о правительстве Германии, Сталин заявил, что предпочитает обсудить вопрос о репарациях.

Рузвельт тут же согласился со Сталиным и сразу перешел к этому вопросу. Обсудили восемь положений, на которых должен быть построен план материальных репараций. Доклад по этим пунктам сделал Майский.

Черчилль слушал внешне рассеянно. Его взгляд порхал, как бабочка, по стенам и потолку зала заседаний. На самом деле Черчилль еще раз продумывал и выстраивал свою речь.

Он начал говорить сразу, едва Майский закрыл лежащую перед ним папку.

Речь премьер-министра звучала весомо, несколько патетически, в противовес прежнему скучновато-деловому тону:

— Я хорошо помню конец той войны! Репарации тогда доставили одни разочарования. Англия взяла у Германии несколько старых пароходов, а на те деньги, которые Германия получила от Англии, она построила себе новый флот! Безусловно, жертвы России не сравнимы с потерями других стран. Но я уверен, что из разбитой и разрушенной Германии невозможно получить такое количество ценностей, чтобы компенсировать убытки даже одной России. Англия пострадала очень сильно. Если бы я видел возможность поддержать английскую экономику путем взимания репараций с Германии, я бы решительно пошел по этому пути. Но я сомневаюсь в успехе! Кроме того, что будет с самой Германией?! Призрак голодающей Германии с ее 80-миллионным населением встает перед моими глазами! Кто будет ее кормить? Кто будет за это платить? Не придется ли нам самим покрывать репарации из нашего же кармана? *(Обращаясь к Сталину.)* Если хочешь ездить на лошади, то ее нужно кормить сеном и овсом.

— Но лошадь не должна на вас бросаться, — заметил Сталин.

— Признаю неудачность своей метафоры, — согласился Черчилль. — Поставим вместо лошади автомобиль. И тогда для его использования понадобится бензин.

— Опять не вижу аналогии. Немцы не машины, а люди, снова возразил Сталин.

Черчилль кивнул и неожиданно для всех… широко улыбнулся.

Позже, вернувшись домой, в Англию, Черчилль похвастается

в одной из частных бесед, как ловко он заставил Сталина это произнести — «немцы — люди».

Остров Рюген. Серия взрывов.

Уилби и Уилберт успешно провели операцию по захвату «доктора N». Они затащили немца, которого они считали этим самым «доктором N», в полуразрушенное одним из взрывов помещение, в котором угадывалась только что эвакуированная лаборатория.

— …Мы знаем, кто вы. Вас называют «доктор N». Мы должны получить от вас подтверждение или опровержение факта атомных испытаний. Наглядное и неоспоримое, — заявил доктору Уилберт. — И мы получим его от вас любой ценой. Но важен фактор времени. Важен для вас. Если мы получаем информацию немедленно, то вы, гарантированно — все остальное: жизнь, деньги, безопасность для вашей семьи.

Реакция немца оказалась совершенно непредсказуемой. Он вдруг резко расхохотался:

— Для моей семьи?! Подтверждения?! Ха-ха-ха… Вы их получите!

В это время в пригороде Вашингтона состоялась встреча Алена Даллеса с представителем военно-промышленного комплекса США.

Беседа была запротоколирована помощником Даллеса следующим образом:

> ОТ ЛИЦА ДАЛЛЕСА. Пока я не могу сообщить вам ничего нового. Мы в стадии установления личного контакта. Я уже знаю имя этого человека — Карл Вольф, самое доверенное лицо рейхсфюрера.
>
> ОТ ЛИЦА НЕИЗВЕСТНОГО. А вы абсолютно убеждены, что Гиммлер по-прежнему держит под контролем атомный проект? А если он блефует, набивает цену?
>
> ОТ ЛИЦА ДАЛЛЕСА. Гиммлер держит под контролем не только атомщиков. Надеюсь, что очень скоро мы узнаем много интересного о других секретных разработках немцев. Но прежде всего — информация по бомбе.
>
> ОТ ЛИЦА НЕИЗВЕСТНОГО. Вы уверены, что речь идет о бомбе, а не о ядерном снаряде с радиусом поражения в 500 метров?
>
> ОТ ЛИЦА ДАЛЛЕСА. Я убежден, что речь идет

именно о бомбе.

Уилберт и Уилби вместе с немцем вошли в его дом. Навстречу им из детской спальни вышла женщина.

— Знакомьтесь, моя жена. Эльза, — произнес доктор N. — Эльза, сними парик. Пожалуйста.

Так нужно.

Женщина сняла парик; под ним оказалась совершенно лысая голова. Ее лицо, руки, шея были покрыты сыпью.

Доктор прошел в спальню, где в кроватях лежали двое детей.

— Идите сюда! — позвал он. — Смотрите!

У детей были такие же лысые головы; кожа покрыта болячками. Рядом с кроватями стояли тазики, для рвоты.

— Еще нужны подтверждения? — поинтересовался их отец.

Уилби невозмутимо фотографировал.

— Да, нужны еще фотографии, документы, — ответил Уилберт.

6 февраля 1945 года
Третье заседание в Ливадийском дворце

В этот день в залы Ливадийского дворца было допущено трое журналистов — по одному от каждой страны. По инструкции они не имели права задавать вопросы работающим на конференции; их присутствие было скорее декоративным. Неожиданно появился четвертый-представитель Франции.

Когда из глубины дворца, в форме Королевских ВВС, с белой папкой под мышкой, появилась Сара Черчилль, все четверо бросились ей навстречу.

АНГЛИЧАНИН. Ради бога, мисс, только одно слово!

САРА. Мне очень жаль.

АМЕРИКАНЕЦ. По инструкции — никаких вопросов официальным лицам, но вы ведь здесь как частное лицо. Пожалуйста!

САРА. С этого утра я помощник официального лица.

СОВЕТСКИЙ. Мисс, по какому вопросу вы сегодня в качестве помощника?

САРА. По вопросу Совета Безопасности ООН.

ФРАНЦУЗ. Мадемуазель, могу ли я сообщить читателям моей газеты, что… вам очень идет эта форма?

Сара с улыбкой кивнула и прошла дальше.

Заседание открыл Рузвельт.

РУЗВЕЛЬТ. Ну что ж, сегодня можно было бы сразу приступить к обсуждению вопроса о международной организации безопасности. Я считаю, что нашей главной задачей является обеспечение мира, по крайней мере, на пятьдесят лет. Я считаю целесообразным заслушать по этому поводу доклад государственного секретаря …

Стеттиниус начал делать доклад. В это время Сара Черчилль снова проходила через те же залы, но уже с красной папкой под мышкой, теперь в сторону зала заседаний. Она невольно обратила внимание, что журналисты на своих местах что-то непрерывно строчат в своих блокнотах. Сара бросила удивленный взгляд, слегка подцепив им своего соотечественника. Англичанин сорвался с места и побежал за ней.

ЖУРНАЛИСТ *(на ходу)*. Совершенно никакой информации… Знаете ли, когда нет официальной информации, а ты вынужден ее выдавать… Собачья работа!

САРА. Я вас понимаю. Лучше делать новости, чем рассказывать о них.

ЖУРНАЛИСТ. О! *(Быстро записывает.)* И все же, мисс, все же… хоть полсловечка!

САРА. Хорошо. Записывайте! Сегодня здесь они делают то, о чем завтра другие будут только думать.

Сара Черчилль вошла в помещение перед залом заседаний, села за стол, переставив свой стул так, чтобы хотя бы краем глаза видеть своего отца.

Как и предполагал Рузвельт, Сталин после доклада госсекретаря США Стеттиниуса попросил передать ему текст для более детального изучения. Сталин сказал, что, на его взгляд, этот доклад представляет собой комментарий к посланию президента. А в послании заложено, как ему кажется, не только право наций высказываться в ООН, но и возможность такого механизма, который позволял бы нациям добиваться решений по важным для них вопросам.

В дискуссию тут же вступил Черчилль:

— Британия не возражает. Нельзя создавать впечатление, будто три великие державы хотят властвовать над миром, не давая другим даже высказать свое мнение.

— Право высказать свое мнение дешево стоит, — произнес Сталин. — Вы, вероятно, считаете, что если Китай подымет вопрос о Гонконге, то он пожелает только высказаться. Это неверно. Китай потребует решения. Если Египет подымет вопрос о возврате Суэцкого канала, то… потребует решения этого вопроса.

Черчилль собрался что-то отвечать, но Сталин продолжал:

— Премьер-министр Черчилль однажды высказал опасение, как бы не подумали, что три великие державы хотят господствовать над миром. А кто же замышляет такое господство? Соединенные Штаты? Нет, они об этом не думают. *(Смех и утвердительный жест президента.)* Англия? Тоже нет. *(Смех и красноречивый жест Черчилля.)* Итак, две великие державы выходят из сферы подозрений. Остается третья… СССР. Значит, СССР стремится к мировому господству? *(Общий смех.)* Или, может быть, Китай стремится к мировому господству? *(Общий смех.)* Ясно, что разговоры о стремлении к мировому господству ни к чему. Мой друг Черчилль не сможет назвать ни одной державы, которая хотела бы властвовать над миром. — Сделав небольшую паузу, Сталин поменял тон на почти задушевный, к концу речи переходящий в патетический: — … Да, пока мы все живы, бояться нечего. Мы не допустим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет десять

лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда? Мы как будто задаемся целью обеспечить мир, по крайней мере, на пятьдесят лет вперед. Или, может быть, я думаю так по своей наивности?

Сталин прямо и пристально посмотрел в глаза президенту Рузвельту, точно желая что-то услышать от него в ответ прямо сейчас. Рузвельт выдержал этот взгляд молча. Сталин продолжил уже обычным тоном, по-деловому:

— Главное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между нами. Это главная задача.

РУЗВЕЛЬТ *(искренним, задушевным тоном, глядя в глаза Сталину и прижав руку к груди)*. Поверьте, единство великих держав — одна из главных наших целей!

ЧЕРЧИЛЛЬ *(сбивая патетику, несколько ворчливо)*. А нельзя ли сегодня обсудить польский вопрос?

Сталин и Рузвельт, опустив глаза, почти одновременно кивнули.

РУЗВЕЛЬТ. Поскольку Соединенные Штаты находятся далеко от Польши, я прошу двух других участников совещания изложить свои соображения.

ЧЕРЧИЛЛЬ. У Великобритании нет никаких материальных интересов в Польше. Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии. — На этих словах переместившееся солнце одним лучом поразило его прямо в глаз. Черчилль сморщился, стараясь увернуться, поднял указательный палец: — Великобритания интересуется Польшей, потому что это — дело чести Великобритании!

СТАЛИН *(воспользовавшись его дискомфортом)*. Если для британского правительства Польша — вопрос чести, то для русских вопрос о Польше — это вопрос жизни! И дело не в том, что Польша — пограничная с нами страна. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который враг шел на Россию. Почему враг шел так легко? Потому что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. *(После паузы, весомо.)* Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Сара Черчилль, сидя за столом, подняла голову, что-то напряженно вспоминая; чуть шевеля губами, она словно произносила про себя какой-то текст.

Дальше Сталин предложил провести польскую границу по Западной Нейсе. Он попросил Рузвельта и Черчилля его в этом поддержать.

Был также поднят вопрос о польском правительстве. Сталин заявил, что настоящие поляки проживают в Польше, а в Варшаве уже есть правительство, тогда как лондонское правительство и связанные с ним подпольные круги постоянно наносят Красной Армии вред: нападают на советские склады с оружием, уже убили 212 красноармейцев…

Черчилль, горячась, возразил, сказав, что у советского и британского правительств, видимо, разные источники информации…

Но заседание уже подошло к концу.

Рузвельт, взявшись за голову, дал понять, что у него больше нет сил:

— Польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль!

— Вот и нужно постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству! — заявил Черчилль.

— Непременно это нужно сделать, — заключил Сталин.

В 17.30 6 февраля Даллес телеграфировал Рузвельту:

«Операция «Доктор N» в стадии успешного завершения. Информация поступит в течение ближайших суток».

После этого заседания все трое демонстративно разошлись в разные стороны.

Сталин скрылся из виду первым.

Рузвельт бессильно раскинулся в кресле, его везли. Стеттиниус, наклонившись, отдал президенту сообщение от Даллеса. Рузвельт сразу воспрянул, оживился. Обернувшись, он хотел было подать Черчиллю какой-то знак, но премьер уже удалялся в сопровождении Сары.

Черчилль процедил сквозь зубы:

— Слышала? Эти болваны в Лондоне совершенно не владеют ситуацией, от них вреда больше, чем реального дела.

— Настоящие поляки проживают в Польше, — сказала Сара.

— Не нужно мне Сталина цитировать.

— Тогда позволь, папа, я процитирую тебя: «Мы будем разбрасывать листовки, взывающие к нравственности немцев. Но мы и пальцем не шевельнем для Польши, когда немецкая военная машина станет ее давить и уничтожать. Чтобы Гитлер не имел

оснований на нас жаловаться». В тридцать девятом году ты не считал Польшу — делом чести, а теперь ждешь от Сталина понимания.

Черчилль только равнодушно пожал плечами:

— Кстати, детка, я прозондировал насчет покупки дворца. Сталин ответил: «Увы!».

«Доктор N», выполняя приказ «предъявить еще доказательства», привез Уилби и Уилберта к последней, пока не взорванной лаборатории исследовательского центра острова Рюген.

Почти все оборудование уже вывезли, на полках стояли разные колбы и сосуды всех размеров; часть разбитых валялась на полу. Среди осколков что-то шевелилось.

Оба разведчика, много чего на этой войне повидавшие, отчего-то поежились.

— Идите четко по моим следам, если не хотите взлететь на воздух! — обратился немец к Уилби, который был в эсэсовской форме. — Здесь все уже заминировали ваши службы. А кстати, кто же вы все-таки? На какую разведку работаете? Надеюсь, не на советскую?

— А что? — откликнулся Уилби.

— А то, что вон там, за окнами, холмик, видите? Там четыреста русских военнопленных, а дальше, в той стороне — еще триста, — резко хохотнул немец — Тьфу! Что это я?! Ваш начальник, Шуманн, и подписывал приказ! Или вы сами? Когда еще работали на нас!

— Я на вас никогда не работал! — возразил Уилби. — И здесь никогда не был. У меня пропуск только в зону С.

— Зона С — это для обслуги! Ха-ха! — немец указал на шевелящееся на полу. — Недавно еще ползало… Скоро все передохнут! Персонал расстреляли, кормов нет, генератор взорван… скоро все тут остынет… Все погибнет, все! А! Вот! Вот вам доказательство! Документ! Фотографируйте, а то воняет! — он ткнул пальцем в трупик какого-то зверька с пятью ногами и роговым наростом между глаз.

Уилби сфотографировал и поинтересовался, отчего сдохло это существо.

— С голоду, — ответил немец. — Дети приходили кормить… Больше не приходят.

— Какие дети?

— Такие же!

— Для чего вы нас привели в этот… зоопарк?

— Я вас привел, куда просили.

— Хватит валять дурака! — возмутился Уилби. — Сначала ваша семья, теперь какой-то… зверинец! Послушайте, доктор N…

Немец расхохотался:

— А вы так и не поняли?! Нет никакого «доктора N»!.. Вот — «доктор N»!.. Лечебный павильон для больных детишек! Сказочное царство! Для «сказочных» детишек! Они тут зверюшек кормили, цветы поливали, грибы рисовали! — он говорил быстро, точно в бреду. — Все началось… с грибов! Грибы начали расти первыми… Здесь все росло — грибы, ветки, листья. Я обещал детям, что и они вырастут. Все дети хотят вырасти побыстрей. Но они… не росли. Дети… умирали. Они умирали… в мучениях — Неожиданно он выпрямился, откинул голову; его речь сделалась возвышенно-патетической: — Это был великий эксперимент! Столько труда, догадок, гипотез, которые подтвердились! Сотни тысяч марок! Тысячи жизней! Плюс еще трое — моих детей! Зато теперь мы знаем, что ждет наших врагов! Мы знаем, что ждет их детей… — в его глазах вспыхнула ненависть — Ваших!.. И я не позволю, я не дам вам уничтожить…

Говоря, он отступал все дальше и дальше, в глубь лаборатории. Забывшись, задел ногой какую-то проволоку, споткнулся и упал.

Уилби, схватив Уилберта за руку, бросился наружу…

За их спинами раздался первый взрыв. Потом еще несколько.

Вечером того дня Черчилль подъехал к резиденции Рузвельта.

Перед четвертым заседанием три лидера договорились устроить неформальную встречу. Точное время не было строго оговорено, и, воспользовавшись этим, Черчилль нарочно приехал первым, чтобы поговорить с Рузвельтом до приезда Сталина.

Черчилль, усаживаясь в кресло, заметил:

— Нужно отдать должное хозяевам — нас тут прекрасно устроили. И кормят сносно. Попросил тренажер — дали. Прихватил с собой ящик сардин — так и стоит не распакованным. Ну, как поживают ваши планы? Своей интерлюдией о том, какие мы все овечки, Сталин удачно предварил ваш план о «мире четырех полицейских»! Дьявольская все-таки интуиция! Словно так и ждал, что вы это тотчас и предложите! Что там наши на Рюгене? Моя информация пока подтверждается?

— Пока да, — ответил Рузвельт.

— Итак, если бомба у Гитлера все-таки есть… Если джинн уже выпущен из бутылки?

— Вы слишком торопитесь.

— А вы — не чересчур ли медлите? Сталин скоро будет в

Берлине и подомнет под себя пол-Европы! Советское влияние станет нарастать, и тогда… смотрите, как бы все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы не оказались бы под тотальным контролем Москвы! Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София…

— Воображение завело вас слишком далеко.

— Отнюдь нет, — возразил Черчилль. — Я не вижу для этого серьезных препятствий. Сегодняшнее обсуждение польского вопроса показало, как станет действовать Сталин. Кстати, а что тут делают французы? Сидят под дверьми в ожидании, что их пустят в Контрольный совет по Германии? Логичнее было бы допустить в него китайцев.

— Почему, почему вы так упорно не хотите меня понять, сэр?! — неожиданно взорвался Рузвельт.

Черчилль, тоже взрываясь:

— Да потому что, пока мы все только разорялись, великая Америка богатела! Черт подери! Вам легко обойтись без ударной армии, потому что 70 процентов всей мировой промышленности, нефть, финансы, мировая торговля — лучшая «ударная» сила! Русские так милитаризовали страну, что готовы прошагать и еще пол-Европы! Франция… разбери ее, почти целехонька и туда же — в великие лезет! А что бедной старой Англии делать?!

— Оставаться другом моей Америки! — меняя тон на проникновенный, заговорил Рузвельт. — Ничто в этом мире не может быть достигнуто без братского союза англоязычных народов. Это ваши слова. И я их полностью разделяю. Это означает особые отношения между нами! Мой дорогой друг, неужели вы меня до сих пор не поняли?! «Мир четырех полицейских» — это мир без гонки вооружений! Это здоровая экономика, это достаток, это спокойствие наших народов! Могильный камень на военный атом! Вооружившись мирным атомом, мы все равно победим!

— Да понял я вас, понял… Но все это в перспективе. Пока же мне остается воевать тут за те крохи британского величия, которые еще остались! И все-таки… а если мы завтра же получим донесение, что джинн уже выпущен?

— Меня все стремятся в этом уверить! — жестко произнес Рузвельт. — Особенно наши, в Лос-Аламосе! Точнее их главный заказчик. Знаете, Уинстон, я с некоторых пор воюю с собственными спецслужбами. Даллес опасается, что я прикрою программу атомных военных испытаний, и тогда его покровители уже в ближайшем будущем могут остаться без военного госзаказа. Но я президент. Я отвечаю за всю нацию. Мы сильная нация, а сильным выгодно жить без войны!

— Безусловно. Но я считал, что всемирная организация, которую мы создаем, могла бы стать подлинным Храмом Мира, в котором можно будет развесить боевые щиты многих стран. И это могло бы быть достигнуто путем братского союза англоязычных народов! Только им одним!

Доложили о приезде Сталина.

— Когда вы ожидаете окончательного сообщения от наших на Рюгене? — спросил Черчилль быстро.

— Не позднее 9 февраля. Это критический срок, но я надеюсь…

Появился Сталин.

Рузвельт и Черчилль надели приветливые улыбки.

Поздний вечер. Акватория острова Рюген.

Под покровом темноты Уилби и Уилберт тихо отплыли в рыбачьей лодке в том же месте, под прикрытием водолазов. Настроение у обоих было странное, непривычное, особенно у Уилби; Уилберт держался уверенней.

— Как он сказал — дети собирали грибы? И рисовали… Просто грибы. Грибочки… — задумчиво произнес Уилби:

— Атомный взрыв похож на гриб, — пояснил Уилберт.

— Откуда вы знаете?

— Физики сказали. Если атомный взрыв похож на гриб, значит, гриб похож на атомный взрыв. Думаю, оба наши шефа останутся довольны.

— Не думаю, чтобы президент… — начал было Уилби.

— Ну, я не столь доверенное лицо, чтобы докладывать лично президенту, — перебил его Уилберт. — Мой шеф — Даллес.

Ялта. 9 февраля 1945 года. Шестое заседание в Ливадийском дворце

За полуоткрытыми дверями шло заседание. Госсекретарь Стеттиниус делал сообщение от имени министров иностранных дел по польскому вопросу:

— …что касается формулы о создании польского правительства, то три министра иностранных дел пока не достигли соглашения…

В помещении, перед залом заседаний, дежурила охрана трех лидеров. Когда в этом помещении появился американский сотрудник с каким-то донесением, советская и английская охрана тут же словно взяли его в невидимые клещи.

Этот сотрудник что-то сообщил своему начальнику охраны; тот быстро объяснил ситуацию англичанам, потом на ломаном русском — советской охране.

Суть заключалась в том, что прибыло донесение для президента США. То самое, которое «по личной просьбе президента» было приказано немедленно передать государственному секретарю.

Начальник советской охраны сделал протестующий жест.

Эту картину наблюдали всё те же четыре журналиста, сидящие за два помещения от зала заседаний, который им виден не был.

Начальник американской охраны заглянул в зал. Оценив обстановку, заявил сотруднику, что придется подождать.

В зале было «жарко».

ЧЕРЧИЛЛЬ. …Я решительно возражаю! Великобритания в течение стольких лет ведет тяжелую борьбу за сохранение в целости Британского Содружества наций и Британской империи!.. Пока британский флаг развевается над территориями британской короны, я не допущу, чтобы хоть кусок британской земли попал на аукцион с участием сорока государств!

СТЕТТИНИУС. Речь не идет о Британской империи…

ЧЕРЧИЛЛЬ *(обращаясь к Сталину)*. Каковы были бы ваши чувства, если бы международная организация выступила с предложением передать Крым под международный контроль в качестве международного курорта?!

СТАЛИН. Я с большой охотой предоставил бы Крым для конференций трех держав…

Сотрудник, принесший донесение, решительно отстранив начальника охраны, встал у дверей так, чтобы его видел Стеттиниус.

Советская охрана встала у него по бокам. Таким образом, в дверях торчали трое.

Журналисты напряженно наблюдали.

Стеттиниус увидел сотрудника с донесением в руках. Он вышел из зала, прочитал сообщение и в свою очередь сам встал у дверей так, чтобы его видел Рузвельт. Рузвельт увидел, изменился в лице. С этой минуты все мысли президента сосредоточились на сообщении от Даллеса.

ЧЕРЧИЛЛЬ *(распаляясь все больше)*. Тито — диктатор в своей стране!

СТАЛИН. Тито вовсе не диктатор. Положение в Югославии остается неопределенным.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Вы подтверждаете ваше согласие на то, чтобы предложить Тито вышеупомянутые поправки?

СТАЛИН. Я не делаю пустых заявлений. Я всегда держу свое слово.

РУЗВЕЛЬТ. Я. . Я предлагаю закрыть заседание.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Но я еще хотел бы обсудить вопрос о военных преступниках. Я имею в виду тех из них, чьи преступления не связаны с определенным географическим местом.

РУЗВЕЛЬТ. Это сложный вопрос. На этой конференции его рассмотреть невозможно. Не лучше ли передать его на рассмотрение трем министрам иностранных дел? Они дадут отчет через три-четыре недели.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Хочу напомнить, что я сам составлял проект декларации о военных преступниках для Московской конференции 1943 года. Вообще… лучше всего было бы расстрелять главных военных преступников, как только они будут пойманы.

СТАЛИН. А как быть с теми, кто уже пойман, например с Гессом? Будет ли он включен в ваш список? И как быть с судом над ними?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Безусловно, они все должны быть судимы. Но какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая — вот в чем вопрос. По моему мнению, суд должен быть политическим, а не юридическим актом.

РУЗВЕЛЬТ. Предлагаю передать вопрос о военных преступниках на изучение… трем министрам иностранных дел.

«Дьявол вас всех забодай!..» — читалось в его взгляде. Он

нетерпеливо поскрипел креслом. Сталин и Черчилль нехотя кивнули. Секретари принялись собирать бумаги….

И тут Сталин снова заговорил, намеренно неторопливо, растягивая слова:

— А скажите еще вот что: на-чалось ли на-ступление на Западном фронте?

— Вчера, в 10 часов утра 100-тысячная британская армия начала наступление в районе Неймегена, — заявил Черчилль. — Войска продвинулись на три тысячи ярдов на фронте шириной в пять миль. Они достигли линии Зигфрида. Взято несколько сот пленных. Наступление будет безостановочным и будет непрерывно разрастаться!

Из всех заседаний только шестое шло с перерывом. Никто не придал этому значения. Поднимались такие вопросы, что, казалось, сам воздух в зале вот-вот закипит. Нервы лидеров были взвинчены до предела — почему бы немного и не остыть?

Рузвельт в своем кресле стремительно пронесся через помещение, в котором находились журналисты.

Можно лишь предполагать, обратил ли кто-нибудь внимание на странный перелом, произошедший в настроении американского президента. Но журналисты, наблюдавшие его меньше минуты, заметили, как сильно Рузвельт был взволнован, как он торопился куда-то. Куда?

Кресло Рузвельта катилось по коридору… В одном из помещений дворца его ожидал Стеттиниус. Рузвельт почти выхватил донесение.

Прочитав и перечитав, опустил руки, долго глядел перед собой.

— Что … там? — не выдержав паузы, спросил Стеттиниус.

— Они ее взорвали… Даллес убежден… Материалы с Рюгена… Даллес готов их привести… — отрывочно произносил Рузвельт. — Даллес… — произнес Рузвельт с прорвавшимся раздражением, — он сделал все, чтобы Сталин имел основания подозревать меня в сепаратных переговорах с Гитлером! — Потом Рузвельт сделал глубокий вздох и уже спокойнее обратился к госсекретарю: — Эдвард, организуйте-ка мне вот что! Я хочу поговорить с тем парнем, как его — Уилберт, кажется. С ним, а не с Даллесом! Посмотрим, сможет ли он… солгать своему президенту.

«Посмотрим, сможет ли он солгать своему президенту…» — так сказал Рузвельт. Для американца тех лет «солгать своему президенту» было все равно, что сфальшивить перед лицом Высшей силы — самим Господом.

Ночь. Юсуповский дворец. Сталин в кабинете читал сводки по фронтам, доклады командующих. Часто отвлекаясь, подолгу смотрел в окно. Позвонил.

Вошел Поскребышев, с новыми сводками.

— Положи, — приказал Сталин Поскребышеву. — Ты ничего не заметил в поведении президента?

— Выкатился из зала, точно на пожар торопился! Ждет новостей?

— Не от Даллеса ли? — уточнил Сталин.

— Секретные переговоры с немцами о сепаратном мире? По последним данным, — начал докладывать Поскребышев, — генерал-полковник СС Карл Вольф через Даллеса установил контакт с папой Пием XII. Если так пойдет дальше, то скоро этот эмиссар Гиммлера напрямую встретится с Даллесом где-нибудь в хронически нейтральной Швейцарии. Может быть, Рузвельт получил сведения, что Гитлер готовит ядерный удар по Нью-Йорку или Лондону? Хотя… почему тогда Черчилль спокоен?

— Рузвельт как будто потерял интерес к тому миропорядку, который здесь мы готовим. Помнишь, в 42-м он сказал Молотову, что видит будущий мир как мир «разоруженный»? Тогда для нас это прозвучало дико — шла война… А теперь это могло бы быть. Если бы, как тогда говорил Рузвельт, оставить, к примеру, только три армии, ну с китайской — четыре — нужно же держать японцев в узде… остальных полностью разоружить. Наши армии использовать, как используют полицейских — для принуждения к спокойствию и порядку. Но почему он здесь этого не предложил? — размышлял вслух Сталин.

— Может быть, завтра предложит? — предположил Поскребышев.

— Может быть, опасается, что Курчатов опередил лос-аламосских «старателей»?

— Или кто-то другой… опередил?

— Немецкая атомная бомба могла бы стать предметом торга с Гиммлером, и тогда понятно, почему Рузвельт колеблется. Но, во-первых, я убежден, — с нажимом произнес Сталин, — что Рузвельт на такую сделку уже не пойдет. А во-вторых, Берия убежден, что Гиммлер блефует. Бомбы у него пока нет.

— Значит, все-таки… предложит?

— Рузвельт — самый великий из всех президентов Америки. Но если он предложит мир без военной гонки, он будет самым великим из всех государственных деятелей всех времен и народов. Но интуиция мне говорит, что этого… не произойдет. Ни теперь, ни после.

Берег моря. Очень раннее утро. Два медленно движущихся силуэта. Один в инвалидной коляске, это Рузвельт; другой идет рядом. Это Уилберт.

Всполохи зарниц над морем, тихий шепот волн… Оба приближаются к ожидающей президента охране. Рузвельт протягивает Уилберту руку. Их крепкое рукопожатие.

Уилберт не солгал своему президенту. По его мнению, готовой бомбы у немцев пока нет.

10 февраля 1945 года
Предпоследний день работы Конференции

Рузвельт и Черчилль вместе приближались к залу заседаний. Черчилль шел, слегка склонившись к Рузвельту.

— Вы приняли решение, мой друг? — обратился к президенту Черчилль.

— Да, — ответил Рузвельт.

— И каким же оно стало после… утренней беседы?

— Оно не изменилось. Можно задать вам один вопрос?

— Обещаю ответить со всей искренностью.

— Тогда, на Мальте, когда вы представили мне в доказательство ребенка, рисующего атомный взрыв, вы были уверены на все сто?

— Наполовину.

— Я сегодня утром говорил с Уилбертом, — продолжил Рузвельт. — Он мне сказал правду — такую же, как вы сейчас. Фифти-фифти. Доказаны лишь последствия. Но они могли наступить и от иных причин. Гитлер очень близок к цели; возможно, даже ближе всех нас. Но он ее еще не достиг! И мы еще успеем… Вы были правы в том нашем разговоре на Мальте, когда сказали — «нам еще предстоит закончить эту войну». Пока будут гибнуть американские солдаты, я не стану говорить о вечном мире. Мои предложения здесь были бы преждевременны. Но своего решения я не изменил.

— Упрямец… — тихо произнес Черчилль.

— Что вы там бормочете, Уинстон? К концу весны, а может быть, и раньше, когда русские будут в Берлине и мы расстреляем Гитлера, Гиммлера и Геринга, когда Сталин избавится от подозрений относительно нашего сепаратного мира, мы проведем новую конференцию, и тогда я предложу свой план…

Оба, заметив идущего к залу заседаний Сталина, приветствуют его.

Седьмое и восьмое заседания конференции были короткими. Рузвельт настоял на передаче трем министрам иностранных дел окончательного текста заявления по польскому вопросу. Рузвельт согласился на участие Франции в лице Шарля де Голля в Контрольном совете по Германии, хотя раньше этому противился. По основным пунктам все со всеми согласились.

«Дискуссионным» получился лишь вопрос о первоочередности подписей: Рузвельт предложил первой

поставить подпись Сталина; Сталин предложил алфавитный порядок — Р, С, Ч. Но Черчилль с усмешкой заявил, что если руководствоваться английским алфавитом, то его подпись должна стоять первой. Сталин также весело отвечал, что готов принять очередность по английскому алфавиту.

Последним пунктом повестки дня стал вопрос о времени опубликования Коммюнике Крымской конференции. И вот тут приоритет был отдан не «вашингтонскому», а именно — 13 февраля в 8 часов утра, как того желала бы американская сторона, а московскому времени! — 12 февраля в 23 часа 30 минут, причем в Москве, Лондоне и Вашингтоне одновременно!

Да! То время было нашим!

Кадры, сделанные журналистами и операторами в Крыму, скоро увидит весь мир. Весь мир узнает и прочтет документы, принятые на Крымской конференции главами государств-победителей, — документы, определившие его судьбу на столетия вперед.

В парадной гостиной Ливадийского дворца, куда на прощальную встречу Сталин пригласил своих гостей, специально вызванный фотограф сделал несколько снимков, в том числе и вместе с дочерью Черчилля. Пока фотограф работал, три лидера пили чай, непринужденно беседовали.

РУЗВЕЛЬТ *(продолжая разговор).* Да, пятьдесят лет назад мир не знал многих вещей, без которых теперь не может обойтись. Через пятьдесят лет человечество узнает такое, что нам и не снится … *(Сталину.)* Какой вы видите вашу страну через пятьдесят лет?

СТАЛИН. Я не вижу… моей страны.

РУЗВЕЛЬТ *(не поняв, отводит глаза).* А… и я, пожалуй, не вижу Америки. *(Шутливо.)* Зато вижу Великобританию через пятьдесят лет!

ЧЕРЧИЛЛЬ. Да? Ну-ну, это любопытно!

РУЗВЕЛЬТ. Да, да, я ясно вижу — к власти у вас придет женщина, этакая стальная леди и… и закроет все шахты!

ЧЕРЧИЛЛЬ *(смеется)*. А у вас будет чернокожий президент!

(Все трое смеются.)

РУЗВЕЛЬТ. Мы увлеклись прогнозами… Но в один прогноз мы все верим свято! *(Поднимает бокал.)* За победу!

СТАЛИН. За нашу… победу!

Послесловие

Великий замысел

29 января 1945 года войска Красной Армии перешли границу Германии… В это же время лидеры трех стран-союзниц готовились к поездке в Крым, в Ялту на конференцию, которая войдет в историю как событие, заложившее основы того мира, в котором мы сейчас живем.

Главным итогом Крымской конференции можно считать создание международной организации, призванной «обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды».

Осуществился ли этот замысел? Ответ очевиден — нет. Люди жили и живут в страхе перед новыми войнами. То ли мировой порядок был заложен тогда неправильно, то ли жизнь людей без войны вообще немыслима?

Хочется думать, что виноваты все же политики: их недомыслие, их нерешительность, честолюбие и эгоизм.

В тот переломный момент мировой истории, когда вот-вот должны были отгреметь последние залпы самой чудовищной и преступной из войн, — в этот момент так важно было найти то единственное, правильное решение, которое могло бы по-иному повернуть всю мировую политику! И ведь оно было!

Планы скрытые, планы явные…

Естественно, каждый из трех мировых лидеров ехал на Ялтинскую конференцию с собственным планом устройства послевоенного мира. Эти планы можно разделить на две группы: открытые — те, что будут предлагаться для обсуждения, и скрытые — их каждый из лидеров вынашивал про себя.

Сталин прибыл в Ялту 30 января: как хозяин, он хотел лично ознакомиться с будущими резиденциями своих гостей — Рузвельта и Черчилля. Уже находясь на месте, он получил донесение о том, что с 30 марта по 2 февраля на Мальте, на военной базе Великобритании Ла-Валлетта, Рузвельт и Черчилль встретятся для предварительной беседы; там же пройдет совещание начальников объединенных штабов США и Великобритании.

О чем думал Сталин, представляя себе эти «предварительные» встречи, гадать не станем, но чувствовал он себя в эти дни довольно уверенно: стремительное наступление Красной Армии, безусловно, было определяющим для всех

последующих событий, кто бы чего не замышлял.

А замышляли Рузвельт и Черчилль, как теперь стало ясно, совершенно разное.

Во время встречи на Мальте Черчилль требовал от Рузвельта поставить перед Сталиным вопрос о Балканах и оккупации Восточной Европы; основным мотивом его настроения было — «мавр (в лице СССР) сделал свое дело; мавр может — и должен — удалиться!».

Но не нужно думать, что Рузвельт разделял это мнение. Скорее наоборот. В вопросе о будущей роли СССР в судьбах послевоенного мира американский президент был настроен диаметрально противоположно.

«Мир четырех полицейских»

Принято считать, что в основу почти всех решений, принятых в Ялте, заложены американские проекты. Но мало кто знает, что главный американский, или, точнее сказать, «рузвельтовский план», с которым американский президент ехал на эту конференцию, так и не был им озвучен.

Почему? И что это был за план?

Чтобы его понять, важно вспомнить, какое мнение о Сталине сложилось у Рузвельта к концу войны.

Своему госсекретарю Эдварду Стеттиниусу Рузвельт говорил, что гениальность политика в том, чтобы меняться вместе с изменяющимся миром, и Сталин — таково было твердое убеждение Рузвельта — меняется! И меняется не в сторону ортодоксального коммунизма.

Вспомним, какими словами Рузвельт встретил Сталина еще на конференции в Тегеране: «Мы приветствуем нового члена нашей демократической семьи!».

Рузвельт считал, что у него и у Сталина, как лидеров двух великих наций, одинаковое желание — обеспечить своим народам сытость, спокойствие, мир!

«Мир нужен Сталину, как хлеб для голодающей страны, как воздух для задыхающихся от дыма пожарищ!» — говорил Рузвельт в своем кругу.

Рузвельт был убежден, что гораздо выгоднее сделать Сталина и Советский Союз, показавший свою силу в войне с Гитлером, своим союзником и партнером, нежели иметь его своим врагом. И, прежде всего, как это ни прозвучит странно — в области

военной.

Исходя, в первую очередь, из этой партнерской роли СССР, Франклин Рузвельт и выводил свой план послевоенного устройства, который мог бы обеспечить прочный и надежный мир на много десятилетий вперед.

Этот план вошел в историю под названием «Мир четырех полицейских».

Два главных исходных положения, заложенных в этот план таковы:

1. Континенты входят в эпоху единой общемировой экономики.

2. Здоровая мировая экономика и гонка вооружений есть вещи несовместимые.

Как же этой гонки не допустить? Причем, на качественно новом уровне — вспомним, что по сути уже начиналась атомная эра!

А вот как! Следует оставить всего четыре армии: у СССР, Соединенных Штатов, Британии и, возможно — Китая (нужно же держать Японию в узде!). Все остальные государства полностью разоружить.

Вооруженные силы четырех великих держав будут использованы только в целях подавления какой-либо зарождающейся агрессии, то есть в полицейских целях, и никогда друг против друга.

Еще на Мальте, перед поездкой в Крым, выслушав от Рузвельта этот план, Черчилль справедливо заметил, что при таком раскладе и учитывая, что СССР все же остается по другую сторону идеологической баррикады, гонка вооружений может начаться, как он выразился, «в самой нашей тепленькой компании, да еще и на новом атомном уровне».

Атомная бомба… Вся мировая элита тогда думала о ней.

Напомним — в конце войны ближе всех к созданию атомной бомбы подошли немцы.

На февраль 1945 года их устройства состояли из плутониевой начинки, обложенной обычной взрывчаткой. Это была так называемая имплозивная бомба весом не менее одной тонны. Использовался недостаточно чистый уран-235. Радиус поражения — 500 метров.

Но полноценной бомбы у Гитлера тогда еще не было.

Ответ Рузвельта на опасения Черчилля поражает до сих пор! Могильный камень на военный атом!

Рузвельт предложил атомную бомбу вообще не взрывать. Никогда! Иными словами, отказаться от применения ядерного оружия.

Вооружившись же мирным атомом, считал Рузвельт, мы все равно победим!

«Мы» в данном случае означало «братский союз англоязычных народов» — тот самый, о котором Черчилль еще упомянет — в Фултоне.

Американский президент имел все основания говорить о подобной «мирной» победе. В 1945 году США нарастили огромную мощь, в то время как все остальные государства, по сути, только разорялись. 70 процентов всей мировой промышленности, нефть, финансы, мировая торговля… — США были сильны как никогда. А сильным жить без войны выгодно.

Так считал Рузвельт.

Президент, проигравший время.

Но почему же, отправляясь в Крым с планом «четырех полицейских», он так его и не предложил?

Объяснений может быть несколько.

Спецслужбы в лице Даллеса стремились уверить Рузвельта в том, что немцы уже имеют атомную бомбу, что они провели первые испытания на острове Рюген и готовят новые — в Тюрингии. Это могло означать необратимость процесса — военный атом заработал. Но Рузвельт не очень доверял Даллесу, понимая, что за ним стоят воротилы военной промышленности, которые в ближайшем будущем боятся остаться без военного (уже атомного) госзаказа.

А может быть, Рузвельт просто решил, что еще успеет предложить проект своего мира «четырех полицейских». Возможно, он надеялся сделать это на будущей конференции в поверженном Берлине?

Ведь еще предстояло закончить войну. А это вполне в духе американца, а тем более американского президента — не заявлять о вечном мире, пока американские парни продолжают гибнуть в Европе.

В английском языке есть малопонятная нам грамматическая категория — «future in the past» (будущее в прошедшем, одно из времен глагола. — *Е.С.*). Это не сослагательное наклонение, которого, как известно, не терпит История; это — будущее в прошлом. Рузвельт сказал, что он предложит свой план… Сказал и словно бы уже сделал.

Но на политическом ринге отложенный на будущее удар может уже никогда не состояться. Так и произошло. До

следующей конференции в поверженном Берлине американский президент попросту не дожил.

Увы! Рузвельт проиграл время.

Глава 6
Маленькие трагедии третьего рейха

Хрустальная ночь

Ночь с 9-го на 10 ноября 1938 года была лунная… Зрелище битого стекла, засыпавшего улицы немецких городов и отражающего свет небесных светил, навеяло красивое название для этой ночи на министра экономики Германии Вальтера Функа: именно ему принадлежит идея оставить ее в анналах истории как «хрустальную».

Пример подал Берлин. Удары металлического лома в витрину часового магазина на Курфюрстендам, вероятно, не были первыми. Но с них могла бы начать фильм об этой ночи Лени Рифеншталь: множество часов, больших и маленьких, в первую же минуту погрома было испорчено и разбито. Словно само Время отказалось двигаться дальше и нарушило свой ход. Лени любила аллегории; такие кадры ей бы удались. А дальше…

Били витрины и окна домов. Страшно, зверски избивали людей. Выстрелов почти не было. Забивали стальными прутами, кастетами, дубинами, наносили раны ножами и даже вилками, обыкновенными, столовыми. Арестованных били по дороге к тюрьмам, причем, как было сказано в приказе Гейдриха, брали «здоровых и не слишком старых». Стариков в тюрьмы не возили. Их калечили и бросали в разгромленных домах. Также поступали и с детьми.

Вожди играли в неведение. Гитлер, Гесс, Гиммлер, Геринг и прочие предпочли провести эту ночь вне дома, приказав усилить охрану. Пока хозяева отсутствовали, охранники обсуждали происходящее в городе.

В доме вождя Трудового фронта и начальника орготдела НСДАП Роберта Лея один из постов внутренней охраны дежурил возле спальни восьмилетнего сына Лея — Генриха. Охранники были уверены, что ребенок спит, и не стеснялись в выражениях. Эти бодрые парни — Курт и Бруно — досадовали, что не могут принять участие в побоище:

— Обидно сидеть без дела… Я бы паре абрамов объяснил, что я про них думаю, — это Курт.

— А похоже, тут, у хозяев, тоже жиденок пристроился… А по мне, если взялись изводить это племя, так уж начисто, — поддержал Бруно.

До сих пор тревожно дремавший, на этих словах Генрих открыл глаза. Неделю назад к нему приехал погостить его лучший друг Давид, младший сын управляющего их баварским имением. Давид спал сейчас в его комнате и, к счастью, ничего не слышал. А Генрих понял: эти славные парни — Курт и Бруно —

знают, что сейчас в городе происходит что-то очень страшное, что касается евреев; еще они знают, что Давид тоже еврей. Генрих хотел броситься к матери, рассказать. Но вдруг подумал, что если он сейчас выйдет, то они — Курт и Бруно — могут сразу войти сюда или впустить кого-нибудь из жуткой ночи. Генрих понял, что никого не удастся позвать и нужно самому защитить друга. Он стал думать, как это сделать. Он сам маленький и слабый, вот если бы достать оружие… Генрих прошлепал босыми ногами по полу спальни, залез на подоконник; прижавшись лбом к стеклу, он с тоской вглядывался в ночь. Внезапно он услышал звук подъехавших машин, хлопки дверей… Кто-то входил в дом. Генриху захотелось залезть в постель, накрыться одеялом и притвориться, что спит, — его-то они не тронут. Он задернул шторы, погасил лампу… Звуки шагов были уже рядом: они приближались к спальне… Генрих вдруг перестал дрожать и испытал странную легкость. Просто встал у постели друга, сжав маленькие кулачки, и ждал тех, кто сейчас появится.

Роберт Лей, вернувшись домой, по привычке заглянул в детскую. Еще ничего не различая в темноте, он услышал тоненький вскрик и едва успел подхватить метнувшееся к нему и сразу обмякшее тельце сына.

Утром врачи поставили диагноз: нервный срыв; жизнь ребенка в смертельной опасности. Генрих дрожал, бредил, просил спасти друга, не впускать в дом страшную ночь… В голове отца созрела догадка. Допросив охранников, Лей понял, что произошло.

А днем, сидя на совещании у Гитлера, выкуривая сигарету за сигаретой в нос Адольфу, он видел перед собой бредящего сына, безумные глаза жены, испуганные слезы маленького Давида, славного чистого мальчишки — о таком друге для сына мечтает любой отец!

И любой задал бы себе вопрос: кто виноват в том, что, может быть, умрет твой мальчик?

Конечно, его задал себе и Роберт Лей. И ответил. Через два дня, 13 ноября 1938 года, в партийной газете «Фелькишер беобахтер» вышла статья трудового вождя с разъяснениями немецким рабочим по поводу «Хрустальной ночи»: «Евреи — это всегда проблема, — писал Лей. — Решений этой проблемы может быть несколько. Но должно быть найдено только одно. Когда оно будет найдено, то станет окончательным».

Леонора

Леонора Каррингтон родилась художницей. Новорожденная картина мира, в которой все перевернуто, так и не встала на ноги в ее глазах: мир остался для нее искривленным, зависнув под углом, он не получил опоры.

Леонора всегда была немного другой, даже не странной, а именно другой, словно предназначенной для какой-то тропинки, которая резко сворачивала в сторону, а затем — не то падала, не то взмывала вверх от того привычного векового пути, которым плавно скользили девушки ее круга. Оставив безнадежные попытки сделать из дочери светскую даму, родители отпустили ее в Италию — учиться живописи. Живопись стала опорой искривленного мира Леоноры Каррингтон.

Она была счастлива в Риме, счастлива в Париже… Любимые с детства, полные сакральных смыслов эпосы древних кельтов и собственные сновидения, с которых, как с натуры, она писала свои картины, привели Леонору к сюрреалистам. В их веселом кругу она обрела еще одну опору — Макса Эрнста.

Это был действительно веселый круг единомышленников. В отличие от самоедов-модернистов, эти ребята желали сами причинять боль зловредному миру! Сюр — страшненькое дитя межвоенных десятилетий — выдохнул в мир целый рой алогизмов и парадоксов, биоморфных знаков, смыслов бессмыслицы, форм бесформенности… Вот, к примеру, портрет художника Макса Эрнста, сделанный поэтом Полем Элюаром:

В одном углу проворный инцест
Вертится вокруг непорочности платьица.
В другом углу небо разродившееся
Колючей бурей бросает белые снежки.

В одном углу светлее чем другие если присмотреться
Ждут рыб печали,
В другом углу машина в летней зелени
Торжественно застыла навсегда.

В сияньи юности
Слишком поздно зажженные лампы
Первая показывают свои груди красные насекомые их убивают…

Семейная жизнь Макса и Леоноры — метание маятника: от «Леоноры в утреннем свете» к «Ангелу очага» — самому кошмарному из всех кошмаров сюра. Когда мужчины пишут так, как писали Грос, Дали, Пикассо, Эрнст, женщины испуганно бросают свои кисти. Женщины трепещут перед экспансией мужского абсурда и жмутся к семейному очагу. Но из очага Леоноры вырвалось это чудовище и вгрызлось в холст Макса. С тех пор она стала бояться пустых холстов. Но у нее оставался Макс. Он, как Атлант, подпирал ее мир. Неся голову в облаках сюра, Макс Эрнст крепко, обеими ногами упирался в кровавый земной реализм арестов, расстрелов и концлагерей.

Нацизм наступал. Макс и Леонора помогали друзьям-евреям вырваться из кошмара Европы. Как они ненавидели наглеющий фашизм! Но в 39-м «Атланта» неожиданно сбили с ног — Макса Эрнста арестовали в Париже, арестовали всего лишь как немца, как подданного страны-противника.

Последняя опора рухнула, и вместе с ней — мир Леоноры. Леонора Каррингтон снова взглянула на мир взглядом новорожденного младенца. Ее первое безумие длилось недолго; друзья увезли ее в Испанию. Там безумие повторилось. Отец пробовал лечить дочь, но она смеялась и уходила из клиник. Отец не понимал; никто не понимал: она не была безумной; это Европа сошла с ума и встала на голову, а Леонора все видела правильно.

Когда послевоенный мир снова встал на ноги, для Леоноры он всего лишь вернул себе привычный ей искривленный вид. Но ей это уже не мешало. Она больше не искала опор. Ее воля окрепла; ее взгляд, как стальной прут, нанизывал и удерживал биоморфные фрагменты мира. Отдыхающая после бойни реальность казалась слишком божественно бесценной, чтобы искать что-то поверх нее. Сюр умер. Леонора Каррингтон пережила рубеж веков.

Молитва арийской матери

Фюрер, мой фюрер, данный мне Господом!
Спаси и сохрани мою жизнь!
Фюрер, мой фюрер, моя вера, мой свет!
Не покидай меня вовеки!

Бальдур фон Ширак

27 апреля 1945 года, перед тем как присесть на минутку за стол, чтобы выпить горячего чаю, пятнадцатилетний член Гитлерюгенда Мартин Грюнер, привычно произнес эту молитву, которую повторял перед завтраком и ужином каждый день своей коротенькой жизни. Его мать Герда Грюнер так привыкла к ней, что и сама затвердила это обращение не к самому Господу, а к тому, кто был ближе, лучше него! Поколения Грюнеров, аккуратно молившиеся этому Господу, ничего у него не вымолили, кроме нищеты, грязи, болезней, беспросветности. А ведь они работали, они всегда так много работали! Но вот пришел фюрер и открыл для них свет: в этой квартире, в которую они перебрались из своей прежней конуры, всегда было солнце, впервые она и муж узнали, что значит отдыхать, а их мальчикам не пришлось попробовать то, на чем их родители выросли, — голода. И что им было за дело до всяких там евреев и коммунистов, мешавших фюреру делать жизнь немцев легче и счастливее!

Потом началась война, началась как-то незаметно, необременительно. Герду война ударила только в сорок втором, когда под Сталинградом погиб муж. Стало хуже: пугали бомбежки, пришлось пойти работать — прачкой в бытовой комбинат, обслуживающий штаб верховного командования. И всё из-за злобных русских и коварных англичан! Сын стал часто отлучаться из дому, а в последний месяц его и вовсе забрали в отряд самообороны, и он только изредка забегал домой переменить белье.

27 апреля Герда напоила его чаем, собрала чистые рубашки, и он ушел, взвалив на плечо тяжелый фаустпатрон. А вечером к ней пришли два офицера, велели быстро собраться и следовать за ними — в рейхсканцелярию, в ставку фюрера. Ей объяснили, что теперь там она будет делать свою работу — стирать белье, что эта честь оказана ей, как истинной арийке и вдове героя. Она

немного растерялась: в соседней комнате спал второй сын, четырехлетний. Офицеров о нем, по-видимому, не предупредили. Узнав, они переглянулись: один выругался, но другой махнул рукой: «Ладно, забирайте с собой! Некогда!».

Медсестра лазарета рейхсканцелярии Лиз Линдехорст показала Герде, где ей жить и как выполнять свои обязанности. Целый день, 28-го, Герда стирала наверху, на кухне, где была горячая вода, а 29-го ей приказали бросить тут все и спуститься в бункер, чтобы работать там. Сына велели оставить наверху, но она в ужасе ухватилась за него, и эсэсовец, как и те двое, махнул рукой: «Ладно, некогда, забирайте!». Герда стала стирать внизу; ей отвели закуток в комнатке, где лежали раненые и куда была выведена труба, по которой все еще подавалась горячая вода, и Герда работала, стирала, не разгибая спины, ничего не видя, не слыша, только изредка справляясь у кого-нибудь о сыне, которого взяла к себе добрая фрау Геббельс. Мальчик сам иногда забегал к ней, часто вместе с младшей девочкой Геббельсов Хайди: дети садились на корточки, надували пузыри из падающей на пол мыльной пены и не хотели уходить, даже пробовали прятаться, когда их звали.

Герда стирала, стирала, и одна мысль сверлила ей мозг: «Когда же мы отсюда выберемся?». Особенно когда стены бункера начинали как-то странно подрагивать. Секретарша Кристиан пришла за чистыми рубашками и сказала, что русские танки на Вильгельмштрассе. «А когда же мы…» — начала Герда, но Кристиан ее оборвала: «Пока фюрер жив, мы останемся!» — «Вы что, не поняли, фрау, — бросил ей раненый эсэсовец с гангреной, — никуда вы отсюда не выберетесь. И мальчишка ваш — тоже».

30-го, около десяти утра, когда Герда все еще стирала, за ее спиной раздался топот; раненые приподнялись, все взгляды потянулись к двери. В лазарет вошел Гитлер. Минуту он стоял, обводя лица покрасневшими глазами; судорогой у него свело щеку, и он резко прижал к ней ладонь, точно дал себе пощечину. Потом кивнул всем и вышел. Кто-то зарыдал в голос; кто-то истерически расхохотался. «Он… простился», — догадалась Герда. Ее почти не тронуло, что она видела фюрера так близко; она думала только о сыне: может, теперь их выпустят? Но время шло, а она все стирала, стирала… Стены вокруг потряхивало, и казалось, вот-вот все рухнет и разверзнется ад, потому что ад был теперь над головой, а в нем ее старший мальчик. И она начала молиться и молилась, молилась над грязной пеной, привычно повторяя его слова: «Фюрер, мой фюрер, данный мне Господом,

спаси и сохрани мою жизнь, фюрер, мой фюрер, моя вера, мой свет… умри же, наконец! Умри же! Умри…».

Из всех подвалов и бомбоубежищ выползал сейчас в пылающий воздух Берлина этот жаркий сухой шелест тысяч материнских губ — молитва арийской матери, самая бессильная из материнских молитв.

Самоубийство мечты

Два старых человека — муж и жена — присели на скамейку возле ручья, опоясывавшего их ухоженный садик. Еще вчера она сажала тут луковки поздних крокусов; муж ей помогал… а сегодня утром они так же вместе решили, что эти крокусы расцветут без них, потому что их жизнь должна закончиться сегодня, и пусть это случится здесь, у волшебного зеркала воды, вернувшего молодость их лицам… Он достал коробочку, взял одну капсулу с ядом; другую отдал ей…

Они прожили вместе полвека и умерли в один день. На их могиле не осталось надписи — такова была его последняя воля, и младший сын Гейнц ее исполнил. С лета 45-го года в Германии появлялись такие безымянные могилы: иные фамилии и теперь еще колют память живых… Гессы, Геббельсы, Гиммлеры… Но никто даже не поморщится при благозвучном имени: Хаусхофер.

Отставной генерал, профессор, директор института геополитики, принимавший в своем доме всю научную, культурную, а в тридцатые и политическую элиту Европы, воплощение респектабельности, научной основательности и интеллектуального обаяния, Карл Хаусхофер был одновременно и олицетворением самых чудовищных планов немецкого фашизма. Карл Хаусхофер был также и единственным человеком, перед которым всю жизнь заискивал Адольф Гитлер, совершенно от этого не страдая.

В дом Хаусхоферов Гитлера привел Гесс, друживший со старшим сыном Карла Альбрехтом. После этой встречи Карл долго пытался внушить Рудольфу, что ему не следует знаться с такими типами. «Политический хулиган» было самым мягким определением по отношению к Гитлеру. «Никогда моя Германия не пойдет за таким шутом!» — патетически восклицал Хаусхофер. Гитлер же сразу понял, для чего ему позарез нужен этот интеллектуал, облагораживавший все, к чему бы ни прикасался. Кровавая доктрина нуждалась в респектабельности.

Геополитика входила в моду. Молодая наука родилась с клыками и когтями. «Пространство — как фактор силы» — это выражение Карла Хаусхофера Гитлер поднял, как знамя. Из университетских лекций профессора выкинули Геродота и Монтескье, скрестивших географию с политикой, даже швед Челлен, автор самого термина «геополитика», был вычищен: в умах юношества должен был крепко засесть главный геополитик всех времен и народов, личный друг фюрера Карл Хаусхофер.

Карлу дали институт, финансирование, зеленую улицу для

любых проектов. Ему позволялось многое: жена Марта, еврейка, находилась под личной охраной Гиммлера; сыновья-полукровки не имели ограничений в карьере, поездках, публикациях. Все это не могло не действовать на психику ученого, а главное — Карлу давали работать.

Но плоды этого труда, начавшие обильно созревать в сороковые годы, вызывали все большее смятение в его душе. «Жизненное пространство» отвоевывалось тяжело и кроваво; от теорий о чистоте расы и крови потянуло дымом крематориев. А когда тщательно подготовленная с участием сына Альбрехта миссия Рудольфа Гесса в Англии сорвалась, Карл Хаусхофер вдруг словно очнулся посреди кошмара.

В мае 1943 года, во вторую годовщину полета Гесса, Гитлер посетил дом Хаусхоферов. В одном из блокнотов Бормана осталась такая запись: «10 мая. 17.00. Фюрер у Хаусхоферов.

Оплакивали Гесса. Сопровождать запретил. Отсутствовал четыре часа. Отменил совещание. В крайнем удручении».

В июне того же года Альбрехт Хаусхофер записал: «Отец намерен оставить все должности, о чем уже уведомил министра…».

В 44-м Альбрехта арестовали за подозрение в участии в июльском заговоре; через год расстреляли.

Во время Нюрнбергского трибунала Карла Хаусхофера привезли на допрос Гесса. Тот, разыгрывавший амнезию, своего учителя «не узнал». Вернувшись из Нюрнберга, Карл сжег архивы, часть книг; жена Марта удобрила золой клумбы, посадила цветы… 13 марта оба пришли к ручью, сели на скамейку и приняли яд. Почему? Хаусхофера никто не преследовал; ему никто не предъявил обвинений… Заговорила совесть?

Младшему сыну Гейнцу Карл Хаусхофер оставил записку, которая все объясняет: «Если тебе скажут, что я приложил свою руку к гибели Германии, не верь. Но знай, я приложил свой ум к гибели германской мечты».

Шанс

Считается, что каждому человеку в жизни выпадает шанс как-то по-иному повернуть свою судьбу, куда-то прорваться, иными словами — взлететь. Можно повторить смертельный полет Икара; можно, как курица, вспархивая на метр, всю жизнь носиться по птичьему двору. Эти две крайности, как ни странно, встречаются чаще всего. А вот полет на средней высоте — трудное дело. Для него требуется мощь, расчет, наземное обеспечение, понимание цели, да много чего. И есть такая категория людей, которая, на первый взгляд, вроде бы и подходит для такого полета.

На первый взгляд, именно к ней и относился шведский предприниматель по имени Биргер Далерус. Богатый, хорошо образованный человек всегда отличался каким-то внутренним беспокойством, словно бы мышечным напряжением бегуна на старте, какой-то искрой в глазах, которая проскакивала всякий раз, когда речь при нем заходила о великих мира сего.

Биргер Далерус был честолюбив. Но он не стал бы подпрыгивать на месте; он ждал своего шанса, тех обстоятельств, которые сами оторвут его от земли, а уж он-то сумеет набрать высоту! И он дождался. В 1938 году в его фирме электротоваров появился новый сотрудник, с виду ничем не примечательный молодой человек, скромный, воспитанный, исполнительный. Его звали Томас фон Катцов. И дело, конечно, было не в нем, а в его отчиме — знаменитом, всесильном, гремевшем и сверкавшем на весь мир Германе Геринге! Томас был сыном Карин фон Катцов, первой и любимой жены Геринга, которая уже умерла. Любовь к ней перешла у Геринга и на ее сына. Томас тоже был любим и тщательно опекаем. И это была немаловажная деталь, потому что любовь Геринга к пасынку плавно соскользнула на шефа Томаса в виде симпатии и, как потом выяснилось, доверия.

Семья Далерусов имела многочисленные и прочные связи в Европе, а главное — в Англии, на которую Геринг все еще смотрел вопросительно.

Геринги и Далерусы стали встречаться семьями, проводить вместе время то в Каринхалле, то на вилле супруги Далеруса, вести беседы… В 1939 году туда пригласили семь самых влиятельных английских промышленников и банкиров, чтобы договориться не больше не меньше, как о «втором Мюнхене» по «польскому вопросу». Договорились о создании мощного английского лобби в пользу созыва новой конференции — без СССР и Польши. Гитлер эти игры одобрил, Геринг стал даже готовиться к полету в Англию и активно сгонял пузо. А пока

«челночной дипломатией» занимался Далерус: он совершал бесчисленные перелеты между Берлином и Лондоном. Это была только одна из шахматных партий: игра велась одновременно на десятках досок. Дальнейшее известно: 1 сентября все партии бросили и началась одна главная игра.

Для Далеруса это был крах, катастрофа. Но он в ней выжил. Он не пустил себе пулю в висок, как это сделала другой эмиссар и посредница Юнити Митфорд. Далерус вернулся в свой бизнес, залег в тине швейцарского нейтралитета. Правда, через несколько лет его снова выдернули: на этот раз в Нюрнберг. Геринг попросил вызвать Далеруса в качестве свидетеля его, Геринга, миролюбивых предвоенных планов. Далерус приехал и сделался на процессе настоящей «звездой». Снова обстоятельства его подбрасывали — лети, оповещая о себе на весь мир: «Я тот, кто мог предотвратить войну!». Но то ли честолюбие его к тому времени скукожилось, то ли жена повисла на «крыльях», но показания Далерус дал какие-то невнятные: он, мол, всего лишь жертва обмана, а в игру ввязался, не желая мирового кровопролития, потому что славный малый, оттого что пацифист и идеалист.

«Обычный честолюбец, циник-бизнесмен, надеявшийся сорвать дивиденды, а при удаче рассчитывать на новые. После процесса о нем больше не вспоминали, так и ушел в небытие», — говорил о нем покойный историк-германист Лев Безыменский.

Такие, как Далерус, однажды залетевшие в опасные сферы, но не сумевшие выровнять полет на набранной высоте, порой действительно совершают мягкую посадку, но мирно шествовать в дальнейшую безвестность им удается редко.

Биргера Далеруса убили через несколько лет после войны. Его задушили. Труп вместе с машиной утопили в озере. Кто-то их журналистов попробовал тогда об этом написать, но его тут же заткнули. Больше фактов нет — одни версии, домыслы, догадки… И, может быть, урок всем далерусам — ожидающим кем-то обещанного шанса.

За столом диктатора

«Мутные воды «гляйхшалтунг»» — доктрины о всеобщем подчинении национал-социалистической идеологии — это выражение принадлежат Альбрехту Хаусхоферу, сыну знаменитого геополитика и другу Рудольфа Гесса. Альбрехт долгое время исполнял роль эмиссара Гесса в контактах с Британией. Он был также драматургом и поэтом.

После июльского покушения на Гитлера Альбрехта арестовали по подозрению в «сочувствии к заговорщикам». Это «сочувствие» так и не смогли доказать. Все поручения, которые выполнял Альбрехт Хаусхофер, были санкционированы лично фюрером или его заместителем. Заговорщики сделали попытку использовать связи Альбрехта в Британии, возможно, они даже вели с ним какие-то беседы на этот счет, однако, если судить по протоколам допросов, то Хаусхофер-младший на деле оказался чист перед Гитлером.

Эти допросы выглядят странно. Например, следователь зачитывает отрывок из найденного при обыске черновика письма Хаусхофера — вот такой текст:

«Колесо Истории катится неприметно для глаз, и нам кажется, что еще ничего не потеряно и впереди долгий путь, как вдруг, подняв глаза, мы обнаруживаем, что заехали туда, куда не желали бы попасть и в страшном сне. И мы начинаем проклинать того, кто правил колесницей, лицемерно забывая, что вожжи ему вручили сами…».

— Объясните, — говорит следователь, — кого вы имели в виду под тем, кто «правил колесницей».

— А что вы имеете в виду под «колесницей», — в свою очередь спрашивает Альбрехт.

— Немецкое государство! — резко бросает следователь.

— А кто правит немецким государством?

— Фюрер и партия! Вы ведь это имели в виду?

— А разве фюрер и партия уже не правят?

— Правят, но вы-то имели в виду, что не желали бы видеть это и в страшном сне!

— Вы и эти стены — какой еще сон может быть страшнее?! — отвечает Альбрехт.

Несколько таких вязких и по сути пустых допросов, и Хаусхофера, тем не менее, отправляют в страшную тюрьму Моабит, где он сидит по соседству с Эрнстом Тельманом.

В тюрьме Хаусхофер написал свои знаменитые «Моабитские сонеты». Исписанные листки удавалось какое-то время тайно

передавать на волю, отцу. Еще Альбрехт вел дневник, в котором иногда предавался воспоминаниям. Например, он описал сцену осени 1938 года — первую читку своей только что законченной пьесы о римском диктаторе по имени Сулла. Его слушателями были тогда Гитлер и Гесс. Обоим пьеса понравилась; Гесс предложил название долго не искать, а назвать просто «Сулла».

— Имя самого страшного диктатора в истории человечества говорит само за себя, — пояснил он.

— Самым страшным в истории, уж конечно, буду я, — весело возразил на это Гитлер.

И все трое смеялись.

В 1945 году вместе с последним листком сонетов чудом выпорхнула на волю и предсмертная записка Альбрехта:

«Если сейчас я со слезами в строчках поклянусь миру, что никогда не прислуживал при столе диктатора, это будет правдой. Я не прислуживал и не кормился от этого стола, но я садился за него, если меня звали. Моя беда в тех редких минутах, когда я чувствовал себя за ним счастливым. Моя вина в том, что я позволял себе забываться».

Альбрехта Хаусхофера расстреляли в апреле 45-го.

Счет за счастье, полученное при столе диктатора, порядочный человек всегда оплачивает кровью.

Не всё поняли, но всё запомним

Во время одного из заседаний Нюрнбергского военного трибунала Фридрих Бергольд, адвокат Мартина Бормана шепнул на ухо Францу Экснеру, адвокату Альфреда Йодля: «В сущности, мой друг, мы с вами в одинаковом положении: оба защищаем фантомы. Бормана здесь нет, но и подлинного Йодля здесь нет тоже».

В своей речи адвокат Экснер высказывает ту же мысль: «Нельзя карать офицера за исполнение решения, принятого политиком; нельзя карать офицера и за то, что он не воспротивился решению, принятому политиком, ибо при этом ему самому нужно было бы сделаться политиком, перестав быть офицером».

— Господа, — говорил Экснер журналистам, — в Германии все решения принимала партия, Гитлер, Борман… Ищите Бормана и спросите его, а не распределяйте его вину между солдатами вроде моего подзащитного. Впрочем, — продолжал он, — я понимаю, что русские все равно накинут петлю на его шею.

— Русские, по крайней мере, не предложат повесить вашего подзащитного за ноги или четвертовать, — напомнил адвокату американский журналист Коллинз, — как он предлагал поступать с ними самими в декабре 41-го. А кем подписан приказ о варварском затоплении Москвы? А кто в Мюнхене говорил, что Чехословакии как государства больше не существует?!

Многие из журналистов, работавших на процессе, все же до конца полагали, что Кейтеля повесят, но Йодль, Редер и Дениц будут оправданы. Но, похоже, их адвокаты на это не очень рассчитывали. Подсудимый Йодль, например, настаивал на приглашении в суд девятнадцати свидетелей, но адвокат Экснер сумел настоять всего на четырех. Эти четверо и появились в суде; остальные дали показания только на предварительном следствии. А с одним свидетелем адвокат успел всего лишь побеседовать, неофициально.

Этого свидетеля, точнее свидетельницу, звали Эвелина Московии. Она с большим трудом добралась до Нюрнберга, чтобы дать показания в пользу подсудимого Альфреда Йодля.

Эвелина Московии была еврейкой. До войны ее семья насчитывала тридцать девять человек; после войны осталось трое. Но это были те трое, которым в середине 39-го года помог спастись от ареста и тайно покинуть Германию тогдашний командир 2-й Горнострелковой дивизии Альфред Йодль. И вот

теперь наконец женщина была в Нюрнберге, чтобы дать показания на суде.

Выслушав ее, Экснер испытал оторопь. Он долго молчал, пытаясь сформулировать вопрос и наконец спросил прямо:

— Скажите, зачем вам это нужно? Из сорока ваших родных спаслись трое! Почему вы думаете о благодарности за спасенных, а не о наказании за погубленных?

— Господин адвокат, откуда вам знать, о чем я думаю, — отвечала Москович.

— Так объясните же! — воскликнул Экснер. — Я, немец, не могу вас понять!

— Господин адвокат, я — еврейка. Когда-то я могла сказать о себе: я также и немка. Теперь я еще долго не захочу сказать так. Я пришла не из благодарности, у меня в сердце сейчас нет добрых чувств. Я пришла сказать свою правду.

— Все-таки я не понимаю, — развел руками Экснер, — вы пришли сказать правду… об одном из немцев? Но ведь вас, евреев, гнали всех!

— Господин адвокат, вы говорите о большой правде. А я пришла сказать свою, маленькую. Большая правда без маленьких долго не живет. А имеющий уши да услышит, — отвечала Москович.

Экснер сдался. Он попросил свидетельницу написать все, что она считает нужным, спросил, нашла ли она какое-нибудь временное пристанище в разоренном Нюрнберге, задал еще несколько дежурных вопросов, потом они расстались.

Экснер понимал, что показания такого рода едва ли будут заслушаны на процессе, но дня через два он все же решил поговорить со свидетельницей еще раз и оформить показания официально.

Однако оказалось, что накануне ночью у Москович случился сердечный приступ, ее забрали в американский госпиталь, и она там скончалась.

Таким образом, показания Эвелины Москович к делу приобщены не были.

И теперь уже не спросишь, почему этой женщине, должно быть, чувствующей приближение смерти, было так важно сказать слово в защиту одного из нацистских преступников.

Текст диалога с ней восстановлен по письму Франца Экснера вдове Йодля от 18 октября 1946 года.

В своем личном архиве адвокат Экснер сохранил и три исписанных Москович листа, должно быть, действуя по принципу истинно цивилизованной нации: «Не всё поняли, но всё запомним».

Две сестры

У Адольфа Гитлера и Рудольфа Гесса были родные сестры: первую звали Паула, вторую Маргарита.

Реальные судьбы этих женщин — полная противоположность; их исторические судьбы похожи тем, что известны лишь очень узкому кругу исследователей.

Отец Паулы был женат трижды: от первого брака он детей не имел; от второго их было двое; от третьего — пятеро: Густав (умер в два года), Ида (умерла в том же возрасте), Адольф (тот самый), Эдмунд (умер в шесть лет) и Паула.

Отец Гесса был женат один раз, имел трех детей: Рудольфа, Альберта и Маргариту. Все трое состояли в браке, оставили детей.

Паула и Адольф детей не имели. Но если Адольф все же оставил о себе еще какую память, то от Паулы не осталось ничего. Она не была замужем. Однажды, по приказу брата, сменив фамилию на Вольф (это партийная кличка Гитлера в период запрета партии), она жила тихо и незаметно. С Адольфом виделась очень редко: есть свидетельства о встрече в 36-м году в Берлине, во время Олимпийских игр, в 39-м она приезжала на его пятидесятилетие; в 41-м году они виделись в Вене. А в мае 1945 года Паулу Вольф вывезли в Москву и позже, после нескольких допросов, отправили на поселение в сибирские дали. Там же она и скончалась.

Фактически это все. Информации на пять процентов; на 95 процентов — слухи. Она якобы оставила дневник, в котором описывала, как Адольф ее избивал в детстве. Якобы она собиралась замуж за некоего Йекелиуса, эсэсовца, но затем вышла за некоего Вольфа, профессора. Спаслась от НКВД в 45-м году и умерла в Германии в 1960-м. Похоронена в Баварии. С могилой в Баварии связана своя история, как, впрочем, и с дневником.

Все эти домыслы рождаются в Германии и объясняются отсутствием информации, которая до сих пор засекречена у нас, в России. И это непонятно — когда англичане постоянно перезасекречивают досье Гесса, то тут еще можно что-то объяснить, но «досье» Паулы Вольф… Ну какие в нем скрыты государственные тайны?! Она была безобидна и далека от всего, жила тихо, под фамилией Вольф. Ни соседи, ни знакомые даже не догадывались о ее родстве с Гитлером, а из его приближенных о ней знали только Рем, Гесс, Ева Браун, камердинер Линге и еще два-три человека.

Ситуация с сестрой Гесса Маргаритой противоположная. Маргарита прожила почти 85 лет. Она вышла замуж по страстной

любви, родила дочь и двоих сыновей; у нее были многочисленные и часто знаменитые друзья; она много работала, много путешествовала; ее жизнь была полна самого ценного — разнообразия. Эта жизнь проходила на виду и оставила после себя очень и очень многое. Например, прекрасные переводы Жуковского, Пушкина, Есенина, Блока.

В жизни эти две женщины, видимо, никогда не встречались; во всяком случае, свидетельств такой встречи у меня нет. Единственное, что мне удалось обнаружить, это короткое письмо, датированное 27 сентября 1931 года. В этом письме Паула, тогда еще Гитлер, благодарит Маргариту за то, что та сообщила ей о смерти ее двоюродной племянницы Ангелики Раубаль. Ангелика и Маргарита были подругами, и Маргарита Гесс оказалась единственной, кто удосужился написать Пауле об этом трагическом событии.

«.. Как печально сознавать, что нет уже забавной толстушки Гели, которая, говорят, очень переменилась и похорошела, — пишет Паула. — Я могла бы приехать и поддержать Адольфа, но не осуждайте меня, дорогая, что я этого не делаю. Самые близкие люди могут сделаться самыми чужими, таков рок и наших судеб. Сознавая это с детства, я порой произношу странную молитву: я прошу Господа послать сестре брата, а брату сестру. Но Господь меня не услышит».

Именно так она и написала: не услышит. Что-то предчувствовала, о чем-то размышляла… один Бог ведает, что там было намешано в голове и в душе этой женщины, над чем она мучилась, чего желала. Чтобы начать в этом разбираться, нужно повторить то, что сделала сама жизнь — отодрать Паулу от Адольфа.

Пока это не получается. Занимаясь подробностями жизни фигурантов великого германского потрясения, я чувствую неодолимое и неколебимое безразличие к маленькой трагедии Паулы Гитлер.

Коллекция доктора Хирта

В мае 1945-го части дивизии СС прорывались в район Рондорфа.

У эсэсовцев было двадцать «пантер» и отчаянный командир — оберфюрер Гротман, бывший адъютант Гиммлера. Гротман расстался с рейсхсфюрером в районе Штаде: Гиммлер приказал ему вывести уже сформированную колонну и дожидаться приказа. «Я отправляюсь на переговоры, и мне нужны аргументы», — кратко пояснил он, прощаясь с Гротманом.

С тех пор прошло две недели: Гиммлер был уже у англичан, но вместо понимания нашел там смерть. Гротман этого не знал; он выполнял приказ.

Двигались в основном ночью, дважды принимали бой с американцами, которые легкомысленно раскатывали по этой земле как у себя дома. И все бы ничего, если бы не один попутчик, которого Гиммлер также приказал доставить в Рондорф.

Его звали Август Хирт; он возглавлял Анатомический институт в Страсбурге и считался одним из лучших специалистов по наследственности. Доктор Хирт был гауптштурмфюрером СС, и никаких возражений против его присутствия в колонне Гротман не имел, если бы не то, что этот чудак потащил за собой. Это были двадцать деревянных ящиков, набитых опилками, над которыми Хирт трясся, называя их «сокровищем». С того дня, как в каждой «пантере» разместили по такому ящику, началось мучение: от внутренностей «пантер» пошел кошмарный запах, который парни глушили алкоголем. На мосту через Эмс штурмбаннфюрер Диц попытался было избавиться от одного «сокровища» — вышвырнуть в реку, но Хирт устроил скандал. Гротману пришлось вмешаться, а то парни скинули бы с моста и самого Хирта.

— Объясните же им, объясните, они не понимают ценности… — кричал Хирт, пятясь от разъяренного Дица и хватая Гротмана за руку.

— Вы провоняли всю колонну вашими «ценностями», — огрызнулся Гротман. — Рейхсфюрер не давал мне поручения таскать за собой всякую тухлятину!

— Тухлятину?! — взвился Хирт, — Так рейхсфюрер вам не объяснил?! Вы ничего не знаете?! — Хирт полез в головную «пантеру» Гротмана; вскоре оттуда раздался его возбужденный голос: — Сюда, сюда! Взгляните же на это, взгляните сами!

Гротман нехотя полез, стараясь почти не дышать. Хирт уже

вскрыл ящик и светил в него фонариком.

— Смотрите, да смотрите же! Вот какая! А эта?! А вот такая?! — он поочередно поднимал и бережно укладывал обратно три темных черепа, как будто в париках — на самом деле это были натуральные женские волосы, которые еще не отпали, — А это… это разве не чудо? Это не сокровище?!

Вытянув руки, Хирт совал в лицо Гротману облепленный опилками стеклянный шар, в котором колыхалось нечто с одним глазом посреди сморщенного лба. Гротман отпрянул. Руки с колбой опустились, и появилась другая колба — в ней маленькое, с кулачок, скорбное лицо покачивалось в спирту из стороны в сторону и словно дуло себе под нос.

— Видите, насколько выражена аномалия — почти полное срастание! Здесь у меня вся серия B, а за ней идут патологии конечностей, за ней…

Гротман, не дослушав, вылез из «пантеры». Его едва не вырвало. За ним вылез Хирт: его лицо сохраняло выражение счастья.

— В моей коллекции все антропологические типы нашей планеты, понимаете вы — все! Некоторые образцы свежие, оттого этот запах. Здесь у меня все врожденные патологии голов и конечностей! Понимаете?! На меня работали начальники всех концлагерей Европы! Я сделал то, чего никто уже не сможет повторить! Мне немного не хватило времени и кое-что пришлось уничтожить, но серии V, D и C я сохранил! Понимаете?! Я сохранил!

— Да, да… — пробормотал Гротман, — понимаю… А вы понимаете… если мы с вашими «сериями» попадем к американцам? Это же… это же… — он искал и не находил слово.

— Мне все равно, — отрезал Хирт, — лишь бы сохранить. Я ученый. Я работал.

«Все мы… работали», — подумал Гротман.

Он ничего не сказал. И отдал тайный приказ по колонне — по мере возможности избавляться от «сокровищ» доктора Хирта.

До Рондорфа добрались все двадцать танков СС. Гротман выполнил приказ. В Рондорфе, в бывшем санатории, сейчас работали пластические хирурги — переделывали лица чинам СС. Другие люди снабжали их документами…

Хирту тоже предложили изменить внешность и скрыться. Но узнав, что коллекция погибла, этот чудак пустил себе пулю в лоб.

Роль диктатора

В 1930 году на экраны вышел фильм «Голубой ангел», в котором дебютировала Марлен Дитрих. Существует довольно глупое мнение о том, что она в этом фильме «затмила» своего партнера, знаменитого немецкого актера Эмиля Яннингса. У экрана свои законы: молодость и талант не могут переиграть опыт и профессионализм, если последние того не желают. Яннингс, уже сыгравший на театральной сцене Мефистофеля, Отелло, Генриха Восьмого, Дантона, Петра Первого, в кинематографе обладатель «Оскара», привыкший и солировать, и работать на партнера, в «Голубом ангеле» дал неумехе-дебютантке возможность раскрыться; всем своим талантом и опытом он работал на индивидуальность своей партнерши. И естественно, успех Марлен Дитрих вызвал у него лишь чувство гордости и удовлетворения, хотя та же легенда пошла дальше и приписала Яннингсу зависть к успеху Марлен.

Подобные легенды — это отношение публики к дальнейшей судьбе обоих актеров: Дитрих, уехавшая из Германии в 1930 году, в 33-м туда не вернулась; Яннингс же разделил судьбу тех деятелей немецкой культуры, которые жили и работали в нацистской Германии.

Яннингс был членом Имперского сената культуры; заседал там вместе с Геббельсом, Гиммлером и другими фюрерами Третьего рейха. Причем на всех довольно редких заседаниях этого органа брал слово. Геббельс даже прозвал его Катоном; но Яннингс отнюдь не требовал разрушения своего «Карфагена» — старого немецкого кинематографа. У него была другая идея фикс: он настойчиво ставил вопрос о воплощении на экране образов «великих немцев». Наконец первый проект был запущен: в 1941 году Яннингс начал сниматься в фильме о Бисмарке.

Это было начало. Сам актер называл эту работу «мостиком к мечте». А мечтой его было сыграть роль Диктатора. Это должно было стать собирательным образом, своего рода воплощением диктаторов всех времен и народов. К 1943 году сценарий фильма был почти закончен, и Яннингс показал его Геббельсу.

Геббельс сценарий нашел интересным, но не доработанным. Возможно, он и сам никак не мог решить, должен ли зритель признать в экранном Диктаторе Гитлера или следует ставить какую-то иную задачу.

По дополнениям, которые Геббельс внес в сценарий, понять, что же он в конце концов решил, не представляется возможным.

Начались пробы, репетиции. Геббельс лично отсматривал рабочие материалы, где Яннингс пробовал себя в роли Диктатора. И вроде бы рейхсминистру все нравилось. Но внезапно, через два месяца после начала работы над фильмом, как гром среди ясного неба — на авторском экземпляре сценария появляется крупная надпись, сделанная рукой Геббельса: «Яннингс — Диктатор — никогда!».

Что произошло? Прикрыли проект? После Сталинграда прекратили финансировать многие кинопроекты, но едва ли не нашли бы денег на такой! Может быть, личный конфликт? Но 29 октября Яннингс — на дне рождения у Геббельса: беседуют, острят, смеются, как обычно все прежние годы. Что же все-таки случилось?

Рейхсфюрер Гиммлер иногда устраивал для высокопоставленных нацистов «ознакомительные» поездки по концентрационным лагерям. И вот осенью 43-го Гиммлер пригласил на такое «мероприятие» творческую интеллигенцию. Из актеров были Яннингс, Вернер Краус, Густав Грюндгенс (прототип Мефисто из романа Клауса Манна), актриса Пола Негри.

На участии Яннингса Гиммлер настаивал особо, поскольку знал о кинопроекте с условным названием «Диктатор» и искренне, видимо, полагал, что актеру для лучшего перевоплощения просто необходимы впечатления такого рода.

Поездка состоялась в начале ноября. Творческая интеллигенция вывезла из нее тяжелые впечатления. Кто-то поделился ими с коллегами и потом сильно пожалел; кто-то сидел дома, приходя в себя, кто-то запил.

Эмиль Яннингс был профессионалом до кончиков ногтей; он привык работать невзирая ни на какие обстоятельства. Ему понадобился минимальный срок: через два дня после возвращения он вышел на съемочную площадку.

С 10 ноября в Бабельсберге продолжается работа над «Диктатором». 12 ноября Геббельс отсматривает последние пробы. Любопытная деталь: по сценарию Диктатор имеет ребенка — дочь. Где-то в американских архивах должны сохраниться материалы: две или три кинопробы на роль дочери Диктатора старшей девочки Геббельсов Хельги.

И вдруг, 13 ноября, эта резолюция Геббельса: «Яннингс — Диктатор — никогда!».

Можно строить любые предположения, но прямых объяснений не нашлось. Разве что такое вот, косвенное — высказывание Геббельса о природе актерской игры: «Представьте себе, что вы утром побили вашу жену, — пишет Геббельс, —

отражение вашего проступка ребенок унесет в своих глазах в школу, и там все будут про вас знать. Актеры — те же дети, а потому следует беречь их глаза от ненужных впечатлений».

Передо мной два документа. Первый — рапорт майора бронетанковых войск Сивкова И. Н. о том, что 23 апреля 1945 года он, в нарушение приказа, пропустил в сторону аэродрома Рехлин легковушку с двумя взрослыми и тремя детьми. Второй документ — протокол допроса бывшего вождя Трудового фронта, рейхсляйтера Роберта Лея, в котором он объяснил, при каких обстоятельствах лишился капсулы с ядом. Обстоятельства эти Лей датировал тем же 23 апреля 1945 года.

Два документа, за которыми лишь крохотный фрагмент.

…Автострада оказалась забита колоннами гражданских и военных машин; все это едва тащилось… Мощные «мерседесы» рейхсляйтера вытянули объезд по разбитым полям и, сделав крюк, снова выбрались на шоссе. Здесь двигалась колонна из пеших беженцев. Несколько часов назад над ней прошли английские бомбардировщики, сбросили тяжелые бомбы, чтобы избавиться от неизрасходованного груза. Огромная воронка чернела в центре автобана, как раз в том месте, куда выехали «мерседесы» Лея. Воронку обходили, стараясь туда не глядеть; по краям лежали убитые и раненые. К «мерседесам» метнулась женщина, забила ладонями в стекло. Адъютант послушал, что она кричала.

— Просит пристрелить кого-то, — доложил он.

Лей посмотрел в окно машины.

На обочине, метрах в двадцати от края воронки, прыгали и визжали две девочки, а около них лежал на боку мальчик лет тринадцати рядом с кучкой чего-то красно-синего. Лей присмотрелся: у ребенка осколком был разворочен живот. Девочки тоже были в крови: их белые одинаковые переднички оказались по-разному раскрашены красным. «Ради Бога, господин офицер, ради Бога!» — кричала мать, стуча в окно машины. Увидев вышедшего Лея, она кинулась к нему, уже без слов указывая в сторону детей.

Мальчик был еще жив. Он только издали выглядел ребенком: вблизи у него было лица старика. Очевидно, он лежал так уже два или три часа, и столько же мать и сестры сходили возле него с ума. Все понимали, что это агония, которая страшно затянулась.

— Уберите их! — велел адъютантам Лей.

Один адъютант поднял и унес девочек. Другой, обхватив правой рукой голову женщины, повернул к себе ее лицо. Лей, опустившись на колени, быстро вложил в полуоткрытый рот ребенка капсулу и ладонями сжал челюсти. И почти сразу ощутил

на своей руке долгий выдох облегчения. Он снял куртку, завернул в нее тело и отнес к машине.

— Садитесь на заднее сиденье с детьми, — сказал он женщине, — Я поеду в другой машине и повезу вашего мальчика.

Через час езды их догнали мотоциклисты из связного подразделения 12-й армии и предупредили, что впереди, в миле отсюда, к шоссе вышли русские танки. Они пока стоят, но путь к Рехлину по шоссе перерезан. Аэродром был уже близко; вокруг него дивизия СС намертво держала оборону.

Колонна беженцев продолжала двигаться. Русские танки встали не на самом автобане, а растянулись цепью по полю, перекрыв кратчайший путь на Рехлин между двух рощ. На самом шоссе стояли русские посты, пропуская детей, женщин, стариков. Было ясно, что двухметровых красавцев-адъютантов Лея они едва ли не заметят, как и самого рейхсляйтера.

— Делаем так: возвращайтесь в штаб, оттуда самолетом в Бергхоф, — приказал Лей. — Я один доберусь до Рехлина. Молчать оба! — рявкнул он на побледневших адъютантов. — Быстро в мою машину!

Он перенес тело мальчика в автомобиль, где сидела мать с дочерьми, и, едва не сбив бросившихся наперерез адъютантов, дал газ и направил машину через поле, прямо на цепь русских тридцатьчетверок.

Танкисты с удивлением смотрели на эту мчащуюся к ним по полю машину, ничего не предпринимая. И только, когда «мерседес» остановился метрах в двадцати, с брони спрыгнули двое танкистов с автоматами наперевес.

В «мерседесе» отворилась дверца, как бы приглашая заглянуть внутрь.

Русский майор заметил через боковое стекло только одно женское лицо и подошел ближе. Он увидел эту женщину с остановившимся взглядом, судорожно прижимавшую к себе двух перемазанных кровью девчушек, мужчину за рулем, а рядом укрытого курткой мертвого мальчика с побуревшими от крови голыми ногами в спортивных ботинках. Мужчина медленно повернул голову и посмотрел на русского. Это был странный взгляд — смесь усталости и любопытства.

Майор захлопнул дверцу и махнул своим рукой. Он подумал, что на аэродроме, конечно, есть какая-нибудь медчасть, а эти маленькие девочки в машине, похоже, ранены…

Неподсуден?

«Говорит Ганс Фриче! Говорит Ганс Фриче!»

С этих слов начинались передачи германского радио в течение последних четырех лет Третьего рейха. 16 миллионов радиоприемников ловили этот знакомый голос с неизменным восхищением и неослабевающими надеждами.

«Если Фриче у микрофона, значит, все пока идет, как должно идти», — говорили себе владельцы этих приемников.

Суть обвинения Фриче в Нюрнберге состояла в том, что он «добивался яростной поддержки режима и таким образом парализовывал способность населения к самостоятельному суждению». По сути его обвинили в «инъекциях лжи», парализующих мыслительную волю нации.

«Проклятые журналюги, что делают — своими пропагандистскими инъекциями парализуют нашу способность самостоятельно мыслить! Бедные мы, невинные жертвы этих акул пера и эфира!» — а так после краха Третьего рейха рассуждали владельцы тех шестнадцати миллионов радиоприемников.

Как будто Фриче сам входил в их дома и сам поворачивал ручки настройки!

Нет, не поворачивал и инъекции делал только тем, кто сам подставлял ему свои… уши. Потому по закону оказался и невиновен. Потому так хочется обвинить его вдвойне!

Немецкий обыватель, осуждая Фриче, оправдывал себя. Но проходя испытание за испытанием и становясь немецким гражданином, он медленно, нехотя, с трудом перекладывал вину бывшего кумира на собственные плечи.

Что же это был за человек — Ганс Фриче, главный радиожурналист Третьего рейха? Что было в его голове, когда он своим твердо поставленным голосом не столько зачитывал приказы, сколько декламировал волю Гитлера, которая в них заключалась? Не столько информировал, сколько воспевал мудрость и дальновидность нацистского вождя?

Во время судебных слушаний, посещая камеры арестованных, американский психолог Гилберт как-то спросил Фриче, неужели же он не видел, не понимал того, что видел и понимал весь мир?! «Всем была очевидна эта тактика Гитлера сначала заключать договор, а потом денонсировать его, захватывая одно за другим малые государства Европы до тех пор, пока он уже не окреп настолько, чтобы напасть на государства покрупнее», — сказал Гилберт.

«Теперь я это понимаю, — ответил Фриче, — но тогда не понимал, не мог понимать».

Может быть, вместе со всей нацией Ганс Фриче, слушая Ганса Фриче, парализовал и собственную волю к самостоятельному мышлению?

После вынесения официального оправдательного приговора Фриче просил тюремного психолога Гилберта достать ему револьвер, чтобы совершить над собой приговор неофициальный. Приговор совести?

Незадолго до смерти, в 1953 году, Фриче сам честно ответил на все подобные вопросы. «Свою совесть, — писал он, — я променял на лучшее — профессионализм. И я достиг в нем высот, в смысле результата, с которых хотел и теперь хочу шагнуть прямо туда, где меня уже не достанут».

Кто «не достанет»? Кого он имел в виду? Не собратьев ли по профессии? Ведь в смысле результатов, то есть — силе влияния на общество, Ганс Фриче действительно достиг беспрецедентных «высот»!

Когда думаешь о Фриче, становится обидно за профессию радиожурналиста. Она ведь прекрасна!

P.S. Позже Фриче все-таки отсидел три года за разжигание антисемитизма и передачу заведомо ложной информации.

Внучка Гитлера

На книжной выставке в Лейпциге приятная во всех отношениях фрау-активистка Общества российско-германской дружбы указала мне на просто приятную фрау, внимательно рассматривающую стенды с книгами о Москве.

— Знаете, кто это? — шепнула активистка. — Это внучка Гитлера.

Я посмотрела себе под ноги и от неловкости задала глупый вопрос:

— А у вас есть доказательства?

— Зачем? — удивилась фрау. — Это и так все знают.

Года три спустя я снова была в Германии, частным образом, у друзей, которые живут в городке на юге. Живут уже лет пятнадцать. В Москве это была необычайно деятельная семья: байдарочники, галеристы, устроители всевозможных артмероприятий, знавшие всю творческую Москву. Они и в Германии поначалу развернули было бурную деятельность, от которой через десять лет остался только маленький художественный салон, жесткий режим экономии и глухая депрессия. Всем навещавшим их бывшим соотечественникам они жаловались на скуку; все навещавшие советовали вернуться домой, в Москву, и я сделала то же и получила ответ, который, видимо, давали и остальным.

— А чего мы там забыли? Москва теперь такое же художественное захолустье, только суетящееся и надувающее щеки. А у нас тут не так уж и серенько все. Вот ты знаешь, например, что к нам в салон заходит иногда внучка Гитлера? Напрасно, напрасно… — прокомментировали они мой ответный взгляд. — Это тут все знают. Кстати, она заезжает к нам обычно по средам, так что если тебе повезет…

Мне повезло. В среду около заборчика остановился синий «форд», и вышла женщина, которую я узнала, — та самая приятная фрау, что рассматривала на книжной ярмарке стенд правительства Москвы. На вид — от пятидесяти до шестидесяти лет, невысокая, спортивного покроя, ухоженная, с лицом, которое не запоминается. Она пробыла в салоне свои обычные четверть часа, купила книгу, поболтала с хозяйкой. И отбыла. Ну и что? Ну приехала какая-то дама, ну купила книгу… Почему внучка Гитлера? Кто вам это сказал?! Почему вы в это верите?! Она подтверждает чем-то свое родство? Она вам сама что-то говорила? Что-то показывала?

— Нет, она нам ничего не показывала и ничем не

подтверждает. Ни она, никто вокруг вообще никогда об этом не говорит. А верим, потому что знаем. Потому что все знают. Как то, что лето теплее, чем зима.

— Журналисты к ней ездят? Интервью берут, о ней пишут? — попыталась я снова. — Ну положим, у Гитлера могли быть дети и внуки соответственно… Ну вот объявился же некий внук, так все о нем давно вытащили, вытрясли, перемыли до последней косточки! А почему об этой внучке — тишина? Как такое могло не стать сенсацией?!

— Да так, что сенсации делаются на фальшивках, а подлинная история идет себе и идет… Странно, что ты, историк, этого не понимаешь, — был ответ.

Я еще что-то спрашивала, возмущалась, доказывала. Но здравый смысл расшибался, как о стену. Все знают, что лето теплее зимы, что городок их стоит на Дунае, а эта милая фрау — внучка Гитлера. И хоть ты застрелись! С мозгами у них тут у всех не в порядке, что ли?! Еще мою Москву захолустьем обозвали! Подбросить такую «внучку», например, акулам какого-нибудь эховского форума можно, наверное, лишь как повод для остроумия.

Но с «внучкой Гитлера» я заочно встретилась еще раз. Совсем недавно, в самолете разговорились с соседями-немцами, летевшими в Москву, а оттуда — на фестиваль в Муром. Оба оказались художниками, и я рассказала им о салоне моих друзей, как оказалось довольно известном на юге Германии. Говорили о современной художественной, театральной, литературной России. Они спросили, чем я занимаюсь, и стоило лишь произнести слова «Третий рейх», как я вдруг услышала: «О, а вы знаете, ведь где-то в тех же местах живет внучка Гитлера!». Справившись с эмоциями, я попыталась сформулировать вопрос в максимально корректной форме: «Вот вы собираетесь посетить Муром, — сказала я, — а вы знаете, что там жил Илья Муромец, русский богатырь, защитник России от врага. У нас это все знают».

Немцы дружно закивали, даже показали эмблему праздника с изображением богатыря. Тогда я задала им второй вопрос: «Легенда о Муромце была нам нужна, поэтому и родился и жил могучий защитник Руси. А зачем вам внучка Гитлера? О чем эта легенда?».

Они поняли. Разговор прервался. Правда, ненадолго, через пару минут мы, как ни в чем не бывало, вернулись к болтовне о художественной России. Перед выходом из самолета немцы вручили мне свои визитки и несколько приглашений на разные мероприятия. В одном приглашении я уже дома обнаружила

листок из блокнота с рисунком, видимо, сделанным еще в самолете. Могучий воин, опирающийся на могучий меч, по виду — не то Муромец, не то Зигфрид. Видимо, все-таки Зигфрид, потому что под ним мои новые друзья дали-таки свой ответ: «Эта легенда, — написали они, — о попытке Германии сделаться великой».

Глава 7
Портретная галерея: они творили двадцатый век

Муссолини

Бенито Амилькаре Андреа Муссолини, или просто Бен, или совсем просто — дуче, — был главной фигурой Италии в течение двадцати трех лет и, в отличие от Гитлера, прошел свой путь до конца. Он собственной шкурой продемонстрировал фюреру, как поступает нация со своими развенчанными кумирами: труп Муссолини партизаны подвесили вверх ногами.

Но Бен показал пример Адольфу не только в конце пути. Фашии дуче проложили путь в дебрях иррационализма, шовинизма и расизма, примерно как внедорожник в джунглях, а уж за ним с ревом и скрежетом прошла танковая колонна фюрера.

Хотя личность Муссолини изучена вроде бы вдоль и поперек, спор о нем продолжается: был ли Бенито как-то лучше, мягче, гуманнее Адольфа или он то же самое, только с меньшими возможностями?

Вообще сравнивать их даже забавно. Адольф, например, в детстве был тихоня, домашний ребенок, а Бен… настоящая шпана, при этом позер и словоблуд, каких мало. Думаю, он многому выучился у своего отца, Алессандро Муссолини, полуграмотного кузнеца, который энергично засорял местную прессу своими зажигательными статейками на разные темы.

Алессандро как-то сказал, что свое главное наследство — честолюбие — он оставляет именно Бенито. Тот наследство принял.

Представьте себе молодого человека девятнадцати лет, отовсюду выгнанного, дезертира, в чужой стране, нищего, ворующего лепешки, хронически простуженного, по двенадцать часов в день таскающего пудовые тюки, а ночами… что бы вы думаете делающего?

По ночам этот парень читал Платона и Канта, изучал по истрепанным учебникам немецкий и французский, писал статьи. Само по себе похвально. Однако папино наследство стучало в его сердце, подталкивало… конечно же, в партию. И теперь он читал уже все больше Лассаля, Кропоткина и Ницше.

А вот где и как учился Бен ораторскому искусству и главной его составляющей — демагогии, история, к сожалению, не подсмотрела.

Но совершенно ясно, что с молодых лет Муссолини ловко оседлал демагогию, как скакуна, и очень этим гордился.

«Если я и напиваюсь, то дурман никогда не проникает в мой мозг», — заявил он как-то своей жене Ракеле.

Кстати, семья Муссолини достойна отдельного разговора.

Здесь, опять же в отличие от Гитлера, сын, муж, любовник, отец, тесть, дед Бенито переживал такие страсти, настолько бывал втянут во всевозможные дрязги, что Гитлер, как он сам признавался, глядя на это, «ни за что не желал бы так кипеть в семейном котле, как бедняга Бен».

Путь Муссолини к верховной власти подробно описан, и, на мой взгляд, это готовое пособие для одаренных особой беспринципностью и нечистоплотностью профнепригодных клинических честолюбцев.

Саму же верховную власть, а именно короля Виктора Эммануила, Муссолини взял в общем-то на испуг, устроив так называемый «поход на Рим». Несколько тысяч озверевших от безобразной организации этого похода, голода, жажды, усталости фашистов обратили все в хаос, в котором один дуче, выставив подбородок и выпятив нижнюю губу, олицетворял собою невозмутимость римского цезаря.

Став диктатором, Муссолини выкинул конституцию, разогнал парламент, запретил все партии, физически истреблял коммунистов, ввел чрезвычайные законы, мораль официально объявил пережитком. Правда, он не строил концлагерей, не сжигал евреев и даже осуждал за это Гитлера. Но если бы войны, которые он так хотел сделать победоносными, действительно стали бы таковыми, куда бы он девал военнопленных? И куда бы он сам девался от антисемитизма своего главного союзника, который практически во всем уже подмял его под себя?

Имеет ли история право на превентивное правосудие — спорный вопрос.

Главная же ошибка дуче, с точки зрения его политического будущего, заключалась, по-моему, в том, что он сам, подчинившись Гитлеру, не подготовил итальянцев к употреблению расизма в качестве государственной идеологии. Чем быстрее он сам сближался с фюрером и становился от него зависимее, тем сильнее отшатывался от него народ. А тут еще Германия начала проигрывать в войне…

В общем, последние два года выпячивание нижней губы и металл в голосе уже ни на кого не действовали.

Дальше вы все знаете. В 43-м году Италия капитулировала, дуче арестовали, заточили, потом Скорцени его выкрал; Муссолини засел на севере в марионеточной республике с названием Сало, озверел там так, что даже расстрелял своего зятя Чиано. Потом, удирая от партизан, был арестован, расстрелян и подвешен за ноги.

Таким образом, первая часть пособия для клинических

честолюбцев на этом заканчивается. Правда, есть и вторая — историческая репутация. Но ее они никогда не читают.

Пилсудский

«Еще неизвестно, была бы создана Польша без меня!» — говорил этот человек, и за последовавшие семьдесят лет не нашлось ни одного поляка, который взялся бы публично высмеять подобное его самомненье.

Юзефа Пилсудского одни называют великим польским государственным деятелем, другие — фашистом и диктатором, третьи не понимают, в чем мнение первых противоречит мнению вторых. И все… все поляки ценят его присутствие в своей истории, как, наверное, жители болотистой страны ценили бы наличие весьма приметной кочки. Под всеми я, конечно, подразумеваю тех, кто имел возможность публично высказаться.

Время Пилсудского — пятнадцать лет с 1920-го по 1935 год — это время выжженной на корню демократии. Сам он подчеркнуто называл свой Совет министров — конституткой, свой режим — санацией, а его полицию — дефензивой — своего рода учительницей, на уроках у которой любимым учеником был Гиммлер. А сколько в его концлагере под лирическим названием Береза-Картуская мучилось и сгинуло белорусов и украинцев — это им самим бы не мешало, наконец, подсчитать.

У Пилсудского, как у каждого диктатора, было много званий, но как каждый диктатор он искал такое, которое уже нельзя было бы превзойти. И нашел. Правда, по-русски оно звучит мягко говоря нелепо — «Начальник Польши».

Вот сколько ни изучаю всевозможных диктаторов, так до конца и не могу понять, насколько искренне сами они верят в осуществление планов, которые всем остальным кажутся паранойей?

Цель Юзефа Пилсудского — создать такое польское государство, которое своей мощью навсегда подавило бы Россию, — это что — миссия любви или болезнь ненависти?!

Случай Пилсудского очень серьезный, поскольку фундамент был заложен в детстве, причем матерью. Его брат вспоминал, как мать просила их раз и навсегда запомнить, что слово «патриот» очень вредное, лукавое слово, и им, детям, нужно выучить другое, точнее два-«польский националист», или «нацист», для краткости. Именно так. Потому что есть еще русский нацист, украинский нацист, немецкий нацист, японский нацист, еврейский нацист, черный нацист и так далее. Все это люди, объясняла она, понимающие, что к чему, и с ними польскому нацисту предстоит сотрудничать, враждовать, вступать в союзы, целоваться, стрелять в них, смотря по обстоятельствам. Ради Польши, повторяла она,

ради нашей возлюбленной, нашей многострадальной Польши.

Брат Юзефа Пилсудского Бронислав описывает случай, как Зюк (так звали Юзефа в детстве), привязав к деревьям двух собак и встав между ними, одну из них гладил, а другую в это же время нещадно колотил палкой, потом поворачивался на месте на 180 градусов и продолжал… тренироваться. Руки у мальчишки действовали синхронно и чем энергичней он пытался ласкать одно животное, тем сильней доставалось другому. Хотя и ласки его вскоре стали больше походить на удары.

«Когда я вырасту, — объяснял Зюк, — я навсегда встану так, что справа у меня будет Россия, потому что моя правая рука все-таки сильней».

Тренировки закончились, и началось дело — в 1902 году во время Русско-японской войны Пилсудский съездил в Токио, чтобы попытаться встать между «двух собак». Однако сумел всего лишь сделаться японским шпионом, за что получил 200 тысяч фунтов и оружие для своей боевой организации, которая стала основой Польского легиона в составе Австро-Венгерской армии. Но немцы не дали Польше независимости, да и сами вскоре потерпели поражение, а в ненавистной России началась революция. Во всей этой смуте Пилсудский получил власть, какой не имели его предшественники: с 1918 года он становится тем самым Начальником Польши, затем, в 21-м — Рижский мир — удар в зубы России и конвульсивная ласка Польши — долгожданное расширение границ за счет запада Белоруссии и Украины.

Пилсудский — фигура для романа. Чего стоит одно его актерство, с каким он проигрывал свои сюжеты: публичные «удаления на покой», передачи полномочий, свои потрясения, оттого что преемников убивают едва ли не на следующий же день. Какие преемники?! Что была Польша без его железной руки и харизмы: польская государственность — мыльный пузырь, институты власти в каталепсии, Сейм — грызня фракций! И еще ненавистный колосс — Россия рядом начинает дышать полной грудью, да так, что Польшу вот-вот сдует. Тут «санация» и дефензива кажутся инструментами самого Господа Бога, наказавшего поляков грехом гордыни.

И тут же вопрос — а был ли этот человек сам когда-нибудь… ну если не счастлив, то хотя бы радостен и спокоен? Личная жизнь Начальника Польши полна черных дыр, в которые проваливались все любившие его женщины. Вот уж с кого харизма диктаторов берет обычно высокую плату.

Элеонора Рузвельт

Образ жизни и стиль поведения Элеоноры Рузвельт — урок и назидание первым леди всех стран. Чем обильней их мужья пакостят своему народу, тем энергичней женам следует объясняться ему в участии и любви.

Про Элеонору Рузвельт говорили: «Она скорее зажжет свечу, чем будет проклинать темноту».

Нищие школы, грязные больницы, черные и белые трущобы, тюрьмы… — в таких местах эта женщина и расставляла свои свечки, и, думаю, беспрецедентное в истории Америки переизбрание Рузвельта на третий срок объясняется не только стрессом мировой войны и продуманным курсом президента, но и деятельностью его жены.

Энн Элеонора Рузвельт, в девичестве также Рузвельт, приходилась Франклину кузиной в пятом колене. Сохранилась забавная детская фотография, на которой маленькая Элеонора ездит по парку на спине Франклина, как на скакуне — образ, но отнюдь не спроецированный на их будущее.

В раннем детстве идиотка-мать внушала дочери, что та уродина и вообще дрянь; позже бабушка сумела несколько подлечить искалеченную психику девочки, однако в молодости, выйдя замуж за Франклина, Элеонора попала к идиотке-свекрови из тех, что стремятся беспробудно властвовать над своими сыновьями до могилы. А сын ни во что не вмешивался, он был очень занят — он становился политиком.

Политиком пришлось сделаться и Элеоноре. И не только публичным. Когда муж самым пошлым образом изменил ей с секретаршей, она заставила себя подчиниться воле свекрови и не только сохранить семью, но и ничем не выдать разверзшейся в ее душе пропасти.

О глубине этой пропасти можно судить по такому эпизоду: после того как ее старшая дочь Энн позволила бывшей любовнице-секретарше проститься с покойным президентом в его доме, Элеонора почти порвала с Энн отношения.

Я уже сказала, что без такой жены Рузвельта, на мой взгляд, едва ли переизбрали бы на третий срок. Скажу больше — не уверена, что без нее он вообще стал бы президентом. Он ведь заболел еще в 21-м году, и последующие десять лет, до его избрания, Элеонора была его половиной, левой причем, плюс ноги. К тому же ее называли также глазами и ушами Франклина. Если все это суммировать, то получится солидный процент.

А вот в голову своему мужу она никогда не лезла. Отчасти

поэтому на цельности и логичности политического курса Рузвельта тридцатых — середины сороковых годов не видно характерных следов коррозии.

Когда 12 апреля 1945 года Франклин Рузвельт скончался, его вдова в ответ на навязчивые соболезнования произнесла такую фразу: «Господа, мне гораздо больнее за свою страну и весь мир, чем за себя». После которой в некоторых биографиях Элеоноры следует ядовитое предположение, что она якобы не очень-то и скорбела о смерти Франклина. Я заметила, что такие приговоры выносят обычно дамы-биографессы, конечно по собственному опыту, противному природе настоящей женщины. А Элеонора была и оставалась ею всегда.

И политиком она тоже оставалась до конца дней, причем довольно левого толка: резко и однозначно выступила против маккартизма, не раз высмеивала главу ФБР Гувера, в ООН возглавила Комитет по правам человека — тот, первый, с которым в мире еще считались. Права женщин, дела военнопленных, проблемы цветных, отношения с СССР — вот «поля» ее деятельности, согласитесь — тогда, в конце пятидесятых, заросшие таким чертополохом, что не каждый мужчина взялся бы их распахивать.

Она умерла от лейкемии поздней осенью 1962 года. Тогда же один из ее внуков написал: «Не могу поверить, что бабушку похоронили. Ее было так много в моей жизни… так много, что куда ни взглянешь, везде теперь зияет пустота».

Образ жизни и стиль поведения Элеоноры Рузвельт — урок и назидание всем женщинам мира: его можно менять, не изменяя себе.

Ататюрк

Что такое счастье? Мало кто во все века был способен дать такой однозначный ответ, какой дал этот человек: «Счастье, — говорил он, — это право называть себя турком».

Зимой 1920 года Турция как государство стояла у гробовой черты. Османская империя распалась; инерция распада росла стремительно. Победившая Антанта ввела в Стамбул войска; правительство султана и высшее духовенство во главе с шейхом были смяты и изменили своей стране. Молодой генерал Кемаль, к тому времени уже герой событий, которые называют «кемалистской революцией», будучи антикоммунистом, когда речь зашла о потере государственности, попросил помощи у Советской России. 16 марта 1920 года в Москве был подписан договор «О дружбе и братстве», в Турцию отправилась военная миссия во главе с Фрунзе, а также обозы с оружием и 10 миллионов золотых рублей. Еще три года боев, и 29 октября 1923 года город Анкара провозгласил себя столицей Турецкой республики. Мустафа Кемаль стал первым президентом. На этот пост он будет переизбираться трижды.

Кемаль-паша напоминает мне Петра Первого, мудрого восточного деспота, понимавшего важность переодеваний. Едва став во главе мусульманского государства, Кемаль-паша оделся во все европейское; мужчинам велел стать фески, а женщинам — чадру, и уравнял оба пола в правах. Победить неграмотность удалось, заменив сложное арабское письмо латиницей. Президент упразднил халифат, закрыл медресе, ввел новый уголовный кодекс вместо судебных установлений, действовавших на основе шариата. Так Турция в одночасье стала светским государством.

Программа реформ Кемаля называлась «Шесть стрел», это — республиканизм, демократизация, национализм, отделение религии от образования, приоритет нужд простого человека и реформизм для быстрого выхода из застоя.

Все делалось действительно быстро, решительно; кое-что даже очень решительно. Например, демократизация по-турецки выглядела так: компартию Кемаль-паша не просто запретил, а еще и приказал утопить в открытом море шхуну, на которой в страну возвращались все ее руководители.

Основой быстрых экономических реформ Кемаля стал так называемый этатизм, то есть активное вмешательство государства в экономику. А приоритетом — развитие национальной индустрии. Президент распорядился выкупить все иностранные концессии, основал национальный банк. По всей стране началось

грандиозное строительство: промышленные предприятия, железные дороги, новые порты; в несколько раз увеличился торговый флот. И уже к середине тридцатых годов Турция заняла лидирующее положение на Ближнем и Среднем Востоке.

Мустафа Кемаль был убежденным противником политизированного ислама, считал его камнем, висящим на ногах у страны. Этот камень он сбросил практически одним движением, не дав консерваторам опомниться. И хотя в стране еще оставалось много недовольных, но серьезного сопротивления они не оказали. Мне известно всего об одном заговоре против Кемаля, в 26-м году. Покушение не удалось, и заговорщиков казнили.

Кемаль сам сокращал срок своей жизни, особенно пристрастием к алкоголю. Вообще его жизнь была полна ярких эпизодов, на грани и за гранью скандальности, но все это отступало перед тем уважением, которое испытывал к нему народ, решительно поддержавший европеизацию своей страны.

Мустафа Кемаль был безусловным противником фашистской Германии, и, проживи он дольше, Турция, возможно, снова пошла бы на решительное сближение с СССР. Но 10 ноября 1938 года Кемаль умер от цирроза печени. Ему было всего 57 лет.

По закону от 1934 года все граждане Турецкой республики получили фамилии, которых прежде не имели. Получил фамилию и президент Кемаль — «Отец турок», или Ататюрк. Под ней он вошел в историю как ярчайший государственный деятель всех времен. Ататюрк — редчайший случай, когда во имя спасения государственности политик посягает на сам менталитет нации и выигрывает.

Шперрле

«Два моих самых звероподобных воина», — так говорил Гитлер о фельдмаршалах Вальтере фон Рейхенау и Хуго Шперрле, сыне пивовара из Вюртемберга. Шперрле вместе с Герингом и Мильхом можно считать одним из главных создателей Люфтваффе.

Но и в этой тройке он кое в чем стал первым. Именно Шперрле, первый командир легиона «Кондор», заявил о начале войны нового типа — войны без законов и правил. Именно он разработал и первым опробовал в Испании тактику «авианалетов для устрашения»: «Хейнкели-111», «Юнкерсы-52» и «Дорнье-17» должны были бомбить населенные пункты, а затем с бреющего полета расстреливать разбегающихся людей. Тактика была опробована на городке Герника. Число убитых басков по разным источникам колеблется от двухсот человек до двух тысяч (последние исследования англичан дают цифру 1654 погибших и 889 раненых). Обратите внимание на такое соотношение: при обычных бомбардировках раненых бывает в несколько раз больше убитых. Поэтому, если верить этим данным, то приказ Шперрле поливать улицы пулеметным свинцом был выполнен.

Как в этом, так и во всех последовавших вплоть до наших дней случаях, устрашители мало кого устрашили, они, скорее, плеснули бензином в костер сопротивления. Вот тогда бы и сделать правильные выводы.

31 октября 1936 года Хуго Шперрле под фамилией Сандерс прибыл в распоряжение генерала Франко с тремя эскадрильями и двумя зенитными батареями — это и был легион «Кондор», которому предписывалась поддержка войск Франко с воздуха. Одновременно пилоты полка проводили летные испытания, отрабатывали экспериментальные приемы воздушного боя, опробовали прицелы для бомбометания.

Эти первые асы «Кондора» выглядят славными парнями. К 36-му году гитлеровская машина уничтожения еще не раздавила их понятий о красоте воздушного боя. Своим долгом большинство из них считало не только сбивать самолеты противника, но и делать это своим собственным почерком. Общим правилом было и проявление благородства к сбитым противникам — французским и британским пилотам, которых «кондоры» старались скрывать от СС. Правда, во время «битвы за Британию» асам уже приходилось выполнять и черную работу — уничтожать самолеты на посадочных площадках, бомбить города. А как бы они повели себя в России? Там сбитых советских летчиков они едва ли успели бы

напоить шнапсом, поскольку их приказано было расстреливать на месте.

К счастью для «кондоров» Шперрле, большинство их погибало на взлете карьеры и до сих пор летает в легендах. Чего не скажешь о самом фельдмаршале.

После Испании он за штурвал почти не садился. Но продолжал эффективно служить фюреру, причем даже своей устрашающей внешностью. Например, в 38-м году во время переговоров с канцлером Австрии об аншлюсе Гитлер много и нервно говорил, бегал по гостиной, махал руками, и все это на фоне, как описывает один из свидетелей, «свирепо молчащего Хуго Шперрле, который периодически наезжал на австрияка своей квадратной челюстью, как танком». Позже Шперрле командовал «бомбардировочным давлением» на Чехословакию, затем польская и французская кампании, за которую он получил звание фельдмаршала. В разгар битвы за Британию Шперрле, в противовес Гитлеру и Герингу, считал, что главная задача Люфтваффе — уничтожение Королевских ВВС, а перемена тактики, то есть перенос главных ударов на Лондон — грубая ошибка. Он оказался прав. Уже после войны эту же ошибку Черчилль назвал еще и глупой.

Для карьеры фельдмаршалов, однако, чрезвычайно вредно оказываться дальновидней диктатора. Шперрле сослали в военное захолустье — во Францию. Там он свой штаб разместил прямо в парижском казино, разъелся, скупал картины, погряз в долгах. А в результате, когда Гитлер поручил ему 1 марта 1943 года «бомбардировку мести» за авианалет на рейх, из ста тонн бомбового запаса на Лондон упало всего двенадцать бомб. Гитлер свирепствовал, но в отношении лично Шперрле — только на словах. Получилось даже забавно — вместо наказания фельдмаршал получил от фюрера подарок — 50 тысяч марок на уплату карточных долгов.

Шперрле доконала лень: с 43-го года он уже не стремился ни в чем участвовать, его больше не интересовали ни интриги, ни награды, ни даже грядущее наказание. В 45-м он уныло сдался американцам. Позже его осудили, но денацифицировали и выпустили.

По сути, Хуго Шперрле повторил путь своих молодых асов из легиона «Кондор»: он был удачлив на взлете, в рискованных пике… Война как тяжелая работа вызывала у него брезгливость и скуку.

«Я получил все, что хотел, даже превзошел весом Геринга, — шутил он в конце жизни. — А в общем-то, мы все тогда неплохо порезвились. Этот гниющий мир будет помнить арийских

кондоров».

Сталин

Писать портрет Сталина я бы сейчас не взялась. Но я уже много лет занимаюсь личностью одного… художника, который долго и пристально вглядывался в эту натуру и однажды в течение трех дней сделал несколько широких и ярких мазков, к которым стоит приглядеться. Хотя… как раз за неумение писать портреты этого художника — Адольфа Гитлера — и не приняли когда-то в Венскую академию искусств.

Что это были за три дня?

Весной 39-го года Гитлера впервые посетил страх, который с тех пор стал его преследовать, пока не сбылся кошмарной реальностью, — страх перед военным союзом Запада с Россией. Борман, Геббельс, Розенберг в своих записках зафиксировали, что Гитлер еще с зимы 39-го уговаривал Гесса «слетать на разведку в Кремль», при этом нервно смеялся, доказывая, что он, Гесс, детство проведший в Александрии, «лучше сумеет проникнуть в примитивно-пафосную логику азиата» (выражение самого фюрера и один из первых мазков). Но Гесс наотрез отказался. Тогда фюрер стал усиленно гнать в Москву вождя Трудового фронта Лея как «представителя братского рабочего класса», но Лей ограничился тем, что вместо себя отправил своих детей — в пионерский лагерь «Артек». Наконец Гитлер принял твердое решение, как записал Борман, «пропихнуть в Москву Риббентропа».

Чего, спрашивается, он так суетился? Да оттого, что план «Фаль Вайс» — нападение на Польшу — был авантюрой. Тридцать три немецкие дивизии могли оказаться лицом к лицу с девяноста французскими и британскими плюс части Красной Армии. Реализуется этот «плюс» или нет, в конце лета 39-го решалось в Москве: там ежедневно шли переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции. Последнее заседание, 21 августа, закончилось словами адмирала Дракса о согласии отложить заседания до «решения политического вопроса».

Политический вопрос, или политическая воля — это согласие правительств Англии и Франции на заключение военного союза с СССР — того самого, которого до тошноты боялся Гитлер.

Но Сталин, видимо, уже понимал, что на такой союз Запад не пойдет. И он еще 19 августа дал принципиальное согласие на визит германской миссии в Москву. Однако в гости немцев ждали не раньше 27 августа, объясняя необходимостью получше подготовить общественное мнение внутри страны. Гитлер же подозревал другое — русские еще надеются договориться с

Западом. Вот тогда Гесс и посоветовал ему подстраховаться и предложить Сталину личную встречу. Сам будучи яростным противником серьезных отношений с Москвой, Гесс настаивал на блефе: Гитлер должен был обмануть, переиграть Сталина, как он это гениально проделал в Мюнхене со «свинорылыми демократами» (интеллигентный Гесс слово «демократ» без этого определения никогда не употреблял).

«Мой Руди настырничает с вечера до утра — гонит приложиться к азиату», — жаловался Гитлер 19 августа. Затем, в последовавшие до подписания пакта три дня, фюрер и повел себя не как политик, а как художник-недоучка: он кричал, что его толкают на унижение, и, как записал Геббельс, «бросал на абрис московского царя широкие беспорядочные мазки», вот в таком духе: «Эти свинорылые после Мюнхена выползли повсеместно, как черви после дождя, а Сталин, если сдвинется и пойдет по ним танком… фу, мерзкое зрелище!». Он говорил своему окружению (а Борман записывал): «Поймите же, — Сталин — это сильный зверь азиатской породы, которая плохо мною изучена». Или (Борман снова фиксировал): «Сталин, Сталин… я не знаю, как с ним договариваться! Он слишком молчалив, он всегда крадется… Я рыцарь, он сарацин. Пока я поднимаю меч, он пустит отравленную стрелу. Сегодня, когда я брился, увидел в зеркале… его усы. Вы меня с ума сведете!».

Из всего этого Гесс и Геббельс сделали ехидный вывод, что Адольф попросту трусит. Правда, в семидесятые годы, в тюрьме Шпандау, Гесс описал те дни и сумятицу, царившую в душе Гитлера, совсем в других тонах:

«Два клина — русские и мы — перед тем как вышибить друг друга, собирались с духом. Однако, как стало ясно после нашего поражения, фюрер единственный в полной мере ощущал тогда демоническую силу восточного деспота, которую мы все недооценили, и в конце концов оказался прав».

Черчилль

В самом конце осени 1874 года в разгар одного из великосветских балов супруга лорда Рендольфа леди Дженни неожиданно почувствовала родовые схватки и едва успела укрыться в дамской комнате. «Он выскользнул у меня из-под корсета, как мелкая рыбешка», — шутила она позже. Этого семимесячного, крайне несимпатичного младенца назвали Уинстон Леонард Спенсер, и, несмотря на богатство и знатность рода Мальборо, к которому он принадлежал, судьба, казалось бы, обрекла его на вполне заурядное существование. Никаких способностей, ни одного сколько-нибудь выраженного интереса, кроме морских сражений в большом тазу, нелюбовь сверстников, лень, небрежность во всем, за что бы ни брался… На нашем сленге для юного Уинстона имеется подходящее словечко — пофигист. Родители жаловались, что просто не знают, куда пристроить своего никчемного Уинни, которого, впрочем, очень любили. Мальчика решено было отдать в военное училище. Любопытный факт: перед экзаменами Уинстон упал с дерева и получил сильнейшее сотрясение мозга, после чего в его голове как будто бы что-то встало на место. Его молодость — период бесстрашных поисков и самоутверждения: военные походы, любовные романы, пробы пера и ораторских способностей — об этом стоит почитать в его многочисленных биографиях. В 26 лет Черчилль пробует на вкус главное дело своей жизни — политику: он становится членом парламента, через восемь лет — министром торговли, а еще через три года — Первым лордом адмиралтейства, по-нашему — командующим военно-морским флотом. Сбылась мечта: морские сражения в тазу, на полу детской, трансформировались в счастливую реальность. Правда, теперь картина была иной: если Уинни сражался только корабликами, то сэр Уинстон над морскими битвами планировал грандиозные воздушные бои: сильная морская авиация была его идеей фикс.

Примерно в это же время Черчилль женился и приобрел большинство своих в будущем знаменитых привычек и навыков: сигары, армянский коньяк, супружеская верность, хозяйственные заботы, требующие регулярной физической нагрузки, умение общаться с маленькими детьми.

Черчилль всегда отличался удивительной широтой интересов и многообразием деятельности, чего не скажешь о его политических убеждениях: консерватор, патриот, ярый антикоммунист. Три кита, на которых он стоял. При этом

забавно, что его многочисленные родственники тоже проявляли твердость убеждений, но часто во вражеском лагере: например, племянник Эсмонд Ромилли был коммунистом, сражался в Испании, а троюродная сестра, скульптор Клер Шеридан, едва не вышла замуж за чекиста Яна Петерса и всегда оставалась воинствующей противницей традиционных буржуазных ценностей.

Именно к этим, британским ценностям, дорогим сердцу традициям и устоям и апеллировал премьер-министр Черчилль, обращаясь к нации, когда на остров начали накатываться лавины бомбардировщиков Люфтваффе. Превосходство англичан в воздухе — одна из безусловных заслуг Черчилля. Немцы совершали в среднем по 1000 самолето-вылетов в день, и хотя ПВО Британии были на высоте, а потери ВВС — в два раза меньше немецких, Британия все же попробовала на вкус современной войны и реально ощутила угрозу потери своей государственной независимости.

«Мне нечего предложить вам, кроме крови, пота и слез, — прямо сказал Черчилль соотечественникам. — Вы спросите: какая у нас цель? Я отвечу одним словом: победа! Победа любой ценой, победа, несмотря ни на что, победа, каким бы тяжким ни был путь к ней. <…> Если мы не победим, то должны будем распрощаться с нашим образом жизни».

Меня всегда интересовал вопрос: если бы в 40-м году Гитлер все же решился бросить свои 25 дивизий на Британские острова, отрезать Лондон, одним словом, запустить-таки операцию «Морской лев», какова была бы тогда цена британской победы?! Если исходить из того, какие страшные недели пережил Черчилль поздней осенью 41-го года, как смертельно боялся и не желал он разгрома Красной Армии под Москвой, то думаю, что в поединке с Гитлером он и впрямь был готов заплатить любую цену.

Маннергейм

«История показывает, что сильный редко обладает чувством меры и талантом видеть далекую перспективу».

Мысль, возможно, не новая: что-то подобное читается у Плутарха. Но доблестные рыцари античности едва ли выстрадали ее так, как рыцарь века двадцатого — Карл Густав Эмиль фон Маннергейм.

Правда, исторической справедливости ради нужно уточнить, что, в отличие от подлинных рыцарей, например, тех, что перли в Палестину за Барбароссой и Львиным Сердцем в поисках приключений и добычи, рыцарские качества новейшей истории предполагают как раз обратное: отсутствие корысти и личную идею, определяющую и выстраивающую жизнь. Может ли такой «рыцарь» сделаться и оставаться политиком? Маннергейм смог.

Он служил двум государствам — России и Финляндии — примерно поровну: по тридцать лет, если, конечно, считать и годы учебы в кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище в Петербурге. На службе Российской империи он воевал с Японией, затем в 1906–1908 годах по заданию военного командования занимался составлением карт Средней Азии, Монголии и Китая, проделав с казаками путь в 10 тысяч километров. Был почетным членом Русского географического общества. Первая мировая — бои в Галиции и Румынии, звание генерал-лейтенанта, почти все российские ордена…

В 1917-м Финляндия провозгласила независимость. Советское правительство ее признало. Маннергейм в качестве регента, обращаясь к нации, излагает программу строительства Финского государства. По Маннергейму, государство Финляндия есть «национальное единодушие» плюс мощные оборонительные рубежи.

Следует уточнить суть отношений регента с белогвардейским движением. Очистив Финляндию от финских красногвардейцев и частей Красной Армии, Маннергейм не поддержал Юденича против большевистского Петрограда. Об этом свидетельствуют документы, которые этим летом были представлены в Эрмитаже. Догадываетесь почему? Да потому, что государственность финнов в планы Белой гвардии не входила.

Тридцатые годы — напряженный период в жизни маршала и председателя Совета обороны Финляндии. В своих мемуарах (вышедших у нас в 2003 году) он называет их «восемь лет соревнования с бурей». Маленькая Финляндия возводит свои оборонительные рубежи — «линию Маннергейма» шириной в сто

километров, знаменитую теперь не меньше, чем Великая китайская стена.

Документы также свидетельствуют, что Маннергейм отлично знавший мощную инерцию любого русского наступления, настоятельно советовал своему премьер-министру согласиться на предложение Сталина отодвинуть границу от Ленинграда, но правительство отказалось. Что ж, воевать — значит, воевать по Маннергейму, то есть хорошо!

Парадокс, но стратегический талант Маннергейма внес-таки свой вклад в будущий разгром своего союзника — гитлеровской Германии. По мнению Черчилля, после Финской кампании Гитлер посчитал русских неспособными достойно воевать и очертя голову бросился в блицкриг на Россию.

Гитлер требовал от Маннергейма полновесных боевых действий против СССР и прежде всего — вести финские войска на Ленинград. Приезжал генерал Йодль, убеждал хотя бы начать бомбардировки Ленинграда. «Сопротивляясь участию наших войск в наступлении на Ленинград, я исходил из политических соображений, которые, по моему мнению, были весомее военных», — пишет в мемуарах Маннергейм.

Возможно, это только эмоции, но трудно себе представить, что человек, подобный Маннергейму, отдал бы приказ бомбить Питер, город своей юности. Почитайте его мемуары. Вы увидите, что политик совсем не обязательно должен быть средоточием бесчувствия и беспринципности.

И последнее. Маленькая страна едва ли может учиться на примере великой державы. Поэтому следующие слова Маннергейма звучат словно бы вырванными из контекста: «Дважды я собственными глазами видел, сколь катастрофическими для России были последствия того, что она вступала в войну неподготовленной», — пишет он.

Опять эмоции, наверное… Но мне кажется — этот железный финский рыцарь… любил Россию.

Хирохито

Портрет японского императора Хирохито видится мне странным: графический полупрозрачный силуэт на детально выписанном маслом фоне. Кстати, о фоне…

Вы когда-нибудь встречали выражение «японский фашизм»?

Если мыслить образами, то фашизм — это цветок: сердцевина — идея, лепестки — способы и методы.

Приглядитесь к двум «цветкам» тридцатых-сороковых — германскому и японскому, и вы найдете у японской «хризантемы» всё те же лепестки, кроме одного — сочной, звучной, харизматической личности национального вождя. Вместо нее мы видим низенькую, нервически вздрагивающую фигурку, постоянно меняющую контуры и почти неуловимую.

«…маленького роста, в дурно скроенном костюме… щека подрагивала от нервного тика, постоянно дергал правым плечом… Усталый трогательно маленький мужчина, вынужденный выполнять неприятную работу, отчаянно пытавшийся контролировать свой резкий голос, сводимую тиком щеку и непослушную ногу…» Запись сделана в марте 46-го года американским журналистом Марком Гейном. Так он увидел, по его выражению, начало превращения императора «из божества в обычного смертного».

Это превращение Хирохито составляло часть процесса отречения Дай Ниппон тэйкоку — Великой Японской империи в пользу Нихон коку — просто Японии с ее конституцией, лишавшей императора официальных полномочий. Эту конституцию Хирохито именовал «благодатным поражением».

Вообще, от корня «благо» происходят очень многие смыслы, заложенные в понятие «кодо» — «путь императора».

Само имя Хирохито восходит к древнекитайскому изречению: «Когда общество процветает, народ доволен». Благо народа в понимании императора сильно менялось в зависимости от времени и обстоятельств, но само понятие «народ» всегда оставалось для него священным и, главное, первичным.

Вспомним, что говорил Гитлер: «Если немецкий народ окажется недостойным меня, пусть лучше погибнет».

Только подумайте — если вся тысячелетняя идеология воспитания японца была направлена на абсолютную преданность императору, то ведь воспитание самого будущего императора было развернуто в обратную сторону — на него самого: принц должен был привыкнуть считать себя объектом всех помыслов своих подданных.

Именно об этой мучительной личностной ломке 45-го года и пытался рассказать Сокуров в фильме «Солнце». Однако сделал он это не через убогий азбучно-клиповый видеоряд, а при помощи иероглифо-образного потока смыслов, для большинства оставшегося зашифрованным.

Приведу пример. Октябрь 41-го года. На конференции, посвященной окончательному решению о начале военных действий, император стремится убедить рвущихся в бой начальников штабов дать еще некоторое время дипломатам и делает это при помощи… танка.

Четыре моря нас разделяют,
Но все мы братья,
Мир прекрасен!
Отчего так бушуют волны?
Зачем бесчинствует ветер?

Начальники штабов встают со своих мест и дают заверения, что готовы уступить дорогу дипломатам.

В этой сцене нет ничего фальшивого или выделанного. Просто это другой мир. Мир, который слишком ценил себя и, не надеясь на полное понимание со стороны белой расы, сам научился понимать и принимать ее. В этот путь Япония отправилась со своим императором, в чем его великая заслуга.

Что же касается ответственности за все те «лепестки» тогдашней японской хризантемы, как то — применение газов, ковровые бомбардировки, зверства на Филиппинах и в Бирме, «миротворческие операции», в результате которых почти три миллиона китайцев были умиротворены до смерти, и так далее, то Токийский трибунал в самой Японии многие до сих пор считают фарсом, поскольку из-под ответственности был сознательно выведен главнокомандующий-император, сказавший однажды со своим непроницаемо-мечтательным выражением лица: «Армия — это такая неприятность».

Кейтель

Для большинства весь гитлеровский генералитет примерно на одно лицо, и, скорее всего, это бесстрастная физиономия начальника главного командования вермахта Вильгельма Кейтеля — того фельдмаршала, что подписал акт о капитуляции Германии.

Кто-то сейчас подумал — а стоит ли тратить время на перетряхивание грязного белья всех этих фон Боков, Йодлей, Гальдеров, Гудерианов и Роммелей? Мы ведь их победили! Но вот вопрос — чем бы была для мира коричневая возня НСДАП без этих самых Кейтелей и фон Боков?

Два века назад лучшая в мире французская армия Первой республики прошла по Европе, сметая абсолютизм. Полвека назад лучшая в мире немецкая армия двинулась в крестовый поход на демократию. К сожалению, до сих пор еще не появилось свободного от пропаганды исследования взаимодействия штыка и идеи, пули и мысли и последствий такого взаимодействия. Комиссары Конвента отправлялись в провинцию с приказом стирать с лица земли мятежные города; американская авиация выжигала напалмом пораженные коммунистическими идеями джунгли Вьетнама, а где-то в промежутке мы видим нашего «героя» с его убеждением, что германская идея — «…только сойдя с гусениц танков, восстанет, как статуя, на расчищенном и продезинфицированном пространстве Европы». Написав это, Кейтель поставил свою подпись под приказом передать всю административную власть на оккупированных территориях Востока Гиммлеру, чтобы силами СС побыстрей начать эту самую дезинфекцию.

Вопрос о Кейтеле западными историками часто сводится к вопросу об ответственности за свою подпись под приказами, исходящими от других.

Да, Кейтель не был идеологом; да, приказ «о комиссарах», приказ о плате в сто расстрелянных коммунистов за каждого погибшего в тылу немецкого солдата или приказ от 7 декабря 1941 года «Мрак и туман» об уничтожении всех потенциально опасных для рейха лиц и прочие исходили от Гитлера и Гиммлера и только подписаны Кейтелем.

Но историки обязаны читать юридические документы. Хотя бы те, что под рукой, — материалы Нюрнбергского трибунала.

Читаем: «Уточнение к инструкции о поведении полевых частей вермахта сделано рукой Кейтеля и заключается в том, что помимо политического состава Красной Армии расстрелу на

месте подлежат также все женщины-военнослужащие». Читаем еще: резолюция, сделанная рукой Кейтеля на докладной Канариса о зверствах в лагерях, где содержались советские военнопленные, гласит: «Я, фельдмаршал Кейтель, полностью одобряю и беру на себя ответственность за эти мероприятия, поскольку борьба за уничтожение коммунистической идеи не допускает соблюдения законов рыцарства». Ну берешь — так неси! А не бей себя в грудь и не кричи на суде, что ты только солдат, выполняющий приказы. «Мои солдаты с пленными не воюют». Это тоже резолюция, наложенная рукой другого вояки — Гудериана. Ему и приговор был иным.

Если в чем и заключалась не столько вина, сколько беда Кейтеля, так это в том, что он оказался на очень неудобном, не имевшем аналогов посту. Внедряя букву и дух фюрер-принципа в механизм командования армией, он практически его разлаживал и сам постоянно находился между молотом гитлеровских директив и наковальней генштаба — всех раздражающий, всеми презираемый… «лакейтель», как его за глаза называли свои.

Думаю, Кейтель был все же умнее, чем выглядел. Во-первых, он был среди тех генералов, что ясно видели все безумие блицкрига на Россию. Доказательство тому — прошение об отставке, поданное накануне нападения на СССР. Во-вторых — он запретил своим адвокатам подавать прошение о помиловании и все, о чем просил у суда, — это заменить веревку расстрелом. Но в чести умереть, как солдату, ему было отказано.

Улманис

Слово «харизма» в переводе с греческого означает «божественный дар». Если его разложить на земные компоненты, то получим внушающую симпатии внешность, как правило врожденные ораторские способности, умение с достоинством принять восхищение собой, не впадая при этом в надменность, способность «оседлать» любую ситуацию и направить ее в нужную сторону, видимая независимость поведения и некий вечный источник энергии, периодически выбрасываемой на толпу. И еще — она, харизма, часто словно бы слегка похлопывает вас по плечу: «У нас, мол, с тобой, парень, много общего, просто я знаю тако-ое…».

Вот эскиз к портрету человека, которого соотечественники-современники называли «величайшим в Европе государственным деятелем» и «дважды гением», а соотечественники-потомки сейчас именуют «узурпатором» и «авторитарным монстром». Ну нас-то подобным не удивишь, а вот для самоуглубленной и неболтливой Латвии такие перевертыши не характерны.

Его имя Карл Улманис. Это тот самый латышский политик, который к июлю 21-го года на посту председателя Временного правительства Латвии сумел справиться с революционным движением, с западной помощью конечно, а в 40-м, будучи президентом, с формальным соблюдением всех международных норм «вступил» Латвию в СССР.

В Риге мне подарили учебник — «История Латвии. XX век» — тот самый, что вызвал возмущение в наших СМИ. В нем говорится: «Нацистскому режиму не удалось бы создать латышский легион СС, если бы Латвия не была оккупирована СССР». Не говоря уж о том, что оккупации де-юре не было, а оккупация де-факто — категория, извините, эмоциональная, поражает сама система оправдания, при этом еще и основанная на абсурде: по этой логике получается, что даже если преступная Россия вынудила невинных латышей пойти на преступление, пополнив собой гиммлеровских головорезов, то это преступление не просто смягчается, а выворачивается в великую доблесть, достойную морального и материального поощрения.

В Риге я не задала этого вопроса нашим вежливым хозяевам, однако об Улманисе кое-что понять удалось. В том же учебнике читаем: «Демократия в Латвии была уничтожена не в силу экономических конфликтов или безвыходной ситуации, причина ее падения — предательство самого крупного политика…». Особенно приятно это читать нам, нынешним: палец так и

тянется ткнуть в Ельцина — вот он, демон! Но отношение к Улманису в Латвии не раскалывает хор на дифирамбы и анафему. И вот почему: если, не разматывая весь клубок сложных международных отношений, сразу заглянуть в душу Улманиса, я бы сказала, в логику его души, а это одно из свойств харизмы, то видим такую картину.

Лидер маленькой, самобытной страны сидит между двумя монстрами, раскрывшими пасти: тот, что юго-западнее, — Германия — близок по крови и типу пищеварения; он скушает и быстро переварит Латвию без всякой отрыжки, а тот, что на востоке, — Россия — проглотит, но переварит далеко не сразу, и, как бы это поделикатней выразиться, есть шанс… выпасть почти целеньким, отчиститься и снова засверкать самобытностью. Вот так он сидит и предвидит, без всякой иронии конечно, и предвиденье его почти сбывается… В Риге я прямо спросила — не пора соотечественникам-современникам простить своему бывшему «дважды гению» это «почти» и приподнять его хотя бы над эмоциями? И знаете, что мне ответили? «А в душе мы его уже простили».

Де Голль

«Прекрасная моя родина! Что же с тобой сделали?! Нет, не так! Что ты позволила с собой сделать?! От имени народа я, генерал де Голль, Глава Свободных Французов, приказываю…» Дальше многоточие. Это дневниковая запись. В конце мая 40-го года он еще не знал содержания будущих приказов. Но уже знал, *как* станет говорить со своей Францией.

18 июня 1940 года в гитлеровской резиденции Бергхоф очень смеялись. Фюреру доложили, что какой-то беглый французский офицерик, креатура Черчилля, сидя на радиостанции в Лондоне, имел наглость призвать французов «продолжать борьбу». Дурак. Франция довольна. Париж цветет; прекрасные француженки очарованы галантностью немецких офицеров. Чего он там бубнит о «пламени Сопротивления», о «чести Знамени», о какой-то смертельной угрозе? Тоже еще новый Дантон нашелся — «Граждане, Отечество в опасности!». Да кто мешает этим французам есть, пить, танцевать и размножаться?

Но уже очень скоро этот «лондонский начетчик», постоянно выходивший в эфир, стал по-настоящему раздражать Гитлера. Сам умело работая с подсознанием немцев, фюрер отлично понял опасность голлизма и вынудил Анри Петена приговорить своего бывшего, еще в Первую мировую, подчиненного к смертной казни. Но руки оказались коротки. А слово… мощным звучным эхом катилось по всей Франции, пробуждая и воодушевляя растоптанных, как казалось, французов.

Так начиналось то, что позже будет названо Французским Сопротивлением: мало дела, еще меньше оружия. Оно начиналось с того, что Ленин когда-то назвал «мужеством беззакония»! А вот дальше… как это часто бывает, очень многое оказалось завязано на личности одного человека: на его твердости, последовательности и ответственности за свои слова. Простой пример: призвав в сороковом «забыть все распри и объединить все партии перед общей угрозой», в 44-м де Голль включил Французскую коммунистическую партию в состав своего правительства.

Кстати, то же «мужество беззакония» позволило голлистам в первый и единственный пока раз в мировой истории сформировать национальные вооруженные силы за границами страны.

Когда война закончилась, де Голль попросил соотечественников не проявлять жестокости и не мстить предателям; и сам отменил для Петена смертную казнь. Он

придерживался той точки зрения, что ответственность национального лидера есть естественный ограничитель его жесткости, не дающий выродиться в жестокость.

Эта ответственность еще дважды ставила его на ту же самую грань, когда свободолюбивая Франция оказывалась перед лицом гражданской войны. Ответственность национального лидера заставила его даже пойти против святая святых буржуазного общества — крупного капитала, имевшего в колонии Алжир выгодный бизнес. В 1962 году Алжир получил независимость, хотя за это на де Голля устроили настоящую охоту, как на зверя.

В 1966 году президент де Голль вывел Францию из НАТО, убрал французские войска из Западной Германии, а из самой Франции удалил все американские военные базы. И съездил в СССР, чтобы говорить о разрядке. Это слово «detente» весь англоязычный мир произносил тогда по-французски!..

О поведении де Голля во время «студенческой революции» 68-го скажу главное: вместо пуль и танков президент предложил соотечественникам переговоры, повышение зарплаты и социальных пособий. «Я не дам этой революции пожрать ее романтических детей, — как-то сказал де Голль дочери, — но моя рана, по-видимому, не заживет».

Он умер через полтора года после отставки, в 1970-м, и был похоронен в своем имении, в Коломбэ, согласно оставленному завещанию. И все же пантеон без де Голля — это странно.

Йодль

«В армии есть один недисциплинированный элемент — это генералы», — так сказал генерал-оберст Йодль, этим высказыванием, видимо, желая исключить себя из числа «недисциплинированных».

Все-таки у Гитлера было звериное чутье на людей, и второй после Кейтеля столп в верховное командование вермахта (сокращенно — ОКВ) был вбит им вовремя. Что бы ни думал, иногда доверяя эти мысли письмам к жене, Альфред Йодль, но свою задачу сделать ОКВ орудием гитлеровских директив он выполнял и, в отличие от Кейтеля, даже с энтузиазмом и вдохновением. А ведь это был один из самых грамотных, думающих, ответственных военных специалистов. И единственный, помимо Гудериана, генерал, позволявший себе кричать на фюрера. Например, во время вторжения в Норвегию, когда британцы потопили десять германских эсминцев и Гитлер приказал отступить от крепости Нарвик, Йодль, отстаивая свою точку зрения, треснул кулаком по карте и сказал, что альпийские стрелки останутся в Нарвике и будут стоять насмерть. И ничего! Гитлер с таким доводом Йодля согласился, а позже даже признал, что именно твердость этого генерала позволила выиграть Норвежскую кампанию.

А вот во время Русской кампании возникла обратная ситуация. Гитлер рвался к кавказской нефти, требовал едва ли не танками штурмовать горные проходы, забрасывать бесполезные десанты… «Если вы хотите потерять десант, выбрасывайте его на Туапсе, — сказал Йодль Гитлеру. — Наши горные части также обречены, если останутся на своих местах. Их необходимо оттянуть». — «Я вас посылал затем, чтобы вы настояли на моем приказе, генерал Йодль, — ответил Гитлер. — Таково было ваше задание. Вы его не выполнили. Большое спасибо».

И тут же послал Кейтеля, с тем же приказом. Так что «столпам» иногда приходилось подпирать и друг друга.

Но, в общем, это были частности, «разборки» в высоких кабинетах, за их стены не выходившие. Оба они, Кейтель и Йодль, были и оставались главной армейской опорой Гитлера, особенно после покушения 44-го года.

А ведь еще в 1933 году Альфред Йодль открыто перед своими товарищами-офицерами называл Гитлера выскочкой и шарлатаном! Был ли он из тех, кого называют «рабами чужого успеха»? Отчасти. Но вот еще соображение: в Первую мировую Йодль сражался во Франции и видел, как каждый отбитый у

противника метр был выложен трупами немецких солдат! И когда весной 40-го гордая Франция лежала у ног фюрера, Йодль, я думаю, получил своего рода сотрясение мозга, от которого уже не оправился.

И еще несколько деталей о личности Альфреда Йодля. Именно ему, как одному из разработчиков плана «Барбаросса», мы «обязаны» вариантом северного направления главного удара, целью которого стала Москва.

Именно он подписал за Германию предварительную для СССР капитуляцию в Реймсе 7 мая 1945 года.

На суде в Нюрнберге он, как и Кейтель, говорил о своем «долге солдата» и прочее. Однако в его деле имеются показания госпожи Москович, еврейки, подробно описавшей то, как генерал, помог ей, совершенно посторонней ему женщине, бежать в 39-м вместе с семьей из Германии. Подобные вещи — большая редкость и чего-то стоят.

В 1949 году представитель обвинения со стороны Франции в Нюрнберге признал, что смертный приговор в отношении Альфреда Йодля был ошибкой. А в 1953-м его посмертно оправдали и полностью реабилитировали.

Не знаю… Но честно признаюсь, из всех деталей и частностей, известных о Йодле, цельный портрет этой личности отчего-то не складывается.

Гудериан

У Гитлера было несколько классных танковых генералов. Всякий раз, глядя на противотанковые ежи, я думаю, что такой своеобразный антипамятник поставлен только одному из них — Гейнцу Гудериану.

Сенатор Маккарти как-то предложил провозгласить послевоенные труды Гудериана «библией американских генералов». Каждому свое: им учебник, а нам — материал во многом и для самоанализа, материал, принципиально отличающийся от подобного рода записок и мемуаров, — я бы сказала так: откровенностью, подтвержденной документально.

Портрет Гудериана интересен в нескольких интерьерах: в весенней Франции, под зимней Москвой, на посту генерал-инспектора бронетанковых войск, с особыми полномочиями, или начальника генштаба. Можно написать портрет Гудериана-теоретика и светского льва; можно — практика, сутками не вылезавшего из своего T-IV… Но во всех своих работах, даже в романах, я стараюсь следовать правилу: поменьше самой говорить об исторических личностях и почаще давать им высказываться. Особенно когда слушать не противно.

К примеру, вот какими простыми фразами Гудериан выражает самую суть дела, о котором до сих пор идут споры.

«14 июля Гитлер собрал всех командующих группами армий… Он сказал, что не может разгромить Англию. Поэтому, чтобы прийти к миру, он должен добиться победоносного окончания войны на материке… Для этого надо разбить Россию. Подробно изложенные им причины… были неубедительны. Ссылка на обострение международного положения вследствие захвата нами Балкан, на вмешательство русских в дела Финляндии, на оккупацию русскими пограничных балтийских государств так же мало могла оправдать столь ответственное решение, как не могли его оправдать идеологические основы национал-социалистического учения и некоторые сведения о военных приготовлениях русских. Поскольку война на Западе не была закончена, новая военная кампания привела бы к войне на два фронта, к чему Германия была еще менее готова, чем в 1914 году. <…> Поскольку обсуждения речи не предполагалось, мы молча, в серьезном раздумье разошлись». «Разошлись», как вы понимаете, по своим войскам.

«Поистине роковой стала недооценка сил противника, — пишет далее Гудериан. — Гитлер не верил донесениям о военной силе огромного государства, о мощи его промышленности и

прочности государственной системы. Зато он умел передать свой необоснованный оптимизм непосредственному военному окружению, и оно так уверенно рассчитывало закончить кампанию к началу зимы, сломив военную мощь России за 8–10 недель и вызвав ее политический крах, что в сухопутных войсках зимнее обмундирование было предусмотрено только для каждого пятого солдата». И уточняет: «Люфтваффе и войска СС были снабжены им в достаточном количестве». И так далее. Очень советую почитать его «Воспоминания солдата». Повторяю: если Гудериан пишет, что приказ об обращении с гражданскими и военнопленными был попросту отослан им обратно в Берлин, то это правда: она зафиксирована. Если он пишет, что «приказ о комиссарах» вообще никогда не доводился до его войск, то и это правда. Гиммлер бессмысленных вещей не делал; он ядовито называл Гудериана, за глаза конечно, «бронированным демократом».

После провала наступления под Москвой Гитлер так сформулировал суть своих претензий к Гудериану: «Вы стоите слишком близко к происходящему, — сказал он, — вы слишком переживаете страдания ваших солдат. Вы слишком их жалеете. Вы должны быть дальше от них. Издали лучше видно». А после многочасового разговора резюмировал в присутствии Кейтеля: «Этого человека я не переубедил». Что означало отставку. Правда, временную. Так что «быстроходный Гейнц», как его звали в армии, к концу войны себя еще покажет.

Мосли

«Среди гостей обращал на себя внимание темноволосый человек с коротко подстриженными усиками, любезный и обходительный. Я долго беседовал с ним, мы обсуждали книгу Дугласа «Экономическая демократия»… Должно быть, я говорил что-то такое, что весьма заинтересовало этого джентльмена — лицо его осветилось, глаза раскрылись так широко, что стали видны белки. Казалось, он одобрял все, что я говорил… Однако лишь до той минуты, пока я не дошел до основного положения, завершавшего мою мысль, — оно-то как раз и оказалось прямо противоположным его собственному мнению, и лицо его внезапно выразило крайнюю степень разочарования. Эти выкаченные белки глаз и широко улыбающийся рот остались в моей памяти, как странная, пугающая маска…»

Таким было первое впечатление Чарли Чаплина о сэре Освальде Мосли, человеке, которого в 31-м году называли «английским Гитлером».

Британский союз фашистов был официально основан 1 октября 1932 года. В качестве эмблемы Мосли выбрал древнеримский символ власти — пучок связанных ремнем прутьев с топором в середине (фасции). Связка прутьев должна была символизировать силу единства, а топор — верховную власть организованного государства. Членов союза одели в черные рубашки; для них был выделен особый транспорт с символикой; появилась своя газета «Блэкшет» и так далее. Дело было задумано широко, основательно: Мосли считал себя прогрессивным экономистом, предлагал правительству всевозможные программы и планы и так же, как Гитлер, надеялся на главное — капитал, который и приведет его к власти. Но время шло, а британский капитал все как-то обходился без сэра Освальда, и в 34-м, когда союз фашистов насчитывал уже 50 тысяч членов, терпение у Мосли лопнуло: он объявил, что его «черные рубашки» готовы последовать примеру итальянских братьев и устроить «поход на Лондон». Лозунг был выбран такой: «С улиц — к власти».

Вот тут и сказался главный просчет такого рода флибустьеров от политики, вывозящих контрабандой чужой опыт под черным флагом откровенного бандитизма. Трескучий, безалаберный, пропахший потом и луком «поход на Рим» на британской почве с ее долгой, непрерывной демократической традицией, конечно, повторить не удалось. Например, осенью 34-го года, когда Мосли в Гайд-парке собрал три тысячи своих

парней, туда тут же привалило около ста тысяч крепких антифашистов, и, чем закончилась эта встреча, вообразите сами. Что касается самого Мосли, то такого битого и перебитого политика британская история, пожалуй, еще не знала, причем били сэра Освальда и справа, и слева, и сверху.

После очередного фиаско Мосли обычно отправлялся жаловаться Муссолини или Гитлеру, который, по-видимому, не очень рассчитывал на британских чернорубашечников, говоря, что у них прекрасный лидер, но никудышная организация дела. Высказывание, на мой взгляд, абсурдное. Или издевательское.

С 35-го года Мосли взял себе другой символ — молнию в круге, что означало «действие в круге единства». Этим кругом были не только правящие фюреры, но и лидеры фашистского интернационала, например вождь французских «Огненных крестов» де ла Рок, вождь румынских фашистов Кодряну, венгерских «Скрещенных стрел» — Салаши, главарь хорватских «усташей» Павелич (зверь, каких поискать). Можно еще вспомнить норвежского Квислинга, финского Косолу, бельгийского Дегреля — все это люди, на которых их народы поставили позорное клеймо, как на падших женщинах в Средние века.

О потугах же Мосли офашистить Англию, в чем ему, кстати, помогал ирландец, католик О'Даффи, стоит почитать. Скажу только, что и после войны этого «патриарха» десятки раз демонстративно лупили, а в это время из брошенных им семян незаметно подрастали молодые всходы… Увы… Настенные фотографии сэра Освальда и теперь еще можно увидеть в некоторых домах респектабельного британского электората.

Де ла Рок и другие

Фельдмаршал Кейтель, увидев среди представителей стран-победительниц француза, в первый момент растерялся:

— Мы, что же, и Франции проиграли?! — воскликнул он.

Это негодование Кейтеля понять можно. Но вопрос в том, что он вкладывал в слово «мы».

Я думаю, что фашизмом XX века, как чумой, Франция не болела; да и по форме локальные случаи отличались от общей клинической картины. Во-первых, главной целью фашистских организаций Франции было ограничение полномочий парламента и установление авторитарного строя, на манер Второй империи (пример — лозунг «крест и корона»); во-вторых, французские фашисты были не плебеями, а аристократами (еще пример — организация с названием «Королевские молодчики»); в третьих, партий и лидеров всегда было несколько.

В 31-м году одну такую организацию «Огненные кресты» возглавил граф Франсуа де ла Рок. Кадровый офицер, кавалер многих орденов; после Первой мировой полномочный представитель Верховного межсоюзнического совета в Польше, при Пилсудском, у которого он перенял ряд актерских приемов для самопиара, из которых соорудил себе маску харизмы. «Народ — это женщина…» — повторял за Гитлером де ла Рок, забывая, что эта, французская женщина росла в иных исторических обстоятельствах и отличается от немецкой большим чувством юмора. Историк Наумов приводит такой пример: «Во Франции, — пишет он, — не действовали эффективные в условиях Германии методы обработки масс. Деятели «Огненных крестов» пытались повторить практику бесплатных обедов во Франции, но реакция французских безработных была абсолютно иной. С чисто галльским юмором рабочие съедали обед, а затем расходились с пением «Марсельезы» или «Интернационала» и с криками: «Де ла Рока на виселицу!»».

Активность французских фашистов, безусловно, толкала страну вправо, но слева на нее давил созданный в 35-м году Народный фронт, выпрямляя хребет страны. Во время войны в Испании на стороне Франко сражался фашистский батальон «Жанна д’ Арк»; но при этом именно Франция послала в Испанию наибольшее количество добровольцев-антифашистов — восемь с половиной тысяч, дравшихся в составе батальонов «Парижская коммуна», «Тельман» и других.

Еще один пример вспышки локального фашизма — боевой союз «Фасции» во главе с Жоржем Валуа, слепок с партии

Муссолини. Валуа выступал за национальный социализм, который преодолеет классовую борьбу и вытолкнет страну из духовного кризиса. Судьба самого Валуа такова: после того, как немцы вошли в Париж, он начал менять политическую ориентацию и погиб в фашистском концлагере.

А вот французский олигарх парфюмер Франсуа Коти ориентаций не менял: он сначала подкармливал «Огненные кресты», а в 33-м основал собственную партию «Французская солидарность». Года через два появилась еще одна партия во главе с Жаком Дорио — еще одним характерным персонажем.

Всех вышеназванных лидеров объединяет одинаковое отношение к самому значительному событию французской истории — Великой французской революции: их ненависть к ней, яростное желание снизить ее роль, а то и вовсе предать забвению — порой напоминают истерику. Главная мысль: революция 1789 года ввергла страну в период перманентного упадка. Причем тут за всех высказывались потомки древних родов, действительно разоренных и повешенных революцией на фонарях, и игнорировалось мнение тех плебейских пластов, что были подняты ею из политического и духовного небытия.

Таким образом, «аристократический фашизм» оказался нежизнеспособным по сравнению с плебейским, показавшим свою силу в Германии.

Плебейский фашизм — эта затхлость духа, тупое неприятие чужого права, многообразия жизни — и не мог развернуться в стране, где сознание народа было перевернуто, перепахано, проветрено и омыто кровью великой революции.

Кодряну

История румынского фашизма напоминает мне историю гриба, выскочившего в неудачном месте: крепенький и привлекательный в раннем детстве, он очень быстро зачервивел, размяк и оплыл бесформенной омерзительной массой.

Королевство Румыния возникло в 1858 году в результате объединения двух княжеств-Молдавии и Валахии, однако только через двадцать лет, в 1878-м, получило от Турции независимость. После Первой мировой это королевство нарастило свою территорию больше чем в два раза, но покоя не было, потому что все окружение, кроме Польши, имело виды на румынские земли, а внутри страны постоянно конфликтовали национальные меньшинства. Что родится из подобного напряжения? Потребность объединяться. Румыния выбрала худший вид объединения — против внутреннего врага, которым были объявлены евреи. В 1927 году молодой человек по имени Корнелиу Кодряну провел претенциозное мероприятие — съезд, провозгласивший рождение «Легиона Михаила Архангела». Причем сам библейский архистратиг был как бы зачислен в ряды этого легиона с целью — «руководить нами, защищать нас, сражаться на нашей стороне и привести нас к победе». Сам Кодряну говорил, что слышал голоса, как Жанна д'Арк: они ему указали путь, по которому нужно вести народ к выздоровлению. В путь отправились в зеленых рубашках, с серебряными крестами, с клятвами, молитвами и всяческим язычеством, в виде поклонения двум идолам — королю Стефану Великому и небесному архистратигу Апокалипсиса Михаилу. Позже этот легион стали называть «Железной гвардией», и к концу 33-го года в нем уже состояло 30 тысяч человек.

Пропаганда, политические убийства… особый путь к созданию православного государства с опорой на свободные деревни — разаши.

Кодряну постоянно повторял, что в румынском народе есть-то дряхлое. Отсюда — работа по созданию нового человека, требование обновления с упором на принцип «жизненной силы» как один из трех составляющих суть всякого живого организма. Свой легион же он строил на принципе «духа», в котором, как он считал, нет противоречий, как нет их между универсальной верой православного христианства и национальной идеей. По Кодряну, румынская церковь должна была стать частью обновленного государства. Дальнейшая история Кодряну вкратце такова: после успешных для него выборов 1937 года в дело вмешался король

Кароль Второй. Он объявил себя диктатором, распустил все партии и арестовал Кодряну. Потом заключил наивное соглашение с Гитлером о невмешательстве последнего во внутренние дела своей страны, после чего отдал приказ об убийстве Кодряну. И этим подписал свое отречение и смертный приговор для премьера Калинеско. Гитлер считал Кодряну идеальным лидером для Румынии. Ни Сима, ни Антонеску этому идеалу соответствовать уже не смогли.

Сейчас идеалом, превосходящим самого Гитлера, считают Кодряну ребята, называющие себя православными национал-революционерами. В интернете сразу на нескольких сайтах висит статья под названием «Герой Дакии Капитанул Кодряну». В ней почти нет информации, но громко звучит объяснение в ненависти к трупу, то есть к современному миру, в котором живут ее авторы в ожидании «окончательного восстания, во время которого Дикая охота, или Небесное воинство, преодолев вселенскую энтропию, ворвется в этот промозглый мир».

Ну что тут скажешь? Что мир этот прекрасен, что он полон солнца и любви? Обругать и запретить? Нет, если они действительно пока еще молоды, с ними можно спорить, за них нужно бороться. А то ведь очередной бедолага снова приведет в исполнение приговор над собственной единственной жизнью, попутно покромсав и чужие.

Кальтенбруннер

На судебном заседании 11 апреля 1946 года в Нюрнберге бывший начальник РСХА Эрнст Кальтенбруннер, отвечая на вопрос своего адвоката, доктора Кауфмана, заявил, что всегда действовал лишь в рамках руководства своей разведслужбой и ничего не ведал ни о каких концлагерях. Геринг на это воздел руки и воскликнул: «Нет, вы только послушайте!». Когда Кальтенбруннеру предъявляли подписанные им приказы, он говорил, что не узнает своей подписи, или утверждал, что это подделки. Он отрицал все, отказывался от всего. Его поведение вызывало недоумение. Заукель, например, назвал его линию защиты «дьявольским свинством», а фон Паппен высказался так: «Что с него взять? Тупоголовый полицейский! Для таких типов существуют только две профессии: либо в шпионы, либо в ловцы шпионов».

И все они лукавили! Они играли в недоумение. Высшие руководители рейха прекрасно знали, что грубая внешность «великого инквизитора», его «носорожье» поведение на суде отнюдь не говорит о неотесанности его ума. Лукавил и Шпеер, называя это поведение Кальтенбруннера «тюремным психозом».

Эрнст Кальтенбруннер был умен; он вел линию своей защиты единственно возможным способом для достижения главной цели — снять с высшего руководства обвинение за преступления среднего и низшего звена. Это должна была бы быть общая линия; о ней успели договориться и суть ее выразил перед самоубийством Роберт Лей, сказав: «Расставьте нас цепью вдоль стены и расстреляйте. Вы победители!». Но уже во время следствия из общей цепочки коллективной безответственности начали выпадать отдельные звенья, а когда начались судебные заседания, вся она развалилась. Кальтенбруннер же продолжал стоять на своем: не знал, не подписывал, не ответственен.

Показания против него шустро дали Вальтер Шелленберг и начальник внутренней разведки Отто Олендорф. 15 апреля показания давал комендант Освенцима Рудольф Хесс (не путать с заместителем фюрера Рудольфом Гессом). Бесстрастным тоном перечислял он подробности последовательного уничтожения двух с половиной миллионов человек, говорил — о грудных детях, которых матери пытались спрятать в нижнем белье, о золотых коронках, которые выдирали из неостывших трупов, о партиях женских волос, упакованных в тюки… А еще раньше чудом выживший узник Маутхаузена, тяжело подбирая слова, скупо свидетельствовал, как во время визита Кальтенбруннера в их

бараке отбирали людей, чтобы продемонстрировать обергруппенфюреру СС три вида казни: петля, пуля, газ.

И тут все подсудимые — два десятка бывших олимпийцев, снова сделались едины — отстраняясь от этого кошмара, каждый, должно быть, говорил себе: «Это он, Кальтенбруннер… он, не я».

Возразить попытался один Франк: «Вы хотите спихнуть на Кальтенбруннера уничтожение двух тысяч евреев ежедневно, — сказал он, — а куда, позвольте спросить, девать тридцать тысяч человек, которые за пару часов погибли во время воздушного налета на Гамбург? Куда деть те восемьдесят тысяч, которые погибли под атомными бомбами в Японии?! Такова ваша справедливость».

«Так почему же этим, проигравшим свою идею, не хватило духа встать плечом к плечу у расстрельной стенки?» — такой вопрос задают сейчас некоторые молодые немцы.

Другие же повторяют слова Франка, точно выражающие мысль, которая уже охватила умы современной Германии, уставшей нести комплекс коллективной вины.

Хартман

Герои-асы Второй мировой, хоть их и оставались единицы, выходили из нее все-таки в иной мир, нежели их отцы — асы первой мировой бойни. Герман Геринг и Рудольф Гесс вынесли из поражения слепоту ненависти, а вот Эрих Хартман, самый результативный летчик за всю историю мировой авиации, пройдя еще и десятилетний опыт советских лагерей, вернулся в Германию без злобы в сердце к этим (цитирую) «славным парням русским» и русскому народу, о котором до конца жизни, а умер он сравнительно недавно, отзывался только с уважением и теплотой.

Можно сказать, что Эрих Хартман был и оставался славным парнем, если забыть, чьи самолеты он сбивал. Но забывать нельзя. Если в Германии его с умилением и восторгом называли «белокурым германским рыцарем», то в небе над нашей Малороссией он получил прозвище «черного дьявола Украины», поскольку его результативность дорого нам стоила. Всего Хартман подбил 352 самолета — цифра фантастическая и подвергаемая сомнению.

А начинал Буби — второе его прозвище, за молодость, на редкость неудачно, даже нелепо. Летать его, еще подростком, учила мать, опытная летчица-спортсменка. Пройдя обучение в знаменитой летной школе в Гатове, под Берлином, затем во 2-й Школе летчиков-истребителей, Эрих Хартман, в возрасте всего лишь двадцати лет, был направлен в Geschwader-52, воевавший над Кавказом. И в третьем же воздушном бою, вместо того чтобы прикрывать ведущего, умудрился попасть в его зону обстрела, потерял ориентацию и скорость и, что называется, плюхнулся, то есть сел, выведя самолет из строя. Кое-как добрался до аэродрома на грузовике и получил нагоняй. Но это бы еще ничего: опытные летчики снисходительны к новичкам, однако они очень не любят тех, кем овладевает так называемая «новичковая лихорадка», а именно яростное желание сбивать, вместо того чтобы учиться для начала хотя бы удерживать свое место в строю. Буби тоже этим переболел: сбив наш «ил», тут же был сбит сам.

Свою настоящую победу, и прежде всего над самим собой, он одержал только весной 43-го. В дальнейшем его тактика заключалась в том, чтобы «нажимать на гашетку только тогда, когда вражеский самолет уже заслонял собою весь белый свет», то есть подпускать противника как можно ближе. Это была смертельная тактика, потому она и вызывала восхищение. Многие последователи Хартмана гибли; ему же удивительно везло. Хотя,

по сути, он обладал той самой особой интуицией, которая и отличает аса от неудачника.

Хартман побывал и в плену, когда его все-таки сбили над нашей территорией, но сумел бежать. Счет его побед рос едва ли не по часам. Например, только в августе 44-го года он сбил 78 советских самолетов; причем 19 — только за два дня — 23-го и 24 августа. После чего Гитлер собственноручно наградил его Рыцарским крестом с дубовыми листьями и мечами к нему.

Свой последний самолет Эрих Хартман сбил 8 мая 1945 года. Это был его 1425-й боевой вылет. Потом он приказал сжечь оставшиеся самолеты полка, вместе со своими подчиненными добрался до американских позиций и сдался в плен. Но в середине мая всю группу передали советским оккупационным властям, и «черного дьявола» отправили в лагерь. Там он вел себя откровенно вызывающе: отказывался выходить на работу, всячески провоцировал охранников, как потом объяснял жене, в надежде, что его пристрелят. В 1955 году Хартмана освободили, и он вернулся в Германию, похожий на скелет, обтянутый кожей. Вместе с женой Урсулой, которая ждала его все эти годы, он сумел начать новую жизнь.

В 1958 году Эрику Хартману было всего 37 лет, и, поступив на службу в ВВС ФРГ, он еще одиннадцать лет командовал 71-м истребительным полком «Рихтгофен». Выйдя в отставку, долго жил в пригороде Штутгарта.

Жил с комфортом. В окружении близких. С чистой совестью. С багажом ярких воспоминаний для внуков. Герой-рекордсмен. Таким он мог бы остаться и в нашей памяти, но…

Пока продолжаются войны, забывать не нужно.

Прин

Немецкое слово «Кригсмарине» известно у нас гораздо меньше, чем «Люфтваффе», хотя по поводу урона, наносимого немецким подводным флотом, Черчилль как-то писал: «Единственная вещь, которая по-настоящему тревожила меня в ходе войны, — это опасность, исходившая от немецких подводных лодок».

2000 военных кораблей и судов торгового флота общим водоизмещением тринадцать с половиной миллионов тонн; 70 тысяч военных моряков и 30 тысяч моряков торгового флота — таков общий ущерб, нанесенный Кригсмарине союзникам.

Среди немецких подводников тоже были свои асы, не менее популярные в рейхе, чем асы-летчики. Первым из них можно считать Гюнтера Прина, второго по результативности после Отто Кречмера, счет которого был равен сорока пяти потопленным суднам. Счет Прина скромнее — двадцать восемь кораблей, однако среди них — знаменитый британский линкор «Ройял Оук», на котором погиб английский адмирал Блэнгроув и 832 члена команды.

Атака на главную базу ВМС Британии Скэйп Флоу была бы своего рода реваншем немцев за потери, понесенные в этом месте в годы Первой мировой войны. Скейп Флоу считалась неприступной, и победа немцев в таком месте сыграла бы для рейха особую, воодушевляющую роль. Осенью 1939 года Дениц получил информацию о том, что англичане перестали следить за восточным входом в пролив, и в противолодочных заграждениях есть проход шириной 17 метров, через который можно было бы попытаться провести в гавань Скейп Флоу подводную лодку. Задание Дениц предложил выполнить Гюнтеру Прину, ее командиру, — именно предложил, дав время подумать. На следующий день Прин доложил, что готов. В ночь с 13-го на 14 октября подлодка сумела прокрасться в гавань и выпустила четыре торпеды, из которых только одна взорвалась возле линкора. Пока подлодка Прина заходила в новую атаку, англичане ничего не предпринимали, поскольку решили, что взрыв произошел внутри линкора. Она выпустила еще четыре торпеды, или на языке подводников — «рыбы», и линкор водоизмещением в 31 тысячу 200 тонн буквально раскололся на две части, поскольку от взрыва сдетонировали артиллерийские погреба. «Ройял Оук» и затонул за 23 минуты, унеся с собой 833 жизни. А подлодка, даже не погружаясь, вся в сполохах северного сияния, триумфально вышла в открытое море. За этот «подвиг»

гросс-адмирал Редер, поднявшись на борт подлодки, каждому моряку лично пожал руку и вручил Железный крест. А командир отправился в Берлин, где его встречали ликующие толпы на улицах, фюрер с Рыцарским крестом и Геббельс с дифирамбами.

Гюнтер Прин сделался звездой рейха: письма от восторженных поклонниц доставляли ему мешками. 833 человека, отправленные на тот свет за 23 минуты, приводили немецких женщин в экстаз.

В ноябре 1939 года теперь уже легендарная подводная лодка, с нарисованным на боевой рубке быком, вышла на охоту в Атлантический океан. Особенно удачным для подводников стал 1940 год. Общими усилиями Кригсмарине и Люфтваффе потопили 140 судов; из них 10 процентов были на счету Прина. Например, только за одну ночь на 18 октября Прин, во главе «волчьей стаи» из четырех подлодок, потопил 8 судов из британского конвоя.

Звезда Прина постепенно закатилась, когда британцы начали применять радары и вооружили свои бомбардировщики глубинными бомбами. У англичан тоже были свои «звезды», гонявшие лихих подводных асов так, что те едва уносили ноги или затапливали свои подлодки, например командор Джеймс Ройленд, по прозвищу Россомаха.

«28-я победа Прина стала для него последней. Потопив корабль, лодка оказалась прямо под носом у англичан, вся в лучах заходящего солнца. Командор Россомаха не промахнулся и ранил зверя; [подлодка] ушла на глубину, а когда снова всплыла недалеко от места погружения, Россомаха поджидал добычу. [Она] стремительно погрузилась, но взрыв глубинной бомбы разорвал лодку на части: через несколько минут на поверхности воды закачались останки: мусор, обломки и пятна мазута».

В гибель Прина в рейхе долго не верили и распускали самые невероятные слухи, от смерти в штрафбате на Восточном фронте до расстрела в концлагере. Некоторой издевкой отдает история о том, что лихой подводник утонул в собственной ванне.

Иосип Броз Тито

Словесный портрет такого человека требует времени; поэтому я ограничусь, в основном, теми сведениями, которые имелись о нем у вражеской стороны.

Скажу сразу — гитлеровское руководство и сам фюрер национальных лидеров, боровшихся с ними на смерть, уважали, в отличие от лидеров коллаборационистов, которых не просто презирали, а всегда настойчиво подчеркивали это презренье.

«Всякое предательство своей крови есть мерзость, и всякий, кто совершил такое предательство, есть мерзавец; тот же, кто остался верен своей почве и крови, хоть он и стоит на нашем пути, есть герой. Он подлежит уважению и уничтожению». Рудольф Гесс, 21 апреля 1939 года.

Вот такому «уважению и уничтожению» подлежал в глазах фюреров рейха Иосип Броз Тито.

Во время разработки операции под названием «Ход конем» по поимке руководства югославского сопротивления во главе с Тито немцы внимательно изучали его биографию (замечу, что на языке Гесса «уважение» и есть «изучение») и составили обстоятельное описание его личности и фактов жизни. Это исследование вышло из гиммлеровского Управления по вопросам расы и переселения, которое, как видим, занималось не только расовой чистотой собственных рядов. Любопытно, что эсэсовские эксперты, в отличие от будущих биографов Тито, не сомневались в его бедном крестьянском происхождении; они ведь не знали, что с течением жизни этот талантливый человек овладеет несколькими языками, галантными манерами, познаниями подлинного эрудита и действительно станет мало похож на слесаря-механика с двумя классами гимназии и многолетним тюремным «стажем».

Тито — сын хорвата и словенки. В 1914 году он был зачислен в полк, который воевал с сербами. Будущий маршал и президент Югославии не любил об этом вспоминать, да и вспоминать, собственно говоря, нечего — так сложились для него обстоятельства в его 22 года. Потом было ранение, лагерь военнопленных, знакомство с русскими большевиками и работами Ленина, побег в Петроград, заключение в Петропавловке, ссылка в Сибирь; после революции — Красная гвардия, членство в ВКПб, русская жена Пелагея Белоусова. Вместе с ней он в 20-м году вернулся на родину. В том же году оба вступили в компартию Югославии. Снова арест. Жена с сыном уехала в Москву. Гиммлеровские эксперты вызнали даже такую подробность: мать отдала сына в интернат для малолетних

правонарушителей. Дальше идут сведения об Иоганне Кенинг, немке, на которой Тито женился после развода с Пелагеей, о его раздорах с Димитровым и самое интересное — мнение эсэсовских психоаналитиков о заочных взаимоотношениях со Сталиным. Эти страницы я перечитывала неоднократно и всякий раз поражалась глубине непонимания немцами ни той, ни другой личности. Однако главный вывод был сделан верно, по-нашему он звучит примерно так: «Два Иосифа на одной ветке не споются».

Если мерить процентами жертв к населению страны, то югославы от немцев пострадали страшно. У Тито не было армии, он создавал ее из партизанских отрядов, и в 1944 году это была сила в 640 тысяч убежденных борцов.

Кстати, именно с 44-го года, после первой личной встречи, взаимоотношения двух Иосифов вступили в самую интересную полосу, но с этих пор личность маршала Тито изучали уже другие структуры.

С 53-го года Тито — президент свободной Югославии. Большой, сильной, энергичной страны. Живое воспоминание моего детства — в социалистическую Югославию мои родители, инженеры-энергетики, оформлялись, как в капиталистическое государство.

Еще две детали: со своей последней женой по имени Иованка Тито развелся. Ее обвинили в «манипулировании кадровыми назначениями в обход Тито и в пользу Сербии».

В 1980 году патриарх югославского социализма скончался. Его хоронили 208 делегаций. На алых подушечках несли 114 орденов и 59 медалей.

И последнее. Я это слышала из уст 25-летнего серба около месяца назад: «Имя Тито, — сказал он, — сейчас встает в нашей памяти, как багровая заря».

Молотов

Весь словесный хлам, который обрушивался на это имя, отступает перед простой фразой Уинстона Черчилля, поставившего его в ряд величайших дипломатов мира — Мазарини, Талейран, Меттерних… Молотов.

Современная «молотовиана» основана, во-первых, на записанных беседах с Молотовым, во-вторых — на следующем мнении о нем Микояна: «Вячеслав Михайлович — большой тугодум, лишенный чувства нового, смелой инициативы и человек к тому же черствый и тщеславный».

Историк на это ответит: записанное со слов на 90 процентов говорит о личности записывавшего. А личное мнение бывших коллег друг о друге на сто процентов — об их личных взаимоотношениях. Мнение Микояна легко парировать мнением Даллеса; можно возразить и конкретно, например, об отсутствии «чувства нового» — никто так не продвигал в дипломатию молодежь, как Молотов.

Что же касается высказываний самого Молотова, то в одной публикации читаю: «Преступно, — говорил Молотов, — вести войну за уничтожение гитлеризма». Дальше в статье букет выводов.

Однако прочитайте и сами сделайте выводы, кстати, и сообразуясь с современной ситуацией: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение «гитлеризма»».

Я думаю, что у Молотова появятся биографы, которые представят эту личность беспристрастно и объемно, как проделали французы с личностью Талейрана, со временем, конечно.

Для этих будущих историков расскажу такой эпизод.

За три дня ноября 1940 года Молотов провел в Берлине две официальные и две личные встречи с Риббентропом и три беседы с Гитлером. Число «три» подтверждают Гесс и Борман. Что это были за беседы? Гитлер остался недоволен «мягкостью» Риббентропа, не сумевшего добиться от русских, по сути, ничего конкретного, например обещания присоединиться к Тройственному пакту, что дало бы Германии право спокойно держать свои войска в Финляндии и Румынии. Фюрер

самоуверенно намеревался лично «обработать» Молотова, как он это проделывал с другими лидерами. А натолкнулся, как горох на стену. После одной из этих «бесед» Гитлер вечером, предупредив телефонным звонком, приехал домой к Гессу и около часа играл с его трехлетним сыном, своим крестником, а после другой — отправился в оперу, тоже для разрядки. Особое раздражение у Гитлера вызвали слова Молотова, записанные Борманом: «Моя страна имела, имеет и будет иметь в Европе свои интересы. Это залог общей стабильности». Борман записал, что фюрер был раздражен и смыслом, и тоном. «Молотов от всего уклонился», — позже писал Гесс. И дальше, он же: «Молотов стоял на своем: уйти нам из Финляндии; Балканы; и влияние на Японию с результатом — советско-японский договор о ненападении. Он сидел на этих трех пунктах воистину каменной ж…».

Будущим биографам предстоит рассмотреть не только Молотова-дипломата, но и Молотова — партийного функционера: перечитать все его публикации, начиная с 1917 года, за которыми следуют конкретные дела: например, убийственные хлебозаготовки на Украине, позорные суды по «спискам», чистки, в которых щепками разлетались ценнейшие кадры Наркомата иностранных дел… Придется взять на себя то, на что мы пока не способны-отделить ошибки от преступлений. Положить на весы человеческие заблуждения и бесчеловечный расчет. Попытаться услышать диалог этого человека со своей совестью или…

тишину, говорящую о погибшей душе.

Впрочем, это уже работа для писателей. Любой исторический герой после смерти проходит эти три этапа: пропагандистский, литературный, исторический. Сталин уже перебрался во второй этап. Думаю, и Вячеслав Михайлович, как и при жизни, вскоре последует за ним.

Франко

Франсиско Паулино Эрменгильдо Теодуло Франко и Баамонде, или проще — Франсиско Франко, родился в день святой Варвары, за что-то назначенной католиками покровительницей артиллерии. Из этого факта его биографы делали вывод, что ему судьбой было предназначено стать великим воином.

Франко был маленький тщедушный человек, ростом всего 155 см, страдающий так называемым «комплексом Наполеона». Этот комплекс наращивает честолюбие, как мышечную массу, вытягивает и закаляет волю. Франко был волевой человек, а учеба в военной академии приучила его к дисциплине, к умению и отдавать, и выполнять приказы. Когда такой человек находит точку опоры, он многое может сдвинуть и даже перевернуть. Как назвать точку опоры, от которой оттолкнулся Франсиско Франко, — патриотизм или национализм? Я бы назвала ее испанским национализмом — импульсивным, мягким, ярким, самодостаточным. Но парадокс в том, что любой национализм очень быстро меняет окрас и унифицируется. Арсенал всех диктаторов до смешного однообразен. Все пылкие объяснения в любви к испанцам как лучшему творению Господнему, Франко пришлось попридержать, когда его каратели вместе с отрядами Иностранного легиона и частями марокканцев вырезали шахтерскую стачку в Астурии. За поразительную жестокость к своим же, испанским братьям, но инакомыслящим, будущий каудильо был назначен генералом и начальником генерального штаба.

В феврале 1936 года Коммунистический народный фронт получил большинство на выборах. Это означало революцию, ибо революция — это перемена формы собственности. Франко сплавили на Канарские острова, и там он объявил о начале контрреволюционного переворота, который ведет к смене собственника. Рядом с Франко находился тогда сотрудник германского Абвера — это факт. Вот только почему за связь Франко с Канарисом испанского генерала иногда называют агентом немецкой разведки? Агенты работают на разведку; Франко работал на себя, умело используя поддержку северного собрата-диктатора. Эта поддержка осуществлялась, например, в виде военной помощи через «штаб W» по имени доверенного лица Геринга Вильберга. Будут еще немецкие инструкторы, легион «Кондор» и т. д. Германия была заинтересована в испанском никеле, свинце, меди, оливковом масле, испанских портах, так

что дружба каудильо и фюрера обещала быть крепкой, хотя внешне Испания вроде бы сохраняла нейтралитет.

Почему же все-таки Франко победил республиканцев, которым, казалось бы, сочувствовал и помогал весь мир? Беда республиканцев заключалась в том, что среди них было много прекрасных, чистых людей, но мало военных профессионалов. Диктатуру Франко сделали генералы; в 39-м году они дали маленькому каудильо беспрецедентную в новейшей истории широту полномочий.

Мадрид франкистам, однако, взять не удалось. «Ну и не надо», — решил Франко и объявил войну законченной. А дальше…

В Испании, несмотря на террор и репрессии, наступает внешнее затишье и начинается война историков. Кто он, маленький каудильо, — палач с топором, с которого ручьем стекает кровь, или великий примиритель двух Испаний? Марионетка Гитлера или искусный дипломат, не пропустивший немцев через свою страну для захвата Гибралтара? Впрочем, для нас, русских, кое-что однозначно: первобытное варварство «голубой дивизии», например.

После войны за связь с гитлеровским режимом Испания была подвергнута остракизму и экономическому бойкоту. Первыми ее простили американцы, хотя и насчитали в испанских тюрьмах четверть миллиона политических заключенных.

Послевоенное государство Франко стали называть «государством ограниченной демократии». Например, декларировалась свобода политических объединений, но только если они имели «дозволенные цели». Был и закон о референдуме — для «консультаций с нацией». Вся эта лукавая демократия привела к закону — «О наследовании поста главы государства», то есть конкретно — Франсиско Паулино Эрменгильдо и так далее, в общем, Франко и Баамонде. Но не подумайте, что Франко собирался посадить на престол свою дочь. Нет, конечно, он выписал из-за границы настоящего принца Хуана Карлоса и даже женил его — на настоящей принцессе Софии. Дальше — экономический бум, «зеленая революция», «испанское чудо», процветание… Счастливы ли испанцы — вопрос только к ним самим. Но… когда стоишь возле Мемориального комплекса в «Долине павших» — символа примирения двух Испаний, то вспоминается даже не достоевская «слезинка ребенка», а миллион жизней, замурованных в основание этого примирения. Может быть, напрасно. Может быть, это только мы, русские, так устроены.

Рыбалко

«Если к середине июля русские будут иметь свежую полновесную танковую группировку, нашим частям между двумя их фронтами — Брянским и Западным — грозит серьезная опасность. Если же их группировка будет иметь и выдающегося командира, думать об усилении укреплений по реке Олешня станет уже поздно…» — писал Гудериан.

Вот ради таких высказываний я и перекапывала пуды генеральских мемуаров, самое интересное находя не в самих текстах, а в случайно попадавшихся черновиках и приложениях.

О чем идет речь?

Те, кто знаком с историей Курской битвы, уже догадались: генерал-инспектор бронетанковых войск беспокоится о середине июля 1943 года, предвидя наступление на Брянском фронте. Для поддержки этого наступления и была сформирована 3-я танковая армия, командующим назначили генерал-лейтенанта Павла Семеновича Рыбалко.

Таким образом, оба опасения Гудериана сбылись: армию сформировали, а командир оказался талантлив.

И как все талантливые работяги, делавшие дело не ради наград, Рыбалко был несправедливо обойден, даже по мнению отечественных историков. Давайте вспомним хотя бы один эпизод из боевой биографии этого человека, прошедшего путь от комиссара 1-й Конной до академической кафедры.

Приказ ставки от 20 июля 1943 года, пункт 4 гласит: «при благоприятных условиях овладеть городом Орел». Подчеркиваю, это был приказ не для общевойсковой 3-й армии Горбатова, а для 3-й танковой Рыбалко. Документы говорят о том, что и Сталин, ограничившийся рекомендациями, и командующий фронтом генерал Попов, по сути, предоставили Рыбалко право окончательного решения — красиво вкатиться в славный город Орел или двигаться в обход, на запад.

Что такое громкая победа в судьбе любого военачальника, объяснять не нужно. Но победа на узких улицах большого города стоила бы жизни многим экипажам. Рыбалко поступил так: он развернул армию на юг, вперед вторым эшелоном. Этот маневр, давший возможность армии последовательно действовать на противоположных направлениях с максимальной пользой и минимальными потерями, проводился в очень трудной обстановке и вызвал восхищение того же Гудериана, ревниво следившего за танковыми операциями русских. И только смяв немцев на юге Брянского фронта, 3-я танковая продолжила

выполнение приказа Ставки двигаться на город Кромы.

Вот так, с максимальной пользой, согласно ситуации, не нарушая общей стратегической задачи, сберегая жизни своих танкистов… А за это — пренебрежение от некоторых военных историков, утверждавших, что в ходе операции «Кутузов» армия Рыбалко только пугала немцев своим грозным видом, то есть «сковывала» силы противника. А какие-то все же имевшие место маневры производились якобы по команде генерала Попова, которому лично звонил Сталин.

Той же осенью, во время наступления на Киев, Рыбалко сумел настолько незаметно перегруппировать свою танковую махину севернее Киева, что даже весьма сдержанно описывающий эти события Гудериан признает, что немецкое командование до 13 ноября толком не знало, что ему предпринять, поскольку после взятия Киева 1-й Украинский покатился, как на гусеницах, давя противника уже в Чернобыле, Житомире и Фастове, где у немцев возникла настоящая паника.

За Курскую и Киевскую операции Рыбалко получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза; за Пражскую и Берлинскую — вторую «Золотую Звезду» и был произведен в маршалы бронетанковых войск. У него будет много наград, в том числе и иностранных. Но главное — безусловно и единогласно — он признан нашим лучшим танковым генералом.

Вот только прожил Павел Семенович Рыбалко совсем недолго. Он умер в 1948-м, в возрасте пятидесяти четырех лет.

Знаете, в чем заключается одна из ошибок молодых режиссеров, снимающих лихие боевики о той войне? Молодые, холеные лица актеров.

Двадцатипятилетние солдаты, возвращавшиеся домой, выглядели сорокалетними, а сорокалетние — стариками. Большинство наших боевых генералов не исключение. Мало кто из них дожил до шестидесяти лет.

Павел Рыбалко похоронен на Новодевичьем кладбище.

Глава 8
Подлинная история гибели детей Йозефа и Магды Геббельс

«Наводку» на один поразительный документ дал мне покойный Лев Александрович Безыменский еще девять лет тому назад. Я как раз собиралась на книжную выставку в Лейпциг, и он попросил своего старого друга, историка-архивиста, показать мне это письмо. Немецкий историк не только показал, но и дал возможность сделать перевод и увезти с собой. «У нас это не опубликуют еще долго», — сказал он тогда.

Я была уверена, что не опубликуют и у нас. Но знаменитый журнал «Знание — сила» на такую публикацию решился, а не менее знаменитая станция «Эхо Москвы» дала мне возможность прочесть текст в эфире в рамках авторской передачи. А год назад молодой, но уже известный немецкий режиссер Георг Жено поставил по нему спектакль, премьерные показы которого проходили в Сахаровском центре.

Этот документ — письмо 13-летней (старшей) дочери Геббельсов Хельги, незадолго до смерти написанное ею своему другу, в бункере Гитлера.

> Мой дорогой Генрих!
>
> Я, может быть, неправильно поступила, что не отправила тебе того письма, которое написала в ответ на твое. Я, наверное, должна была его послать, и я могла бы — передать с доктором Мореллем, который сегодня уехал из Берлина. Но я перечитала свое письмо, и мне стало смешно и стыдно за себя. Ты пишешь о таких сложных вещах, о которых нужно много думать, чтобы их понять, а я со своей вечной торопливостью и папиной привычкой всех поучать отвечаю совсем не так, как ты, наверное, ждешь от меня. Но теперь у меня появится время обдумать все; теперь я смогу много думать и меньше куда-то торопиться. Мы сегодня днем переехали в бомбоубежище; оно устроено почти под самой рейхсканцелярией канцлера. Тут очень светло, но так тесно, что некуда пойти; можно только спуститься еще ниже, где теперь кабинет папы и сидят телефонисты. Не знаю, можно ли оттуда звонить. Берлин очень сильно бомбят и обстреливают из пушек, и мама сказала, что

тут безопасно и мы сможем подождать, пока что-то решится. Я слышала, говорили, что самолеты все еще взлетают, и папа мне сказал, чтобы я была готова помочь маме быстро собрать маленьких, потому что мы, может быть, улетим на юг.

В 1954 году в ФРГ был принят Закон об амнистии. По этому закону «за некоторые преступления, совершенные во времена национал-социализма», преследовать далее запрещалось или предлагалось «смягчать меру пресечения при наличии смягчающих обстоятельств». Следуя этому закону, молодая Федеративная республика Германии получала возможность вернуть на рабочие места множество квалифицированных государственных чиновников, в которых остро нуждалась.

Одновременно власти ФРГ инициировали расследования, призванные будоражить общественное мнение и создавать видимость принципиальной позиции власти, выраженной фразой канцлера Аденауэра: «Ничто не будет забыто».

Таким расследованием стало в середине 50-х годов «дело об умерщвлении шестерых малолетних детей супругов Геббельс».

Только что заходил папа, спросить, как мы устроились, и велел ложиться спать. Я не легла. Потом мы с ним вышли из спальни, и он мне сказал, чтобы я помогала маленьким и маме. Он мне сказал, что теперь многое изменилось, и он очень на меня рассчитывает. Я спросила: «Ты будешь мне приказывать?» Он ответил: «Нет. Больше никогда». Генрих, я не победила! Нет, это не победа. Ты был прав: нельзя, глупо желать победить волю родителей. Можно только оставаться самим собой и дождаться. Как ты был прав! Я прежде не могла выносить его взгляда, этого его выражения, с каким он выговаривает и Гюнтеру, и герру Науманну, и мне! А теперь мне стало его жалко. Лучше бы он накричал.

Я пойду спать. Пусть он думает, что я подчинилась…. Мне так грустно. Лучше бы мы остались наверху.

…Приходила Блонди. Она привела щенка и стала его прятать. Блонди ведет себя странно. Ты помнишь Блонди? Она внучка Берты. Блонди, наверное, как-то отвязалась, и я ее решила отвести вниз… Папа не велел туда ходить без разрешения. А я, решившая быть послушной… я пошла. Я хотела только отвести Блонди фрейлейн Браун, но вспомнила, что она очень ее не

любит. И я села с Блонди в одной комнатке и стала ждать. Блонди на всех рычала, кто заходил, и вела себя очень странно. За ней пришел герр Гитлер, она только с ним пошла. Герр Гитлер мне сказал, что я могу ходить здесь повсюду, где мне хочется. Я не просила; он сам мне разрешил. Может быть, я этим воспользуюсь.

Опять заходил папа. Он сказал, что все с нами будет хорошо.

18 октября 1958 года в Мюнхене состоялось судебное заседание по делу «об умерщвлении детей супругов Геббельс».

Судья Генрих Стефаниус допросил главного свидетеля по делу, бывшего обершарфюрера СС Гарри Менгерсхаузена. Свидетель сообщил, что в момент предполагаемой смерти детей с ними находились их родители и доктор Штумпфеггер, который погиб еще в начале мая 1945 года. Свидетель рассказал также о пожаре в бункере 1 мая 1945 года, после которого многие покинули помещение бункера и больше туда не возвращались, и он в их числе.

Один из американских журналистов, Герберт Линц, присутствующий на заседании, сообщил судье информацию, требующую проверки. Этот журналист, представитель левой американской прессы, коммунист, получил эту информацию по каналам «русских». Он показал судье копию протокола допроса некоего дантиста по имени Гельмут Кунц, в котором тот сообщает, что 29 апреля «оказывал медицинскую помощь фрау Магде Геббельс в связи с воспалением надкостницы». Журналист также сообщил, что Кунц отбыл десятилетнее наказание в СССР и 4 октября 1955 года был выпущен и передан властям ФРГ.

Судья задал свидетелю Менгерсхаузену вопрос о Кунце, но свидетель заявил, что такого не знает.

Вердикт судьи: в связи с вновь открывшимися обстоятельствами следствие по делу продолжить.

После суда, в неофициальной обстановке, судья признался журналисту, что и с самой смертью четы Геббельс темная история! Ведь ничего непонятно!

Их тела были обнаружены вне бункера, на поверхности. Но каким образом они туда попали? Как говорил Менгерсхаузен, Геббельсы вышли сами. Но зачем лезть наверх, под пули и снаряды, ведь там высока вероятность быть ранеными, отброшенными взрывной волной, а потом очнуться в плену у русских, которые в эти часы уже находились на территории рейхсканцелярии?!

Дальше — этот пожар! О нем упоминали многие свидетели,

но при этом ни стены, ни потолки бункера никаких следов огня не имеют. Жгли документы? Чтобы самим отравиться угарным газом? Массовое самоубийство? А потом массово передумали? Нет, жгли… что-то другое, чего не имели права не сжечь… — так считал судья Стефаниус.

Он сделал запрос о местонахождении доктора Кунца и получил информацию, что Гельмут Кунц, дантист, проживает в городе Мюнстер и работает в зубной клинике.

Сегодня по Вильгельмштрассе прошли русские танки. Все об этом только и говорят. Еще говорят, что президент Геринг изменил фюреру и его за это уволили с поста.

Мама плохо себя чувствует; у нее болит сердце, и мне приходится быть с маленькими. Мои сестрички и брат ведут себя хорошо и меня слушаются. Папа велел разучить с ними две песни Шуберта. Я пела им твою любимую; они повторяли, на слух. Еще я стала им читать на память из «Фауста»; они слушали внимательно, с серьезными лицами. Хайди ничего не понимает, думает, что это английская сказка. А Гельмут спросил, может ли и к нам тоже прилететь Мефистофель. И знаешь, что мы все начали после этого делать? То есть это, конечно, я предложила, а они поддержали. Сначала я думала, что это будет просто игра, развлечение для маленьких. Мы стали загадывать, кто и о чем бы попросил Мефистофеля! Я и сама стала загадывать, а потом опомнилась. Я им объяснила, кто такой Мефистофель и что не нужно ни о чем просить, даже если он вдруг сюда явится. И я решила с ними помолиться, как учила бабушка. Когда мы стали молиться, к нам зашел папа. Он ничего не сказал, только стоял молча и слушал. При папе я не смогла молиться. Нет, он ничего не сказал, даже не усмехнулся. Он так смотрел, словно и сам хотел помолиться с нами. Я раньше не понимала, почему люди вдруг молятся, если не верят в Бога. Я не верю; в этом я тверда. Но я молилась, как бабушка, которая тоже тверда — в вере. Помнишь, Генрих, это был тот вопрос, который ты мне задавал в последнем письме: верю ли я в Бога? В том письме, которое я не отправила, я тебе легко ответила, что не верю. И вот теперь я уже твердо повторю: я не верю. Я это навсегда тут поняла. Я не верю в Бога, но, получается, подозреваю, что есть дьявол? То есть искушение. И что здесь оно грязное.

Я же молилась, потому что… мне захотелось… умыться, вымыться даже или… хотя бы вымыть руки. Не знаю, как еще это объяснить. Ты подумай над этим, хорошо? Ты как-то все умеешь соединить или распутать. Ты мне говорил, что нужно изучать логику. Я буду изучать, я вообще решила, что когда мы вернемся домой, я попрошу папу дать мне те книги, о которых ты мне писал. Я их возьму с собой, когда мы уедем на юг.

23 апреля

…Я вижу все меньше знакомых мне людей. Они прощаются с папой и мамой так, точно уходят на час или на два. Но они больше не возвращаются.

В канун Рождества 1958 года прокурор города Мюнстер Миддельдорф инициировал новое расследование обстоятельств гибели детей Геббельсов. Дело проходило под номером 1041/56.

На скамье главных свидетелей собрался настоящий гитлеровский «цветник»: секретарша Гитлера Гертруда Юнге, камердинер Гейнц Линге, шофер Эрих Кемпке, личный пилот фюрера Ганс Баур…

Их показания были как под копирку; все повторяли одно и то же: с детьми в предполагаемый момент их смерти находились их родители и доктор Штумпфеггер, который погиб в начале мая 1945-го.

Прокурор заявил на завтра своего главного свидетеля — Гельмута Кунца.

Сегодня мама привела нас к герру Гитлеру, и мы пели Шуберта. Папа на губной гармошке пробовал играть «Соль минор» Баха. Мы смеялись. Герр Гитлер обещал, что скоро мы вернемся домой, потому что с юго-запада начался прорыв большой армии и танков.

Папа мне сказал, что президент Геринг не изменник; просто он думает, что все, кто в бомбоубежище, не могут отсюда ни с кем связаться. Но это не так. Папа говорит, что много трусов.

Но не все трусы. Я сегодня три раза спускалась вниз, и я видела министра фон Риббентропа. Я слышала, что он говорил герру Гитлеру и папе: он не хотел уходить, просил его оставить. Папа его убеждал, а герр Гитлер сказал, что от дипломатов теперь нет пользы, что если министр хочет, пусть возьмет автомат — это лучшая дипломатия. Когда фон Риббентроп уходил, у него текли слезы. Я стояла у двери и не могла себя заставить

отойти.

Я подумала, а какая же от нас польза? Я бы все равно осталась с папой и мамой, но маленьких хорошо бы отсюда увезти. Они тихие, почти не играют. Мне тяжело на них смотреть.

Если бы мне с тобой поговорить хоть минутку! Мы бы придумали что-нибудь. Ты бы придумал! Я точно знаю, ты бы придумал, как убедить папу и маму отослать маленьких, хотя бы к бабушке. Как мне их убедить?! Я не знаю…

25 апреля

Перед вторым заседанием американский журналист Герберт Линц нанес Кунцу визит и показал копии допросов от мая 1945 года, проведенных следователями СМЕРШ, где Кунц признавался, что лично сделал детям Геббельсов усыпляющие уколы морфия, а затем присутствовал при том, как Магда Геббельс своими руками давала детям яд. «Таким образом, если я попрошу моих русских друзей представить подлинники ваших признаний от 1945 года, вы станете не свидетелем, а соучастником преступления — убийства детей, — сказал журналист Кунцу. — А если хотите, чтобы этого не случилось, расскажите правду мне!»

Но журналисту самому пришлось сделать признание, прежде чем услышать его от Кунца, который наотрез отказался разговаривать с «паршивым американкой». Герберт Линц назвал свое подлинное имя — Генрих Лей, сын бывшего вождя Трудового фронта Роберта Лея.

В 1940 году в возрасте восьми лет его увезла из Германии мать, а в 1955-м он получил американское гражданство.

Гельмут Кунц, пораженный этим фактом, сказал Генриху, что у него тоже есть документ, причем не копия, а подлинник. И показал это самое письмо Хельги, сделав, таким образом, признание в собственном участии в событиях конца апреля-начала мая 1945 года.

Читая письмо и слушая Кунца, Генрих Лей сумел восстановить некоторые факты происходившего в бункере.

Мама говорит, что я стала нервная. Это неправда! Я просто не все могу понять, а мне никто не объясняет. Сегодня герр Гитлер очень сильно кричал на кого-то, а когда я спросила — на кого, папа накричал на меня. Мама плачет, но ничего не говорит. Что-то случилось. Гельмут ходил вниз и там слышал, что говорила фройляйн Кристиан, секретарь-машинистка, что Геринг предатель. Но это же неправда, зачем же повторять?

Только странно, что он не может никого прислать, потому что я видела генерала Грейма и его жену Ханну: они прилетели на самолете с юга. Значит, можно и улететь отсюда? Если самолет маленький, можно посадить только малышей, даже без Гельмута. Он сказал, что останется с папой, мамой и со мной, а Хильда пока будет ухаживать за малышами. Это было бы правильно, но все-таки лучше бы Гельмут тоже улетел. Он плачет каждую ночь. Он такой молодец: днем смешит всех и играет с Хайди вместо меня.

Генрих, я только сейчас стала чувствовать, как я их люблю — Гельмута и сестренок! Они немножко подрастут, и ты увидишь, какие они! Они могут быть настоящими друзьями, хоть еще и такие маленькие!

Сейчас прилетел еще один самолет; он сел на Ост-Весте…

Чтобы избежать паники в бункере после начала обстрела русской артиллерией, Гитлер принял решение не выпускать семью Геббельсов из бункера.

Последнюю попытку спасти детей сделал отец Генриха — Роберт Лей. Он прилетел с юга в Берлин на маленьком самолете. Туда поместились бы не все дети Геббельсов…

Генрих, я видела твоего папу!!! Он здесь, он с нами!!! Я тебе сейчас все расскажу!

Он сейчас спит. Он очень устал. Он прилетел на каком-то смешном самолете и сказал, что сел «на голову русским». Сначала его никто не узнал, потому, что он был с бородой, усами и в парике, и в форме фельдфебеля. Его узнала только Блонди; она поставила ему на грудь лапы и виляла хвостом. Это мне рассказала мама. Я побежала к нему, и он — ты только подумай — он хотел меня взять на руки, как раньше!!! Мы так смеялись, хохотали! Он сказал, что я тут вытянулась, как росток без света.

Мама сказала, чтобы я закончила письмо, потому что его можно передать.

Я не знаю, как закончить: я еще ничего тебе не сказала.

Генрих, я… (эти два слова тщательно зачеркнуты)

На вопрос Генриха Лея Кунц объяснил, что это письмо отдал ему отец Генриха, Роберт Лей, перед тем как улететь из Берлина,

сказав: — «Меня могут сбить… А вы врач, у вас больше шансов выбраться. Передайте это письмо моему сыну. Если выживете».

Сегодня почти час не обстреливали. Мы выходили в сад. Мама говорила с твоим папой, потом у нее заболело сердце, и она присела отдохнуть. Твой папа нашел для меня крокус. Я его спросила, что с нами будет. Он сказал, что хочет нас отсюда забрать. Но ему нужен другой самолет; он его раздобудет и прилетит за нами и за мамой. «Если не прилечу, значит, меня сбили. Тогда выйдете под землей. Вас выведет сахиб». Я видела, как мама кивнула ему. У нее было светлое лицо. Он сказал мне, чтобы я не боялась.

Я спросила его, что будет потом: с моим папой, с твоим дядей Рудольфом, вообще с немцами, и что будет с ним, если его возьмут в плен? Он ответил, что таких игроков, которые не справились, выводят из команды. Но команда продолжит игру — чтобы я это твердо помнила. Я спросила: как же ее продолжить, если все разбомбили и взорвали, — папа об этом все время говорил по радио? Мама на меня накричала, назвала несносной и бесчувственной. Твой папа взял нас обеих за руки и сказал, чтобы мы не ссорились, потому что в Германии наступает время женщин, и что женщин победить нельзя.

Сегодня 28-е. Нас вывезут через два дня. Или мы уйдем. Я сказала об этом маленьким. Они сразу стали собирать игрушки. Им плохо здесь! Они долго не выдержат.

Мама закончила письмо нашему старшему брату Геральду. Она попросила меня показать ей мое письмо для тебя. Я сказала, что уже его отдала. Мне так стыдно. Я никогда до этого так не врала маме.

Мне удалось прийти к твоему отцу на минутку вниз и спросить: нужно ли мне сказать тебе в письме что-то такое, что говорят, когда знают, что больше не встретятся? Он сказал: «На всякий случай скажи. Ты уже выросла, понимаешь, что ни фюрер, ни твой отец, ни я — никто из нас уже не может отвечать за свои слова, как прежде. Это уже не в нашей власти». Он меня поцеловал. Я все поняла.

Твой папа честный. Я на всякий случай с тобой попрощаюсь. Сейчас мне нужно отдать письмо. Потом пойду наверх, к маленьким. Я им ничего не скажу.

Раньше мы были мы, а теперь, с этой минуты, есть они и я.

Кунц дал показания на суде. Он в точности повторил все то, что говорил в 1945 году русским следователям СМЕРШа.

Показания доктора Кунца:

— После небольшой операции на нижней челюсти Магда Геббельс отвела меня в сторону и сказала, что Геббельс и она твердо решили «пойти с фюрером да конца».

Вопрос судьи:

— Что она имела в виду, говоря это в отношении Адольфа Гитлера?

— Она имела в виду, что Адольф Гитлер принял решение добровольно уйти из жизни.

Кунц также рассказал суду, что Магда Геббельс спросила его, может ли он помочь убить детей. Кунц отказался, рассказав, что несколько месяцев назад потерял двух дочерей во время авианалета, и после случившегося он просто не в состоянии покуситься на детские жизни. Тогда Магда заявила, что речь идет не о просьбе, а о «прямом приказе Гитлера».

«Достаточно ли того, что я устно передаю этот приказ, или же вам необходимо, чтобы фюрер передал его лично?» — спросила Магда. Кунц ответил, что ему достаточно ее слов.

Адвокат Кунца поставил вопрос — зачем понадобилась Гитлеру смерть детей? И сам же ответил на него: «Видимо, затем, чтобы подтвердить собственную смерть».

Прокурор возразил следующим образом — а зачем Гитлеру подтверждать свою смерть? Не затем ли, что она на самом деле была инсценирована?!

После этой полемики судья продолжил допрос Кунца.

СУДЬЯ. Что произошло 1 мая 1945 года?

КУНЦ. 1 мая 1945 года Магда Геббельс сказала детям, что им необходимо сделать прививки, которые делают сейчас солдатам, потому что они, дети, тоже своего рода солдаты, которые должны выстоять. Я сделал уколы морфия сначала двум старшим девочкам, потом мальчику, потом остальным детям. Все это заняло около десяти минут.

СУДЬЯ. Дети поверили?

КУНЦ. Да. Старшая девочка Хельга сказала остальным, что нужно сделать эти прививки и не бояться, как не боятся солдаты.

Дальше Кунц сообщил, что когда дети заснули, вошла Магда с капсулами.

КУНЦ. «Вы обещали выполнить приказ фюрера», — сказала она. Но я ответил, что Гитлер мертв, что я не стану выполнять приказ убить детей… Тогда она позвала Штумпфеггера…

СУДЬЯ. Штумпфеггер дал детям яд?

КУНЦ. Нет. Он отказался.

СУДЬЯ. Кто же дал яд? Кто отравил детей?

КУНЦ. Мне это неизвестно.

СУДЬЯ. Расскажите, что известно вам.

КУНЦ. Когда доктор Штумпфеггер отказался дать детям яд, Магда истерически разрыдалась. Геббельс, сохраняя остатки самообладания, сказал: «Убирайтесь отсюда оба! Когда мы будем мертвы, наши тела должны быть сожжены так же, как тела фюрера и его жены. На улице вы этого сделать уже не сможете, поэтому сожгите нас здесь. Закройте все двери. И откройте двери в спальни детей. Этого будет… достаточно. Хотя бы это, вы, трусы, способны для нас сделать?». Мы так и поступили. Мы открыли двери в спальни детей… Мы выполнили волю их родителей.

СУДЬЯ. Но русские медики сделали заключение, что смерть детей Геббельсов наступила не из-за отравления продуктами горения, а в результате отравления цианистыми соединениями. Как вы это объясните?

КУНЦ. После того как тела Геббельсов подожгли, бункер стал наполняться удушающим смрадом, началась паника… Многие покинули бункер, и я в их числе.

СУДЬЯ. Но тела Геббельсов обнаружили на поверхности.

КУНЦ. Я предполагаю, что их вынесли туда люди из окружения Бормана, чтобы не задохнуться. Поскольку некоторое время Борман и остальные еще оставались в бункере.

Позиция прокурора Миддельдорфа заключалась в том, что Кунц все же причастен к убийству детей (нет свидетельств, что Кунц действительно покинул бункер во время сожжения тел Геббельсов).

Прокурор Миддельдорф заявил:

— Убийство детей — дерзкое преступление, которому не может быть оправдания. Кроме того, такое преступление не может быть выполнено по приказу.

Но доказать свою позицию прокурору не удалось. Коллегия

по уголовным делам вынесла решение, что к Кунцу может быть применен закон об амнистии. Обоснование коллегии таковы: если бы Кунц не выполнил приказ, пусть даже и переданный Магдой Геббельс, он бы был наказан за это как военный преступник.

Но Генриха Лея уже не волновало происходившее на суде.

Генрих потребовал от Кунца всей правды.

Он показал Кунцу еще один документ — протокол осмотра советскими врачами тел детей Геббельсов. В протоколе говорилось, что на лице старшей, Хельги, имеются следы физического насилия.

И Кунц сделал последнее признание:

— Произошло страшное… После смерти моих девочек во время бомбежки в 45-м это было самое страшное, что я видел в жизни. Она… Хельга… очнулась. И встала.

По версии Кунца, произошло следующее.

Когда горевшие тела Геббельсов кое-как затушили, и воздух стал очищаться, Хельга проснулась. Ей сказали о смерти родителей. Но она не поверила. Ей показали и якобы умерших сестер и брата, но она снова не поверила. Она стала их трясти и почти разбудила Гельмута… Все дети были еще живы.

Но всем в бункере уже было не до детей! Оставшиеся вместе с Борманом готовились к прорыву под защитой бронетранспортера.

Доктор Штумпфеггер сказал Кунцу, что Борман велел не оставлять Хельгу в живых. Эта рано повзрослевшая девочка — слишком опасный свидетель! Оба врача, Штумпфеггер и Кунц, предлагали Борману взять детей с собой и использовать их в качестве создания образа «бегущей от обстрелов многодетной семьи», но Борман приказал не молоть вздор. По его мнению, волю родителей детей должно было выполнить!

Кунц якобы пытался помешать… Но Штумпфеггер ударил его, затем нанес Хельге удар по лицу — машинально, потому что она его сильно укусила (от этого удара и остался синяк), затем вложил ей в рот капсулу с ядом и сжал челюсти. Потом засунул по капсуле во рты всем остальным детям.

> Генрих, ты помнишь, как мы с тобой убежали в нашем саду в Рейхольсгрюне и прятались целую ночь… Помнишь, что я тогда сделала и как тебе это не понравилось? А если бы я это сделала теперь? Ты тогда сказал, что целуются одни девчонки… А теперь? Можно я представлю себе, что опять это сделала? Я не знаю, что ты ответишь… но я уже… представила… Мне так хорошо, что у меня это есть, очень уже давно, с самого нашего детства, когда мы с тобой первый раз

встретились. И что это выросло и теперь такое же, как у взрослых, как у твоей мамы к твоему отцу. Я всегда им так завидовала!

Не думай, что я предательница. Я люблю папу и маму, я их не сужу, и это так и должно быть, что мы будем все вместе.

Я слабая… Но у меня есть Гёте…

Нельзя и некуда идти,
Да если даже уйти от стражи,
Что хуже участи бродяжьей?
С сумою по чужим одной
Шататься с совестью больной,
Всегда с оглядкой, нет ли сзади
Врагов и сыщиков в засаде!

Генрих…

И вижу я живо
Походку его,
И стан горделивый,
И глаз колдовство.

И слух мой чаруя
Течет его речь,
И жар поцелуя
Грозит меня сжечь.

Где духу набраться,
Чтоб страх победить,
Рвануться, прижаться,
Руками обвить?

Генрих… Генрих…

Твоя Хельга Геббельс

Доктор Гельмут Кунц умер в 1976 году в городе Фройденштадте. До последнего дня жизни он активно работал по профессии и имел обширную практику. О его причастности к убийству детей Геббельса никто и никогда больше не вспоминал.

Генрих Лей умер в 1968 году от тяжелого нервного расстройства, в возрасте тридцати шести лет.

Останки детей Геббельсов в 1945 году были захоронены в

пригороде Берлина. В ночь на 5 апреля 1970 года могилы были вскрыты, останки извлечены и сожжены. Пепел развеяли над Эльбой…

Иллюстрации

Гитлер в тюремной камере вместе с другими заключенными нацистами, осужденными за Мюнхенский пивной путч. В центре — Карл Хаусхофер, справа от него Рудольф Гесс. Снимок сделан тайно будущей женой Гесса. Ландсберг, 1924

Досрочно освобожденный из тюрьмы Адольф Гитлер у своего прогулочного автомобиля. Ландсберг, декабрь 1924

Гитлер на отдыхе в Баварских Альпах. Бергхоф, конец 1920-х

Гитлер и другие чины НСДАП на свадьбе Мартина Бормана и Герды Бух. Крайний слева — Рудольф Гесс. Конец 1920-х

На морской прогулке. Справа от Гитлера его племянница Гели Раубаль с матерью (единокровной сестрой Гитлера), 1930

Ева Браун позирует перед фотокамерой в кабинете Генриха Хоффмана, 1930 год

На уличной демонстрации нацистов, 1929 год

В кафе: Гитлер с четой Геббельсов (в центре) и Хаусхоферов. Берлин, начало 1930-х

Канцлер Гитлер приветствует президента Гинденбурга на церемонии, посвященной памяти жертв войны, в Берлинском оперном театре. Февраль 1934

Эрнст Рем со своим молодым «другом» на Баварском курорте. Июнь 1934

Геббельс, Гесс, Гитлер на партийном мероприятии. Берлин, 1933

Трехлетние дети в военной или трудфронтовской форме, с флажками, тянущие ручонки в нацистском приветствии, были привычным зрелищем в тридцатые годы в Германии.

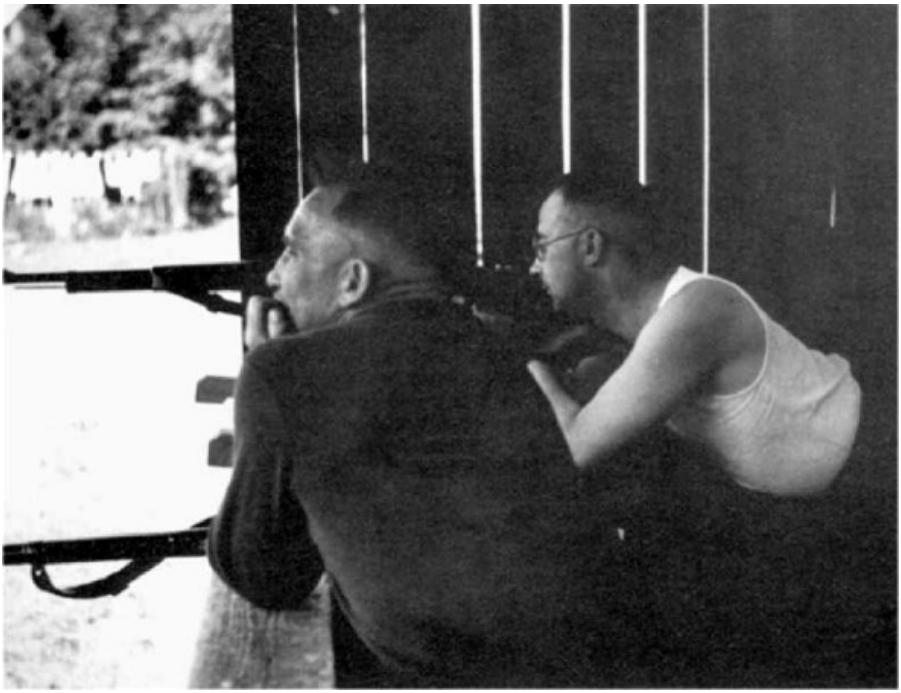
Бергхоф, резиденция фюрера в Баварских Альпах

Герцог и герцогиня Виндзорские (слева от Гитлера) с визитом в резиденции фюрера в Бергхофе, 1937 год

Прибытие немецкой делегации на Мюнхенскую конференцию

1938 года. Справа от Гитлера Мартин Борман

Геринг и Штрейхер на митинге в Нюрнберге, 1937 год



Генрих Гиммлер (справа) упражняется в стрельбе, 1938 год

Роберт Лей (второй слева) в сопровождении нацистских чинов осматривает одну из баз отдыха для членов НТФ. 1930-е годы

Лени Рифеншталь выбирает ракурс съемки на партийном митинге для создания «богоподобного» образа Гитлера. Нюрнберг, 1934

На концерте. Рядом с Гитлером Ольга Чехова, 1939 год

На празднование 50-летия Адольфа Гитлера 20 апреля 1939 г.

Герман Геринг позирует…

В ставке «Вольфсшанце» за пять дней до покушения на фюрера. Слева от Гитлера Штауффенберг, справа, на некотором отдалении, Кейтель. Июль, 1944

Комната совещаний в «Вольфсшанце» после взрыва

Одна из последних фотографий Хельги Геббельс

Семья Геббельсов. В центре — Гаральд, сын Магды от первого брака, справа от него Хельга

На Ялтинской конференции 1945 года: Черчилль, Рузвельт, Сталин

notes

Примечания

1

«Дер Штюрмер», «Der Stürmer» — «Штурмовик» *(нем.)*. Газета крайне реакционного антисемитского и националистического толка, которую с 1923 года выпускал Юлиус Штрейхер.

2

«…И если Господь все же подарит мне свободу и я выйду наконец из этих стен, то — к каким людям я выйду? Чтобы ты понимал суть и смысл этого вопроса, я скажу тебе, что, будучи в твоем возрасте и находясь на вершине власти, я задавал себе тот же вопрос — какое общество мы построили, то есть каковы теперь стали люди: сумели ли мы улучшить их и сделать счастливей? Пожалуй, они стали счастливей, — говорил я себе. — Да, это видно, по крайней мере, по большинству. Но стало ли оно лучше? И я приходил к такому выводу: хорошие люди стали лучше, оттого что они стали опытнее; плохие стали еще хуже, а средние, те, что ни то ни се, присоединились, увы, ко второй группе. Однажды я высказал это наблюдение А. Х. (Альбрехту Хаусхоферу. — *Е.С.*), и он тут же развил его в свою сторону. Он сказал, что именно это присоединение среднего человека к первой или второй категории и есть критерий оценки общества. «Так что, — продолжил он, — ты сам и ответил себе на свой вопрос: какое общество вы построили». <…> Мне бы хотелось, чтобы ты пристальней наблюдал людей, приглядывался к ним. Какими они стали в новой Германии? Добрее, благороднее, сложнее? Я не говорю — смелее и свободнее. Я говорю о чисто человеческих добродетелях. Признаюсь тебе, я не верю, что это так. Но я хотел бы ошибиться… 3 мая 1979 года». На копии письма Рудольфа Гесса тюремная цензура не оставила имени адресата, возможно просто по небрежности, поскольку обычно, если что-то и вычеркивалось, то лишь в самом содержании писем. Судя по всему, письмо было адресовано Гессом сыну Вольфу. У нас письма были опубликованы в журнале «Знание — сила», 2004 г., № 6, в статье «Вожди Третьего рейха: за и против войны».

3

Текст так называемой «вудфордской телеграммы» приводится по публикации в «Daily Herald» от 24.11.1954. Вудфорд — место, где Черчилль, выступая в ноябре 1954 года, сообщил об этой телеграмме. Его речь наделала много шума, и Монтгомери, хотя и в уклончивой форме, подтвердил факт получения директивы.

4

Геббельс вступил в НСДАП в 1922 году. Он вошел в нее не с пустыми руками, а с готовой программой — «десятью заповедями национал-социализма», которые созрели в его голове, по утверждению самого Геббельса, еще «в глубокой юности». Вот они: 1. Твое отечество — Германия. Люби его превыше всего и больше делом, чем на словах. 2. Враги Германии — твои враги. Ненавидь их всем сердцем! 3. Каждый соотечественник, даже самый бедный, — это частица Германии. Люби его, как себя самого! 4. Требуй себе только обязанностей. Тогда Германия обретет справедливость! 5. Гордись Германией! Ты должен гордиться отечеством, ради которого миллионы отдали свои жизни. 6. Тот, кто обесчестит Германию, обесчестит тебя и твоих предков. Направь кулак против него! 7. Бей негодяя всякий раз! Помни, если кто-то отбирает твои права, ты имеешь право уничтожить его. 8. Не дай евреям обмануть себя. Будь начеку с «Берлинер Тагеблат»! 9. Верши, что нужно, без стыда, когда речь идет о Новой Германии! 10. Верь в будущее. Тогда ты станешь победителем!

5

«Без меня у европейских государств нет будущего! Поэтому им придется примириться с моим пребыванием на посту министра полиции. Ради своего же спокойствия и порядка. Эти … ные демократы целиком зависят от меня. Иначе на континенте воцарится полнейший хаос». (Из следственных материалов Нюрнбергского процесса.) Когда в апреле 1945 года Генрих Гиммлер говорил так, то он имел в виду как раз и прежде всего резервные «свежие» дивизии СС (пусть и не двадцать или тридцать, а гораздо меньше), которые сумел-таки создать и оснастить на случай сепаратных переговоров (читай: торговли) с противником.

6

Битва на Каталаунских полях — сражение на равнине в северо-восточной Франции в июне 451 года. Тогда войска Западной Римской империи при поддержке отрядов франков, вестготов, бургундцев и других разгромили армию гуннов во главе с полководцем Аттилой. После этого мощь государства гуннов была подорвана, и оно распалось.

7

«Франция натравливала на Европу…» Риббентроп имеет в виду военный союз Франции и Турции против Карла V.

8

Запись из блокнота Мартина Бормана. Под ней приписка: «под сердцем туши фюрер подразумевает Москву». Несколько блокнотов Мартина Бормана, которые тот вел с 1931 года, были найдены американцами в Бергхофе в 1945 году. Записи из этих блокнотов только выборочно попадали в разное время в американскую печать.

9

Всю весну 1944 года войска СС распространяли на оккупированных территориях Советского Союза листовки с призывами к мальчикам и девочкам добровольно вступать в ряды помощников СС, «чтобы строить новую жизнь, создавать новую родину, которая станет частью единой, свободной и прекрасной Европы». В этих листовках говорилось: «…Вы, молодые, можете рассчитывать на лучшее, счастливое будущее. Вы можете стать в ряды тех, кто восстановит вашу родную страну на принципах свободы и справедливости. <…> Адольф Гитлер призывает вас. Покажите, что вы достойны его доверия». Число соблазненных такими призывами детей оказалось настолько мизерным, что в отчетах «теоретиков» из СС его стыдливо замалчивали. Всего же в 1945 году на принудительных работах и в качестве прислуги только в СС находилась 21 000 детей, а в Люфтваффе — 35 000.